Генерал армии
ЧЕРНЯХОВСКИЙ

В.В. Карпов

Путь русского офицера

В.В. Карпов

Генерал армии ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

В.В. КАРПОВ

ГЕНЕРАЛ АРМИИ ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78
К26

Scan By Vitaliius & Kali

Карпов, В.В.

К26 Генерал армии Черняховский / В.В. Карпов. — М. : Вече, 2014. — 384 с., ил. — (Путь русского офицера)..

ISBN 978-5-4444-1727-0

Знак информационной продукции **12+**

Книга известного военного писателя Героя Советского Союза Владимира Карпова рассказывает об одном из самых ярких и талантливых полководцев Великой Отечественной войны генерале армии И.Д. Черняховском. Герой Курской битвы и участник других крупных операций был заслуженно любим и уважаем солдатами и офицерами. Выдающаяся роль генерала в разгроме немецких войск была увековечена в названии одной из московских улиц.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-5-4444-1727-0

© Карпов В.В., наследники, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ПОСВЯЩЕНИЕ

Обычно книга начинается «Предисловием» или вступлением «От автора», но я считаю необходимым объяснить читателям, почему создана эта книга, каковы ее особенности. Проще было бы написать «Введение», ввести читателя в суть моего замысла. Но этого не было.

И я нашел в словаре Владимира Даля очень подходящее слово, смысл которого хорошо и полно объясняет мое намерение. Слово это — «посвящение». Даль приводит несколько смысловых вариантов его. Я беру в объяснение то, что соответствует моим намерениям:

«Посвящать, посвятить кому-то — подносить почетно, из признательности... Есть обычай посвящать сочинения».

Это объясняет мое величайшее уважение к Черняховскому и отражает мое желание — почтительно преподнести ему сие творение.

Вторая трактовка Даля такова:

«Посвящать кого-то в тайны, в знания... передать малоизвестное...»

Это относится уже к читателям. Я хочу вам передать, посвятить вас в трудные мои поиски и находки, касающиеся биографии и судьбы прославленного полководца. К сожалению, он погиб в пылу сражения, не только мемуаров, но даже небольших газетных статей не написал. Не до того было. Жить намеревался долго.

О Черняховском написано немало книг и статей. Изложены в них события, сражения, в которых участвовал Иван

Данилович, отдельные эпизоды, которые запомнили те, кто с ним служил или встречался. Но, на мой взгляд, при всей полезности этих трудов, при всем уважении к их авторам в этих публикациях все же нет полной, объемной, великолепной личности полководца и человека Ивана Даниловича Черняховского.

Стоят на наших книжных полках и в шкафах воспоминания маршалов: Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева, Баграмяна и многих других замечательных полководцев. И нет в этой славной галерее имени одного из блестящих и талантливейших, всеобщего любимца генерала армии Черняховского.

Нехорошо. Несправедливо. Почему я отважился взять на себя этот очень ответственный и ко многому обязывающий труд? Пишу эти строки летом 2005 года. Недавно бурно отпраздновали 60-летие Победы над Германией. Многое и многих вспоминал и я в эти дни. Как писал Пушкин:

> Минувшее проходит предо мною...
> Волнуяся, как море-окиян.

И одно из самых ярких воспоминаний — встреча с генералом армии Черняховским. Шестьдесят один год с лишним минуло с того памятного дня! А он встает передо мной, каким был тогда — крепкий, ладный, красивый, молодой, — тридцативосьмилетний генерал армии. Теперь мне за восемьдесят, я в два раза старше его по возрасту! И, хотя не дотянул до генеральского звания, но две военные академии окончил, в Генеральном штабе семь лет прослужил, из них пять лет еще при Сталине (с 1948 по 1954 г.). Затем шесть лет командовал полками в самых дальних гарнизонах: на Памире, в Каракумах. Завершил службу (5 лет!) начальником штаба 5-й гвардейской механизированной дивизии в Кушке, о которой пословица гласит: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут!» А всего получилось 25 лет календарных, то есть на пять лет дольше Черняховского, у которого служба длилась

20 лет — с августа 1924 по февраль 1945 года. Проделал этот подсчет неспроста. Им я подкрепляю в глазах читателей мои возможности и право профессионально рассуждать о делах военных, в том числе и о службе генерала Черняховского. И еще подвигли меня на это не только глубочайшее уважение к Ивану Даниловичу, но и вот такие слова маршала Баграмяна в одной из его статей:

«Прочитал повести Владимира Карпова, и первое, что захотелось воскликнуть — как быстролетно время! Кажется, совсем недавно я, будучи командующим Прибалтийским фронтом, встречал в разведывательных сводках фамилию старшего лейтенанта Карпова, и вот он, тот же самый лихой, смелый разведчик — теперь известный писатель.

Нам всем очень повезло, что Владимир Карпов остался жив, пишет для нас и для нового поколения замечательные книги. Я говорю — повезло, потому, что работа разведчика очень опасна, а Карпов много раз ходил за "языками" и на передний край, и в тыл врага...

...Владимир Карпов сражался не только на фронте, которым я командовал, он вел активные боевые действия и на соседнем, 3-м Белорусском и, как мне известно, пользовался уважением командующего тем фронтом Ивана Даниловича Черняховского».

Да, в литературе я не новичок, больше 60 лет «скриплю перышком», написал, как говорят, неплохие книги: «Генералиссимус», «Маршал Жуков», «Генерал Петров» («Полководец»), «Генерал армии Хрулев» и другие. Теперь сам Бог велит создать книгу об Иване Даниловиче Черняховском. В долгу я перед ним! Сознаю. Тем более что сам он не написал воспоминаний. На взлете прекрасной, блестящей судьбы сразил его осколок снаряда! Другие о нем написали немало: книга А. Шарипова «Черняховский», недавно вышел сборник статей и воспоминаний соратников Черняховского в годы войны «Легендарный Черняховский». Все это хорошая память. Но мне кажется, книги и статьи эти хотя написаны с добрыми намерениями, но короткие, не в масштабе личности

Черняховского, лишь об отдельных эпизодах и встречах с ним.

Не знаю, как получится у меня. Даже не могу определить жанр моей книги. Будет это повествование с моими рассуждениями о жизни замечательного, талантливого человека. Да не только полководца, но и человека — современника нашей сложной эпохи, в которой он вырос, она воспитала его, сотворила таким, каким он вошел в историю.

Многие страницы текста в моей книге будут узнаваемы (несмотря на мою редактуру). Я с благодарностью оповещаю об этом их авторов и предупреждаю тем самым въедливых критиков, которые, может быть, попытаются уличить меня в заимствовании. Еще раз заявляю: я не скрываю этого, потому что главной своей целью при написании книги считаю необходимым собрать все разрозненные публикации и рассказы, чтобы создать полную картину жизни и деятельности полководца Черняховского.

Все это попытаюсь согреть моими любовью и уважением к Ивану Даниловичу. И наряду с этим неизбывная моя печаль: как рано мы его потеряли и как много добрых дел свершил бы он еще для нашего многострадального Отечества.

И еще поторапливают меня пророческие слова Пушкина:

> Но близок день, лампада угасает.
> Еще одно последнее сказанье.

Надо поспешать: я девятый десяток разменял, уже восемьдесят четвертый годок идет...

Итак, как говорили разведчики перед выходом на задание:

— Вперед, без страха и сомнения!

БИОГРАФИЯ

Все мемуары и воспоминания крупных военачальников и государственных деятелей (или книги, написанные о них) начинаются с описания детства. Причем обычно подчеркивается бедность. А затем начинаются восхваления способностей и проявления исключительности описываемого человека. Иначе нельзя! Раз он стал маршалом, большим государственным деятелем или ученым, проявления талантливости (даже если они в детстве не обнаруживались) считается необходимым обнаружить и подчеркнуть.

Подобные начала в книгах неинтересны, они однообразны в стремлении подчеркнуть «пролетарское происхождение», что было почти обязательно для довоенных лет. Читатели обычно оставляют без внимания эти страницы, перелистывают их.

Не желая продолжать эту навязчивую литературную традицию, решил я предложить читателям для ознакомления с началом жизни Черняховского (что, конечно, необходимо) написанную им «Автобиографию», полагая, что это самый правдивый и подлинный документ.

АВТОБИОГРАФИЯ
Черняховского Ивана Даниловича

Родился в 1906 году в г. Умань Киевской области. Отец Даниил Николаевич до 1914 года работал на жел. дороге стрелочником. В 1914 году отец был взят на фронт и после контузии в конце 1915 года вернулся с фронта на ст. Вапнярка,

село Вербово Томашевского уезда Подольской губернии и поступил работать к помещику Новинскому сперва кучером, затем экономом, куда и перевез всю семью. После Октябрьской революции отец был приписан в общество села Вербово — получил надел земли и до апреля 1919 года занимался сельским хозяйством. Мать все время была домохозяйкой. В апреле месяце 1919 года отец и мать померли от сыпного тифа и похоронены в селе Вербово. После смерти родных осталось нас шесть человек семьи. В настоящее время у меня из родственников имеются: сестра Анастасия — кандидат ВКП(б), замужем за командиром артдивизиона; сестра Анисия — работает в колхозе села Вербово; сестра Елена — замужем за совработником, проживает на ст. Вапнярка Ю.З.Ж.Д.; брат Александр — воспитанник 49 кав. полка, в настоящее время работает в органах НКВД гор. Новороссийска.

Больше из родственников никого нет.

Женат с 1927 года. Жена Анастасия Григорьевна, происхождения из крестьян, до 1931 года работала на швейной фабрике, сейчас домохозяйка. Дочь Неонила, 1929 года рождения. Сын Олег, 1937 года рождения.

Родственники жены: отец до революции и после Октябрьской революции занимался сельским хозяйством. До 1914 года в местечке Макарово Киевской губернии и с 1914 года в предместье Святошино в г. Киеве. В 1918 году отец жены умер. Мать — домохозяйка на иждивении старшей сестры, работницы детдома в г. Киеве, проживает в г. Киеве. Два старших брата работают в колхозе села Макарово Киевской области. Две сестры замужем, одна за зав. вагоном-рестораном, другая — за партработником Ю.З.Ж.Д. (парторгом).

Связи со всеми родственниками своими и родственниками жены не имею. Из моих родственников и родственников жены за границей никого не было и нет. Сам за границей никогда не был. После смерти родных с мая по октябрь 1919 года я пас коров у крестьян села Вербово Томашпольского уезда Подольской губернии. С октября 1919 года по

весну 1920 года беспризорничал. В 1920 году в мае месяце поступил работать на жел. дорогу в качестве ремонтного рабочего, затем подручным слесарем, где и проработал до конца 1922 года. В конце 1922 года был переведен в 1-ю Государственную заготовительную контору, где 7 месяцев проработал проводником грузов на участке ст. Вапнярка — Одесса. В апреле месяце 1923 года переехал в город Новороссийск, где поступил работать на 1-й Государственный цементный завод «Пролетарий» и проработал на последнем до августа 1924 года — станковым бондарем, затем шофером. В августе месяце 1924 года окружкомом комсомола был командирован в Одесскую пехотную школу и зачислен курсантом. В 1925 году приказом ГУВУЗ был переведен в Киевскую артиллерийскую школу, которую закончил 1 сентября 1928 года. После окончания школы приказом назначен командиром взвода 17-го корпусного артполка в г. Винница. В 17-м кор. арт. полку был командиром взвода, начальником топографич. отряда, пом. политом батареи, командиром разведывательной учебной батареи. В 1931 году выдержал испытания и поступил в Военно-техническую академию им. Дзержинского в г. Ленинграде и в 1932 году вместе с мотомех. факультетом был переведен в Военную академию мех. мот. РККА им. т. Сталина в г. Москву. В 1936 году закончил Академию мех. мот. РККА и назначен нач. штаба 2 О.Т.Б. 8 мех. бригады и последним командовал до мая месяца 1938 года. В мае 1938 года назначен командиром 9 отд. лег. танкполка, где и работаю в настоящее время. В боях не участвовал. Ранений и контузий не имел. Образование: с 1915 года — по 1919 год учился в вышеначальной железнодорожной школе на ст. Вапнярка Ю.З.Ж.Д. С 1924 года по 1928 год учился в нормальной военной школе г. Киева. В 1936 году закончил командный факультет мотомех. академии, защитил на отлично технический дипломный проект и получил диплом инженера мотомех. войск РККА 1-й степени.

В комсомол вступил в 1922 году в селе Вербово Томашпольского уезда Подольской губернии. В партию вступил —

кандидатом в 1927 году и принят в члены партии в июле 1928 года парторганизацией Киевской артиллерийской школы. № п/б 1011604. В 1923—1924 годах был членом бюро заводского комитета комсомола. В 1924—1925 годах был секретарем бюро комсомола Одесской пехотной школы. В 1926—1927 годах был членом бюро комсомола Киевской артшколы. В 1928—1931 годах был секретарем ячейки ВКБ(б) и членом партбюро 17-го корпусного артполка г. Винницы. В 1933—1934 годах был членом президиума курсовой парторганизации командного факультета в АММ им. т. Сталина. С 1931 года по 1936 год в академии был пропагандистом. В 1937 году был членом партбюро части и членом бригадной парткомиссии в 8 мех. бригаде. В 1937 году имел партвзыскание «выговор» от бригадной парткомиссии 8 мех. бригады «за то, что при выборах в парторганы не рассказал о факте разбирательства дела в академии о неправильной записи соцпроисхождения». Выговор снят парткомиссией 8 мех. бригады 9 мая 1938 года. В других партиях не состоял. Ни в каких оппозициях, антинародных и контрреволюционных группировках не состоял. Отклонений от генеральной линии партии не имел.

В белых армиях и армиях других стран никогда не служил. Под судом и следствием не состоял.

Командир 9 отд. лег. танк. полка
майор Черняховский
13.3.39

Личную подпись командира 9-го отд. ЛТП майора т. Черняховского заверяю: нач. штаба 9-го ЛТП майор Созинов.

* * *

Считаю необходимым высказать комментарии и прояснить некоторые эпизоды из этого очень сжатого изложения. Особенно один, на мой взгляд, судьбоносный случай. Он описан в книгах, очерках и статьях об Иване Даниловиче, они расходятся в деталях, но в главном правдивы. Я пересказываю эти описания в своем изложении и редактуре, поэтому

не ставлю кавычек, так как в предлагаемом виде это не принадлежит конкретному автору. (Но для оживления текста сохраняю форму диалога.)

* * *

В марте 1919 года в село ворвались петлюровцы. Они вломились в хату Данилы Черняховского: им было известно, что он верховодил крестьянами при дележке помещичьих земель и раздал его коней односельчанам.

— А ну-ка, иди по дворам! — крикнул атаман. — Собери всех коней, что с панской конюшни увели! Да побыстрей!

— Не пойду, — отказался Данила Николаевич.

— Не пойдешь?! — взревел петлюровец. — Да я из тебя зараз покойника зроблю! Взять его, хлопцы!

Черняховскому скрутили руки и вытолкнули из хаты. За Данилой выбежала жена, Мария Людвиговна, с грудным ребенком.

— Куда вы его? — кричала она в отчаянии.

— В расход! — усмехаясь, бросил петлюровец.

Она побежала следом. Конвой остановился на краю обрыва. Мария встала рядом с мужем.

— И меня вместе с ним.

— Прощайтесь, — махнул рукой старший.

Щелкнули затворы винтовок. Онемев, смолкла Мария, прижавшись к мужу. Данила Николаевич посмотрел на ребенка, прильнувшего к матери. Как они будут жить без него? Как прокормит шестерых ребятишек? Горло сдавили спазмы, но он нашел в себе силы выговорить:

— Мария! Оставь меня ради детей. Отойди.

Их сын Ваня, только увидев, как петлюровцы повели отца и мать к обрыву, с ватагой ребятишек помчался по селу и кричал:

— Петлюровцы хотят расстрелять тату!

Черняховских в селе любили за честность и справедливость, за то, что так хорошо умели ладить с людьми. Крестьяне, вооружившись чем попало, сбежались к месту расстрела.

Начальник конвоя, попав в окружение людей с топорами и вилами в руках, принялся успокаивать их:

— Мы не тронем его, пусть только скажет, где лошади пана Новинского.

Но толпа все плотнее смыкалась вокруг петлюровцев. Атаману не оставалось ничего другого, как освободить арестованных. Данила Николаевич и Мария Людвиговна не верили, что остались живы. Отец был бледен, мать рыдала. Они как-то сразу постарели. Ваня, взяв родителей под руки, повел их домой.

— Придет время, отплатим, сынок, — дрожащим голосом сказал Данила Николаевич.

— В Красную Армию пойду, отец.

— Чуть подрастешь, иди, дитятко, — благословила мать.

* * *

Вот что подумал я по этому случаю. Судьба человека, его будущая жизнь обычно определяется еще в детстве. Образцом, примером для подражания, определения не только профессии, но и образа мышления (идеологии) сначала служат родители, потом кто-то из личностей, кто произвел потрясающее впечатление — герой книги, кинофильма или реальный человек — учитель, знакомый на работе. Детское впечатление, обычно яркое, захватывающее, надолго становится путеводной звездой. Как это ни странно, первый толчок для судьбоносного решения бывает не всегда в положительном виде.

Порой толчком в выборе пути является очень сильное потрясение, выражаясь современно — стресс. Именно так случилось у Вани Черняховского. Армия, защита родителей, людей, народа, Родины стали его «двигателем внутреннего горения».

Вот еще какое дополнение надо сделать к «Автобиографии». Черняховский написал ее, когда был командиром полка.

С полка, с этой должности, начинается служебный и профессиональный рост всех крупных военачальников. Об этом свидетельствует маршал Жуков:

«Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время».

Автору этой книги довелось командовать разными полками — горнострелковым, стрелковым, механизированным — около шести лет, в мирное время, после войны. И поэтому могу с полным основанием подтвердить, что полк — действительно сложный армейский организм, а если он еще стоит отдельным гарнизоном, то напоминает крошечное государство. Судите сами: штаб — это нечто вроде правительства; есть и своя крупная партийная организация (партия), и еще политработники — профессионалы политической работы. В полку свое сложное, хорошо организованное снабжение, я имею в виду не только централизованное, но и свое полковое хозяйство — бывают свиные и молочные фермы и даже посевные площади, в горнострелковом полку нам доводилось сеять клевер и заготавливать сено для лошадей на зиму. В полку есть представитель особого отдела КГБ и даже своя «тюрьма» — гауптвахта. Есть учреждения культуры — библиотека, клуб, много комнат для политической работы, так называемые ленинские комнаты. Имеется, в конце концов, и торговля: свои магазины, кафе, буфеты, чайные.

В мемуарах очень многих наших военачальников время службы в должности командира полка единодушно оценивается не только как самое трудное и плодотворное, но и считается еще и школой, открывающей перед строевым офи-

цером возможность дальнейшей успешной работы на более высоких должностях.

Рассказ о довоенной службе продолжу официальными документами, командиры, начальники знали Черняховского лучше, чем мы, пишущие о нем сегодня.

Вот так оценивалась работа майора Черняховского как командира полка. Обратите внимание — майор там, где должен быть по штату полковник, и с такими высокими результатами.

АТТЕСТАЦИЯ
за 1939 год

На командира 9-го отдельного легкотанкового полка БОВО майора Черняховского Ивана Даниловича.

Тов. Черняховский предан делу партии Ленина—Сталина и социалистической Родине. Общее и политическое развитие хорошее. Политически и морально устойчив. Пользуется деловым и политическим авторитетом. Хороший организатор. Умеет правильно нацелить актив и весь состав части на выполнение поставленных задач. Хорошо подготовленный, растущий командир во всех отношениях.

Волевые качества, энергия, инициатива хорошо развиты. Дисциплинирован и требователен. Кадры полка и переменный состав подготовлены хорошо. Учебно-боевая и политическая подготовка в полку хорошо организованы. Состояние материальной части, боевого и учебного парка, а также учебных классов — в хорошем состоянии.

Тов. Черняховский много, с успехом работает по улучшению боевой подготовки полка и материально-техническому улучшению.

Хозяйственный, заботливый командир. Активно участвует в партийной жизни полка. Здоров и выносли.

Вывод: Должности командира полка вполне соответствует.

Может быть назначен командиром танковой бригады.

Заслуживает присвоения военного звания — полковник.

П/п Начальник АБТВ БОВО ВРИД комиссара АБТВ
Комбриг — Мостовенко,
полковой комиссар — Грошев.

27.02.1940 г.
г. Минск.

Полк Черняховского на инспекторской проверке войск Белорусского военного округа признан одним из лучших. Майору Черняховскому досрочно присвоено звание подполковника, и он назначен заместителем командира 2-й танковой дивизии.

Через год, в ноябре 1940 года он заслужил такую аттестацию:

«Партии Ленина—Сталина и социалистической Родине предан. Идеологически выдержан. Много работает над повышением знаний основ марксизма-ленинизма. Высококультурный командир. Отлично владеет оперативными расчетами и конкретными знаниями в боевой подготовке танковых частей. Отличный стрелок из личного и танкового оружия. В совершенстве владеет методикой стрелковой и тактической подготовки. Отлично знает все марки боевых машин и отлично их водит. Постановку парковой службы и эксплуатации машин знает уверенно и правильно умеет ее организовать. Много и систематически работает над своим политическим и военным совершенствованием. Пользуется заслуженным деловым и политическим авторитетом. Волевой, требовательный к себе и подчиненным командир. Дисциплинирован. Внешне подтянут, постоянно опрятен и щеголеват. Имеет склонность к строевой командирской работе. Имеет большой опыт организационной и самостоятельной командирской работы.

Командуя 9-м отдельным учебным танковым полком, вывел полк на первое место БОВО. Энергичен, инициативен,

трудолюбив. Состояние здоровья хорошее. Физкультурник, в походной жизни вынослив.

Вывод: Должности командира полка вполне соответствует.

По знаниям и опыту работы достоин выдвижения на командира танковой дивизии.

Достоин присвоения военного звания — полковник во внеочередном порядке.

Подписи: Командир 2-й танковой дивизии генерал-майор Кривошеин.

10 ноября 1940 г.

Аттестацию читал: Черняховский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАРШИХ НАЧАЛЬНИКОВ:

Должности зам. командира танковой дивизии — соответствует.

Оставить в занимаемой должности.

Командир 3 мех. корпуса генерал-лейтенант Еременко».

В марте 1941 года подполковник (обратите внимание на звание — комдив, генеральская должность) Черняховский назначен командиром недавно сформированной 28-й танковой дивизии. В ней было более двухсот танков и около десяти тысяч бойцов и командиров.

МОЛНИЕНОСНЫЙ УДАР

Военачальники и ученые-историки много спорили (и спорят по сей день!) по поводу того, когда состоялось решение Гитлера напасть на Советский Союз и было ли оно внезапным. На мой взгляд, это не принципиальная дискуссия. То, что рано или поздно Гитлер поведет свои вооруженные силы на Россию, было предрешено еще в начале его политической биографии, о чем он написал в книге «Майн кампф». Можно было бы привести еще много высказываний, и все они в конечном счете сводятся к тому, что не только он сам

возможность расширения территории Германской империи видел в захвате советских земель, но к этому его толкали и свои внутренние реакционные силы, и международные.

Вот рассказ самого Гитлера о том, как созревало у него это решение. Он изложил его на совещании с генералами 23 ноября 1939 года:

«Цель нашей встречи в том, чтобы вы получили представление о мире моих идей, которые сейчас мною владеют, и чтобы вы узнали о моих решениях... Никто не может уклониться от борьбы, если он не хочет погибнуть. Численность населения растет, и это требует увеличения жизненного пространства. Моей целью было создать разумное соотношение между численностью населения и жизненным пространством. Для этого необходима война. Ни один народ не может уклониться от решения этой задачи, иначе он погибнет. Таковы уроки истории... Я долго сомневался, где начинать — на Западе или на Востоке. Однако я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов. Во мне всегда была внутренняя готовность к войне. Получилось так, что нам удалось сначала ударить по Востоку. Причина быстрого окончания польской войны лежит в превосходстве нашего вермахта. Это — славное явление в нашей истории. Мы понесли неожиданно малые потери в людском составе и вооружении. Теперь мы можем держать на Восточном фронте только несколько дивизий. Создалось положение, которое мы раньше считали недостижимым. Положение таково: на Западе противник сосредоточился за своими укреплениями.

Как долго мы можем выдержать такое положение? Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена многими внутренними событиями, а кроме того, у нас с ней договор. Однако договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целесообразны. Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

В 1940 году после разгрома французской армии настал тот момент, который Гитлер и его сподвижники посчитали самым удобным для осуществления своих агрессивных за-

мыслов. Фюрер не хотел терять времени. 22 июля 1940 года, в день капитуляции Франции, Гальдер получил указания от Гитлера и Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз.

Лежат передо мной пожелтевшие, постаревшие бумаги. Когда-то их содержание было строжайшей тайной. Сначала эти документы писали от руки, чтобы не посвящать машинисток. Но если даже перепечатывали, то всего в нескольких экземплярах. Каждая копия была на особом учете. Передавались эти экземпляры для ознакомления только из рук в руки или через доверенного офицера, причем пакет опечатывался специальными печатями и хитрыми приспособлениями, чтобы о его содержании не мог узнать никто, кроме адресата. Каждый, ознакомившийся с текстом, заносился в специальный список, чтобы в случае утечки сведений можно было установить, кто именно проболтался или выдал тайну. Лежат в могилах те, кто разрабатывал эти страшные планы, и те, против кого замышлялись они. Тайны уже не тайны — теперь эти документы, вернее, копии с них доступны каждому. Вот лежат они и на моем столе. Но строгие слова в самом начале текста все еще как бы предупреждают: «Совершенно секретно», «Только для командования», «Передавать только через офицера».

Вначале необходимо напомнить читателям (пожилым и особенно молодым), что такое «молниеносная война». Многие полагают, что это очень быстрое успешное наступление. Однако быстрые наступательные операции проводили и в далекие годы, например, наш славный русский полководец Суворов, французский Наполеон и другие. Но «молниеносные войны» в те времена невозможны, потому что не было необходимого вооружения для их осуществления. Считается, что теорию «молниеносной войны» — «блицкриг» — разработало гитлеровское командование. Это так и не так. Сегодня мало кто знает, что впервые теорию «блицкрига» предложил в 1934 г. французский полковник Шарль де Голль в книге «Vers l'armee de metier». Вместо бесконечных военных колонн, преодоле-

вающих лишь несколько километров в день, вместо неподвижной линии фронта, что было обычным для военной стратегии времен Первой мировой войны, когда противоборствующие армии, зарывшись, как кроты, в землю, осыпали друг друга артиллерийскими снарядами, он предложил делать основной упор на мобильные моторизованные части.

Гитлеровское командование более тщательно и детально разработало общую стратегию де Голля. Методика использования «блицкрига» состояла в следующем. Вначале «пятая колонна» проводит подготовку во вражеском тылу, собирая разведсведения и дезорганизуя действия противника. Затем следует стремительный массированный бомбовый удар, при котором военно-воздушные силы противника уничтожаются еще на земле, выводятся из строя все коммуникации и транспортные средства противника. За этим следует бомбовый удар по скоплениям войск противника. И только после этого в бой вводятся мобильные подразделения — моторизованные части пехоты, легкие танки и самоходная артиллерия. Следом за ними в бой должны вступать тяжелые танковые соединения, и лишь в конце вводятся регулярные пехотные части при поддержке полевой артиллерии. Успешно применяя подобную тактику во время войны во Франции и Польше, Гитлер решил использовать ее и при нападении на Советский Союз.

Главным командованием был разработан подробный план войны под кодовым названием «Барбаросса». Он предусматривал «нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Замысел заключался в том, «чтобы расколоть фронт главных сил русской армии, сосредоточенных в западной части России, быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки вражеских войск». При этом основные силы Советской армии предполагалось уничтожить западнее линии Днепр, Западная Двина, не допустив их отхода в

глубь страны. В дальнейшем намечалось захватить Москву, Ленинград, Донбасс и выйти на линию Астрахань, Волга, Архангельск. В плане «Барбаросса» подробно излагались задачи групп армий и армий по времени и рубежам, порядок взаимодействия между ними, задачи ВВС и ВМФ.

Приведу некоторые рассуждения по поводу осуществления этого плана.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер:

«Вся территория, на которой будут происходить операции, делится Припятскими болотами на северную и южную половины. В последней плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава—Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большого количества войск, нежели в южной. Кроме того, в группировке русских намечается значительное сосредоточение войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Днепр и Западная Двина представляют собой самый восточный рубеж, на котором русские вынуждены будут дать сражение. Если же они будут отходить дальше, то они не смогут больше защитить свои промышленные районы. Вследствие этого наш замысел должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек».

Гитлер говорил о том же:

«Важнейшая цель — не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целостность фронта...»

В соответствии с планом «Барбаросса» к 22 июня 1941 года у границ СССР были сосредоточены 190 дивизий (в том числе 19 танковых и 14 моторизованных) Германии и ее союзников. Их поддерживали 4 воздушных флота, а также финская и румынская авиации. Войска, сосредоточенные для наступления, насчитывали 5,5 млн человек, около 4300 танков, свыше 47 тыс. полевых орудий и минометов, около 5000 боевых самолетов.

Группы армий развертывались: «Север» в составе 29 дивизий (все немецкие) — в полосе от Мемеля (Клайпеды) до Голдапа. Группой армий «Север» командовал генерал-фельдмаршал фон Лееб.

Группе армий «Север» противостоял наш Северо-Западный фронт, в который входила 28-я танковая дивизия полковника Черняховского.

Далее развернулась группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока в составе 50 дивизий и 2 бригад (все немецкие) — в полосе от Голдапа до Припятских болот. Группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта в составе 57 дивизий и 13 бригад (в том числе 13 румынских дивизий, 9 румынских и 4 венгерские бригады) — в полосе от Припятских болот до Черного моря. В Финляндии и Норвегии сосредоточились немецкая армия «Норвегия» и 2 финские армии — всего 21 дивизия и 3 бригады, поддерживаемые 5-м воздушным флотом и финской авиацией. Им ставилась задача выйти к Мурманску и Ленинграду. В резерве ОКХ оставались 24 дивизии.

22 июня в 3.15 ночи вся эта армада одновременно обрушилась на нашу страну.

Где был в это день Черняховский? Полковник Черняховский командовал 28-й танковой дивизией, которая входила в состав 12-го механизированного корпуса (командир генерал-майор Шестопалов) в Прибалтийском особом военном округе, которым командовал генерал-полковник Ф.И. Кузнецов.

Утверждение некоторых историков и журналистов о том, что нападение немцев для советского командования было полной неожиданностью, не соответствует действительности.

На территории западных приграничных округов было 170 дивизий, в том числе 103 стрелковые, 40 танковых, 20 моторизованных, 7 кавалерийских и 2 бригады общей численностью личного состава 2 243 890 человек, что составляло 1-й стратегический эшелон.

Как только поступили разведсведения о возможном нападении гитлеровцев, был создан второй стратегический эшелон из 7 армий. Порядок их сосредоточения был таков:

19А (11 дивизий) к 01—10.06.41 г. в районах Черкасс, Белой Церкви;

16А (12 дивизий) — к 01—10.06.41 г. в районе Шепетовки;

20А (7 дивизий) — к 24—28.06.41 г. в районе Великих Лук;

21А (13 дивизий) — к 17.06.41 г. в районе Гомеля;

22А, 28А — убывали в районы сосредоточения 23.06.41 г.

Кроме того, в резерве ВГК было 11 дивизий.

Всего на западном театре войны было сосредоточено 240 дивизий.

К этим подготовительным мероприятиям имел прямое отношение и Черняховский. 18 июня из штаба 12-го механизированного корпуса, в состав которого входила дивизия, поступил с нарочным пакет особой важности.

Командир корпуса генерал-майор Шестопалов приказал привести дивизию в боевую готовность и в 23.00 выступить с зимних квартир в новый район сосредоточения — Груджяй, Мешкуйчяй, Буйвони, в 15—20 километрах севернее города Шяуляй. За два ночных перехода перейти из Латвии в Литву, преодолев свыше 200 километров, 28-й мотострелковый полк дивизии под командованием подполковника Спиридона Николаевича Шеразедишвили оставался в Риге, в распоряжении штаба округа.

Командир информировал: к западу от Шяуляя сосредоточится 23-я танковая дивизия полковника Орленко, к востоку — 202-я мотострелковая полковника Горбачева (они также входили в состав 12-го механизированного корпуса). Перегруппировка проводится под видом учений.

Черняховский вызвал своих заместителей, ознакомил их с полученной задачей, посоветовался, как лучше организовать марш, и продиктовал свой приказ начальнику штаба подполковнику Маркелову:

— Части дивизии приводить в боевую готовность в соответствии с планом поднятия по боевой тревоге, но саму тревогу не объявлять. Всю работу провести быстро, без шума, без паники и болтливости, имея положенные нормы носимых и возимых запасов продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов и остальных видов военно-технического обеспечения. С собой брать только необходимое для жизни и боя.

Далее он указал порядок следования частей в новый район сосредоточения.

Для контроля и оказания войскам практической помощи сам комдив выехал в головной 55-й танковый полк, которым командовал майор Сергей Федорович Онищук, замполит Шалаев — в 56-й танковый полк к майору Никифору Игнатьевичу Герко, начальник отдела политической пропаганды Третьяков — в гаубичный артиллерийский полк. К разведчикам, саперам, связистам направились командиры штаба и начальники служб. Начальник штаба подполковник Маркелов остался на месте, чтобы подготовить к ночному маршу органы управления.

Черняховский заехал на квартиру, взял свой походный чемоданчик с вещами, сказал жене:

— Уходим, Танечка, на учение.

Поцеловал 12-летнюю дочку Неонилу и 4-летнего сыночка Олега.

Совершить марш ночью, с потушенными фарами, на двести километров танковой дивизии — дело очень сложное. Полковник Черняховский руководил маршем уверенно, опыт у него был немалый, еще когда полком командовал. И вообще он был в расцвете сил, решительно не только действовал, но и высказывал свое мнение по различным военным вопросам.

Вот что вспоминает А.Л. Банквицер, прибывший в дивизию именно в день совершения марша:

«В жаркий июньский день я прибыл в 28-ю отдельную танковую дивизию. Командовал ею полковник Иван Дани-

лович Черняховский. Дивизия находилась тогда на марше, и первое мое знакомство с командиром состоялось во время заправки боевых машин на опушке какого-то леса. В то время я еще числился в распоряжении политуправления фронта и в ожидании назначения использовался как внештатный инспектор. В этой роли во главе небольшой группы политработников, подобно мне находившихся в резерве, я и прибыл в дивизию Черняховского.

Наш первый разговор с Черняховским был непродолжителен и носил сугубо официальный характер. Возможно, сказалось различие возрастов (Ивану Даниловичу шел тогда только тридцать пятый год, а мне уже минуло пятьдесят) или, может быть, проявилось отрицательное отношение Черняховского к "гастролерам", которые, как он говорил, "приедут, нашумят, ничего толком не сделают, испортят крови с цистерну и уедут, чтобы через сутки забыть о существовании и вас, и вашей дивизии, и составляющих ее живых людей..." Однако через несколько дней после моего прибытия в соединение ледок, образовавшийся было между нами, растаял, а несколько позже мы даже крепко подружились».

Вот так, не любезничал с проверяющими молодой комдив. (После гибели под Шяуляем комиссара дивизии Шалаева Банквицер был назначен на его место.)

Командир корпуса, проверяя походные порядки, выявил и указал Черняховскому замечания:

— К ночным действиям части подготовлены недостаточно — растянуты колонны, дистанции не соблюдаются, дисциплина со светомаскировкой у некоторых водителей плохая. Управление подразделениями в полках нарушается.

Замечания Черняховский переживал сам, дал почувствовать это и тем, по чьей вине произошла оплошность. Сделал внушение майору Герко, но похвалил командира 55-го танкового полка майора Онищука, у которого марш был организован лучше, чем у других.

20 июня к рассвету части 28-й танковой дивизии сосредоточились в лесах к северу от Шяуляя, в 130 километрах

от государственной границы с Восточной Пруссией. Приводили в порядок материальную часть, окапывали боевые и транспортные машины.

На следующий день Черняховский приказал приступить к плановым занятиям. В тихую теплую ночь на 22 июня Черняховский, понимая, что дивизия сюда переведена не случайно, решил по своей инициативе провести рекогносцировку маршрута возможного движения к границе по шоссе Шяуляй—Тильзит. Проработав до полуночи, он вернулся в штаб дивизии, сказал адъютанту, младшему лейтенанту Алексею Комарову:

— Посплю пару часов. Разбудить в семь.

Однако заснуть не успел, послышался грохот взрывов в стороне Шяуляя. Иван Данилович поспешил к радиостанции. Устойчивую связь со штабом корпуса установить не удалось — в эфире работало очень много немецких раций. Но все же услышал отрывочную информацию штаба корпуса:

— Противник перешел границу... Его мотоциклисты захватили Претингу. Танки противника движутся к Плунге и Таураге.

Черняховский привел все части в полную боевую готовность. Приказал выдать личному составу патроны на руки. Провести укладку боевого комплекта в машинах, получить боевое имущество и раздать личному составу. Пулеметы, пушки, винтовки и другое оружие прочистить и приготовить к бою. Довести до всех о нарушении противником государственной границы.

Сообщение газет 22 июня 1941 года:

— Решением Советского правительства преобразовать Прибалтийский особый военный округ в Северо-Западный фронт, Западный особый военный округ — в Западный фронт.

Начались приграничные сражения советских войск в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Наиболее ожесточенные бои развернулись в районах, где противник наносил свои главные удары: юго-восточнее Тильзита, восточнее Сувалок, в районе Бреста и южнее Владимир-Волынского.

В полосе Северо-Западного фронта против 20 советских дивизий противник бросил 25 дивизий групп армий «Север» и «Центр». Главная часть их, в том числе 6 танковых, наступали из района Тильзит—Инстербург на Даугавпилс (Двинск) и Ригу. Войска Северо-Западного фронта после упорных боев с войсками немецкой группы армий «Север», а также 3-й танковой группы и двух армейских корпусов 9-й армии группы армий «Центр» к исходу дня отошли от советской государственной границы на восток местами до 50 километров. Передовые части 4-й танковой группы противника выдвинулись на р. Дубисса (35 км северо-западнее Каунаса), а дивизии первого эшелона 3-й танковой группы захватили мосты у Алитуса и Меречи, переправились через р. Неман в 60 километрах южнее Каунаса.

В полосе Западного фронта против 26 советских дивизий противник бросил 40 дивизий группы армий «Центр». Главная часть их, а также все 9 танковых и моторизованных дивизий наступали со стороны Сувалкинского выступа на Вильнюс и Гродно и со стороны Бреста на Барановичи и Волковыск, охватывая и рассекая на части войска фронта.

Как выяснилось позже, против 125-й стрелковой дивизии, которая оборонялась на 40-километровом фронте, нанесла удар 4-я танковая группа немцев под командованием генерал-полковника фон Гёпнера. В первом эшелоне у нее были развернуты три танковые и две пехотные дивизии, во втором — три моторизованные дивизии.

Несмотря на столь неравное соотношение сил, советские войска смело вступили в бой и оказали противнику ожесточенное сопротивление.

Только после многочасового уличного боя, причинив врагу большой урон и потеряв значительное количество своего личного состава, 125-я дивизия вынуждена была оставить приграничный город Таураге. Немецкие танки устремились вдоль Шяуляйского шоссе на Скаудвиле, Расейняй.

В 14.00 22 июня командарм Собенников приказал нанести контрудар по противнику и восстановить утерянное положение.

12-й механизированный корпус генерала Шестопалова получил задачу во взаимодействии с 3-м механизированным корпусом и стрелковыми корпусами армий нанести удар: силами 23-й танковой дивизии на Плунге — немедленно; силами других соединений 23 июня в 4.00 с рубежа Варняй, Ужвентис (40—50 километров юго-западнее Шяуляя) на Таураге для полного уничтожения противника.

12-й механизированный корпус был разбросан на 90-километровом фронте и с утра 23 июня не смог нанести одновременный массированный удар всеми своими дивизиями.

28-я танковая дивизия Черняховского, совершив ночью 50-километровый марш, к 10 часам утра 23 июня вышла в исходный район для наступления восточнее Варняя и севернее Ужвентиса, но, оказавшись без горючего, до 15 часов бездействовала. Черняховский не находил себе места. Горючее обязан был подвести армейский автотранспорт, но он вместо потребных 16 автоцистерн доставил 16 бочек, которых хватило на заправку семи танков. А направленный в Ригу дивизионный автотранспорт, совершив в оба конца около 500 километров, возвратился лишь после полудня.

В воздухе господствовала вражеская авиация, она наносила бомбовые удары, расстреливала из пулеметов части дивизии.

В 14 часов Черняховского вызвал к себе на командный пункт командир корпуса. Генерал Шестопалов сказал:

— Двести вторая мотострелковая дивизия совместно с девятой артиллерийской противотанковой бригадой заняла оборону на южных подступах к Шяуляю с центром у Кёльме. По донесению полковника Горбачева, до батальона танков противника с мотопехотой заняли Кражяй и потеснили наши подразделения к северу. Имеются непроверенные сведения, что и в направлении Варняя, на стыке 10-го и 11-го корпусов, также прорвались фашистские танки. Вашей дивизии приказываю сначала уничтожить гитлеровцев в районе Кряжая, а после этого наносить удар на Пашиле, Калтиненай, Скаудвиле.

— А что делает теперь двадцать третья танковая? — спросил Черняховский.

— В тринадцать часов она выступила из района Плунге в направлении Лаукува, Скаудвиле. Постарайтесь сами выйти в связь с дерущимися впереди стрелковыми дивизиями и организовать с ними взаимодействие. О действиях соседнего 3-го механизированного корпуса в районе Расейняя никаких сведений нет.

Черняховский немедленно выслал в направлении Варняя и Кражая разведку и в 15 часов 23 июня приступил к выполнению боевой задачи.

На марше выяснилось, что ни в Варняе, ни в Кряжае противника нет. Дивизия продолжала движение на Калтиненай, Скаудвиле.

Предвидя встречный бой, Черняховский с группой офицеров штаба находился вместе с командиром 55-го авангардного полка.

При подходе к местечку Калтиненай головной отряд майора Попова подвергся артиллерийскому обстрелу. Населенный пункт только что заняли немцы. Оказалось, оборонявшиеся на этом рубеже подразделения 125-й стрелковой дивизии отошли в северо-восточном направлении, на Кряжай.

Оценив обстановку, Черняховский принял смелое решение — развернуть авангардный 55-й танковый полк и с ходу выбить противника из Калтиненая. Предстояло боевое крещение всей дивизии, поэтому Черняховский не официальным, приказным голосом, а растроганно, по-товарищески сказал Онищуку и Попову:

— Дорогие мои, на вас смотрит вся дивизия, покажите свои умение и силу!

— Постараемся, товарищ полковник. Не подведем! — дружно заверили командиры.

В 22.00 55-й танковый полк атаковал. Первая группа из 17 танков во главе с майором Поповым двигалась вдоль дороги на Калтиненай, обходя населенный пункт с востока.

Вторая группа в составе 23 танков под командованием майора Онищука развернулась восточнее первой.

На ближних подступах к Калтиненаю группа майора Попова попала под организованный противотанковый огонь. Стремительным броском вперед Попов расстрелял в упор и раздавил гусеницами своего танка несколько вражеских орудий и до взвода пехоты.

Бесстрашно атаковали и другие командиры машин и механики-водители. Группа Попова в этом скоротечном бою уничтожила до двух рот пехоты, около десятка орудий и отбросила врага к югу. Но силы были неравные. Фашисты занимали населенный пункт и прилегающий к нему лес, находились в укрытии и поражали огнем из засад.

Один за другим выходили из строя наши танки. Загорелся, замер на месте и танк майора Попова. Погибли механик-водитель и башенный стрелок. Борис Петрович был ранен. Напрягая последние силы, он продолжал разить врага и метким огнем уничтожил еще одно противотанковое орудие. И только когда танк был полностью объят пламенем, майор оставил свою боевую машину. Но, как только он выпрыгнул из люка, его сразила фашистская пуля.

Из всей группы майора Попова возвратились на сборный пункт только четыре танка.

Атака группы майора Онищука развивалась успешнее. Танкисты овладели дорогой Калтиненай—Расейняй, уничтожили до роты мотоциклистов и рассеяли по лесам вражескую пехоту. По выполнении задачи танки возвратились в район сбора без потерь.

Первая стычка с врагом обошлась дорого — были потеряны 13 боевых машин и свыше 20 танкистов. Иван Данилович особенно переживал гибель любимца полка и дивизии майора Попова. Он совершил настоящий подвиг. Черняховский в ту же ночь представил Попова к высшей награде. Борису Петровичу Попову 25 июля 1941 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

После первого боя под покровом ночи Черняховский отвел авангардный полк назад и сосредоточил дивизию в лесу в районе Каркленая. Требовалось установить связь со старшим начальником и соседями, пополниться горючим, боеприпасами.

В газетах за 23 июня 1941 года сообщалось (Совинформбюро еще не было создано):

«Войска Северо-Западного фронта в течение дня вели тяжелые оборонительные бои. Соединения 12-го и 3-го механизированных корпусов 8-й армии (командующий армией — генерал-майор П.П. Собенников) нанесли контрудары по врагу в районе Плунге и Расейняй. 202-я мотострелковая дивизия и 9-я армейская пушечная бригада отражали атаки танковых группировок противника на шауляйском направлении. Противнику удалось прорваться к Лиепае (Либава) и Приекули, овладеть Каунасом. Его воздушные десанты были выброшены в районах Риги, Лиепаи, Шяуляя, Вильнюса».

Черняховский решил занять круговую оборону. Дивизия опять оказалась без горючего. Во все высшие инстанции летели тревожные радиограммы: «Шлите горючее!»

Над лесом, где укрылась дивизия, висела двухфюзеляжная «рама» — немецкий разведчик. Плохой признак — жди теперь бомбардировщиков. Нервы Ивана Даниловича напряжены до предела, ждал с минуту на минуту сильной бомбежки, а горючего, чтобы избежать ее, уйти из этого района, все нет. Лишь вечером, с 19 часов стали подходить бензовозы, а в 22 часа Иван Данилович прибыл к генералу Шестопалову, чтобы лично доложить о готовности дивизии.

Командир корпуса был раздражен неудачами и неопределенностью своего положения.

23-я дивизия полковника Орленко с трудом сдерживала наступление пехоты и танков противника на Лаукуву. К исходу дня, потеряв свыше половины своих танков и израсходовав горючее, дивизия отошла к северу и сосредоточилась в лесу у местечка Варняй.

202-я мотострелковая дивизия полковника Горбачева распоряжением командарма Собенникова была переподчинена командиру 11-го стрелкового корпуса и вела оборонительные бои на подступах к Шауляю.

28-я танковая дивизия Черняховского весь день простояла без горючего. Генерал Шестопалов иронически сказал:

— Ни воевать, ни управлять мне нечем. Сдерживайте врага самостоятельно, с тем, что у вас осталось. Но биться до последнего вздоха!

Может быть, в эти трагические первые дни войны родилась формула: «Стоять насмерть!» Черняховский понимал: в этих, очень не выгодных для нас условиях надо сдерживать, изматывать и обескровливать врага.

25 июня в 5 часов утра части 28-й танковой дивизии начали вытягиваться из района сосредоточения в южном направлении. В авангард Черняховский послал получивший уже первый боевой опыт 55-й танковый полк майора Онищука. Вместе с командиром полка и сам впереди, чтобы вовремя реагировать на все неожиданности.

И этот день обещал быть знойным. При подходе к местечку Пашиле начальник разведки доложил комдиву, что с юга через Пашиле навстречу нашим войскам движется немецкая мотоколонна. Иван Данилович тут же скомандовал:

— Онищук, быстро развернись, упреди противника, атакуй его, пока он в колонне!

Быстро развернув полк, Онищук тридцатью танками атаковал колонну противника. Черняховский видел, как танковая рота лейтенанта Литвиненко с ходу уничтожила восемь автомашин с пехотой, расстреляла в упор и раздавила гусеницами два противотанковых орудия. На нее обрушился мощный шквал артиллерийского огня, один за другим выбывали из строя легкие танки. Лишившись боевых машин, танкисты продолжали сражаться в пешем строю.

Против полка Онищука немцы развернули подошедшую из глубины новую колонну из танков, мотопехоты.

Черняховский для наращивания удара ввел в бой 56-й танковый полк майора Герко. Головной танковый батальон капитана Алексеева, сметая на своем пути не успевшую развернуться пехоту, расстреливая и давя гусеницами вражеских мотоциклистов, быстро преодолел открытое поле, ворвался в примыкавший к полю лес. Там размещался немецкий штаб. Водитель сержант Кириллов прибавил скорость, со всего маху врезался в дом и развалил его.

Черняховский внимательно следил за ходом боя из своего командирского танка, командовал:

— Онищук, не зарывайся вперед. Слева от тебя вражеские танки, не подставляй им борта. Дави пехоту, по танкам я сам дам огоньку.

И тут же давал указание артиллеристам. А бой все разгорался. Уже горят танки Алексеева. Черняховский вызывает по радио командира 56-го полка:

— Герко! Помоги Алексееву!

И тут же видит: помогать надо уже не Алексееву, а самому командиру полка — его танк подбит. Прикрыв своей броней вспыхнувший танк командира полка, капитан Алексеев помог майору Герко выбраться из горящей машины и пересесть в другой танк.

А тем временем донесся до Черняховского знакомый голос:

— Ранен! Горю!

Его обошли немецкие танки, отрезали пути отхода и подожгли его танк. «Спасти! Спасти во что бы то ни стало!» — мелькнула мысль у Черняховского, и он кричит водителю:

— Вперед!

Командирский танк понесся по ржаному полю.

— Онищук, держись!

В наушниках переплетались десятки команд и распоряжений, но знакомый голос Онищука больше не появлялся. Дымились подбитые наши танки. Из леса била противотанковая артиллерия. Около танка Черняховского рвались снаряды. Недолет, перелет, вправо, влево.

— Выходи из-под огня! — приказал комдив механику-водителю. И все же опоздал!

Подбитый на окраине Пашиле танк Онищука окружили фашисты, предложили сдаться. В ответ через приоткрывшийся люк полетели гранаты, а затем из объятой пламенем машины послышался Интернационал. Советские танкисты позорному плену предпочли смерть.

Нанеся врагу большой урон и потеряв значительное количество своих танков, части дивизии отошли в лес северо-восточнее Пашиле. Здесь сосредоточились штаб дивизии, отдельный разведывательный батальон, артиллерийский полк, остатки 55-го и 56-го танковых полков — всего около 30 боевых машин — и уцелевшие экипажи подбитых и сгоревших танков.

С ночи 22 июня и до ночи 26 июня Черняховский, как видно из предыдущего хода боев, не спал. Собрав дивизию, Иван Данилович намеревался хоть на несколько часов заснуть. Но разведчики, высланные начальником штаба, доложили:

— Обтекая оголившиеся фланги дивизии, противник перекрыл все пути отхода.

Не до сна в такой ситуации, надо вырываться, пока противник не закрепил кольцо наглухо! Черняховский принял решение — прорвать сжимавшееся кольцо и выйти из окружения в северном направлении. В голову колонны комдив выделил семь наиболее боеспособных танковых экипажей 55-го танкового полка. Прикрывал выход отдельный разведывательный батальон майора К.В. Швейкина.

В 16.00 коротким ударом фронт противника был разорван, и дивизия к вечеру сосредоточилась в лесах восточнее местечка Ужвентис.

Не у всех так удачно завершился бой в этот день. Вот что происходило у соседа Черняховского во 2-й танковой дивизии (цитирую из книги П.Г. Кузнецова):

«...тяжелая катастрофа постигла 2-ю танковую дивизию, которой командовал генерал-майор Егор Николаевич

Солянкин. Вначале ее действия в направлении Скаудвиле развивались успешно. В районе Расейняя она уничтожила до 40 танков и 40 орудий 6-й немецкой танковой дивизии, а затем так же, как и 28-я танковая, оказалась без горючего. Подвижные войска противника обошли ее с флангов.

Будучи уже в окружении, расстреляв боеприпасы и израсходовав последнее горючее, генерал Солянкин приказал взорвать оставшиеся танки, чтобы они не достались врагу. Сам он, самоотверженно сражаясь, погиб на поле боя, а остатки дивизии, прорвав кольцо окружения, отошли в северном направлении вместе с частями 11-го стрелкового корпуса».

Вечером 25 июня Черняховский получил приказ на отход:

— Дивизии совершить марш по маршруту Куршенай, Груджай и к 22 часам 26 июня сосредоточиться в лесах южнее Груджая (15—20 километров севернее Шяуляя).

Выйти в свой район к указанному времени дивизии не удалось. Авиация противника была полной хозяйкой в небе. Части дивизии почти непрерывно подвергались бомбежкам, несли потери.

В ночь на 27 июня на командный пункт комдива прибыл генерал Шестопалов. Он сообщил общую обстановку на шауляйском направлении и поставил новую задачу Черняховскому:

— Наша 8-я армия с боями отходит на рубеж Западной Двины (Даугавы). 23-я танковая дивизия прикрывает отход 10-го стрелкового корпуса в направлении Риги, а 202-я мотострелковая — 11-го стрелкового корпуса восточнее Шяуляя. Вашей 28-й танковой дивизии приказываю занять оборону по южному берегу реки Муша с задачей прикрыть переправы через реку и задержать продвижение противника на Ионишкис и Пашвитинис.

К полудню 27 июня дивизия вышла к реке. Перед Черняховским встала почти невыполнимая проблема, как закрыть врагу пути к переправам и выиграть необходимое время для отходивших войск. У него остались 30 танков, четыре батареи

полевых гаубиц, около сотни спешенных танкистов, немного разведчиков, саперов, связистов. Вот и все реальные силы. А ширина оборонительной полосы, порученной дивизии, более 10 километров! Но закон войны гласит: приказы не обсуждаются, а выполняются!

Черняховский собрал боевых соратников.

— Обстановку напоминать вам нечего, вы и сами хорошо ее знаете, — сказал Иван Данилович. — Давайте подумаем, посоветуемся, как лучше выполнить предстоящую задачу.

Все командиры измучены до предела, как и остатки их частей, это особенно хорошо понимал батальонный комиссар Шалаев. Он высказал свое мнение первым:

— Большие потери в людях и наш отход породили у слабых духом уныние, — сказал он. — Как ни печально, но это факт. Мы потеряли много опытных, стойких и преданных командиров, политработников, рядовых бойцов — членов партии. Наша опора в войсках сузилась. Теперь на ответственных участках нам придется быть самим и воодушевлять людей личным примером.

Подполковник Маркелов предложил: силы дивизии не распылять, прикрыть только важные дороги к переправам, а на северном берегу реки Муша иметь в руках комдива маневренный резерв, которым сбивать противника там, где ему удастся переправиться. Предложение начальника штаба поддержали и другие участники совещания. Оно и легло в основу решения Черняховского. Вступил в силу еще один закон войны: при выработке решения можно вносить предложения, но, выслушав всех, командир говорит: «Я решил». И с этой минуты все, что он скажет, — это приказ, и он не подлежит ни обсуждению, ни изменению.

Для обороны через реку Муша была выделена специальная группа в составе двух-трех танков и одного-двух отделений спешенных танкистов с пулеметами, снятыми с выбывших из строя боевых машин.

Действия групп на самых опасных направлениях возглавили батальонный комиссар Шалаев и подполковник Марке-

лов, на второстепенных — начальник штаба разведывательного батальона старший лейтенант Иванов, два командира рот и их замполиты.

Для прикрытия правого фланга дивизии Черняховский выслал разведывательный отряд из семи танков во главе с майором Швейкиным. На северном берегу реки Муша занял боевые позиции гаубичный артполк и расположился подвижный танковый резерв под командованием майора Герко.

К вечеру 27 июня подразделения дивизии, прикрывавшие переправы, были атакованы крупными силами мотопехоты и танков противника. Одновременно немцы развернули наступление и в обход правого фланга, по северному берегу реки Муша.

Обходный маневр врагу преградил майор Швейкин со своими семью танками. Он смело атаковал гитлеровцев, уничтожил три самоходки и до взвода пехоты. Но потерял три танка. И вот подбит и загорелся четвертый танк. А вскоре вспыхнул пламенем и танк мужественного командира разведывательного батальона Константина Васильевича Швейкина. Он был тяжело ранен, но чудом выжил и после лечения в госпитале командовал полком.

Неравный напряженный бой на южном берегу реки Муша длился два часа. Удерживая переправы, танкисты Черняховского бились до последнего. Лишь одиночным танкам и их экипажам удалось к 19 часам отойти на северный берег реки и сосредоточиться на сборном пункте.

Ни батальонный комиссар Валерий Антонович Шалаев, ни подполковник Петр Иванович Маркелов и никто из других командиров танковых групп на сборный пункт не вышел.

Долго поджидал Иван Данилович своих друзей и верных помощников, но так и не дождался. Поздно вечером дошла еще одна скорбная весть — разгромлен командный пункт 12-го механизированного корпуса. В жестокой схватке с врагом погибли командир корпуса Николай Михайлович Шестопалов, его заместитель по политчасти бригадный ко-

миссар Лебедев, начальник штаба полковник Калиниченко и другие командиры штаба и политработники.

После передряг, постигших дивизию и его лично, можно сломиться не только физически, но и духовно. Однако очень крепкой закалки был полковник Черняховский, он ни на минуту не расслаблялся и в подчиненных поддерживал стойкость и уверенность — все еще наладится и мы погоним врага вспять.

27 июня утром прибыл нарочный из штаба 8-й армии с приказом:

— 28-й танковой дивизии сосредоточиться в районе станции Кегумс и перейти к обороне по северному берегу реки Западная Двина.

К исходу 28 июня дивизия вышла в указанный ей район на северном берегу Западной Двины. У Черняховского имелось 22 танка, и почти половина из них технически неисправных, пригодных лишь к использованию в качестве неподвижных огневых точек.

В дивизию возвратился 28-й мотострелковый полк подполковника Шеразедишвили. Оказалось, что и этот полк принял уже боевое крещение. Командование фронта направило его из Риги на Балтийское побережье для борьбы с вражескими десантами, а затем перебросило на помощь защитникам города и военно-морской базы Лиепая.

Пробиться к осажденному приморскому городу не удалось. Встретившись с превосходящими силами гитлеровцев, полк вынужден был ввязаться в длительный кровопролитный бой. Оторваться от врага и выйти на северный берег Западной Двины пришлось со значительными потерями.

Черняховский расположил в обороне все три полка в линию, на флангах — танковые, в центре — мотострелковый. Дивизией, как видим, 28-я танковая числилась на картах в вышестоящих штабах и получала задачи, как полагалось дивизии. В действительности она эти задачи выполняла только благодаря мужеству танкистов и их несгибаемого командира полковника Черняховского. Вот за сорок часов обороны все

попытки противника переправиться на северный берег реки на участке дивизии были отбиты.

В сводке Информбюро, отражающей боевые действия на всех фронтах, были отмечены особенно успешные бои 28-й танковой дивизии (без указания фамилии ее командира Черняховского):

«Войска Северо-Западного фронта отбивали яростные атаки противника на рубеже р. Западная Двина в районе Рига, Крустпилс, а также на подступах к Резекне и на идрицком направлении.

Противнику удалось овладеть Ригой и прорвать оборону в направлении Мадона.

202-я мотострелковая дивизия вела тяжелые бои за Крустпилс. 28-я танковая дивизия в течение дня отбила восемь попыток противника переправиться через Западную Двину у Плявинаса».

Выше я познакомил читателей с некоторыми «железными законами войны». А теперь познакомьтесь с казусами, тоже нередко случающимися на войне. По непонятным для Черняховского причинам с утра 1 июля войска 8-й армии начали отход на север. Во второй половине дня оставил свою полосу обороны и 12-й механизированный корпус, получивший задачу сосредоточиться в районе Мадоны. 28-я танковая дивизия, прикрывшись заставами, отходила тремя колоннами.

И вдруг ночью был получен новый приказ о прекращении отхода и восстановления оставленного днем положения! Распоряжением штаба корпуса Черняховскому приказывалось 2 июля к 8 часам утра возвратиться на прежний участок обороны.

За преждевременное оставление рубежа Западной Двины был снят с должности командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов. Новым командующим назначен генерал-майор П.П. Собенников, членом Военного совета — корпусной комиссар В.Н. Богаткин, начальником штаба — прибывший из Москвы генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин.

Противник не замедлил использовать промахи советского командования. С утра 2 июля главные силы 4-й танковой группы перешли с плацдармов у Даугавпилса и Крустпилса в решительное наступление. Действовавший на оголившемся стыке наших 8-й и 27-й армий и никем не сдерживаемый, 41-й механизированный корпус немцев продвинулся за день на 50 километров и к ночи овладел очень важным узлом дорог — городом Мадона.

4 июля дивизия Черняховского в составе 12-го корпуса наносила контрудар по прорвавшемуся в район Мадоны противнику, но безуспешно. 12-й механизированный корпус был выведен в резерв фронта. Через два дня Черняховский, передав в другие соединения свой мотострелковый полк, артиллерию и наличные танки, начал погрузку остальных частей дивизии на железнодорожный транспорт для отправки во фронтовой тыл на переформирование. Местом переформирования были указаны леса в 30 километрах восточнее Новгорода, куда и перевез Черняховский по железной дороге остатки своей дивизии. Штаб дивизии разместили в деревне Красные Станки. Здесь предстояло получить пополнение и танковую технику.

В первую очередь Черняховский решил разобраться с расстановкой командиров, чтобы вместе с ними осуществлять сложные и секретные организационные дела.

На должности назначал проверенных в бою, несмотря на их несоответствия по званиям. Не правая рука, а настоящий мозг дивизии — начальник штаба. По штату должность полковничья. Но Иван Данилович добился утверждения «наверху» на этот пост капитана Андрея Никитича Пашкова такими аргументами:

— Капитан Пашков был у нас начальником оперативного отделения. После гибели подполковника Маркелова Пашков исполняет его обязанности. По сути дела, он уже начальник штаба. Очень энергичный, знающий командир — окончил академию Фрунзе.

— Но все же капитан, — пытались возражать кадровики.

— Дело не в звании, фактически он уже начальник штаба, работает в этой должности со дня гибели подполковника Маркелова. И прекрасно справляется со своими обязанностями. Мне другого энша не нужно.

— Ну, хорошо. А командиром мотоциклетного батальона кого предлагаете?

Черняховский твердо сказал:

— Капитана Котова Ивана Ивановича.

— Опять по званию не проходит. Это же самостоятельная часть — отдельный мотоциклетный батальон, на него командиром положен подполковник, а вы капитана предлагаете.

— Я был с Котовым в боях, знаю его как командира исключительной храбрости.

— Ну, ладно. А на 55-й полк мы вам пришлем подполковника Дурнева Сергея Алексеевича.

Черняховский пошутил:

— Пусть будет по-вашему, лишь бы он своей фамилии не соответствовал.

— Хороший, боевой командир.

— А на 56-м полку я оставляю прежнего его командира — майора Герко, и пора бы ему присвоить звание подполковника. А где застряли мои представления на награды командирам за прошлые бои?

— Ходят по инстанциям, ждите, скоро придет результат.

И точно — через несколько дней в «Правде» в списке награжденных Указом Верховного Совета СССР обнаружили своих награжденных однополчан: орденом Красного Знамени майора Н.И. Герко, майора С.Ф. Онищука, лейтенантов В.Г. Бердникова и Н.Д. Литвиненко, младшего сержанта В.И. Карло.

И радостно, и грустно: четверо из этого списка уже погибли в боях.

В эти дни Иван Данилович разыскал семью, о которой ничего не знал с того дня, как убыл на учения 19 июня. По слухам от однополчан узнал, что их семьи из Риги эвакуи-

ровали куда-то в Горьковскую область. Послал искать своего верного адъютанта Алешу Комарова. Тот вернулся с радостной вестью:

— Нашел! Анастасия Григорьевна, Онила и Олег поселены в городке Семенов. Обуты, одеты, крыша над головой (и «обрадовал»), все остальное имущество осталось в Риге.

— Ну, слава Богу, — легко вздохнув, сказал Иван Данилович. — Спасибо, Алеша, удружил!

Дивизия постепенно набирала силы — прибывали танки, машины, люди.

Но в эти, вроде бы спокойные дни накатила на полковника Черняховского и черная туча. Придется посвятить этому целую главу.

ЕЩЕ ОДИН «МОЛНИЕНОСНЫЙ» УДАР

В середине июля Черняховский получил из штаба корпуса «Постановление ГКО Союза ССР», которое предписывалось объявить «во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях», то есть довести до всего личного состава армии. И еще надлежало с ним ознакомить всех служащих промышленных предприятий, связанных с производством продукции для фронта (а тогда все работало на армию). Приказ с грифом «Совершенно секретно» практически объявлялся по поговорке «По секрету всему свету».

Содержание постановления вызвало у Черняховского настоящий шок.

Это постановление чем дальше от военных лет, тем глубже пряталось в архивных сейфах. О нем вспоминали, говорили общими фразами, но сам текст после того, всеобщего оглашения ни разу не публиковался. И, если я не ошибаюсь, не опубликован до сих пор. Отдельные выдержки и пересказ в книгах историков и в мемуарах приводятся, но в целом найти его непросто, мне кажется, будет полезным ознакомить читателей с полным текстом этого постановления.

СОВ. СЕКРЕТНО
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР
Главнокомандующим.
Военным Советам Фронтов и Армий
Командующим Военными Округами
Командирам Корпусов и Дивизий.

НАСТОЯЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР ПРОЧЕСТЬ ВО ВСЕХ РОТАХ, БАТАРЕЯХ, ЭСКАДРОНАХ И АВИАЭСКАДРИЛЬЯХ

Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат Великое Знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей, однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед РОДИНОЙ, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником. Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии, исходя из этого Государственный Комитет Обороны, по представлению

Главнокомандующих и Командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным Фронтом Генерала армии ПАВЛОВА;

2) бывшего начальника штаба Западного Фронта Генерал-майора КЛИМОВСКИХ;

3) бывшего начальника связи Западного фронта Генерал-майора ГРИГОРЬЕВА;

4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта Генерал-майора КОРОБКОВА;

5) бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта Генерал-майора КОСОБУЦКОГО;

6) бывшего командира 60-й горностелковой дивизии Южного фронта Генерал-майора СЕЛИХОВА;

7) бывшего заместителя командира 60-й горностелковой дивизии Южного фронта Полкового Комиссара КУРОЧКИНА;

8) бывшего командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта Генерал-майора ГАЛАКТИОНОВА;

9) бывшего заместителя командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта Полкового Комиссара ЕЛИСЕЕВА.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны ПРЕДУПРЕЖДАЕТ вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Обороны ТРЕБУЕТ от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и

организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР — И. СТАЛИН
16 июля 1941 г.

Вот такой грозный документ отправляет на смерть семерых генералов и двух полковых комиссаров и «предупреждает» всех остальных, что «будет и впредь железной рукой...» и чтоб они сами «...расправлялись... с нарушителями присяги и изменниками Родины».

Черняховского, который воевал на этом направлении и знал обстановку, несколько удивляла неточность фактов о боевых действиях да и о генерале Павлове. Иван Данилович хорошо знал генерала армии Павлова; он, как командующий округом, до войны не раз отмечал его за успешные действия на учениях.

Вообще до этого суда Павлов был уважаемый, опытный генерал. Вот его биография.

В Первой мировой войне участвовал рядовым. В Красную Армию вступил добровольцем, участвовал в боях на Южном, Юго-Западном, Туркестанском фронтах. Прошел путь от взводного до помощника командира полка. В 1922 году окончил Омскую высшую кав. школу, в 1928 году — Академию им. М.В. Фрунзе и в 1931 году — академические курсы Военно-технической академии. В 1934—1936 годах командовал мехбригадой. Его бригада была отмечена, а сам Павлов был награжден орденом Ленина на тех же больших маневрах, где такую же награду и тоже в должности комбрига получил Жуков. Уборевич аттестовал Павлова на командира корпуса перед отъездом в Испанию. Три современные войны прошел Павлов до нападения Германии: Испания, Финлян-

дия, Халхин-Гол. Звание Героя Советского Союза Павлов получил на три года раньше Жукова. В Испании он был не просто «командир танковой бригады», а советник при республиканской армии по применению танковых и механизированных войск, он принимал участие в разработке крупных операций. Как военачальника его высоко ценила Долорес Ибаррури, называла в числе семи «выдающихся советских военных деятелей».

В 1937 году, после возвращения из Испании, Павлову присвоено звание комкора. Став начальником Автобронетанкового управления РККА и членом Главного Военного совета (в числе одиннадцати!), где был и Сталин, Павлов приложил много сил и знаний при создании лучшего танка Второй мировой войны — Т-34. На стратегической игре в 1941 году Павлов (наравне с Жуковым) делал один из основных докладов и был соперником Жукова по игре. Все разговоры о том, что Павлов неглубоко разбирался в искусстве вождения танковых и механизированных войск, являются клеветой. Павлов был одним из теоретиков и практиков применения этих войск в современной войне. Не было у нас более опытного военачальника в вопросах стратегии и тактики применения мехвойск. Именно поэтому и был назначен генерал армии Павлов на главное направление возможного удара германской армии — командующим Белорусским Особым военным округом в 1940 году.

Обвинения, предъявленные ему трибуналом, были надуманные: «отсутствие распорядительности», «трусость», «бездействие», «развал управления войсками», «сдача оружия противнику», «самовольное оставление боевых позиций». Зададим только один вопрос: у кого, на каких участках фронта в первую неделю войны всего этого не было (30 июня Павлов уже был отстранен)? Предъявленные ему обвинения за действия в эти дни можно было предъявить почти всем — от командира отделения до Верховного Главнокомандующего. И если они были признаны трибуналом обоснованными по отношению к Павлову, то они настолько же правомерны и в

отношении тех, кого я назвал. Все отходили, теряли оружие и т.д. Павлов, наоборот, проявил, на мой взгляд, бóльшую распорядительность и находчивость, чем некоторые другие командиры. Всем военачальникам всегда ставится в заслугу их стремление быть ближе к войскам, находиться в критические дни и часы на направлении главного удара. Почему же Павлову такие действия ставят в вину? В штабе нет связи с армиями, командующий совершенно правильно решает выехать вперед и на месте разобраться в том, что там происходит. Он мчится в пекло боя, а его обвиняют в трусости. Опять все наоборот, трусы бегут с поля боя! Потеря управления? А кто его не потерял в те дни?

Вот что, например, писал Жуков в своей книге о положении на соседнем справа Северо-Западном фронте:

«...За первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию и часть территории РСФСР, вследствие чего создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которому были еще недостаточно укреплены и слабо прикрыты войсками. За все это время Генеральный штаб не получал от штаба Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и местоположении его танковых и моторизованных соединений».

Именно эти войска, сдавшие «Литву, Латвию и часть территории РСФСР», пропустили противника, и он вышел в тылы Западного фронта. Нет, я не говорю, что правильнее было бы расстрелять командующего Северо-Западным фронтом генерала Ф. И. Кузнецова и его начальника штаба, я за то, чтобы вообще никого не расстреливать. Но этим примером хочу еще раз подчеркнуть всю нелепость обвинений, адресованных Павлову и его соратникам. Теперь все эти наветы сняты, невинно расстрелянные генералы реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Но, несмотря на это, все еще тянется за ними тень фальши и лжи, сфабрикованной обвинителями. Недавно я получил письмо из Минска от дочери генерала Павлова — Ады Дмитриевны, она просит защитить

доброе имя отца, приводит несколько примеров публикаций (в «Известиях», 9.05.1988, «Московских новостях», 17.07.1988 и других изданиях), в которых и в наши дни повторяются измышления и клевета, несмотря на полную реабилитацию Павлова еще в 1957 году. Удивительная сила порочной инерции! Вот бы о добрых делах так устойчиво помнили!

Я написал так подробно о трагедии генерала Павлова, потому что недобрая репрессивная инерция имеет самое прямое отношение к Черняховскому. Но прежде чем посвятить читателей в эту тайну из биографии Ивана Даниловича, надо сказать еще несколько слов об обстоятельствах появления «Постановления».

30 июля Сталину доложили о взятии гитлеровцами Минска. В великом гневе Верховный отстранил маршала Тимошенко с поста министра обороны и приказал начальнику Главпура генерал-полковнику Мехлису:

— Разберитесь на Западном фронте, соберите Военный совет и решите, кто, кроме Павлова, виноват в допущенных серьезных ошибках.

Эту короткую фразу Мехлис забыл сразу, как только вышел из кабинета Сталина. Мехлис был большой мастер по выявлению «врагов народа» в 37—38-е годы в армии. По его материалам трибунал отправил на тот свет и в лагеря сотни командиров. Он не стал разбираться, выяснять причины ошибок, как требовал Сталин. У него была своя четкая и определенная позиция и программа действий: Павлов виновен, надо подыскать еще и других виновников «серьезных ошибок». По прибытии в штаб Западного фронта Мехлис применил все свои способности и опыт по компрометации военачальников. Чтобы подвести под расстрел командование Западного фронта, надо было найти и сформулировать веские обвинения. И Мехлис нашел их. Он обвинил Павлова и его соратников в «трусости», «бездействии», «развале управления», «сдаче оружия противнику», «самовольном оставлении боевых позиций» и многих других деяниях, преступных в условиях войны.

Все эти формулировки были внесены в текст «Постановления Государственного Комитета Обороны Союза ССР от 16 июля 1941 года». Согласно этому Постановлению, было предано суду Военного трибунала и по его приговору расстреляно командование Западным фронтом.

Командующим этим фронтом был назначен маршал Тимошенко, а членом Военного совета — Мехлис, который продолжал чистку «виновников в поражениях» в первые дни войны.

В их число едва не угодил Черняховский.

В солидных по объему книгах о Черняховском, указанных мной выше, ни в одной не упомянут этот очень опасный эпизод. Наверное, потому, что в те годы, когда писались те книги, не допускалось говорить о репрессиях. Маршалы Мерецков и Рокоссовский, прошедшие через Лубянку и лагеря, ни словом не упоминают об этом в своих изданных мемуарах.

При изучении архивных материалов во время работы над этой книгой я обратил внимание на три характеристики на Черняховского, которые были написаны почти одновременно. В этих документах освещалась деятельность командира 28-й танковой дивизии полковника Черняховского в период с 22 июня по 12 июля 1941 года (за неудачи именно в эти дни были расстреляны генерал Павлов и его штаб). В характеристиках на Черняховского подчеркивались неумелые действия его дивизии в эти дни.

Вот две цитаты из характеристик, они написаны разными людьми в разные дни (26.6.41 и 12.7.41), но обратите внимание на одинаковые формулировки.

Первая: «Решения, вытекающие из оценки обстановки, принимает в отдельных случаях медленно, а иногда без должного анализа обстановки...

Части дивизии во время боев понесли большие потери материальной части. Часть этих потерь нужно отнести за счет слабой разведки и нечетко обдуманной организации боя. Имели место случаи невыполнения частями дивизии

своевременно боевого приказа на атаку противника из-за несвоевременной подачи горючего...»

Во второй характеристике эти же формулировки почти одинаковые.

Аттестации на командиров обычно пишутся за их работу в течение какого-то периода — год, два, при назначении или снятии с должности. Кому понадобились боевые характеристики на Черняховского за первый месяц боев?

У меня такое ощущение, что написание этих характеристик было кем-то инициировано. И кто-то «стоял над душой» пишущих и подсказывал, нажимал, корректировал формулировки.

Приведу на сей счет мои комментарии к цитате из второй характеристики, потому что она идентична с первой. Сначала, наверное, шел разговор о том, что все бои в первые дни были неудачные. Командир, от которого потребовали написать характеристику, объяснял это неопытностью, неумением еще быстро анализировать обстановку.

— Вот так и напишите.

Вот так и появляются на бумаге слова: «Решения принимает медленно, без должного анализа обстановки».

Командир сопротивляется:

— Но это было иногда, в целом Черняховский хорошо командовал дивизией.

— Ну, ладно, добавьте «в отдельных случаях». А потери были очень большие, это укажите обязательно.

И ложатся на бумагу слова: «Дивизия во время боев понесла большие потери материальной части».

И так далее...

И вот сравните цитаты из первой характеристики с выдержкой из второй:

«Решения в отдельных случаях принимает медленно и иногда без должного анализа обстановки...

Дивизия во время боев понесла большие потери материальной части, что нужно отнести за счет слабой разведки и нечетко обдуманной организации боя. Имел место случай

невыполнения (зачеркнуто, написано) несвоевременного выполнения (и не дивизией, а, написано) частями дивизии боевого приказа на атаку противника... (видимо, добавлено по настоянию командира) из-за несвоевременной подачи горючего».

Из этих формулировок, очень похожих на обвинения генералу Павлову: «утрата материальной части», «невыполнение боевого приказа», «решения без должного анализа обстановки» и т.д., вполне возможно поступить с полковником Черняховским, как и с Павловым.

Но боевые командиры видели Черняховского в бою, понимали, в каких он труднейших условиях сражался с превосходящими силами врага. Они не пошли полностью на поводу у следователей. В первой характеристике, которую писали командир 12-го мехкорпуса комдив Коровников и военный комиссар корпуса Петров, сделан вывод:

«Делу партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине предан. Получив первый боевой опыт за истекший период, полковник товарищ Черняховский в дальнейшем сумеет лучше командовать дивизией.

Опыт первого месяца войны в дивизии под руководством тов. Черняховского тщательно изучается...»

Вторую характеристику писали: командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-майор Собенников и член Военного совета корпусной комиссар Богаткин. И они сделали вывод:

«Лично полковник Черняховский в бою зарекомендовал себя стойким командиром. Дивизией командовать может, должности соответствует».

Вот такая смертельная опасность нависала над Черняховским не только на передовой, но и в тылу своих войск.

Наверное, конец этой напрасной затее положили командующий 27-й армией генерал Берзарин и член ВС бригадный комиссар Рудаков. Вот какую они написали «Боевую характеристику»:

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на командира 28 сд (тд) полковника
ЧЕРНЯХОВСКОГО Ивана Даниловича

Год рождения — 1906. Рабочий. Русский. Член ВКП(б) с 1928 года. В Красной Армии непрерывно с 1924 года. Образование общее — высшее, военное — ВАММ имени СТАЛИНА в 1936 г.

Партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА, Социалистической Родине предан. Дисциплинирован. Инициативный и волевой командир. Требователен к себе и подчиненным.

Иногда бывает грубоват. Несколько замкнут.

В тактическом отношении подготовлен хорошо. Решения принимает правильно и быстро и настойчиво проводит их в жизнь.

Много работает над улучшением быта своей дивизии. Весьма тщательно и подробно вникает во все вопросы укрепления оборонительной полосы дивизии.

Руководить боевыми действиями дивизии может.

Должности командира дивизии соответствует, целесообразно использовать командиром мотомехчасти, соединения.

КОМАНДУЮЩИЙ 27-й АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БЕРЗАРИН
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР РУДАКОВ

Не покривили душой отцы-командиры, не поддались нажиму «органов» и юридических инстанций, не побоялись заступиться за боевого товарища.

Что же все-таки произошло? Был ли наезд на Черняховского? Ответ находится в Центральном архиве Министерства обороны: фонд № 24, опись № 1, № дела по описи 10, коробка № 1, л. 244—247.

И лежит здесь вот такой документ, лично написанный Черняховским.

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ

На поставленные Вами вопросы сообщаю следующее:

1. 28 ТД 21.6.41. после совершения 135 км марша из РИГИ сосредоточилась по приказу штаба округа в р-не ГРУДЖАЯ. Таким образом 1-й день войны застал дивизию в 145 км от границы. В ночь с 21.6 на 22.6.41 производилась разведка маршрутов вдоль ШЯУЛЯЙ-ТИЛЬЗИТСКОГО шоссе, а в 14.00 22.6 дивизии приказано выступить в совершенно другом направлении на КУРШЕНАЙ. В новом р-не из корпуса поступило распоряжение, что высылается 16 цистерн горючего, но вместо чего прислано было 16 бочек, что позволило заправить полностью только 6 танков.

2. С 22-го на 23 июня 28 ТД, совершив ночью марш в направлении УЖВЕНТИС, ЖВИРАДИС, ПОПРУДИС, сосредоточилась в р-не: ЖВЕРАДИС, УЖКИРЯИ, ПОПРУДИС, БОМБАЛИС. Установить связь с 23 ТД при всех попытках не увенчались успехом, так как место ее нахождения никто не знал, в том числе штаб корпуса. Дивизии в течение часа было поставлено 3 задачи:

1. Атаковать в направлении ПАШИЛЕ, КАЛТИНЕНАЙ, СКАУДВИЛЕ.

2. Противник прорвался на КРЯЖАЙ — атаковать КРЯЖАЙ.

3. Противник прорвался в направлении ВАРНЯЙ — не допустить его через межозерное дефиле.

В 15.00 23.6 дивизия выступила с двумя танковыми полками (без мотополка, который по приказу Военсовета был оставлен в г. РИГА) выполнять задачу по разгрому КРЯЖАЙСКОЙ группы пр-ка. На марше разведка донесла, что пр-ка в м. КРЯЖАЙ нет. Дивизии пришлось делать поворот на юго-запад и действовать в направлении КАЛТИНЕНАЙ—СКАУДВИЛЕ, предварительно организовав сильную танковую разведку, так как, где пр-к, где свои войска, никто не знал. Ни одной разведсводки, ни оперсводки из штаба корпуса или штаарма не поступало.

После ночного боя в р-не КАЛТИНЕНАЙ дивизия, ведя сильную ночную разведку, вышла в 5 км вост. КАЛТИНЕНАЙ, имея в виду (по моему решению) с рассветом 24.6. атаковать пр-ка после тщательной разведки в направлении СКАУДВИЛЕ. В 1.00 24.6 лейтенант Фетисов, ком-р бронероты, привез приказ ком-ра корпуса: «Пр-к прорвался ВАИГОВО рассветом 28 ТД атаковать». М. ВАИГОВО было в 25 км в тылу дивизии на сев.-восток, и дивизии пришлось, выполняя приказ, совершить 25-километровый марш в обратном направлении, чтобы с рассветом атаковать, но высланная разведка показала, что пр-ка в ВАИГОВО нет.

В ночь с 24-го на 25 июня дивизии поставлена была задача атаковать в направлении ПАШЕЛЕ, КЕЛМЕ. Перед выступлением задача была изменена — атаковать на КРЯЖАЙ. Справа по приказу должна была действовать 23 ТД. 25.6. 28 ТД вела 8-часовой бой в р-не ПАШЕЛЕ, КАЛТИНЕНАЙ, где она была окружена, а в это время 23 ТД отошла за озера в р-н ВАРНЯЙ и приказ о наступлении получила только, как выяснилось на разборе 28.7, после того, когда 28 ТД вышла из боя. 90 СД имела приказ на отход и его начала 24.6.

Таким образом, 12 МК с первых дней войны и до выхода его в резерв фронта действовал:

а) Совершенно разрозненно по частям и без взаимодействия между дивизиями.

б) Дивизии действовали совершенно самостоятельно, причем с первых дней 28-я ТД была лишена самого необходимого для взаимодействия с танковыми полками и для обеспечения действий танков — мотострелкового полка, который самостоятельно по приказу Военного совета действовал на ЛИБАВСКОМ направлении.

в) Взаимодействия с авиацией или с наземными частями, стрелковыми дивизиями или корпусами не было никакого, и задач для дивизии или корпуса таких не ставилось, хотя это должно было лечь в основу подготовки операции мех. корпуса.

г) Отсутствие разведывательных данных и отсутствие всякой корпусной или армейской разведки, работающей на корпус, и наличие только ограниченной тактической танковой разведки в дивизиях (причем из-за отсутствия мотострелкового полка разведка была чисто танковая) приводило к тому, что дивизия получала по 3, 4 задачи в день для действия с большими маршами, поворотами и даже перевернутым фронтом, тогда как обстановкой это не вызывалось. На протяжении всего периода боев, начиная с 23.6 от м. КАЛТИНЕНАЙ и до выхода в р-н ПСКОВ, ни впереди, ни на флангах дивизии не было ни одной стрелковой части, хотя по приказу они должны были быть. Например:

1. При обороне на рубеже р. МУИЖА сев. ШЯУЛЯЙ в приказе значилось, что впереди занимает оборону 11 СК. На самом деле 11 СК оказался далеко сзади, в результате КП штаба 12 МК был совершенно открыт для пр-ка. На этом же КП погибла опергруппа штаба во главе с генерал-майором Шестопаловым.

2. При обороне на сев. берегу р. ЗАП. ДВИНА по приказу справа 28 ТД должна обороняться 48 СД, слева 202 СД. На самом деле оказалось: справа 48 СД без разрешения снялась и ушла, а слева 202 СД совершенно не была на реке, а оказалась в м. МАДОНА в 40 км от р. ЗАП. ДВИНА.

3. При наступлении на МАДОНУ по приказу значилось: справа наступает 48 СД — ее не было совершенно; слева — 181 СД, которой тоже совершенно не было.

На протяжении всего периода материальное обеспечение боя не было организовано совершенно. В первые дни боев с/с (станцией снабжения) для дивизии была г. РИГА, т.е. 200—250 км от боевого эшелона дивизии, причем путей подвоза не было, так как дорога, по которой можно было подвозить, была забита транспортом и людьми строительных батальонов, которые в первый же день войны загрузили своим паническим отходом все пути подвоза. В последующие дни с/с никто не знал, куда эвакуировать раненых, указаний, несмотря на запрос дивизии, не было, как правило, сообщались

названия тех пунктов, которые уже были заняты пр-ком или где уже все запасы уничтожены.

За весь период боев корпуса не были совершенно организованы армейские СПАМы аварийных машин, не было никаких средств эвакуации. Поэтому машины, которые эвакуированы с поля боя, оставались подорванными на СПАМах (в р-не УЖВЕНТИС осталось 27 танков, в р-не ГРУДЖАЙ – 17 танков и т.д.).

О ПРИЧИНАХ ПОТЕРИ БОЕВОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

1. Материальная часть 28 ТД по своему техническому состоянию еще до войны на 75 % была в неудовлетворительном состоянии. Все машины старые, которые прошли ПОЛЬСКИЙ поход, поход в ЛИТВУ, ЛАТВИЮ, участвовали ряд лет на маневрах и учениях. Большинство машин требовали замены рабочих колес, коробок перемен передач, фракционов, гусениц и т.д. Но из-за отсутствия запасных частей все машины так неисправными, но могущими двигаться и вышли на войну. Нагрузка же на машины была дана чрезвычайно большая, выходящая за всякие рамки технической эксплуатации. Это и является причиной того, что очень большой процент потерь по техническим неисправностям.

2. Очень большой процент потерь машин от авиации пр-ка в первые дни боев, действовавшей безнаказанно.

3. Отсутствие мотострелкового полка в дивизии, что поставило дивизию в условия действия только одними танками, без пехоты в лесисто-болотистых р-нах.

4. Отсутствие взаимодействия дивизий корпуса, все действовали в разное время и разных направлениях, отсутствие прикрытия с воздуха и воздушной разведки, слабость работы чисто танковой разведки без мотопехоты, отсутствие по обстановке соседей справа, слева, вопреки всему полная ясность пр-ка о направлении действия танковых полков дивизии (висел целый день аэростат в воздухе). В р-не ПАШИЛЕ дивизия в течение 6 часов вела бой в окружении.

5. Совершенное отсутствие средств для эвакуации машин из СПАМов.

КОМАНДИР 28-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИК ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Во время переформирования дивизии произошло важное политическое событие в жизни страны и армии. Это случилось 3 июля 1941 года. В 6 часов утра по центральному радио всем известный диктор Левитан объявил о предстоящем очень важном сообщении и затем:

— Слушайте, сейчас будет выступать товарищ Сталин.

Адъютант Алеша, услыхав это сообщение, тут же разбудил комдива. Черняховский поспешил к радиоприемнику.

Это было первое выступление Сталина после нападения Германии. Мало осталось тех, кто хорошо помнит это выступление, а те, кто помоложе, вообще, наверное, его не читали. Но в то время выступления Сталина ждал весь народ, и оно прозвучало как вдохновляющее советских людей на дело отпора врагу, на мобилизацию всех сил для одержания победы.

Надо напомнить его содержание и сегодня. Первые же слова Верховного поразили Ивана Даниловича своей необычностью, раньше Сталин в своих выступлениях никогда так тепло и сердечно не обращался к народу.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Дальше Сталин говорил о самом больном, что беспокоило Черняховского и вообще весь советский народ:

«Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов?

Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?»

У Ивана Даниловича, как и у других, наверное, дыхание остановилось и только сердце гулко стучало в ожидании — вот сейчас наконец все прояснится, и прекратится неразбериха в руководстве и действиях войск.

И Сталин объяснил:

«Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита русскими войсками...»

Дальше Верховный проводит исторический экскурс о прошлых войнах и приходит к выводу:

«То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных — для советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт...»

Сталин не скрывал и некоторых наших дипломатических промахов, объяснил подробно, кому и почему был выгоден пакт о ненападении.

В своем выступлении Сталин впервые назвал эту войну Великой Отечественной и уверенно заявил, что победа будет за нами!

Не могу привести размышления, охватившие Черняховского после этой речи, не оставил он письменных следов, но хорошо известно, что он вместе с политработниками и коммунистами приложил много сил, чтобы довести выступление вождя до сердца каждого солдата и командира.

Сегодня много пишут и болтают напраслины по адресу политработы, но в то время это была великая объединяющая сила в укреплении морального духа армии.

Вспоминая себя и свои мысли в те дни, не ручаюсь и не утверждаю, что они идентичны с раздумьями Ивана Даниловича, но наряду с огромным подъемом боевого духа были и некоторые другие сомнения, их не высказывали вслух, но они были, и этого не надо скрывать.

Например, слова Сталина о том, что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты». У тех, кто находился на передовой, такого ощущения не было, пятились в глубь страны, а в небе свирепствовали только немецкие самолеты.

Или вот такой аргумент по этому поводу. Не случайно именно 3 июля 1941 года начальник немецкого Генштаба Гальдер записал в своем дневнике:

«В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... восточнее мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена».

А Гитлер на очередном совещании 4 июля многозначительно заявил:

«Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить».

И разговоры о том, кто виноват и почему нападение произошло внезапно, продолжались не только тогда, но и спустя много лет после войны, да и сегодня о внезапности толкуют по-разному.

Черняховский в военном отношении был человек очень высоко образованный, он, несомненно, думал об этом и находил свои объяснения.

Я могу предположить ход его мыслей, приглашаю и читателей познакомиться с суждениями на эту тему. Очень хорошо помню пословицу: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны!» Но все же...

Что такое внезапность, Черняховский очень хорошо познал на своем горьком опыте. На мой взгляд (и не только на мой), внезапность — это не только временная категория, это тактический и стратегический прием ведения боевых действий.

Для нас внезапным был не только неожиданный удар гитлеровцев, но, главным образом, сосредоточение на узких участках большого количества танков, артиллерии, пехоты, поддержанных авиацией. Такой таран никто не мог сдержать. И это было очень неожиданно. А то, что немцы этот прием умело применили, так, если рассуждать честно, по-военному, надо им это засчитать в заслугу. Ибо внезапность — категория военного искусства, и, стало быть, они оказались более искусными, чем наши, в первую очередь старшие начальники и командиры.

Вот что утверждает по этому поводу наша военная наука:

«Внезапность. Один из принципов военного искусства; неожиданные для противника действия, позволяющие застать его

врасплох и способствующие достижению успеха в бою, операции, а иногда и в войне в целом. Внезапность позволяет нанести противнику решительное поражение, парализовать его волю, дезорганизовать управление, а также компенсировать недостаток своих сил... выбором неожиданного для противника района сосредоточения основных усилий на направлении главного удара» (Военная энциклопедия. 1994. Т. 2. С. 110).

Примеры таких внезапных и молниеносных действий гитлеровцы показали при сокрушении Франции и Польши. Весь мир и наши полководцы это видели. Но в том-то и беда, что не учили армию противостоять такой тактике путем подрезания, отсекания клиньев под их основание. А сил для этого у нас было достаточно.

Сегодня все валят на Сталина, он проморгал, его Гитлер обманул и т.д. Это безграмотная, дилетантская болтовня. Виноваты военачальники высшего и даже окружного звена — именно они должны были разработать соответствующую тактику и подсказать ее Верховному. Но увы! Жуков по этому поводу высказался очень откровенно:

«Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы».

И еще Георгий Константинович сетовал:

«Надо будет наконец посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо

оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий Генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях».

Жаль только, что эти очень правильные суждения пришли в голову бывшему начальнику Генерального штаба генералу армии Жукову слишком поздно, он высказал это даже после издания своих объемных воспоминаний.

Однако вернемся в леса под Новгородом, где Черняховский формирует новую дивизию. Обстановка в тылу была не такая уж спокойная — не до отдыха!

Вот эпизод из воспоминаний комиссара дивизии Банквицера:

«Я безмятежно спал, когда налетела германская авиация... Что-то с чудовищной силой подняло меня вверх и швырнуло на пол. Оконная рама завалилась в комнату, со звоном посыпались стекла. Растирая ушибы, я поднялся и оглянулся вокруг. Неуклюжий комод стоял дном кверху. По стенам змеились глубокие трещины, штукатурка на потолке обвалилась.

Поспешно одевшись, я вышел на улицу.

Вражеские самолеты сбрасывали бомбы. Дуб, в тени могучих ветвей которого еще вчера укрывалось наше жилище, был срезан, словно ножом. На дороге лежал труп сторожа сельпо.

С трудом преодолевая груды досок, бревен и щебня, я добрался до развалин дома, где жил дивизионный прокурор. Оказалось, он погиб. Здесь собрались перепуганные дети, причитающие бабы.

Раненая женщина вырывалась из рук перевязывавшей ее Нади Павловой — нашего штабного фельдшера. Женщина срывала с себя повязки и хватала трупики детей, раздавленных обвалившейся крышей. Их было четверо. Женщина бросалась от ребенка к ребенку. С лица ее, с рук стекала на трупы детей кровь. Казалось, собственной кровью она хотела воскресить тех, кто был ей дороже жизни...

В частях дивизии потерь не было. Черняховский не позволял командирам полков размещаться в населенных пунктах, и наши части были укрыты в лесу».

Постановлением ГКО от 10 июля 1941 года (в те дни, когда дивизия Черняховского была на переформировании) с целью координации действий фронтов и флотов на Северо-Западном театре военных действий образовано Главное командование Северо-Западного направления (Главком — маршал К.Е. Ворошилов, член Военного совета — А.А. Жданов). В него вошли войска Северного и Северо-Западного фронтов, а также силы Северного и Балтийского флотов.

На Западном направлении продолжал расправы начальник Политического управления РККА Лев Мехлис.

Вот короткая выдержка из биографического энциклопедического словаря К.А. Залесского, изданного в 2000 году в Москве (опускаю всю его биографию, привожу только то, что относится к нашей теме):

«Начальник Политического управления РККА. Развернул невиданную кампанию репрессий и дискредитации высшего командного и политического состава. В результате его действий были практически уничтожены высшее и среднее звенья РККА, причем он не только "содействовал" органам государственной безопасности, но и сам проявлял инициативу, требуя новых и новых арестов "заговорщиков", а в отношении низшего звена принимал решения своей властью.

Лично в 1938 году прибыл на Дальний Восток и приказал арестовать большинство командиров Дальневосточной армии. По воспоминаниям Н.С. Хрущева, "это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший", прежде всего это относилось к его мании видеть везде врагов и вредителей. Он "часто выходил за рамки своих функций..."»

Я подробно останавливаюсь на деятельности этой одиозной личности и приведу еще только те события, которые происходили если не на глазах, то на слуху Черняховского, это точно!

Пожалуй, никто, кроме Мехлиса, не решался без суда расстрелять перед строем генерала. А начальник Главного политуправления, не колеблясь, пошел на это. Вот текст приказа войскам фронта № 057 от 12 сентября 1941 года, составленного лично Мехлисом: «...за проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за не принятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии».

Документ был оформлен «задним числом» для придания законного основания личному произволу начальника ГлавПУ РККА. Вот что рассказал автору полковник в отставке В.П. Савельев, бывший свидетелем расстрела генерала Гончарова:

— По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: «Где пушки?» Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. «Где, я вас спрашиваю?» — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: «В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...». Для исполнения «приговора» он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах

преодолеть душевное волнение, отказался. Мехлис вызвал отделение солдат... Генерала расстреляли.

Расправившись с генералом Гончаровым, начальник ГлавПУ дал указание осудить к расстрелу и командующего 34-й армией генерала Качанова, что военный трибунал и исполнил 26 сентября в присутствии Мехлиса. По свидетельству очевидца, полковника в отставке М.И. Стрыгина, Качанова расстреляли по тому же сценарию, что и Гончарова.

Позднее генералы Качанов и Гончаров были реабилитированы.

Нетрудно представить, как горько было на душе Ивана Даниловича знать все это после тяжелейших боев, в которых он чудом выжил, и теперь самому оказаться под занесенной секирой «правосудия». О чем он только не передумал, когда писал объяснение по требованию корпусного прокурора... Не секрет, что некоторые слабовольные люди, иногда в немалых чинах, к примеру, Власов и другие генералы и полковники из его окружения, под страхом попасть в число репрессированных перешли на сторону врага.

Вспоминать об этом неприятно. Но я посвящаю в это читателей для того, чтобы еще раз подчеркнуть прочность характера Черняховского, его беспредельную любовь и преданность Родине. Он не сломался, не озлобился, не смалодушничал под грузом нелепых обвинений властных структур. Он из плеяды несгибаемых, какими были Рокоссовский, Мерецков, Горбатов и многие другие, прошедшие репрессивную мясорубку в армии.

БОИ ЗА НОВГОРОД

Однако вернемся в штаб Черняховского и к тому, что происходило на фронте.

30 июля 1941 года Гитлер подписал Директиву № 34. В числе других фронтов говорится и о направлении, где находилась дивизия Черняховского:

«На северном участке Восточного фронта продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и установить связь с финской армией.

Это наступление должно быть ограничено к северу до озера Ильмень волховским участком, а к югу от этого озера — продолжаться так глубоко на северо-восток, как потребуется для прикрытия правого фланга войск, наступающих к северу от озера Ильмень. Предварительно следует восстановить положение в районе Великих Лук. Все силы, которые не привлекались для наступления южнее озера Ильмень, должны быть переданы в состав войск, наступающих на северном фланге...

Группа армий "Центр" (наступающая на Москву. — *В.К.*) переходит к обороне, используя наиболее удобные для этого участки местности...

...Авиация переносит главное направление воздушного наступления на Северо-Восточный фронт...

Подкрепления доставить настолько быстро, чтобы они могли поддержать наступление группы армий "Север" на направлении главного удара...»

Из этого видно, что войска Северо-Западного фронта, понесшие большие потери в приграничном сражении, не получив подкрепления, должны будут отражать более мощные силы противника, потому что Гитлер сюда перенес главный удар на Северо-Восточном фронте. С тяжелыми боями в первые недели августа я читателей уже познакомил. Дивизия Черняховского, истощив почти все свои силы, была выведена на переформирование.

Немецкое командование было недовольно медленным продвижением группы армий «Север». 12 августа Гитлер подписал «Дополнение к директиве ОКВ № 34», процитированной выше.

Для того чтобы читателям была понятна общая обстановка на советско-германском фронте, конспективно излагаю задачи группам войск, поставленные этим дополнением:

«Группа армий "Юг" добилась полного превосходства над противником и обеспечила свободу маневрирования для проведения дальнейших операций по ту сторону Днепра...

Ее задача состоит в следующем:

а) не допустить планомерного создания противником фронта обороны за Днепром, для чего необходимо уничтожить наиболее крупные части противника, находящиеся западнее Днепра, и по возможности быстрее захватить плацдармы на восточном берегу этой реки;

б) овладеть Крымом, который, будучи авиабазой противника, представляет особенно большую угрозу румынским нефтяным районам;

в) захватить Донецкий бассейн и промышленные районы Харькова.

Наступление на город Киев приостановить. Он должен быть уничтожен зажигательными бомбами и артиллерийским огнем...»

Вот что дополнено о направлении, где сдерживала врага и дивизия Черняховского:

«На севере центрального участка фронта как только возможно быстро разгромить противника западнее города Торопец, введя для этого в сражение подвижные соединения. Левый фланг группы армий "Центр" выдвинуть на север так далеко, чтобы группа армий "Север" могла не беспокоиться за свой правый фланг и получила возможность усилить пехотными дивизиями группировку своих войск, наступающих на Ленинград.

Независимо от этого уже теперь следует предпринять меры к тому, чтобы передать группе армий "Север" в качестве резерва ту или иную дивизию (например, 102-ю пехотную дивизию).

Лишь после полной ликвидации угрожающего положения на флангах и пополнения танковых групп будут созданы условия для наступления на широком фронте глубоко эшелонированными фланговыми группировками против крупных сил противника, сосредоточенных для обороны Москвы.

Цель данного наступления состоит в том, чтобы еще до прихода зимы овладеть всем комплексом государственных экономических и коммуникационных центров противника в районе Москвы и тем самым нарушить работу аппарата государственного управления и лишить его возможности восстановить разгромленные вооруженные силы.

До начала наступления на московском направлении следует завершить операции против Ленинграда...»

Однако, совершив перегруппировку, немцы ударили на старорусском направлении, овладели Старой Руссой, а 12 августа была прорвана наша оборона в районе Шимска и нависла угроза над Новгородом.

Начальником обороны города Новгорода был назначен командир 12-го мехкорпуса генерал И.Т. Коровников, который вступил в командование этим корпусом после гибели генерала Шестопалова.

Для прочной обороны Новгорода у генерала Коровникова сил было явно недостаточно: только одна спешно переформированная 28-я танковая дивизия Черняховского, 202-я мотодивизия еще при контрударе под Сольцами была передана 11-й армии. 23-я танковая дивизия понесла такие тяжелые потери, что стоял вопрос о ее расформировании.

Командир корпуса 13 августа отдал Черняховскому такой приказ:

«Командиру 28 тд с наступлением темноты организовать переброску дивизии автотранспортом до восточной окраины Новгорода и к рассвету 14.8 занять оборону: первый рубеж — Григорово, Новая Мельница, Ляпино, Слобода Псковская, Аркажа, Юрьево; второй рубеж — по обводному каналу, идущему через западную окраину Новгорода».

Черняховский принял решение, и первым выступил по тревоге разведывательный батальон капитана Котова. До восточной окраины Новгорода он проследовал автотранспортом, а затем в пешем строю пересек город и к половине второго ночи на 14 августа занял второй рубеж обороны по обводному каналу.

55-й танковый полк под командованием полковника Владимира Федоровича Минаева, служившего до этого заместителем командира 23-й танковой дивизии, выдвигался на первый оборонительный рубеж и к половине пятого утра должен был занять правый боевой участок — от Григорово до Слободы Псковской.

56-му танковому полку майора Герко было приказано занять оборону левого боевого участка — от Слободы Псковской до западного берега р. Волхов у Юрьева.

Протяженность первого оборонительного рубежа — 10 километров, а удаленность его от города — 3—4 километра.

Свой командный пункт Черняховский выбрал на западной окраине города, запасной — в Новгородском кремле.

Командир корпуса уточнил свой приказ, для лучшего управления обороной он разбил ее на три сектора, начальниками секторов назначил командиров полков дивизии Черняховского.

Иван Данилович, как обычно, отправился на передний край, в полки, проверять, как поняли задачу, и, самое главное, поговорить с людьми. Он понимал, без танков и артиллерии оборона «по-пехотному» будет весьма тяжелой, все будет зависеть от стойкости людей.

Генерал Кузнецов в своей книге уловил эту «пехотную» особенность предстоящих боев и приводит такой эпизод:

«В прежних боях комдив появлялся среди своих танкистов в танке, в примелькавшемся всем темно-синем комбинезоне, а теперь пришел к ним пешком, в накинутой на плечи армейской плащ-палатке. Своим видом и поведением Черняховский подчеркивал, что все они теперь бойцы пехоты.

— Ну как, "царица полей", знаете, за что драться будем? — остановившись у окопа, спрашивал Иван Данилович.

— Знаем, товарищ полковник. За древний русский город Новгород.

— Правильно. Не подведете?

— А разве мы когда подводили? — в тон комдиву отвечали бойцы.

— Тогда порядок. Защищать город будем до последней возможности.

Черняховский тряс солдатам руки и под веселое оживление шел к следующему окопу. Он верил: ни трусов, ни паникеров в дивизии не будет, каждый выполнит свой долг до конца».

В подготовке к обороне Новгорода еще раз проявился командирский талант Ивана Даниловича. Он предвидел, что времени у него очень мало, и поэтому без детальной разработки марша из района сосредоточения поднимал части по тревоге и отправлял на полученный в приказе рубеж обороны. Он приказал частям не брать обременительных тыловых и хозяйственных средств — только боеприпасы и кухни. И скорее, скорее вперед!

И вот предвидение комдива полностью оправдалось — в первой половине дня он успел побывать в двух полках, а во второй половине на не окрепшую еще в земляных работах оборону обрушился артиллерийско-минометный шквал.

Отвечать на этот обстрел нечем — в дивизии Черняховского не было артиллерии! Командир корпуса подчинил артиллерию 128-й стрелковой дивизии. Связаться с ней, переместить, поставить задачи требовало времени. А противник атаковал большими свежими силами и к вечеру овладел Новой Мельницей.

Начальник обороны города уточнял задачу и подчеркивал ответственность, несмотря на трудности:

«28-й танковой дивизии, усиленной артиллерией, продолжать упорную оборону рубежа Григорово, Новая Мельница, Аркажа. Одновременно занять силами до батальона крепостные стены кремля и подготовить к обороне здания западной половины города. Речь идет об упорной обороне, до последнего предела».

Требования командира корпуса Черняховский выполнил полностью. Для обороны кремля выделил наиболее устойчивую часть — разведывательный батальон капитана Котова. Начальником обороны кремля назначили капитана Пашкова, военкомом — старшего политрука Данченко. Создал гарни-

зоны намеченных к обороне домов (от двух-трех человек до отделения). Ознакомил людей со своими объектами, планом и характером действий в случае проникновения противника в город. Приспособил к обороне стены кремля, установил на них необходимое количество бойцов с ручными пулеметами, гранатами, бутылками с горючей смесью.

Утром к артиллерийскому обстрелу прибавились бомбардировщики. Иван Данилович со своего НП на одном из городских домов видит большую часть обороны, всю в дыму и разрывах. Как же тяжело там его дорогим солдатам и командирам!

Хочу напомнить давнюю традицию русских командиров — быть там, где труднее всего подчиненным. Но на этот раз я имею в виду не Черняховского — к нему на НП прибыл начальник штаба фронта генерал-лейтенант Ватутин.

— Жарко? — спросил участливо.

— Аж пар из голенища! — пошутил Черняховский, забыв в горячке боя о субординации, а когда хватился, попытался доложить: — Товарищ генерал, 28-я танковая...

— Ладно, Иван Данилович, вижу — сейчас не до этого. Сразу хочу вас обрадовать, прибыл не с пустыми руками. Пригнал два тяжелых КВ.

— Спасибо, товарищ генерал, теперь у меня будет небольшой резерв — ваши два КВ и еще из ремонта вытащил пять БТ.

Ватутин стал серьезным и сказал:

— Командование вам помогает не только добрым словом, мы нанесли контрудар из района юго-восточнее Старой Руссы в северо-западном направлении. К вечеру 14 августа контратакующие войска 34-й и 11-й армий продвинулись до 60 километров, глубоко охватили правый фланг старорусской группировки противника и создали реальную угрозу его войскам, вышедшим в район Новгорода.

Как человек, понимающий, в каком тяжелом положении находится дивизия, добавил уже не строго, а тепло, по-товарищески:

— Надо продержаться здесь дня два-три, кроме вас — некому!

Черняховский очень обрадовался, что положение не безвыходное, соседи успешно наступают, да и доброжелательный тон Ватутина вселял надежду, и, как человек искренний и горячий, он воскликнул:

— Новгород не отдадим немцам, будем стоять до последнего вздоха!

— Вот и славно! — одобрил Ватутин. — Ну, желаю вам всего доброго! Помчусь двигать вам помощь на севере.

А на передовой тем временем бой все разгорался и усложнялся. Гитлеровцы несли большие потери, но подводили новые резервы и продолжали наращивать свой удар. Вместо двух отмеченных ранее, обессилевших полков немцы подтянули теперь до двух дивизий, их поддерживали танки и авиация. Силы дивизии Черняховского, и до этого несоизмеримо меньшие, все убывали. Поддерживать их было некому.

Вечером после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немцы предприняли тринадцатую по счету атаку. Наступали самые тяжелые минуты. Не было больше мин, кончились снаряды. На отдельных участках фашисты ворвались на позиции дивизии.

И тогда Черняховский повел в бой свой танковый резерв. Танки врезались в самую гущу вражеской пехоты, расстреливая ее в упор и давя гусеницами. Не ожидая команды, воины выскакивали из окопов и, бросившись в контратаку, уничтожали врага ручными гранатами и в рукопашной.

После этой контратаки от дивизии осталась одна треть личного состава. Черняховский доложил об этом командиру корпуса и попросил разрешения отвести уцелевших в город.

— Так мы выполним приказ — город не сдадим. А если остатки дивизии сомнут на этом рубеже, немцы войдут в Новгород беспрепятственно.

Генерал Коровников разрешил перенести оборону в город. Черняховский перенес командный пункт в Новгородский кремль, в Софийский собор. Вражеская авиация группами

по 15—20 самолетов продолжала бомбить городской вал, куда отошли остатки полков.

Атаки гитлеровской пехоты не прекращались. Противник подавлял не только огнем, но и своей численностью. Он ворвался на улицы, бой идет уже неподалеку от кремля. В контратаку идут командиры штаба, политработники, связисты — все, кто находился на командном пункте комдива. Начальник обороны города Коровников ввел в бой свой резерв — спешенных танкистов 23-й танковой дивизии. Но их было мало, они едва составляли стрелковый батальон.

А противник лез и лез напролом, не считаясь с потерями. Он вышел на западный берег Волхова, угрожая отрезать защитникам пути отхода в восточную часть города. Генерал Коровников разрешил 28-ю танковую дивизию отвести к кремлевским стенам и на восточный берег Волхова.

В 4 часа утра 16 августа в Новгородском кремле полковник Черняховский и полковой комиссар Банквицер подписали боевой приказ № 14: «Командирам 55-го и 56-го танковых полков задача занять жесткую оборону по восточному берегу р. Волхов вправо и влево от железнодорожного моста. Разведывательному батальону дивизии во главе с капитаном Котовым и старшим политруком Андреевым оборонять кремль. За малейшую попытку к уходу с участка обороны без разрешения — виновные будут расстреляны на месте».

Остатки танковых полков заняли для обороны восточную часть города. Передний край проходил непосредственно по берегу реки.

16 августа немцы штурмовали Новгородский кремль и попытались с ходу форсировать р. Волхов. Из каменных домов танкисты поливали фашистов пулеметным и автоматным огнем. Ни 16, ни 17 августа форсировать Волхов крупными силами на участке 28-й танковой дивизии гитлеровцы не смогли.

И все же дальнейшая борьба оказалась слишком неравной. Противник превосходил в пехоте, его поддерживали танки, артиллерия, авиация. Оборона 28-й танковой диви-

зии была разорвана на части, погибли многие командиры и политработники, потеряны средства связи, нарушилось управление.

О вынужденном отходе Черняховский утром 19 августа донес так:

«После жестокого боя противник силою до пехотного полка с ротой танков при поддержке до трех дивизионов артиллерии и 35 бомбардировщиков ворвался на северо-восточную окраину Новгорода. Развернулись уличные бои, которые продолжались с 20.00 18.8 до 2.00 19.8. В уличных боях и атаках участвовали все до единого человека, в том числе и управление дивизии.

В результате боев части дивизии, нанося большие потери противнику, отдельными группами вышли на юго-восточное направление и, преодолев переправу трех рек в районе Кирилловского монастыря, сосредоточились в лесу восточнее Кирилловского Сельца (3—4 км восточнее Новгорода)».

После этих строк мне хочется сделать остановку и задать вопрос любителям разглагольствовать в газетах и особенно по телевидению о том, что наша армия «завалила гитлеровцев своими трупами». Ну-ка прикиньте, господа, сколько гитлеровцев истребила только дивизия Черняховского на этом направлении. Да, и от дивизии мало осталось. Но признайте, если вы способны судить объективно, кто кого «завалил трупами» в боях на подступах к Новгороду? У Черняховского только название «танковая дивизия» и ни одного танка, а в пешем строю несколько сот человек. У немцев, кроме уже избитых черняховцами двух полков, еще две свежие дивизии, по 14—16 тыс. в каждой. И те остановлены!

В середине августа произошло то, о чем говорил и обещал генерал Ватутин. Вот отрывок из сводки Информбюро за 14 августа:

«34-я армия совместно с частью сил 11-й армии Северо-Западного фронта при активной поддержке авиации, нанеся внезапный контрудар из района юго-восточнее Старой Руссы в северо-западном направлении, продвинулись поч-

ти на 60 км, глубоко охватили правый фланг старорусской группировки врага и создали угрозу удара в тыл другой его группировки, вышедшей в район Новгорода».

Успех войск Северо-Западного фронта вынудил гитлеровское командование спешно перебросить из-под Новгорода и Луги в район Старой Руссы моторизованные войска и переключить для действий в этом районе основные усилия 8-го авиационного корпуса. Из района Смоленска под Старую Руссу был подтянут 39-й моторизованный корпус. Напор немцев на Новгород временно ослаб.

В ночь на 27 августа войска оперативной группы перешли к обороне. В первой линии И.Т. Коровников расположил 305-ю стрелковую и 3-ю танковую дивизии, а 28-я танковая была выведена во второй эшелон. Отдельный разведывательный батальон капитана Котова перешел в резерв командующего группой. Штаб дивизии переместился в деревню Кунино.

Здесь во время короткой передышки Иван Данилович написал второе письмо своей семье:

«Дорогие Тасенок, Нилуся, Алюся! Только что закончился бой, получил сразу два ваших письма, зажег свечку и решил, сидя на планшетке, ответить.

Тасик! Если бы ты увидела меня сейчас, не узнала бы — похудел на 17 килограммов. Ни один пояс не подходит, все велики, даже браслет от часов сползает с руки. Мечтаю побриться и за 14 дней помыться. Борода 60-летнего деда, уже даже свыкся с ней. Но все это не мешает мне командовать с такой же страстью, как всегда. Единственная мысль — как можно лучше и крепче бить гадов, мародеров, убийц, ворвавшихся на нашу советскую землю...»

Во втором эшелоне отдыха не было. Перед командиром дивизии снова встали организационные вопросы — привести в порядок понесшие потери части, укрепить боевой дух воинов. Черняховский занят целыми сутками. А тут некстати заливали дожди. Иван Данилович простудился — воспаление легких приковало его к постели. Почти на три недели прекратилась его кипучая деятельность.

Черняховский не хотел убывать из дивизии в госпиталь. Немецкая авиация бомбила наши войска, штабы, коммуникации. Попала под бомбежку и деревня Кунино, где располагался штаб 28-й танковой дивизии. Пришлось перебраться в ближайший лес.

Вечерами навестить больного комдива приходили комиссар Банквицер, новый начальник штаба майор Ахад Хантемиров, начальник политотдела Иван Нестерович Третьяков. Они рассказывали о том, что делается в войсках.

9 сентября 1941 года Черняховский написал семье свое третье письмо:

«Сегодня поднялся, могу сам ходить и решил черкнуть. Заболел воспалением легких. Сначала лечился в блиндаже, а затем перешел в домик. Главный врач у меня Комаров, он обеспечил все. Плохая вещь — воспаление легких, отвратительная. Температура 40,2 градуса, и протекает довольно мучительно. А самое неприятное то, что дивизия дерется, а я не могу сейчас руководить по-настоящему моими славными боевыми орлами. Проклятые фашисты всю жизнь будут помнить, на что способны советские танкисты. Думаю, через 4—5 дней буду опять впереди, смело вести в бой своих боевых друзей, хотя я и сейчас недалеко от них, но все это не то. Ну, хватит. Немного написал и очень устал. Стал совсем щуплым юношей, на лице скулы показались...»

Надежда на быстрое выздоровление не оправдалась. Болезнь осложнилась, пришлось Черняховского эвакуировать во фронтовой госпиталь.

ПЕРИОД БИТВЫ ЗА МОСКВУ

Находясь в госпитале, Иван Данилович, несмотря на высокую температуру и плохое самочувствие, следил по газетам за обстановкой на фронтах. Дела всюду шли неважно. 10 сентября Информбюро сообщило:

«...Закончилось Смоленское сражение, длившееся более двух месяцев. По указанию Ставки войска Западного фронта прекратили наступление и перешли к обороне. К этому времени войска Северо-Западного, Западного, Резервного и Брянского фронтов, прикрывавшие центральное стратегическое направление, находились на линии западнее Осташков, Андреаполь, Жарковский, Ярцево, Ельня, р. Десна. Упорная оборона и сильные контрудары советских войск нанесли большой урон немецко-фашистской армии, похоронили намерения гитлеровцев прорваться через Смоленские ворота и молниеносно продвинуться к Москве. Враг вынужден был остановиться в 300 км от советской столицы, перейти к обороне и заняться перегруппировкой сил».

Вроде бы неплохо: два месяца не хуже нас бились и все же остановили, отметил Черняховский. Но тут же ниже очень неприятные короткие строки:

«Начался отход войск Юго-Западного фронта из района Киева.

Начало отхода было связано с наступлением немецкой 2-й армии со стороны Чернигова, 2-й танковой группы со стороны Конотопа на юг, 1-й танковой группы со стороны Кременчуга на север с угрозой окружения войск фронта».

Лежа в постели, вдали от боевой нервотрепки, Черняховский пытался осмыслить, понять, почему так неудачно складываются для нас дела на фронте. Вспоминал теорию, историю войн, которые изучал в академии. В книгах и лекциях объяснялись логичное, последовательное развитие военного искусства, вооружения армии, изменение стратегии и тактики. В начале Первой мировой войны сложилось превосходство обороны над наступлением. Применение пулеметов, которыми обильно были снабжены окопы, обеспечивало частям, занимающим оборону, громадный перевес над атакующими. Продвижение вперед в открытом поле и овладение укрепленными позициями противника стали невозможными.

Преодолеть эту трудность пытались огнем артиллерии, которая должна подавлять пулеметы и разрушать окопы. Но

эффективность артиллерийской подготовки и поддержки была невелика из-за небольшого количества орудий.

Кризис наступления разрешил танк. Сначала танки выполняли роль движущейся огневой поддержки пехоты и даже щита ее, доводя до рукопашной схватки. Но они все же не ускорили прорыва, двигаясь на уровне пехоты. На этом завершились их сенсационное появление и возможности в Первой мировой войне.

К началу Второй мировой танк прошел стремительное качественное усовершенствование. Он стал быстроходным, толстобронным, гибкие гусеницы, пушка и пулеметы на нем с солидным боекомплектом, а также приличная заправка горючим увеличили радиус действия, проникновения в глубину обороны.

В ходе операций гитлеровцев против Польши, Франции и Бельгии танки показали свои новые качества в полном блеске. То же происходит и в боях против нас. Но почему у них это получается, а у нас все идет наперекосяк?

Черняховский вспоминал свои предложения применять танки массированно, а не по старинке, как в Первую мировую — в качестве поддержки пехоты. Но в первые дни войны были такие кутерьма и неразбериха, что старшие начальники, не зная точно обстановки, бросали полки, бригады и дивизии на затыкание обозначившихся прорывов. Надо было бить не растопыренным пальцами, а кулаками — корпусами и даже армиями под основание клина, который забивают немцы. Вот на юге, например, в сводке сказано: два клина — один с севера, другой с юга — грозят окружением. Под корень бы их, поддых, под основание клиньев бить! Но, видно, как и у нас, нечем! И, словно подтверждая эти соображения Ивана Даниловича, через несколько дней, 15 сентября опубликовано в очередной сводке:

«Немецко-фашистские войска 1-й и 2-й танковых групп в районе Лохвицы соединились и отрезали пути отхода на восток войскам Юго-Западного фронта. В окружении оказались 5-я, 37-я, 26-я армии и часть 21-й и 38-й армий. Об-

становка в полосе Юго-Западного фронта резко ухудшилась. Противник получил возможность наступать в глубь Левобережной Украины».

Читать это было неприятно, но еще более удручало то, что в эти дни не было опубликовано ни одного сообщения о положении на Северо-Западном фронте. Черняховский уже знал, что подобное умолчание предвещает очередные беды.

Неизвестность, бездействие угнетали Ивана Даниловича, он решил выписываться из госпиталя. Обратился к главному врачу с этой просьбой.

— Но вы еще не окрепли. У вас температура вечерами поднимается, — возразил врач.

— Так то вечерами, а днем я могу воевать, — пытался шутить Черняховский.

Но врач перешел на официальный тон:

— Товарищ полковник, я не могу вас выписать, лечение не закончено.

— Убегу, — тихо сказал Черняховский.

— Будете иметь неприятности.

— Товарищ доктор, вы полковник и я полковник, неужели мы не найдем общего языка? Смотрите, что на фронте творится.

Черняховский дал доктору газету с сообщением об окружении пяти наших армий.

— Читал, — сказал главврач. — Но я рискую, если у вас наступит ухудшение здоровья...

— А я не рискую? — улыбнулся Иван Данилович.

— Ну, Бог с вами, фронтовику не могу отказать. Я вас понимаю.

И отпустил, дал справку, но с указанием в ней: «Выписывается для продолжения амбулаторного лечения».

На Северо-Западном фронте Черняховский узнал о многих переменах. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях генерал армии Курочкин. Я считаю лучшим источником рассказ участника событий и поэтому ниже цитирую из воспоминаний генерала армии Курочкина П.А.:

«Я был срочно вызван в Москву Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым. Когда я прибыл в Генеральный штаб, мне сказали:

— Вас вызывает товарищ Сталин.

Машина уже ждала. Я подъехал к особняку напротив станции метро "Кировская". Здесь в те времена размещалось оперативное управление Генерального штаба. Поднявшись по лестнице, я очутился в маленькой приемной, обставленной скромно и строго. Широкий письменный стол, на нем карта, телефоны. По углам стулья. Вот и все. Никаких украшений, ничего отвлекающего.

В комнате, кроме И.В. Сталина, сидевшего за столом, находились В.М. Молотов, Б.М. Шапошников, С.М. Буденный, Н.С. Хрущев. По всему было видно, что шло совещание. Верховный Главнокомандующий сказал:

— На Северо-Западном фронте большие неполадки. Неясно, что там происходит. Недавно мы ввели 34-ю армию, и уже три дня нет сведений ни от армии, ни от фронта. Поэтому мы просим вас поехать на Северо-Западный фронт в качестве представителя Ставки, разобраться в делах и доложить, что там происходит.

Сталин пригласил меня к карте. Подошел и Б.М. Шапошников. Меня коротко ввели в курс обстановки на Северо-Западном фронте. По всему было видно, что там сложилась трудная обстановка, и это, естественно, вызывало большую тревогу Ставки.

Убедившись, что задача для меня ясна, Сталин в заключение сказал:

— Главное — удержать Валдайские высоты, не пустить немцев к Октябрьской железной дороге, на Бологое.

Он пожелал мне успеха.

— Предписание вам немедленно вручат.

Когда я получил предписание, был поражен: мне предоставлялись самые широкие полномочия, вплоть до отстранения от должностей командармов и разрешение давать рекомендации командующему фронтом, а также вне всякой

очереди разговаривать со Ставкой. С этим я и отправился на Северо-Западный фронт.

Ситуация действительно была трудная. В этом я убедился сразу же по прибытии в штаб фронта. Противник находился в 100 километрах от Ленинграда. Несмотря на потери, он располагал крупными силами. Данные разведки говорили о том, что немецко-фашистские войска готовятся возобновить наступление на Ленинград, стремясь захватить город любой ценой. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования непрерывно усиливала войска северо-западного направления. 6 августа из Резервного фронта в состав Северо-Западного фронта была передана 34-я армия под командованием генерал-майора К.М. Качанова. При этом Ставка потребовала от командующего фронтом генерал-майора П.П. Собенникова не распылять армию, а держать ее как ударный кулак для проведения наступательной операции с целью разгрома противника в районе Сольцы, Старая Русса, Дно. Одновременно Ставка обращала внимание командующих Северным и Северо-Западным фронтами на необходимость создания глубины обороны на важнейших направлениях.

Чтобы облегчить положение наших войск под Ленинградом, Лугой, Новгородом, командующий Северо-Западным фронтом по указаниям Ставки в середине августа провел контрудар 34-й армией с рубежа р. Полнеть в направлении Болот, имея в виду во взаимодействии с 48-й и 11-й армиями под командованием генерал-лейтенантов С.Д. Акимова и В.И. Морозова окружить и уничтожить противника в районе Шимск, Сольцы, Старая Русса. В ходе контрудара войска 34-й армии продвинулись до 60 км, выйдя в район ст. Тулебля, глубоко охватили правый фланг старорусской группировки противника и создали угрозу удара в тылу вражеской группировки, вышедшей в район Новгорода и Чудова. Это вынудило командующего группой армий "Север" спешно снять с новгородского направления моторизованную дивизию СС "Мертвая голова", а из-под Луги — 56-й моторизован-

ный корпус и направить их против 34-й армии. Туда же были переключены основные усилия 8-го авиационного корпуса пикирующих бомбардировщиков. Кроме того, вражеское командование спешно начало переброску на северо-западное направление из района Смоленска 39-го моторизованного корпуса в составе одной танковой и двух моторизованных дивизий.

Успешные первоначальные боевые действия 34-й, частично 11-й и 27-й армий на некоторое время облегчили положение войск 48-й армии и лужского участка обороны.

В последующем же войска Северо-Западного фронта вследствие недостатка сил и средств, главным образом средств противовоздушной обороны, не только не развили первоначальный успех контрудара, но и не смогли отразить новый удар фашистских войск, предпринятый им 19 августа. К 25 августа они отошли за р. Ловать.

Нужно сказать, что незавершенность контрудара наших войск под Старой Руссой объясняется не только слабым их прикрытием с воздуха, но и тем, что управление соединениями, особенно в 34-й армии, оказалось далеко не на должной высоте. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования была вынуждена сменить руководство 34-й армии...

А мое пребывание на Северо-Западном фронте в качестве представителя Ставки было весьма кратковременным.

23 августа я был вызван на узел связи.

— У аппарата Шапошников. Товарищ Курочкин, передаю вам по поручению Верховного Главнокомандования следующее. Первое. Командующему 43-й армией генерал-лейтенанту Курочкину немедленно вступить в командование Северо-Западным фронтом и о вступлении в должность доложить. Второе. Командующему Северо-Западным фронтом генерал-майору Собенникову сдать должность командующего СЗФ генерал-лейтенанту Курочкину, о чем и доложить. По поручению Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Б. Шапошников.

В тот же день я вступил в командование фронтом.

Тем временем положение на фронте постепенно начинало стабилизироваться. Наступало временное затишье.

Главная задача нашего фронта состояла в том, чтобы, находясь на стыке ленинградского и московского стратегического направлений, не допустить захвата противником Валдайской возвышенности и Октябрьской железной дороги и содействовать нашим другим фронтам в разгроме врага, рвущегося к Москве и Ленинграду».

* * *

На командном пункте фронта Черняховский вошел в кабинет начальника штаба генерала Ватутина и доложил:

— Прибыл после выздоровления, товарищ генерал.

— Очень кстати, — радушно встретил Николай Федорович. — Ваши танкисты дрались превосходно, попали в окружение и с честью вышли из него. Плохо одно — Демянск так и остался у немцев.

— Где же теперь дивизия? — спросил Иван Данилович.

— У генерала Берзарина, в составе двадцать седьмой армии. Перешла к обороне. Вот ознакомьтесь, только получено.

Ватутин покопался в служебных бумагах и одну из них протянул Черняховскому. Это было боевое донесение командования 28-й танковой дивизии Военному совету Северо-Западного фронта, а в копии — Военному совету 27-й армии.

«Приняв для обороны участок от озера Велье до озера Селигер, отведенный нашей дивизии приказом 27-й армии от 13.9.41, — читал Иван Данилович, — считаю необходимым довести до вашего сведения.

Участок обороны рассчитан на занятие его четырьмя батальонными УР и не менее двумя полками полевых войск. На оборудование участка затрачены огромные средства, хотя укрепления полностью не закончены и сделаны лишь узко полосой без глубины.

28-я танковая дивизия, насчитывающая в своем составе всего 552 человека и имеющая на вооружении: винтовок — 336,

пулеметов ДТ — 13, ст. пулеметов — 3, автоматов — 11, 76-мм орудий — 2, 122-мм гаубиц — 2, в таком составе обеспечить надежную оборону не может. Нами будут приложены все силы на удержание указанного выше рубежа, но, принимая во внимание огромное тактическое значение данного участка как для СЗФ, так и для соседнего фронта, необходимо определенное усиление: а) огневыми средствами; б) живой силой — минимум стрелковый полк; в) средствами связи, которые в дивизии отсутствуют; г) саперами и средствами заграждения; ни саперов, ни средств заграждения дивизия не имеет.

Если не поступит немедленное усиление, в первую очередь огневыми средствами, это будет величайшее преступление перед Родиной. Дивизия будет оборонять рубеж до последнего человека, но даже гибелью всех людей она не сможет восполнить затраты на этот рубеж».

Донесение подписали Корнилов, Банквицер, Хантимиров и Третьяков. Черняховский прочитал документ два раза и невольно задумался.

— Что скажете? — спросил Ватутин, принимая от Черняховского бумагу.

— Читать больно, товарищ генерал. Не документ, а вопль исстрадавшейся души. Я присоединяюсь к товарищам. Надо что-то делать: или помочь укомплектовать дивизию, чтобы она соответствовала своему назначению, или ее совсем расформировать.

— Танкисты, танкисты! — Ватутин вздохнул. — Нет у нас, дорогой Иван Данилович, танков. Пока нет, и, видимо, не скоро еще будут. Придется вашу танковую переформировать в стрелковую. Так что будете не танкистом, а общевойсковым начальником.

— Что вы, товарищ генерал! Мы только и живем мечтой — вот-вот танки получим, а теперь вы и мечту у нас отнимаете.

— Не отнимаю, обстановка. А сейчас пойдете к командующему, я представлю вас, доложу и донесение. Там подумаем, как и чем вам помочь на первое время.

Генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин — человек высокой воинской культуры, с выправкой старого кавалериста. Он был кавалеристом в годы Гражданской войны, после которой окончил академию Фрунзе и Генерального штаба. До начала Отечественной войны командовал Забайкальскими округами. Как он вступил в командование Северо-Западным фронтом, я рассказал выше.

Павел Алексеевич расспросил Черняховского о прежней службе, выслушал Ватутина и прочитал докладную о состоянии 28-й танковой дивизии. С сочувствием сказал Ивану Даниловичу:

— Основательно усилить вашу дивизию сейчас нечем, но в будущем обещаю. А пока пришлю саперов, связистов. Поговорю с Берзариным, чтобы он из маршевых рот дал вам пополнение.

В расположении дивизии Черняховского с радостью встретили боевые друзья. Дивизией временно командовал подполковник Корнилов. Он еще до болезни Черняховского прибыл на должность начальника штаба 56-го полка, когда был ранен командир полка Гиренко, на его должность назначили В.А. Корнилова. Командир разведбата Котов стал командовать 56-м полком.

После возвращения Черняховского они вернулись на свои прежние должности.

На следующий день Черняховский осмотрел первым 10-километровый рубеж обороны дивизии и нашел ее хорошо подготовленной — окопы полного профиля вдоль всего берега Селигера. Перед дзотами хорошо расчищены сектора обстрела. Удачно выбраны наблюдательные пункты.

Надо было создавать глубину обороны. Но за счет чего? Понимал слабость обороны и командующий фронтом и, как обещал, прислал Черняховскому саперный батальон, два дивизиона полевой артиллерии, дивизион противотанковых орудий. А позднее позвонил:

— Принимайте два стрелковых полка.

Радость Ивана Даниловича, что дивизия набирает былую мощь, была недолгой: полки, оказывается, недавно вышли из окружения, где понесли большие потери, но все же боеспособности не утратили.

В результате был создан надежный второй рубеж обороны. Дивизия была готова дать отпор очень сильному противнику.

Противник активных действий не предпринимал. Наоборот, Черняховский по своей инициативе улучшал оборону — отбил Городилово в центре обороны дивизии, в межозерном дефиле, и создал здесь прочный опорный пункт.

Жизнь в обороне некоторое время проходила спокойно, что позволило больше уделить внимания бытовым делам: построили бани, прачечную, утеплили землянки, помылись, побрились, красноармейцы постирали обмундирование — совсем другой вид. Это отметил посетивший дивизию командарм Берзарин. В дни затишья и командование стало внимательнее присматриваться к людям.

Добавлю от себя: на передовой, там, где непосредственно соприкасались наступающие и отступающие части, бои шли жестокие. И если мы мало знаем об этих боях и о тех мужественных людях, которые сдерживали там врага, то это из-за того, что было потеряно управление войсками — от дивизионных штабов до Верховного Главнокомандующего. В такие трудные минуты как раз и совершили свои подвиги герои, которые чаще всего остались неизвестными.

Там, на передовой и в окружении, из последних сил выбивались роты и батальоны, остатки полков и дивизий, делая все, чтобы сдержать наступление врага, о них не писали в эти дни в газетах, не оформляли наградные документы на отличившихся, потому что всем было не до того. Надо было остановить могучий вал войск противника, который, превосходя во много раз силы обороняющихся, продвигался вперед. Потом политработники и журналисты находили героев этих боев, но, увы, только тех, кто остался в живых, кто может рассказать о том, что делал сам или видел, как мужественно

сражались другие. Ну а те, кто погиб в бою и совершил, может быть, самые главные подвиги? О них так никто и не узнает. Да и не принято в дни неудач, после отступлений, после того как оставлены города, села, говорить о геройских делах. Какое геройство, если драпали на десятки и сотни километров? Какие наградные реляции, когда столько погибло людей и потеряно техники?

Чуткий к однополчанам, Берзарин думал иначе. После очередного посещения дивизии Черняховского Берзарин сказал члену Военного совета бригадному комиссару Рудакову:

— Хороший, грамотный и умелый командир 28-й дивизии полковник Черняховский. Как прекрасно он действовал в первых боях. Почему мы этого не оцениваем? Я полагаю, надо представить его к награде. Не возражаешь?

— Всячески поддерживаю! — с радостью согласился бригадный комиссар.

И вскоре был составлен и отправлен «наверх» наградной лист:

«Полковник Черняховский в течение многих дней и недель с ограниченными силами успешно сдерживал противника при наступлении его на Новгород. Четкой организацией, большевистской настойчивостью и смелостью с незначительными силами переходил к атаке противника. Геройски, не отступая шага назад, оборонял Кремль в Новгороде, уничтожив сотни солдат и офицеров противника, захватывая пленных и его материальную часть.

В течение сентября и октября месяцев 28 тд под командованием тов. Черняховского показала мужество и высокую боеспособность в борьбе с германским фашизмом. Используя опыт и особенности тактики противника, тов. Черняховский воспитал десятки молодых бесстрашных командиров — патриотов Родины, показавших пример мужества и отваги в боях и разведке.

Тов. Черняховский при организации и ведении боя личным участием воодушевлял бойцов и начсостав на новые подвиги за честь и победу советского оружия.

В боевой обстановке проявляет настойчивость и отвагу, решителен и бесстрашен. Достоин награждения орденом Красного Знамени».

Затишье принесло не только отдых, но и своеобразные неприятности, командование фронтом воспользовалось паузой в боевых действиях и решило переформировать 28-ю танковую дивизию в 241-ю стрелковую. Полки стали 318, 303, 322.

Объединяли, создавали новые формирования из остатков танковых частей, куда потребовались кадровые танкисты, их стали забирать из стрелковых частей.

Пришлось Ивану Даниловичу расставаться с начальником штаба Ахитом Хантемировым, военкомом подполковником Третьяковым и комиссаром Банквицером. На их место прибыли: подполковник Арабей — стал начальником штаба, комиссаром — полковой комиссар Ольшевский, военкомом — батальонный комиссар Загрузин.

Правильно говорит пословица: «Затишье всегда предвещает бурю». Чтобы последующие события были понятны читателям, сделаю довольно большой экскурс в вышестоящие штабы — наши и немецкие.

После завершения Ельнинской операции 9 сентября Сталин вызвал к себе Жукова. Как всегда, вызов Сталина означал что-то срочное и, конечно же, сложное.

Жукова встретил Власик и проводил на квартиру Сталина.

Сталин ужинал с Молотовым, Маленковым, Щербаковым и некоторыми другими членами руководства. Поздоровавшись, пригласил Жукова к столу. После разговора о некоторых кадровых делах (на Западный фронт вместо Тимошенко был назначен Конев) Сталин пригласил Жукова к карте.

— Очень тяжелое положение сложилось сейчас под Ленинградом, я бы даже сказал, положение катастрофическое. — Помолчав, Сталин явно подбирал еще какое-то слово, которым хотел подчеркнуть сложность обстановки на Ленинградском фронте, и наконец вымолвил: — Я бы даже сказал, безнадежное. С потерей Ленинграда произойдет такое

осложнение, последствия которого просто трудно предвидеть. Окажется под угрозой удара с севера Москва.

Жукову стало ясно, что Сталин явно клонил к тому, что ликвидировать ленинградскую катастрофу, наверное, лучше всего сможет он, Жукóв. Понимая, что Сталин уже решил послать его на это «безнадежное дело», Георгий Константинович сказал:

— Ну, если там так сложно, я готов поехать командующим Ленинградским фронтом.

Сталин, как бы пытаясь проникнуть в состояние Жукова, снова произнес то же слово, внимательно при этом глядя на него:

— А если это безнадежное дело?

Жукова удивило такое повторение. Он понимал, что Сталин делает это неспроста, но почему, объяснить не мог. А причина действительно была.

Еще в конце августа под Ленинградом сложилась критическая обстановка, и Сталин послал в Ленинград комиссию ЦК ВКП(б) и ГКО в составе Н.Н. Воронова, П.Ф. Жигарева, А.Н. Косыгина, Н.Г. Кузнецова, Г.М. Маленкова, В.М. Молотова. Как видим, комиссия была очень представительная и с большими полномочиями. Она предприняла много усилий для того, чтобы мобилизовать имеющиеся войска и ресурсы и организовать стойкую оборону. Но этого оказалось недостаточно, и после отъезда комиссии положение Ленинграда ничуть не улучшилось. Противник продолжал продвигаться в сторону города, остановить его было нечем и некому. Ворошилов явно не был способен на это. Сталин понимал, что принятые им меры ни к чему не привели. Поэтому и пульсировали в его сознании эти неприятные, но точные слова: «Положение безнадежное». Жуков оставался последней надеждой, и Сталин почти не скрывал этого.

— Разберусь на месте, посмотрю, может быть, оно еще окажется и не таким безнадежным, — ответил Жуков.

— Когда можете ехать? — считая вопрос решенным, спросил Сталин.

— Предпочитаю отправиться туда немедленно.

— Немедленно нельзя. Надо сначала организовать вам сопровождение истребителей. Не забывайте, Ленинград теперь окружен со всех сторон фронтами.

Это тоже для Сталина было необычным в отношении к Жукову — теперь он проявлял о нем заботу.

Сталин подошел к телефону и приказал сообщить прогноз погоды. Ему быстро ответили. Повесив трубку, Сталин сказал Жукову:

— Дают плохую погоду, но для вас это самое лучшее, легче будет перелететь через линию фронта.

Сталин подошел к столу, взял лист бумаги и написал записку:

«Ворошилову.

ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом.

Сталин».

Сталин протянул эту записку Жукову, он прочитал ее, сложил вдвое, положил в карман и спросил:

— Разрешите отбыть?

— Нет, поужинайте с нами перед дорогой.

10 сентября 1941 года Жуков вместе с генерал-лейтенантом М.С. Хозиным и генерал-майором И.И. Федюнинским вылетел в блокадный Ленинград.

А вот как обстановку под Ленинградом оценивал противник.

В день приезда Жукова в Ленинград Гальдер записал в своем дневнике:

«На фронте группы армий "Север" отмечены значительные успехи в наступлении на Ленинград. Противник начинает ослабевать...»

Запись Гальдера 13 сентября:

«У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным».

Вопрос о падении Ленинграда Лееб и Гитлер считали решенным. Гитлер даже прислал специального офицера в штаб Лееба, который был обязан немедленно доложить о вступлении войск в Ленинград.

Жуков сделал все возможное и невозможное для стабилизации фронта под Ленинградом (подробности опускаю, это выходит за рамки моей темы). Но 23 сентября Гальдер уже записал в своем дневнике:

«В районе Ладожского озера наши войска продвинулись незначительно и, по-видимому, понесли большие потери. Для обороны сил тут вполне достаточно, но для решительного разгрома противника их, вероятно, не хватит».

А 25 сентября он сделал такую запись:

«День 24.9 был для ОКВ в высшей степени критическим днем. Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый участок на восточном берегу Невы».

Критическим этот день для ОКВ был не только из-за контрудара, организованного Жуковым, но и из-за той истерики, которую Гитлер закатил в Верховном командовании сухопутных войск. Он негодовал по поводу того, что вместо ожидаемого скорого взятия Ленинграда гитлеровские войска там даже отброшены. А он уже включил их в расчет для наступления на Москву. Отпор войск Ленинградского фронта под руководством Жукова ломал планы фюрера, ставил под угрозу срыва готовящуюся операцию «Тайфун». Гитлер не мог этого допустить и, наверное, скрежеща зубами, все же приказал осуществить намеченную перегруппировку. Вскоре начальник разведотдела Ленинградского фронта доложил Жукову о том, что он получил сведения о перемещениях в расположении противника. Но на этот раз противник перебрасывал части не в пределах фронта, а передвигал мотопехоту от Ленинграда на Псков. Кроме этого были сведения и о том, что противник грузит танки на платформы и тоже перебрасывает их куда-то.

Фельдмаршал фон Лееб понимал, что катастрофа постигла не только его войска, но и его лично, что Гитлер, возлагавший так много надежд на захват Ленинграда, не простит ему эту неудачу. Лееб написал Гитлеру доклад о якобы предпринимающихся дальнейших действиях по овладению Ленинградом, на самом же деле это была попытка объяснить свои неудачи и как-то смягчить удар.

Лееб просил несколько дивизий и обещал все же взять Ленинград. Старый, опытный Лееб, конечно, понимал при этом, что в той обстановке, которая создалась на московском направлении и на юге, Гитлер не сможет найти для него подкрепления. В этой связи он высказал такое предложение: если не будут даны подкрепления, то надо перейти в глухую оборону и сохранить войска для наступательных действий в более благоприятных условиях, которые, несомненно — он верит в это, — в будущем появятся.

После неудачи под Ленинградом Гитлер сильно гневался на Лееба. На одном из совещаний он с возмущением говорил:

— Лееб не выполнил поставленной перед ним задачи, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит — ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. И будет ли взят Ленинград штурмом, уверенности нет. Если не штурм, то Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Ни то, ни другое не годится, он не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Лееба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу.

Единоборство войск Северо-Западного и Ленинградского фронтов с группой войск «Север» закончилось победой наших войск, несмотря на то что у Лееба было гораздо больше сил и возможностей. Начинал наступление на Ленинград

Лееб, пожалуй, в самый пик своего полководческого взлета, после удач в первые дни войны он думал, что просто по инерции, на крыльях этих удач влетит в Ленинград, но кончил тем, что Гитлер отправил его в отставку.

Серьезные неудачи, постигшие немецкие войска на северном крыле советско-германского фронта, все же дали возможность гитлеровскому командованию начать подготовку к решающей операции на главном направлении.

На одном из совещаний в «Волчьем логове» Гитлер сказал:

— Наши успехи, достигнутые смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», дают возможность и создают предпосылки для проведения решающей операции группы армий «Центр»... В полосе группы армий «Центр» надо подготовить операцию таким образом, чтобы по возможности быстрее, не позднее конца сентября, перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения, в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах...

Большая работа по подготовке наступления, конечной целью которого был захват Москвы, была проделана и в Генеральном штабе сухопутных войск, проведено несколько совещаний, предприняты меры для доукомплектования частей и соединений группы армий «Центр». 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35 на проведение этой операции, которая получила кодовое наименование «Тайфун».

Операция должна была быть осуществлена в самое короткое время, до начала осенней распутицы и зимы, и обязательно завершиться победой. Эта мысль отразилась и в ее названии, которое придумал сам Гитлер, — наступающие войска должны, как тайфун, смести все на своем пути к Москве.

Итак, «Тайфун» разразился 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта. Не встречая серьезного сопротивления, Гуде-

риан рвался к Орлу, оказались под угрозой окружения 3-я и 13-я армии Брянского фронта. Нанеся мощный удар на правом фланге, гитлеровцы приковали все внимание нашего командования к этому направлению, а 2 октября нанесли еще более мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Все три наших фронта вступили в тяжелейшие бои.

С этих дней внимание всех наших воинов и, конечно же, Черняховского было приковано к событиям на московском направлении, о которых сообщали по радио в сводках Информбюро (а порой и замалчивали, но приходили эти новости по «солдатскому телефону»).

2 октября сообщалось в газете «Известия»:

«Начались оборонительные действия войск Западного и Резервного фронтов на ржевском и вяземском направлениях против войск немецко-фашистских групп армий "Центр".

Войска Брянского и Западного фронтов нанесли контрудары по прорвавшимся группировкам противника, но не смогли приостановить наступление превосходящих сил врага. Обстановка становилась все более угрожающей. В наступление перешли главные силы немецко-фашистской группы армий "Центр" — 9, 4 и 2-я армии, 3 и 4-я танковые группы, а также правофланговые соединения 16-й армии группы армий "Север". Ударом в стык между 30-й и 19-й армиями (командующий генерал-лейтенант М.Ф. Лукин) противник прорвал оборону советских войск и к исходу дня продвинулся на глубину 10—15 км. Командующий Западным фронтом решил контрударами 30-й и 19-й армий и частью своих резервов отбросить противника и восстановить положение. Однако превосходство в силах и средствах оставалось на стороне противника, и контрудары успеха не имели. Противник продолжал развивать наступление. Другая группировка противника прорвала оборону войск 43-й армии (командующий генерал-майор П.П. Собенников) и вышла на рубеж Ельня, Спас-Деменск, Мосальск».

На следующий день, 3 октября, было объявлено о взятии немцами Орла и продолжении удара на Вязьму.

4 октября:

«Войска 19, 16 и 20-й армий Западного и 32, 24 и 43-й армий Резервного фронтов оказались глубоко охваченными с обоих флангов. Оценив сложившуюся обстановку, Ставка Верховного Главнокомандования приказала отвести за Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж находившиеся под угрозой окружения войска 19, 16 и 20-й армий Западного фронта и войска 32, 24 и 43-й армий Резервного фронта».

И через день:

«Ставка Верховного Главнокомандования отдала директиву Военному совету Западного фронта о приведении Можайской линии обороны в боевую готовность, выделив для ее укрепления из своего резерва шесть стрелковых дивизий, шесть танковых бригад, более десяти противотанковых артиллерийских полков и пулеметных батальонов. На Можайскую линию обороны перебрасывалось несколько дивизий Северо-Западного, Юго-Западного и Западного фронтов. Принимались меры к тому, чтобы восстановить нарушенное управление войсками и создать новую группировку, способную дать отпор немецко-фашистским захватчикам.

Войска Брянского фронта оставили Карачев. Противнику удалось выйти в район восточнее Брянска. 2-я немецкая армия, начавшая наступление 2 октября, вышла в район Сухиничи, а своим 43-м армейским корпусом начала охватывать нашу 50-ю армию (командующий генерал-майор М.П. Петров) с севера, стремясь соединиться у Брянска с войсками 2-й танковой армии».

— Вот и обозначились огромные клещи, — отметил для себя Черняховский. А к вечеру его мнение подтвердилось таким сообщением:

«Войска Западного фронта оставили г. Ельня.

Войска Брянского фронта оставили г. Брянск».

А «беспроволочный солдатский (да и офицерский) телефон» принес слух: под Вязьмой попали в окружение наши 19, 20, 24, 32 и почти вся 16-я армии!

Это уже было похоже на катастрофу. «Чем будут защищать Москву?» — подумал Черняховский. Он понимал, что именно эти армии и предназначались для обороны столицы.

Черняховский не мог дать для себя ответ на этот вопрос. Ничего не сообщали на сей счет ни радио, ни газеты. Их молчание не предвещало ничего хорошего.

А 14 октября «как снег на голову»:

«Государственный Комитет Обороны постановил эвакуировать из Москвы в Куйбышев часть партийных и правительственных учреждений, а также весь дипломатический корпус, аккредитованный при Президиуме Верховного Совета СССР. В связи с тем, что участились воздушные бомбардировки Москвы, грозившие разрушить предприятия, уничтожить научные и культурные ценности столицы, ГКО признал целесообразным срочно вывезти оставшиеся еще в городе и области крупные оборонные заводы, научные и культурные учреждения...»

А ниже сообщение о том, что в поисках выхода из создавшегося положения подключают и соседей Черняховского:

«Началась наступательная операция войск Ленинградского фронта. Ставка приказала войскам Ленинградского фронта (командующий генерал-майор И.И. Федюнинский) организовать и провести наступательную операцию против войск 18-й армии противника с целью деблокады Ленинграда. Для этого нанести два удара: один — силами 54-й армии (командующий генерал-лейтенант М.С. Хозин) с востока и второй — силами Невской оперативной группы и 55-й армии (командующий генерал-майор технических войск И.Г. Лазарев) с запада в общем направлении на Синявино с задачей окружить и уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника».

Но в этот же день вечером:

«Войска Западного фронта оставили г. Калинин.

Развернулись ожесточенные бои войск 5-й армии на подступах к Можайску, в районе Бородина. Основную тяжесть боев на Бородинском поле вынесла 32-я стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина, поддержанная 18, 19 и 20-й

танковыми бригадами. Несмотря на превосходство в силах противника, отважные воины этих соединений четверо суток сдерживали врага западнее Можайска, уничтожили десятки танков и несколько тысяч вражеских солдат и офицеров.

Часть сил окруженных под Вязьмой советских армий вырвалась из окружения и отошла на можайский рубеж обороны».

— Молодцы танкисты! — порадовался Иван Данилович за свой любимый род войск. — Дали жару фрицам!

18 октября опять печальная весть: гитлеровцы прорвали нашу оборону на можайском рубеже, взяли Малоярославец и Можайск, приблизились к столице на 80—100 километров. Москва стала прифронтовым городом.

И опять замолчали средства информации. На этот раз очень долго — с 19 октября по 7 ноября. Писали о боях на других фронтах, о трудовых успехах в тылу, о подвигах героев. Уже появлялись страшные опасения — не пала ли Москва? И только «беспроволочный телеграф» приносил весть: «Под Москвой стоят насмерть!»

И вдруг 7 ноября ошеломляющее сообщение о невероятном, фантастическом событии: на Красной площади в Москве состоялся традиционный парад Красной Армии в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Советские воины, снаряженные для боя, прямо с парада уходили на Западный фронт.

Эти несколько строк, а точнее, это невероятное событие прогремело на весь мир. Все ждут вести о падении столицы, а там парад! Радость Ивана Даниловича была безгранична. Но поскольку он и его соратники не знали многих подробностей осуществления этого великого события, считаю необходимым рассказать читателям о том, как готовился этот парад, о его стратегическом значении, потому что все это имеет самое прямое отношение к боевым действиям, в которых принимал участие Черняховский.

Это известно мне по архивным документам, воспоминаниям участников, да и сам я — современник тех исторических дней.

В дни, когда враг находился в нескольких десятках километров от города, проведение парада было очень рискованным. Ведь, если бы немцы узнали о нем, они могли обеспечить десятикратное превосходство наземных и воздушных сил, пронзить, как ударом кинжала, нашу оборону на узком участке и ворваться прямо на Красную площадь. Разумеется, это предположение гипотетическое, однако же и не слишком. Немцы ведь не раз прошибали нашу оборону своими клиньями за короткое время и на большую глубину.

Но на этот раз они удара не подготовили. Их разведка не узнала о готовящемся сюрпризе.

На полосах газеты «Фелькишер беобахтер» пестрели такие заголовки: «Великий час пробил: исход восточной кампании решен», «Военный конец большевизма...», «Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву». Гитлер, выступая в Спортпаласе на торжестве по случаю одержанной победы, произнес:

«Я говорю об этом только сегодня потому, что могу совершенно определенно заявить: противник разгромлен и больше никогда не поднимется!»

Командующего группой армий «Центр» фон Бока даже испугала такая парадная шумиха в Берлине. Он сказал Браухичу:

— Разве вы не знаете, каково действительное положение дел? Ни Брянский, ни Вяземский котлы еще не ликвидированы. Конечно, они будут ликвидированы. Однако будьте любезны воздержаться от победных реляций!

В ответ главнокомандующий Браухич напомнил фельдмаршалу:

— Не забывайте о намерении Гитлера 7 ноября вступить в Москву и провести там парад. Я советую вам форсировать наступление.

28 октября Сталин вызвал командующего войсками Московского военного округа генерала Артемьева и командующего ВВС генерала Жигарева и просто ошарашил их вопросом:

— Через десять дней праздник Октябрьской революции. Будем проводить парад на Красной площади?

Генералы оторопели. Москва была в эвакуационных конвульсиях. Город затянуло дымное марево — жгли бумаги в учреждениях. О параде даже мысли не возникало.

— Я еще раз спрашиваю: будем проводить парад?

Артемьев неуверенно начал:

— Но обстановка... Да и войск нет в городе. Артиллерия и танки на передовой... Целесообразно ли?

— Но ГКО считает... — Сталин кивнул на членов Политбюро, которые сидели за столом. — Необходимо провести парад. Он будет иметь огромное моральное воздействие не только на москвичей — на всю армию, на всю страну.

Командующие получили соответствующие указания, и подготовка к параду началась — в сохранении полной секретности.

Почти такой же разговор произошел за три дня до праздника с руководителями Московской партийной организации.

— Где и как вы собираетесь проводить торжественное собрание? — спросил Сталин.

Удивление и молчание и на сей раз были ответом. Никто не думал о проведении этого мероприятия, традиционного для мирного времени.

Сталин разъяснил, почему надо проводить торжественное собрание и в военное время.

— Придется вам потрудиться, побегать. Времени не осталось для подготовки доклада? Если не возражаете, я буду докладчиком.

6 ноября состоялось торжественное собрание, на этот раз не в Большом театре, а на платформе станции метро «Маяковская». Ровные ряды кресел. Сцена для президиума. С одной стороны — ярко освещенный метропоезд, на накрытых столах — бутерброды, закуска, прохладительные напитки.

Приглашенные спускались на эскалаторах. Правительство прибыло на поезде к другой платформе. Было даже более торжественно, чем на собраниях в мирные дни. Все понимали

огромное политическое и мобилизующее значение речи Сталина, которая транслировалась по радио на всю страну.

В начале речи Сталин изложил ход и итоги войны за 4 месяца. Он объяснил, почему «молниеносная война» была успешной на Западе, но провалилась на Востоке. Затем Сталин проанализировал причины наших временных неудач и предсказал, почему будут разгромлены «немецкие империалисты». После завершающих здравиц прозвучали слова, которые всю войну были призывом и пророчеством: «Наше дело правое — победа будет за нами!»

Сталин делал доклад спокойно, не торопясь, с обычными для него паузами, прихлебыванием воды. Эта привычная людям по многим, ранее слышанным речь вождя не только содержанием, но и манерой, своей строгостью и убедительностью вселяла в людей уверенность — все будет так, как говорит товарищ Сталин.

Проведенный на следующий день парад на Красной площади не только еще больше сплотил и вдохновил народ и армию на борьбу с агрессорами, но и буквально если не нокаутировал, то поверг в нокдаун германское командование!

Эти две акции наглядно подтверждают высокие качества Сталина как политика и как лидера, объединяющего народы Советской страны. И еще я отметил бы смелость: если бы немцы узнали о подготовке этих торжеств и предприняли соответствующие контрмеры, все могло бы закончиться очень печально.

Для всей страны парад стал неожиданным, потрясающе радостным событием. Поэтому мне хочется коротко рассказать о том, что происходило тогда на Красной площади. Рассказать не от себя — я в этот день был еще заключенным в одном из лагерей Сибири и писал письма Калинину с просьбой отправить меня на фронт.

Это был парад хотя и традиционный, но необыкновенный. Парад не только военный, но и политический, парад-вызов, парад презрения к врагу, парад-пощечина: вот вам! Вы кричите о взятии Москвы, а мы проводим свой обычный праздничный парад!

Стремясь к максимальной подлинности при описании событий, я дальше воспользуюсь рассказом очевидца, который не только присутствовал на том параде, но и описал его в газете тогда же, в ноябре 1941 года. Писатель Евгений Захарович Воробьев — мой старый добрый друг, я расспросил его с пристрастием о том параде, выясняя побольше деталей, и дополнил ими его ранее опубликованную газетную статью.

— Я был корреспондентом газеты Западного фронта «Красноармейская правда», — начал Евгений Захарович. — Корреспонденты других газет на этот раз собрались у левого крыла Мавзолея. На довоенных парадах здесь обычно стояли дипломаты, военные атташе. Теперь дипломатического корпуса на параде не было — посольства эвакуировались в Куйбышев. Мы стояли так близко, что я слышал, как Сталин, выйдя на балкон Мавзолея, где, видимо, ветер был сильнее, чем у нас внизу, сказал:

— А здорово поддувает...

И потом, немного позже, радуясь непогоде, которая затрудняла нападение вражеской авиации, Сталин усмехнулся, когда снег пошел еще сильнее, и сказал тем, кто стоял с ним рядом:

— Везет большевикам, бог им помогает...

Парад принимал С.М. Буденный, командовал парадом генерал-лейтенант П.А. Артемьев. Вопреки традиции сегодня произнес речь не тот, кто принимал парад, а Сталин. Именно в этот день он сказал запомнившиеся всем слова:

«Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!..»

На парад вышли курсанты военных училищ, полки дивизии особого назначения имени Дзержинского, московский флотский экипаж.

А отдельные армейские батальоны были незаметно для противника введены в Москву только для участия в параде.

Вслед за частями и подразделениями, прибывшими с фронта, прошагал полк народного ополчения — разношерстное и пестрое войско. Полушубки, бушлаты, стеганые ватники, бекеши и шинели, иные шинели еще помнили Каховку и Царицын, Касторную и Перекоп... Сапоги, валенки, ботинки с обмотками... Шапки-ушанки, буденовки, треухи, картузы, кубанки, папахи... Винтовки вперемешку с карабинами, мало автоматов, и совсем нет противотанковых ружей.

Надо признать, вид у бойцов народного ополчения был недостаточно молодцеватый, непарадный. Долговязый парень, из тех, кого называют «дядя, достань воробушка», затесался на левый фланг и шагал в соседстве с низенькими, приземистыми. Но кто бы поставил в упрек бойцам народного ополчения плохую выправку? Их ли вина, что не осталось времени на строевые занятия? Люди непризывного возраста и не весьма отменного здоровья учились маршировать под аккомпанемент близкой канонады.

В то праздничное утро, совсем как в годы Гражданской войны, парад стал одновременно проводами на фронт. В отличие от мирных парадов сегодня винтовки, пулеметы, орудия, танки были снабжены боеприпасами. И одна из верных примет того, что путь с Красной площади вел не в казармы, а на позиции,— у многих участников парада заплечные вещевые мешки.

Позже по площади с железным громыханием провезли пушки. Иные из них казались прибывшими из другой эпохи — «времен Очакова и покоренья Крыма». Наверно, то были очень заслуженные пушки, но за выслугой лет им давно пора на музейный покой. И если они дефилировали, то лишь потому, что все боеспособные пушки нужны, до зарезу нужны были на фронте и не могли покинуть свои огневые позиции.

Затем, к нашей радости, прошли танки, их было много, около двухсот, в том числе немало тяжелых. Танкисты ока-

зались в Москве проездом. Накануне самого праздника две танковые бригады выгрузились на задворках вокзалов, на станциях Окружной дороги. С Красной площади танки держали путь прямехонько на исходные позиции. Может, для того, чтобы сократить дорогу, танки сегодня не спускались, как обычно, мимо Василия Блаженного к набережной, а возле Лобного места поворачивали налево и через Ильинку и площадь Дзержинского спешили на Ленинградское, Волоколамское и Можайское шоссе.

Долго по мостовым города громыхали танки, тягачи, броневики, пушки, слышались цоканье копыт, маршевый шаг пехоты, скрип обозов, тянувшихся из города на его окраины, в пригороды, предместья... На фронт!

Евгений Захарович посмотрел на меня, седой, белоголовый. Мне на миг показалось, что это он запорошен снегом, еще тем, что шел над Красной площадью в ноябре сорок первого...

Доклад и выступление Сталина использовались политработниками для поднятия духа воинов.

Велась такая работа и в дивизии Черняховского. И действительно, речь эта, политработа, основанная на ней, породили, а точнее, прибавили моральной прочности, потому что неудачи первых месяцев войны в какой-то степени понизили прежнюю, довоенную веру в свои силы и мощь Красной Армии.

А на фронтах и особенно на главном в те дни направлении и для немцев, и для наших армий — в битве за Москву — создалось очень сложное положение.

Фельдмаршал фон Бок не мог продолжать наступление в той группировке, которая была создана по прежнему его замыслу. Операция «Тайфун», по сути дела, захлебнулась после ее успешного начала. Фон Бок намеревается теперь уже не завершать операцию «Тайфун», а осуществить новую, он назвал ее «Московские Канны». Как видим, опять «классический образец». Несмотря на сложность обстановки, мечты не покидают немецкого полководца. На сей раз фон

Бок решает осуществить двойное окружение только Москвы. Первый, внутренний охват войск Западного фронта должны осуществить 4-я танковая группа Гепнера и 4-я полевая армия фельдмаршала Клюге. Танковая группа должна наступать на истринском направлении с рубежа Волоколамска, а 4-я полевая армия на подольском направлении из района Наро-Фоминск — Серпухов. Кольцо внутреннего охвата они должны замкнуть непосредственно в Москве.

Второй, внешний охват должны произвести: 3-я танковая группа Рейнгардта ударом севернее Москвы на восток, на Клин и Дмитров и двигающаяся ей навстречу с юга 2-я танковая группа Гудериана ударом из района Тулы на Коломну. Эти две танковые клешни должны были замкнуть кольцо внешнего охвата в районе Ногинска.

Но и в нашей Ставке не теряли возможности использовать патриотический подъем, о котором докладывали из многих соединений Красной Армии.

Сталин позвонил Жукову.

— Как ведет себя противник? — спросил Сталин.

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление.

— Где вы ожидаете главный удар?

— Из района Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию

и кав. корпус Доватора. В районе Серпухова используйте кав. корпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

16 ноября войска Западного фронта, выполняя приказ Сталина, нанесли контрудары. Выбиваясь из последних сил, вступили они в схватку с противником. И в это же утро перешли в наступление гитлеровцы!

Вражеские войска начали стремительно развивать наступление из района Волоколамска на Клин. Резервов в этом районе у нас не оказалось.

Несмотря на упорное сопротивление наших дивизий, противник, имея большие силы на узком участке, продолжал продвигаться вперед.

Именно в этот день совершили свой подвиг 28 панфиловцев, отражая удар врага. А через два дня здесь же, на этом направлении, 18 ноября погиб и сам генерал Панфилов.

Черняховский не знал этих подробностей, как обычно, информацию получал из газет, а в них 23 ноября коротко сказано:

«Советские войска, оборонявшиеся на клинском направлении, не смогли сдержать удар танковых дивизий противника и были вынуждены отходить к северу. Противнику удалось захватить г. Клин».

И после пятидневного молчания (я имею в виду московское направление) такой вот новый удар 28 ноября:

«Немецкие моторизованные соединения севернее Москвы вышли к каналу Москва—Волга и форсировали его у Яхромы».

Иван Данилович, обмениваясь мнением со своими заместителями, обратил их внимание на следующее:

— Канал Москва—Волга — это уже окраина столицы. Мы туда купаться ездили во время учебы в академии. Переправились через канал немецкие не отдельные подразделения, а целые механизированные соединения. Это совсем плохо! Но там бьются такие же, как мы, стойкие ребята. Я думаю, Москву не отдадут.

Еще целая неделя мучительных ожиданий, и вот наконец-то (!) радостное известие о том, чего ожидали вся армия, весь народ, вся страна!

Началось контрнаступление советских войск под Москвой. Оно явилось важнейшим событием конца 1941 года. Контрнаступление осуществлялось войсками Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Войска взаимодействующих фронтов провели пять крупных наступательных операций: Калининскую — войска Калининского фронта; Клинско-Солнечногорскую — войска правого крыла Западного фронта; Тульскую — войска левого крыла Западного фронта; Елецкую — войска правого крыла Юго-Западного фронта и Калужскую — войска левого крыла Западного фронта.

Ближайшей задачей контрнаступления был разгром ослабленных в ходе наших оборонительных действий ударных группировок врага.

Началась Калининская наступательная операция войск Калининского фронта против войск левого крыла группы армий «Центр», положившая начало контрнаступлению советских войск в великой битве под Москвой. Фронт должен был нанести удар по 9-й армии противника, освободить Калинин и выйти в тыл войск, действовавших против Западного фронта.

Мы имеем возможность познакомиться с деталями этого великого события по воспоминаниям и документам тех дней.

Когда гитлеровские войска прорвались через канал Москва—Волга в районе Яхромы, это была серьезнейшая опасность. Надо было немедленно бросить все силы для того, чтобы отразить этот прорыв.

Спасли Москву резервы, которые формировал Сталин, несмотря на труднейшее положение на всех фронтах.

Поручив Жукову отстаивать Москву, Сталин отдал Западному фронту все, что у него было в те дни. Но, понимая, что этого недостаточно и что в битве за Москву наступит

кульминация, Сталин формировал стратегические резервы в тылу — три новые армии: 1-ю ударную, 20-ю и 30-ю.

Эти три армии Сталин сосредоточил под Москвой, но держал их до последнего, до самых критических минут.

29 ноября Жуков позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления. Сталин слушал внимательно, затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощен. Но, если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться.

Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом...

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить план операции. Утром 30 ноября представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями...

К графическому плану была приложена объяснительная записка о проведении этих контрударов. На этом плане Сталин написал: «Согласен», — и поставил подпись.

Из сказанного видно: инициатива контрударов принадлежит Жукову, но окончательное решение принимал Сталин, поэтому не правы многочисленные авторы, которые все заслуги контрудара под Москвой отдают только маршалу Жукову.

И маршал Василевский в своих воспоминаниях пишет, что Ставка готовила контрнаступление. Разумеется, сама идея, что контрнаступление когда-то должно было состояться, что для этого надо готовить стратегические резервы (и они готовились!) — эта идея в Ставке Верховного Главно-

командующего существовала. Но если бы Ставка продолжала собирать силы, согласно этой своей идее, то немцы или закрепились бы очень прочно на достигнутых рубежах, или подтянули бы свежие силы из северных и южных группировок. А замысел Жукова в том и состоял, чтобы переходить в контрнаступление немедленно, наличными силами. При этом он понимал, что общее наступление по всему фронту, как это бывает обычно, здесь осуществлено быть не может, сил для этого недостаточно. Потому-то предполагаемое им контрнаступление должно было происходить (и происходило) так своеобразно.

В сущности, Василевский, определяя контрнаступление, говорит о тех же контрударах, что и Жуков, но поскольку в этой операции участвуют несколько фронтов и авиация, то у Василевского есть основание называть все это уже контрнаступлением.

Ударили бы только теми силами, которыми располагал Жуков, войска далеко не продвинулись бы.

Сталин понял, что настал тот самый критический момент, который определяет судьбу всего сражения, и решил ввести свой стратегический резерв. Он позвонил командующему 1-й ударной армией Кузнецову:

— Прорыв обороны в районе Яхромы и захват противником плацдарма на восточном берегу канала представляют серьезную опасность Москве. Примите все меры к нанесению контрудара по прорвавшейся группировке противника. Остановите продвижение, разгромите и отбросьте противника за канал. На вас возлагаю личное руководство контрударом.

Располагая свежими силами, Кузнецов выполнил это приказание Сталина — к 8 часам утра 29 ноября враг был разгромлен и отброшен за канал.

Еще одна новая, 20-я армия была сформирована в конце ноября. Ее командующим был назначен генерал-лейтенант Власов. (Да, да, тот самый Власов!) Начальником штаба этой армии был генерал Л.М. Сандалов. В состав армии были включены две свежие дивизии, прибывшие из восточных округов, морская

стрелковая бригада, две стрелковые бригады из Московской зоны обороны и еще две танковые бригады с Западного фронта, артиллерийский полк, два гвардейских минометных дивизиона и бронепоезд. Как видим, и в этой армии почти не было артиллерии. Штаб армии располагался в Химках.

Еще в момент сосредоточения частей 20-й и 1-й ударной армий противник, предпринимая последние усилия в попытках прорваться к Москве, нанес удар, который пришелся в стык между 1-й ударной и 20-й армиями, занял Красную Поляну и вышел к Савеловской железной дороге у станции Лобня и севернее. Конечно, для выдвигающихся частей 20-й армии появление противника было неожиданно. Но и для наступающего противника встреча здесь со свежими частями тоже оказалась полной неожиданностью.

2 декабря всем частям 20-й армии, которые успели сосредоточиться, Сталин приказал нанести контрудар в направлении Красной Поляны, что и было сделано. Здесь, в районе Красной Поляны, части 20-й армии захватили несколько крупнокалиберных орудий противника, которые были доставлены сюда для обстрела Москвы.

Еще одна резервная — 10-я армия, которой было поручено командовать генералу Ф.И. Голикову, создавалась из резервных частей Московского военного округа. В ней было девять вновь сформированных дивизий, а когда она прибыла в район сосредоточения под Тулу, в нее были включены вышедшие из окружения 239-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии. Таким образом, всего в ней насчитывалось одиннадцать дивизий и одна подкрепляла южный фланг обороны Москвы в районе Рязани и Тулы. Почти весь личный состав был призван из запаса и был не очень хорошо обучен. Армию сформировали в течение трех недель, из них 14—15 суток личный состав обучался по 12 часов ежедневно. Эта 10-я армия была нацелена против войск 2-й танковой армии Гудериана.

Фон Бок в то время прибыл на самый передовой наблюдательный пункт и, как он уверял, видел Москву в бинокль.

В Красную Поляну были подвезены орудия большой мощности для обстрела Москвы. Фон Бок ждал, что советская оборона рухнет не то чтобы со дня на день, а просто с часа на час. Его очень обрадовало известие о том, что в районе Яхромы Рейнгардт захватил плацдарм, переправившись через канал.

Но эта радость была недолгой. Вскоре пришла весть о том, что части Рейнгардта выбиты с того берега. Фон Бок понимал, что наступление захлебывается. Он был опытный вояка и почувствовал, что уже имеет дело не только с ранее оборонявшимися частями, что появились и какие-то новые силы. Он понял: нависает катастрофа. Фон Бок был близок к отчаянию. И в этот момент ему позвонил начальник оперативного отдела Генштаба Хойзингер:

— Фюрер хочет знать, когда можно будет объявить об окружении Москвы?

Бок не стал с ним говорить и потребовал к телефону главнокомандующего Браухича.

Интересный разговор состоялся между фон Боком и Браухичем.

Бок: Положение критическое. Я бросаю в бой все, что у меня есть, но у меня нет войск, чтобы окружить Москву... Я заявляю, что силы группы армий «Центр» подошли к концу.

Браухич: Фюрер уверен, что русские находятся на грани краха. Он ожидает от вас точного доклада: когда же этот крах станет реальностью?

Бок: Командование сухопутных войск неправильно оценивает обстановку...

Браухич: Но за исход операции отвечаете вы!..

Бок: Верховное командование просчиталось. Прошу доложить фюреру, что группа не может достичь намеченных рубежей. У нас нет сил. Вы меня слышите?

Браухич: Фюрер хочет знать, когда же падет Москва?

Понимая, что Браухич или умышленно не слышит его, или боится услышать, чтобы потом не сообщать неприятные вести Гитлеру, фон Бок после разговора по телефону послал ему еще телеграмму такого же содержания.

В общем, как видим, фон Бок понял, что катастрофа произошла.

Гитлер, не веря никому, послал на фронт своего главного адъютанта полковника Шмундта. Тот, возвратясь, доложил, что группа армий «Центр» на грани полного развала. Но и после этого Гитлер продолжал требовать от войск беспрекословного выполнения своего «стоп-приказа». Он никак не хотел ни понять, ни примириться с тем, что происходит.

Надеясь своей непреклонностью и жестокостью напугать генералов и войска, Гитлер снимает с должностей многих генералов, не считаясь с их опытом и прошлыми заслугами. За короткое время отстранены: главнокомандующий сухопутными войсками Браухич, командующие группами армий — фельдмаршал фон Рундштедт («Юг»), фельдмаршал фон Бок («Центр»), фельдмаршал фон Лееб («Север»), командующие армиями Штраус и другие, всего больше сорока военачальников верхнего эшелона. В эти дни фюрер, как вспоминают близкие к нему тогда люди, и прежде вспыльчивый и раздражительный, стучал кулаками по столу, кричал на генералов, что они не умеют воевать!

Смена командующих не повлияла на ход событий — войска продолжали отступать, а точнее, их вышибали советские части.

Став после снятия Браухича главнокомандующим сухопутными войсками, Гитлер тотчас же отдал группе армий «Центр» грозное указание: «Недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере тяжелого оружия и материальной части. Командование армий, командиры соединений и все офицеры своим личным примером должны заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод ведения боевых действий позволит выиграть время, которое необходимо, чтобы перебросить с родины и с Запада подкрепления, о чем мною уже отдан приказ...»

* * *

Полковник Черняховский понимал, что успешное наступление от Москвы на Запад обязательно должно быть поддержано активными действиями других фронтов. Придет наконец время сказать свое веское слово и Северо-Западному фронту.

Понимая это, он усиленно занимался обучением своих подразделений и особенно поступающих пополнений. Как выяснилось, многие красноармейцы прошли очень ускоренную подготовку. Некоторые не умели стрелять, потому что после призыва их не выводили на стрельбище для выполнения даже первого упражнения.

Генерал армии Курочкин вспоминает по этому поводу:

«Столь трудные обстоятельства вынуждали нас вновь прибывающие войска сразу же бросать в горнило напряженной боевой учебы.

Мы учили солдат и офицеров, как вести бой в тех местах, где им предстояло наступать. Мы хотели их приучить к суровым зимним условиям. Чтобы они могли в мороз и пургу наступать и обороняться; чтобы не боялись глубокого снега; чтобы умели стрелять, когда ртуть термометра опускалась ниже 25 °С; чтобы могли ходить на лыжах, строить шалаши, копать землянки в смерзшейся, твердой земле. Словом, учили солдат всей той нехитрой, но очень трудной и важной солдатской науке, без которой им нельзя было обойтись и которую все мы здесь уже достаточно хорошо знали...»

Не хочу обижать заслуженного генерала, но все же скажу — слово «мы» в этом случае не очень соответствует действительности. Разумеется, штаб фронта и его командующий генерал Курочкин отдавали приказы об организации учебы, контролировали их выполнение, пропесочивали тех, кто нерадиво относился к этому.

Но что касается морозов, вьюги, стрельбы, когда пальцы не гнутся, хождения в учебные атаки почти по пояс в снегу, тут «мы» звучит как «мы пахали».

Этой очень тяжелой работой занимался даже не Черняховский, а командиры окопного звена — взводные и ротные, с

которыми Иван Данилович дневал и ночевал и имел большее право на это «мы».

Переходу в наступление Северо-Западного фронта предшествовали такие события «наверху».

В течение декабря противник был отброшен от Москвы на рубеж Клин — Можайск — Наро-Фоминск — Малоярославец — Сухиничи — Белев.

5 января 1942 года в Москве было созвано совещание Ставки по поводу того, что делать дальше после выхода войск на указанный рубеж.

Докладывал об обстановке и намечаемых действиях начальник Генерального штаба. Со свойственной ему рассудительностью он объективно оценивал обстановку, сравнивал силы сторон, предупреждал, что, несмотря на отступление от Москвы, гитлеровцы еще имеют возможность наносить сильные удары.

Сталин слушал Шапошникова с явным неудовольствием, его раздражала медлительность, которая, как ему казалось, была не только в темпе речи начальника Генштаба, но и в действиях, которые он предлагал.

Наконец Сталин прервал Бориса Михайловича:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствовавших против этого не возразил, и Сталин продолжил.

— Наша задача состоит в том, — рассуждал он, прохаживаясь, по своему обыкновению, вдоль кабинета, — чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

На словах «до весны» он сделал акцент, немного задержался и затем разъяснил:

— Когда у нас будут новые резервы, у немцев не будет больше резервов...

Дальше Верховный изложил, как он понимает возможную перспективу войны, и наметил практические задачи отдельных фронтов. Его замысел был таков. Учитывая успешный ход подмосковного контрнаступления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах от Ладожского озера до Черного моря. Главный удар нанести по группе армий «Центр». Ее разгром осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта ставилась задача разгромить группу армий «Север». Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот — освободить Крым. Переход в общее наступление осуществить в крайне сжатые сроки.

Изложив этот проект, Сталин предложил высказаться присутствовавшим.

НАКОНЕЦ-ТО НАСТУПЛЕНИЕ

Северо-Западный фронт готовил большое зимнее наступление.

В центре оперативного построения фронта действовала 34-я армия. Она получила задачу нанести удары своими флангами по демянской группировке противника: один в направлении Беглово, другой — на Монаково.

В конце декабря в командование 34-й армией вступил Николай Эрастович Берзарин. В состав этой армии перешла и 241-я стрелковая дивизия Черняховского, оставаясь на прежнем рубеже обороны.

Генерал Берзарин принял командиров соединений в просторном блиндаже, который служил ему рабочим кабинетом

и местом для заседаний Военного совета. Вместе с командиром находился и член Военного совета полковой комиссар П.Л. Базилевский.

— Вижу, вы рады встрече, — сказал Николай Эрастович командирам дивизий, тепло пожимая им руки. — Все мои довоенные знакомые, встречались в Риге на оперативных играх, — пояснил он Базилевскому.

Попросив всех подойти к развернутой на столе оперативной карте, Берзарин коротко изложил общую обстановку на фронте и поставил комдивам задачу: Штыкову — произвести перегруппировку к своему правому флангу и наступать на Беглово, прикрывая стык с 11-й армией; Черняховскому — перегруппироваться к своему левому флангу и повести наступление в направлении Монаково, Ватолино, обеспечивая правый фланг 3-й ударной армии.

Начальник штаба П.С. Ярмошкевич уточнил вопросы, связанные со штабом армии и соседями, порядок представления сводок и донесений.

На усиление 241-й стрелковой дивизии поступили 85-й отдельный танковый батальон и две мотострелковые роты в качестве танкового десанта.

Черняховский в своей известной читателям манере провел подготовительную работу и издал приказ на наступление. Для обороны своей полосы он оставлял 322-й полк, а для прорыва вражеских позиций сосредоточивал на узком участке ударную группу в составе 303-го и 318-го полков, 85-го отдельного танкового батальона, двух рот мотопехоты и роты противотанковых ружей.

Наступление войск Северо-Западного фронта началось 7 января. В этот день 11-я армия генерал-лейтенанта В.И. Морозова прорвала оборону противника южнее озера Ильмень и устремилась к Старой Руссе. Двумя днями позже, 9 января, перешли в наступление войска 3-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева и 4-й ударной армии генерал-полковника А.И. Еременко.

Вместе с ними после короткой артиллерийский подготовки в 9 часов утра нанесли удар по противнику и два левофланговых полка 241-й дивизии.

Взаимодействуя со своим левым соседом, 20-й стрелковой бригадой, части дивизии форсировали по льду озеро Селигер, освободили несколько населенных пунктов и, продвинувшись до 10—12 километров, вышли на подступы к сильным опорным пунктам врага — Жабье, Монаково.

Продолжая наступление в глубине вражеской обороны, дивизия блокировала Жабье и ночным штурмом на 12 января овладела Монаково. В Монаково был разгромлен штаб 415-го полка 123-й немецкой пехотной дивизии, захвачены 23 пленных, 20 орудий и другие трофеи.

Развернулись тяжелые, изнурительные бои за крупный населенный пункт Ватолино. Правый фланг дивизии оставался на месте, упираясь в озеро Селигер, а левый вытянулся далеко на запад, охватывая демянскую группировку с юго-востока.

Лютая стужа, глубокий, засасывающий по пояс снег и полное бездорожье сковывали боевые действия. Противостоящие немецкие части с исключительным упорством обороняли занимаемые населенные пункты. Оставление натопленных крестьянских изб и выход на стужу в поле сулили легко одетым гитлеровцам неминуемую гибель. Отсюда и небывалое их упорство.

Первые успехи в наступлении достались полковнику Черняховскому нелегко. Иван Данилович исходил на лыжах многие десятки километров, провел не одну бессонную ночь. Его видели в штабах полков и батальонов, в цепях атакующих рот, среди саперов, прокладывавших дороги, с артиллеристами, тянувшими на лямках вслед за пехотой свои орудия.

О личном мужестве комдива говорили во всех частях дивизии, с какой настойчивостью и героизмом он помогал прорвать передний край вражеской обороны.

Атакующая пехота залегла под огнем из опорных пунктов на широкой ледяной равнине Селигера. Казалось, не

было такой силы, чтобы вновь поднять зарывшихся в снег людей. Однако сила такая нашлась. Черняховский поступил так, как поступал, командуя танковыми частями. В трудные минуты он вырывался, бывало, на своем командирском танке вперед, подавал сигнал «Делай, как я!» и увлекал за собой весь боевой порядок.

И здесь, на льду Селигера, приказав начальнику артиллерии повторить огневой налет, он появился среди залегших стрелковых цепей в своем издали заметном полушубке с высоко поднятым над головой автоматом.

Личный пример комдива поднял людей. Цепи ожили, рванулись к противоположному берегу. И уж ничто не смогло остановить эту стремительную людскую лавину. Один за другим падали вражеские опорные пункты.

На главном направлении дивизии наступал 318-й стрелковый полк. Командовал им майор Степан Николаевич Перекальский.

За умелое руководство наступательными боями полка в трудных условиях суровой зимы и бездорожья, за личное мужество и храбрость майор Перекальский был награжден орденом Красного Знамени.

Командующий фронтом генерал Курочкин вспоминает:

«Во второй половине января 1942 года правофланговая 11-я армия генерала Морозова втянулась в затяжные бои за Старую Руссу, а 3-ю и 4-ю ударные армии, успешно наступавшие в юго-западном направлении, Ставка передала Калининскому фронту.

Надежды советского командования на быстрое моральное разложение окружаемого в районе Демянска противника и уничтожение его в сжатые сроки не оправдались. Опомнившись от первого удара, немцы начали наращивать силы сопротивления. К Старой Руссе и на демянское направление спешно подбрасывались свежие резервы.

Только после долгих и упорных усилий войска Северо-Западного фронта 20 февраля замкнули кольцо вокруг демянской группировки. В окружение попало семь дивизий

16-й немецкой армии общей численностью 60—70 тыс. солдат и офицеров.

Теперь в тылу гитлеровцев происходило то же, что было у нас в первые дни войны. Именно про эти события генерал Зейдлиц позже писал: «Господствовала хаотическая обстановка. Штабы, которые несколько часов назад находились в тылу, оказались вплотную перед советскими войсками. Автоколонны, которые двигались далеко за линией фронта, оказались под обстрелом советских танков. Отступающие немецкие фронтовые части были обойдены вражескими соединениями. Никто не мог сказать, кто находится впереди и сзади, никто не знал, где он найдет свое соединение».

В последних числах февраля войска Северо-Западного фронта создали внутренний фронт окружения. Удаление внутреннего фронта от внешнего достигало 40 километров. В окружении оказались войска 2-го и значительная часть сил 10-го армейских корпусов 16-й немецкой армии (12, 30, 32, 123 и 290-я пехотные дивизии, моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» и несколько отдельных частей и подразделений со средствами усиления). Общая численность окруженных войск составляла 70 тыс. солдат и офицеров.

Окруженная группировка не была надежно блокирована с воздуха. Это позволило противнику перебрасывать на самолетах окруженным войскам пополнение, боеприпасы, продовольствие и эвакуировать раненых. В марте 1942 года его транспортная авиация выполнила в районе Демянска около 3000 самолето-рейсов, перебросив до 10 батальонов пополнения, большое количество боеприпасов и продовольствия. Воспользовавшись относительной стабилизацией фронта, немецкое командование создало в середине марта в районе Старой Руссы крупную группировку сил в составе 4 дивизий под командованием генерала Зейдлица, которая при поддержке 350 самолетов нанесла удар в направлении на Рамушево, разорвав кольцо окружения. Образовался так называемый рамушевский коридор шириной 6—8 киломе-

тров и длиной до 40 километров. В течение марта—мая шла напряженная борьба за ликвидацию коридора.

В архиве, в журнале боевых действий, мне удалось обнаружить короткую конспективную запись об одном успешном бое за ликвидацию «рамушевского коридора», который осуществляла 241-я дивизия под командованием Черняховского:

«15 февраля 1943 года после 4-часовой артиллерийской подготовки в 11.35 дивизия переходит в наступление в направлении Гадилово. Прорвав фронт обороны противника на участке Извоз, Залучье на глубину 7 километров, 16.2.43 г. 318-й сп дивизии овладевает сильно укрепленным опорным пунктом противника в горловине Демянского котла — Гадилово. С 16.2. по 20.2.43 г. противник 12 раз контратаковал части дивизии. Гадилово три раза переходило из рук в руки. И только стойкостью и упорством бойцов и офицеров 26 февраля 43 года Гадилово вновь было занято дивизией Черняховского.

Противник оставил на поле боя сотни трупов. В самом Гадилово обнаружено было 3 кладбища противника общей численностью 1200 могил. В боях за Гадилово взяты трофеи: танков — 2, тракторов — 1, орудий — 15, пулеметов — 34, снарядов — около 15 000, патронов — более 315 000 и ряд другого военного имущества. Взято в плен 47 солдат противника.

Преследуя отходящего противника, 26.2.43 г. дивизия выходит на рубеж северо-западнее Гадилово 1,5 км, где сменяется другими частями, и 27 февраля 241-я дивизия выводится в резерв 53-й армии в район Фомино».

Я думаю, не надо очень напрягать фантазию, чтобы представить, в каком пекле совершался этот настоящий боевой подвиг.

На очереди встала неотложная задача — как можно скорее покончить с окруженной группировкой. К сожалению, у командования фронта не хватило для этого ни сил, ни средств.

Подведу своеобразный итог Демянской операции двумя цитатами.

В воспоминаниях генерал-лейтенант Зейдлиц позже писал, что в ходе длительных боев немцы потеряли в районе Демянска около 90 тыс. человек. Рамушевскую горловину демянского «мешка» вражеские солдаты прозвали «коридором смерти». После освобождения Демянска можно было видеть, как дорого обошлась «демянская крепость» Гитлеру. На дорогах коридора повсюду громоздились остовы разбитых машин: тягачей, грузовиков, самолетов, сгоревшие танки, искалеченные пушки, разбитые пулеметы на полях и холмах, покрытых воронками от разрывов снарядов и авиабомб, дополняли картину. От лесов остались, как поломанные зубья, обгоревшие стволы деревьев. А внутри «крепость» превратилась в кладбище с бесчисленными могилами с березовыми крестами.

А вот слова командующего фронтом Курочкина:

«Неоднократное наступление в целях ликвидации демянской группировки не принесло нам успеха. Однако фронт своими наступательными действиями наносил большой урон врагу и сковывал его крупные силы, лишив врага возможности перебрасывать войска на другие участки, в частности, под Москву. В последующие месяцы фронт под Демянском стабилизировался. Он еще долго притягивал к себе крупные силы фашистских войск. Враг вынужден был отказаться от наступления 16-й армией на Осташков и Ржев навстречу 9-й армии. Его замысел об окружении наших войск в районе Торопец — Холм не осуществился.

Северо-Западному фронту снова была поставлена задача — ликвидировать демянский плацдарм противника».

С началом весенней распутицы дивизия Черняховского была передана в состав новой — 53-й армии. Переход в другую армию весьма огорчил Черняховского. Еще никто из прямых начальников не относился к нему так чутко и отзывчиво, как Николай Эрастович Берзарин. Командарм знал грань между службой и дружбой, с ним можно было поговорить по душам, поделиться тревогами, попросить помощи.

Берзарин одним из первых обнаружил у молодого полковника незаурядные способности, пытливый творческий

ум, прекрасные боевые качества. В конце февраля Военный совет 34-й армии вторично представил Черняховского к награде и присвоению генеральского звания. А при уходе в другую армию сопроводил такой боевой характеристикой:

«Полковник Черняховский участвует в Отечественной войне с первых дней. По своей квалификации танкист. Стал командиром стрелковой дивизии в силу отсутствия материальной части (танков) и сейчас за отсутствием в армии соответствующей кандидатуры командует стрелковой дивизией, переформированной из танковой в декабре 1941 года.

Дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным. За время командования дивизией освоил общевойсковой бой и провел удачные бои по обороне и наступательным действиям.

Храбр, энергичен и напорист в выполнении принятых решений. Свои знания и опыт умело передает подчиненным. Как танкист, имеет желание работать в танковых войсках, но это настроение на выполнении задач стрелковой дивизии не отражается. За личную храбрость в боях под Новгородом и оборонительные бои за зиму 1941/42 года награжден орденом Красного Знамени.

Должности командира стрелковой дивизии соответствует. Целесообразнее использовать в танковых войсках на должности командира танковой дивизии».

3 мая 1942 года за наступательные бои по окружению демянской группировки И.Д. Черняховский был награжден вторым орденом Красного Знамени, а 5 мая ему присвоено воинское звание генерал-майора.

Но ни награды, ни отличия не могли заглушить у командира стрелковой дивизии тоску по танковым войскам. Десять лет своей службы в армии он отдал этому близкому для него роду войск. И теперь, с наступлением теплых дней, душа его рвалась из лесов и болот Северо-Западного фронта на степные просторы юга. Иван Данилович твердо верил: рано или поздно, а мечты его сбудутся. И они сбылись.

24 июня 1942 года, передав командование 241-й стрелковой дивизии начальнику штаба Павлу Григорьевичу Арабею, генерал Черняховский убыл в Москву в распоряжение начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии. Радость в предвидении возвращения в танковые войска и печаль расставания с боевыми друзьями после стольких пережитых вместе трудностей. Не буду описывать сцены прощания, приведу только один штрих, подчеркивающий чуткость и доброту Черняховского к своим подчиненным.

Хирург медсанбата А.В. Ростошинский вспоминает такие эпизоды:

«Однажды перед вечером приезжает полковник И.Д. Черняховский, вызывает меня и говорит:

— Как вы смотрите на то, чтобы выделить хирургическую группу вперед за 20 километров, чтобы там оказывать помощь тяжелораненым. Легкораненых и раненых средней тяжести будем доставлять в основной медсанбат.

Идея Черняховского мне очень понравилась.

— Кто поедет? — спрашивает он.

Отвечаю:

— Я.

— Подберите людей, но очень немного. Выедете ночью.

Комдив наметил месторасположение группы — село Борок, в двух километрах от штаба дивизии. Наутро, когда хирургическая группа: Ростошинский и Вилько, четыре медсестры и два санитара подготовились на новом месте для приема раненых, снова приехал командир дивизии, зашел в домик, где была операционная, и, вызвав ведущего хирурга на улицу, объяснил, куда надо уходить в случае внезапного прорыва противника».

В медсанбат приезжал Черняховский вообще часто, посещал раненых, беседовал с ними и всегда удивлялся, что их много, а на поле боя это как-то незаметно. Перед отъездом на новое место службы Черняховский приехал в медсанбат прощаться с ранеными и зашел в землянку к Ростошинскому, посидел, поговорил, попрощался.

ВОРОНЕЖСКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ И РАДОСТИ

Военнослужащие так воспитаны — поощрения повышают их активность, воодушевляют на дальнейшую старательную службу. Наверное, для этого и были придуманы и введены поощрения разных видов. Для офицера или генерала похвала вышестоящего начальника даже на словах — уже поощрение, в смысле стимуляции его к работе. Ну, а если отмечен внеочередной звездой на погоны, а тем более орденом, это вообще окрыляет. Знаю об этом по своим эмоциям, за долгую службу получал немало звезд на погоны и орденов на грудь.

Мне кажется, нечто подобное переживал и Черняховский после доброй беседы с командующим Бронетанковыми войсками Красной Армии генерал-лейтенантом Я.Н. Федоренко и назначения на должность командира 18-го танкового корпуса. У него получилась двойная радость: повышение по должности, и в родные сердцу танковые войска вернулся. Это произошло 13 июля 1942 года. Если напомнить, что всего четыре месяца назад получил звание генерал-майора, а в мае — два ордена Красного Знамени, то нетрудно представить, как это его вдохновляло, с каким нетерпением он спешил к новой работе.

Все перечисленные поощрения он получил вполне заслуженно, а звание генерала, даже с задержкой, можно было и пораньше присвоить — и должность, и успехи в боях вполне позволяли его отметить.

И вот теперь корпус! Это объединение в несколько дивизий, многих специальных частей. Задачи перед ним ставятся оперативных масштабов. И ко всему этому Иван Данилович был готов, он ощущал в себе необходимые знания, боевой опыт и, главное, пылкое желание применить все это в горячем боевом деле как можно скорее.

Поскольку Черняховский отправлялся на другой, Брянский, фронт, считаю необходимым познакомить читателей с

обстановкой, в которой ему предстояло командовать 18-м танковым корпусом.

Сначала заглянем в ставку Гитлера.

Когда случаются неудачи, начинают искать не только причины этих неудач, но и виновных. И, как правило, таковыми оказываются не те, по чьей вине случились беды, а те, на кого можно свалить эти неудачи. Фюрер просто бесновался от негодования. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Цейтцлер так пишет об этой манере Гитлера сваливать вину на других:

«Это был обычный метод Гитлера. Совершая ошибку, он сваливал свою вину на другого, снимал его с должности и на его место назначал нового человека. Он никогда не делал правильных выводов из своих неудач, иначе он мог бы если не исправить ошибки, допущенные в прошлом, то по крайней мере уменьшить влияние их на события в будущем».

Так было и после катастрофы под Москвой. 19 декабря 1941 года Гитлер вызвал главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича и устроил ему двухчасовую головомойку. Через два часа Браухич вышел из кабинета Гитлера уже не командующим сухопутными войсками, а генерал-фельдмаршалом в отставке. Гитлер считал катастрофу под Москвой чуть ли не личным оскорблением. Он говорил Геббельсу об этом следующее (Геббельс записал эти слова в своем дневнике):

«Если бы Браухич сделал то, что от него требовали и что он обязан был в действительности делать, наше положение на Востоке оказалось бы совсем иным. Фюрер не имел ни малейшего намерения наступать на Москву. Он хотел захватить Кавказ и тем самым поразить советскую систему в ее самом уязвимом месте. Но Браухич и его Генеральный штаб считали это неверным. Браухич все время требовал наступления на Москву. Он хотел успехов ради престижа вместо настоящих успехов».

И действительно, когда еще принималось окончательное решение о нападении на Советский Союз, шел спор, куда

именно нанести главный удар. Часть крупных военных, участвовавших тогда в разработке плана, была за то, чтобы нанести удар на Москву и Ленинград; это, считали они, приведет Советскую страну к краху и падению. Победа во многих войнах так и выглядела: разгром вооруженных сил и взятие столицы государства.

Гитлер и другая группа генералов считали: необходимо направить удар на юг, лишить Советский Союз основных промышленных центров. Еще в дни разработки плана «Барбаросса» Гитлер говорил:

«Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и разрушении остальных промышленных районов, прежде всего в районе Екатеринбурга (Свердловска. — *В.К.*); кроме того, необходимо овладеть районом Баку».

Таким образом, Гитлер с самого начала был сторонником южного варианта. Он считал, что советские вооруженные силы надо подорвать прежде всего экономически, лишить их энергетических ресурсов, и тогда даже то, что не будет уничтожено, без горючего остановится само собой.

Главнокомандующий сухопутными войсками Браухич и начальник Генерального штаба Гальдер были сторонниками нанесения удара на Москву. Поэтому после нападения Германии на Советский Союз, несмотря на то что войска действовали на широком фронте, главный удар, главный нажим, главная концентрация войск все же были в северной части, то есть направлены на Москву.

Я не берусь оценивать, какой из вариантов был целесообразнее с военной точки зрения, тем более что сейчас ходом событий и военной наукой уже доказано, что и тот, и другой не имели бы успеха, потому что в целом вся стратегия гитлеровского Генерального штаба носила авантюристический характер и не могла принести победы.

Но попытаемся, не касаясь всего огромного механизма войны, больших и малых рычагов, с помощью которых управляют этим механизмом, а просто чисто логически порассу-

ждать над замыслом Гитлера, отказавшись от бранной клички «ефрейтор», которой его окрестили в годы войны. Гитлер к сороковым годам имел большой опыт создания вооруженных сил, военной промышленности и руководства крупными военными операциями, достаточно напомнить захват Польши, Франции и других государств Европы. Если вспомнить все это, то покажется не таким уж легкомысленным (а порой именно так его истолковывают) намерение Гитлера захватить источники нефти и лишить горючего всю военную технику Красной Армии.

В этой войне при ведении боевых действий мотор стал решающим средством. Он присутствовал всюду: на земле — в танках, автомобилях; в воздухе — в самолетах; на воде — на кораблях и подлодках. Без горючего вся эта техника, конечно, встала бы. Основные источники нефти в те годы у нас находились на Кавказе, здесь наша страна добывала 86 % ее. Многие нынешние известные месторождения Сибири и Поволжья в те годы еще не были достаточно разведаны, не говоря уж об освоении.

Так вот, если на минуту представить себе такой вариант (пусть это не покажется кощунственным, ведь в 1939 году, например, могло показаться кощунством предположение, что немцы выйдут к Волге), если бы гитлеровцам действительно удалось захватить наши источники нефти на Кавказе, что произошло бы дальше?

Гитлер, видя героизм и мужество советских воинов, в глубине души уже боялся их и понимал: если так пойдет и дальше, то силу сопротивления советских людей не одолеть. Вот почему в беседах со своим окружением он говорил: зачем вступать в бой с советскими танкистами, с советскими летчиками, так геройски сражающимися? Когда у них не будет горючего, то и танки и самолеты можно будет собирать, как пустые консервные банки! Ну а те, кто на них воевал, без горючего останутся просто беспомощными.

В общем, Гитлер решил сам взяться за дело. Он теперь уже просто не доверял своим генералам, о чем говорил от-

крыто. После краха наступления на Москву разгневанный фюрер, кроме Браухича, снял с высоких командных должностей командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока, Гудериана, Вейхса, Лееба — всего 35 высокопоставленных военачальников.

Фюрер издал приказ, что отныне он берет на себя командование сухопутными войсками. 1 июня 1942 года Гитлер прибыл в штаб группы армий «Юг», который располагался в Полтаве. С этого дня он решил лично руководить всеми операциями на Восточном фронте и особенно здесь, на юге, то есть добиться осуществления своей заветной цели — захватить источники нефти на Кавказе.

О том, какое большое значение фюрер придавал предстоящим операциям, свидетельствует хотя бы эта фраза, сказанная им на совещании:

«Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной».

Во второй половине июля 1942 года немецкие войска заняли город Ростов и вышли к Дону. К этому времени уже была разработана новая операция под кодовым названием «Эдельвейс», в основу которой легли личные указания Гитлера. Он подписал ее 23 июля 1942 года. Согласно этой директиве, ближайшей задачей группы армий «А» было: окружение и уничтожение советских войск, ушедших за реку Дон, после чего группа армий «А» создает мощный кулак из танковых, моторизованных соединений, которым наносит удар в направлении Грозного и Баку.

Группа армий «Б» должна нанести удар в направлении на Сталинград, чтобы обеспечить фланг и безопасные действия группы армий «А», овладеть пространством между Доном и Волгой и прекратить перевозки по Волге, а после овладения Сталинградом наступать вдоль Волги.

Вот на этом направлении, против группы «Б» предстояло действовать 18-му танковому корпусу. Он был сформирован как отдельный и пока не был придан ни фронту, ни какой-либо армии.

На воронежском направлении группа армий «Б» под командованием генерала Вейхса осуществляла свой стратегический план под кодовым названием «Блау» (позднее переименован в «Брауншвейг»). Он предусматривал нанесение ударов по сходящимся направлениям (из района северо-восточнее Курска на Воронеж, из района Волчанска на Острогожск) с целью окружить и уничтожить советские войска западнее Старого Оскола, выйти на реку Дон на участке от Воронежа до Новой Калитвы и захватить плацдарм на его левом берегу для дальнейшего наступления с этого плацдарма на Сталинград.

28 июня 1942 года группа армий генерала Вейхса, имея в первом эшелоне семь дивизий, нанесла мощный удар в стык 13-й и 40-й наших армий, на левом фланге Брянского фронта, которым командовал генерал-лейтенант Ф.И. Голиков.

Чтобы остановить продвижение группы Вейхса, Ставка перебросила на левый фланг Брянского фронта 4-й танковый корпус генерал-лейтенанта Мишулина, 24-й танковый корпус генерал-майора Баданова и 17-й танковый корпус генерал-майора Фекленко. Но через два дня перешла в наступление из-под Волчанска главная ударная группировка немцев в этой операции — 6-я армия Паулюса, усиленная 40-м танковым корпусом и 4-м воздушным фронтом.

3 июля части Вейхса и Паулюса замкнули кольцо в районе Старого Оскола. Образовалась огромная брешь, в которую ринулись танковые и моторизованные соединения. Вскоре немецкие части вышли к Дону, нависла угроза захвата ими Воронежа.

Сталин позвонил генералу Голикову и строго сказал:

— У вас три танковых корпуса и 5-я танковая армия, почему вы не отразили удар немцев? У вас танков больше, чем у них. Ставка дает вам 18-й танковый корпус генерала Черняховского. Сосредоточьте его в районе Воронежа. Город не сдавать ни в коем случае! Вам лично выехать в район Воронежа и организовать его оборону.

Вот в такой кризисный момент генерал Черняховский прибыл к Голикову с офицерами штаба для получения за-

дачи. Части корпуса находились в лесах недалеко от Воронежа, скрываясь от мощных бомбардировок гитлеровской авиации. Голиков после разговора со Сталиным немедленно отправился в Воронеж. Черняховский вместе с оперативной группой Голикова прибыл туда же.

Оперативная группа разместилась в подземном бункере на обрыве западного берега р. Воронеж, возле Чернавского моста. Черняховский ждал задания.

После ожесточенных и кровопролитных боев в районе Касторной и Горшечное механизированные части противника вырвались на оперативный простор и вечером 3 июля 1942 года достигли берегов Дона.

Перед надвигающейся танковой и моторизованной армадой противника Воронеж был беззащитен, он просто-напросто был оголен. На подступах к Дону на 70-километровом участке вдоль правого берега реки была растянута 232-я стрелковая дивизия, а в самом городе — небольшие части НКВД.

Воронеж подвергался непрерывным бомбардировкам вражеской авиации. Порой над Воронежем висело от 80 до 100 самолетов.

Над городом нависла смертельная опасность. 2 июля в 2.30 Ставка ВГК передала командующему 6-й армией Ф.М. Харитонову, находящемуся в городе Новохоперске Воронежской области, срочное распоряжение: «К утру 3.07.42 г. войскам занять левый берег Дона и приступить к оборонительным работам».

3-я резервная армия (командующий Антонюк) подобное распоряжение получила 2 июля в 4.10 и была приведена в боевую готовность, заняв оборонительный рубеж по восточному берегу реки Дон.

Вполне естественно, что успех защитников Воронежа зависел и от того, как быстро подойдут отступающие под натиском противника 40-я и 13-я армии Брянского фронта и успеют ли они окопаться на восточном берегу.

3 июля началась эвакуация жителей города, и враг предпринял первую попытку форсировать Дон в районах пере-

прав у г. Семилуки, Новоживотинное и Малышево. Но получил достойный отпор.

Части и соединения 6-й немецкой армии 5 июля 1942 года захватили районный город Острогожск. К Коротояку отступили наши танковые корпуса Мишулина (4 тк), Баданова (24 тк) и стали переправляться на восточный берег Дона.

Несмотря на строгий запрет Ставки «не вводить танки разрозненно в бой», Голиков пренебрег указанием, и танковые бригады 18-го танкового корпуса были направлены в разные районы города. Это было вызвано сложной обстановкой. Возражения Черняховского по поводу такого использования корпуса не были приняты во внимание.

В тот период, наведя понтонные переправы, противник успел создать на левом берегу Дона у Семилук и Малышево три опорных плацдарма и начал наступление на пригороды Воронежа.

Черняховский вместе с воинами своих танковых бригад в районе совхоза «Ударник» лично пошел в бой на Т-34. Это было сделано специально. Своим личным примером командир корпуса решил воодушевить танкистов. За ним ринулись 14 экипажей. В ближнем бою наши танкисты подбили несколько вражеских машин. Но навстречу выдвинулось еще два десятка немецких танков. Тогда командир корпуса принял решение ввести в бой свой резерв. Танки двигались лоб в лоб. На поле боя запылали еще 8 немецких танков. Часть вражеских танков повернула вспять.

— Догнать! — скомандовал Иван Данилович и сам ринулся вперед. Но в этот момент вражеский снаряд угодил в машину командира. От удара снаряда по броне Черняховский получил контузию. Ему необходимо было лечь в госпиталь, но он отказался, так как положение на северном участке Воронежа, где действовала 181-я танковая бригада, было сложным.

Тяжелое положение наших войск обострилось 7 июля 1942 года, когда противник при поддержке сильного артиллерийского огня ввел в бой новые и свежие резервы. Почти

целую неделю черняховцы отражали натиск врага, не давая ему окружить Воронеж и захватить его полностью. Однако, ворвавшись в центральную часть города, немцы засели на правобережных высотах. Это была выгодная позиция. Весь город и особенно его луговая левобережная часть была как на ладони.

7 июля 1942 года решением Ставки ВГК из левого фланга Брянского фронта был создан Воронежский фронт в составе 60-й (бывшая 3-я резервная), 40-й и 6-й (6-я резервная) армий, 4, 17, 18, 24-го танковых корпусов и 2-й Воздушной армии генерала С.А. Красовского. Ближайшей задачей вновь созданного фронтового объединения было «во что бы то ни стало очистить восточный берег р. Дон от противника и срочно закрепиться для обороны на этом берегу в пределах всей полосы фронта».

9 июля 1942 года Ставка ВГК перед командованием Воронежского фронта поставила задачу не позднее 11 июля нанести решительный удар между р. Дон и р. Воронеж из района Севрюкова, Рамонь на юг, в направлении на Подгорное, Малышево с задачей очистить восточный берег в районе Подклетное, Семилуки, Малышево, Воронеж и все пространство между р. Дон и р. Воронеж.

Черняховский прибыл с докладом в штаб вновь созданного Воронежского фронта. Здесь произошла его встреча с новым командующим, генералом Н.Ф. Ватутиным.

Николай Федорович принял Черняховского, как старого боевого соратника.

— Очень рад, что мы снова в одном строю, — говорил он, любезно усаживая Ивана Даниловича в своем кабинете. Ватутин еще в боях за Новгород в августе 1941 года высоко оценил инициативные действия энергичного и волевого полковника — командира танковой дивизии, поверил в него и не ошибся. А теперь бывший полковник предстал перед ним уже генералом — командиром танкового корпуса.

— Рад и я, товарищ командующий. Для пользы дела очень хотелось бы иметь для корпуса самостоятельный участок

обороны. Тогда можно было бы одновременно и обороняться, и учить войска, — сказал Черняховский в заключение.

Ватутин пообещал разобраться и переговорить об этом с Антонюком. А затем как бы случайно спросил:

— А как бы вы отнеслись, Иван Данилович, если бы вам вместо танкового соединения предложили общевойсковое?

Немного подумав, Черняховский ответил:

— По своей военной специальности я танкист и люблю этот род войск.

— Хорошо помню, — слегка улыбаясь, сказал Ватутин. — Знаю и то, что, прежде чем стать танкистом, вы были артиллеристом и также любили свой род войск. А совсем недавно командовали стрелковой дивизией, и, видимо, тоже не без любви. Об этом говорят и новое воинское звание, и награды.

Черняховский не придал значения этим словам командующего. И напрасно. Как выяснилось позднее, талантливый генерал уже попал в поле зрения Сталина.

Беседа переключилась на военную обстановку в стране и задачи Воронежского фронта. Захватив Воронеж, немецко-фашистские войска продолжали наступление во фланг и тыл Юго-Западному и Южному фронтам.

К середине июля они отбросили советские войска за Дон, от Воронежа до Клетской, захватили Донбасс, угрожали Сталинграду и Кавказу. Чтобы воспрепятствовать проникновению противника в низовья Волги и на Северный Кавказ, Верховное Главнокомандование образовало новый, Сталинградский фронт. Развертывались жестокие бои в большой излучине Дона.

— На юге дела плохи, — резюмировал Ватутин. — Поэтому наша с вами задача — всемерно активизировать оборону, сковывать врага, не давать ему выдергивать и перебрасывать войска с нашего фронта на сталинградское направление. Но, к сожалению, — подчеркнул командующий, — и этой скромной задачи мы пока не выполняем. Недавно немцы сняли с воронежского плацдарма 48-й танковый корпус. Теперь он действует на юге.

— А нельзя ли у нас отбросить противника за Дон и освободить Воронеж? — осторожно спросил Черняховский.

— Пытаемся. Такая задача поставлена генералу Антонюку и соседней с вами 40-й армии генерала Попова...

КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ

Прошло восемь суток с памятной для Черняховского встречи с Н.Ф. Ватутиным. 60-я армия силами трех стрелковых дивизий, 17-м танковым и частично 18-м танковым корпусами несколько дней кряду вела наступление, стремясь обойти воронежскую группировку противника с севера, изолировать ее от частей, расположенных на западном берегу Дона, и совместно с 40-й армией овладеть городом.

В ходе боев было захвачено село Подгорное, а другое большое село — Подклетное — несколько раз переходило из рук в руки. Войска армии ворвались на северную окраину Воронежа, закрепили за собой городок Воронежского сельскохозяйственного института.

И все же, несмотря на ожесточенность боев и частичный успех, поставленная войскам задача осталась невыполненной.

Сталин вызвал командующего 60-й армией генерала Антонюка к телефону.

— Мы помним ваши неудачи на Ленинградском фронте. Вы опять повторяете свои старые ошибки. Нам нужно наступление, а не оборона. Вы отбиваетесь от противника, а надо его сбросить с левого берега! Вы неправильно, неграмотно применяете танковые части, растопыренными пальцами бьете, а не массированным кулаком. К тому же без должной поддержки авиации.

Как и полагается в таких случаях, генерал Антонюк собрал Военный совет 60-й армии, чтобы обсудить недостатки и найти меры к их устранению. В числе других виновников командующий отметил и танкистов:

— Генерал Черняховский, доложите причины неуспешных действий и больших потерь танков.

Черняховский готов был изложить свое мнение, сказанное еще Голикову, о нецелесообразности использования корпуса по частям, но не успел. Вошел дежурный по штабу и сказал:

— Товарищ командующий, вас вызывает Ставка к ВЧ.

Генерал Антонюк быстро пошел на узел связи. Наступила пауза. Все ждали его возвращения. Вскоре он вернулся. Все обратили внимание, что теперь он шел не так быстро, как по вызову к телефону. Антонюк почему-то не сел в кресло, где сидел раньше, как командующий, а опустился на стул рядом с членом Военного совета.

Минутку помедлив, Антонюк сказал:

— Генерал Черняховский, вас вызывает к аппарату товарищ Сталин.

Наступила еще одна пауза.

Знакомый голос Сталина с мягким кавказским акцентом сказал в трубке телефона:

— Здравствуйте, товарищ Черняховский.

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

— Ватутин попросил назначить вас командующим шестидесятой армией. Мы не возражаем. А как сами вы смотрите на это? — спросил Сталин.

— Как прикажете, товарищ Сталин. Ваше высокое доверие постараюсь оправдать всей своей жизнью, — ответил взволнованно, горячо. Иначе и не мог.

— Вот и хорошо. Принимайте армию, — сказал Сталин. — А Антонюку мы подберем другую работу.

Черняховский вернулся в зал заседания Военного совета спокойным, ровным шагом (старался, чтобы это так выглядело, в голове, конечно, был радостный взлет мыслей). Он сел на стул, где прежде сидел Антонюк, и негромко объявил:

— Товарищи, я назначен командующим 60-й армией. (Умышленно не сказал: назначен Сталиным, чтоб не восприняли это как похвальбу.) Как вы понимаете, продолжать

заседание я не готов. Мне надо подготовиться. Поэтому объявляю перерыв до особого распоряжения.

Генерал-лейтенант Антонюк вины за собой не ощущал, он в формировании армии не участвовал, принял ее с началом боев и ровно через пятнадцать дней сдавал уже третьему по счету командарму.

— Эх-хэ-хэ! — не скрывая обиды, вздохнул Максим Антонович. — Такая уж, видно, судьба. Вы помоложе, вам, возможно, и повезет, — сказал он Черняховскому.

25 июля 1942 года Черняховский подписал приказ о вступлении в исполнение обязанностей командующего 60-й армией. Командование 18-м танковым корпусом было передано генерал-майору И.П. Корчагину.

60-я армия, переименованная приказом Ставки из 3-й резервной, являлась молодым войсковым организмом, только начинающим приобретать боевой опыт.

Боевое крещение ее войска получили в первых числах июля под Воронежем. К концу июля в состав армии входили семь стрелковых дивизий, три танковых корпуса и две истребительно-противотанковые бригады. Среди общевойсковых соединений наиболее боеспособными считались 232-я стрелковая дивизия, укомплектованная сибиряками-алтайцами, под командованием подполковника Ивана Ильича Улитина и переданная из 40-й армии во время боев за Воронеж 121-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Петр Максимович Зыков.

Армия занимала оборону по восточному берегу Дона до Подклетное, а от Подклетное, которое удерживалось противником, передний край шел на восток и через северную окраину Воронежа упирался в одноименную с городом реку.

В первую очередь надо было поговорить с членом Военного совета Ф.Ф. Кузнецовым, но армейский комиссар сам только прибыл на эту должность, тоже не вошел еще в курс дел.

Иван Данилович по опыту знал: в работе любых масштабов надо опираться на людей, на подчиненных. Сейчас у него

ближайшими помощниками будут работники штаба. Но знакомство с ними оказалось неутешительным. Штаб армии был укомплектован молодым офицерским составом с очень низким оперативно-тактическим кругозором, без каких-либо навыков в сложной штабной службе. Многие офицеры взяты из запаса, некоторые должности оперативных работников замещались интендантами. Из всего личного состава штаба выделялся начальник оперативного отдела подполковник Петр Николаевич Лащенко. До войны он прошел хорошую школу в частях Московской Пролетарской дивизии, а в армию прибыл после окончания Военной академии.

Порадовал старый служака в армии, начальник штаба генерал-майор Сергей Николаевич Крылов. Основная тяжесть формирования и сколачивания управления и войсковых соединений легла на его плечи. По возрасту он старше Черняховского на десять лет. В старой армии окончил школу прапорщиков, а в Красной Армии — Военную академию им. М.В. Фрунзе. За отличия в Гражданской войне награжден орденом Красного Знамени. В прежних характеристиках старшие начальники аттестовывали его как хорошо подготовленного, старательного и дисциплинированного работника, склонного к штабной и научно-исследовательской работе. Отмечались и его недостатки — мягкость характера, низкая требовательность к подчиненным, стремление все сделать самому.

Предстояло еще многое сделать, чтобы штаб армии стал полноценным органом оперативного управления. И все же, не теряя времени, Черняховский с помощью своего штаба приступил к проверке боевой готовности войск армии. Сначала всесторонней проверке подверглась 107-я стрелковая дивизия, находившаяся в армейском резерве. Состоянием ее частей новый командарм остался крайне не удовлетворен. Оружие в дивизии после боев не ремонтировалось, боеприпасы не были пополнены. Тыл не приведен в порядок, боевой подготовкой никто не занимался. Особенно плохо выглядел 516-й стрелковый полк.

Дивизия попусту потеряла трое суток. Многие командиры по своей неопытности считали, что если их вывели в резерв, то в первую очередь надо предоставить людям отдых, а потом уже заниматься делами.

Член Военного совета рекомендовал строго предупредить командира дивизии полковника Д.Ф. Дремина и военкома Ф.С. Широкова.

— Неприятно как-то начинать с дисциплинарных взысканий, — возражал Черняховский члену Военного совета.

— Ничего не поделаешь, Иван Данилович, обстоятельства вынуждают, — настаивал армейский комиссар. — Пусть сразу все почувствуют — беспечным и разгильдяям потачки от нас не будет.

Через несколько дней после проверки состояния обороны в войска был разослан приказ:

«Несмотря на то что части на занимаемых рубежах находятся больше 10 дней, однако в силу нетребовательности и безответственности со стороны командиров дивизий и танковых корпусов части укрепились крайне плохо. Траншей нет, отдельные ячейки отрыты слишком мелко и между собой ходами сообщения не соединены. Траншей из глубины к передовым позициям также нет. Лошади, автомашины в землю не врыты и не замаскированы...»

Военный совет потребовал от командиров соединений срочно врыть в землю первые и вторые эшелоны дивизий, укрыть штабы, узлы связи, подготовить запасные командные и наблюдательные пункты.

Наказывать Черняховский никого не стал.

— Одними взысканиями боевую готовность не поднимем, надо учить людей, — твердо сказал командарм. — Одно дело в кадровых частях, где тебя понимают с полуслова, другое здесь, у нас, где основная масса командиров и политработников пришла из запаса, а среди рядовых преобладают восемнадцатилетние парни, впервые взявшие в руки оружие. Будем разъяснять, показывать, учить, а одновременно будем и требовать выполнять наши приказы не механически, а осмысленно.

Такое первое несогласие с членом Военного совета не сулило ничего хорошего в будущей с ним работе. Но так произошло бы в том случае, если бы на месте Кузнецова оказался политработник-ортодокс, считающий себя, как это было у некоторых из них, «глазом партии», и что его мнение и есть мнение ЦК.

Однако Федор Федотович был человек не амбициозный, здравомыслящий, объективный и в лучшем смысле партийный. Я говорю об этом так определенно потому, что работал под руководством Кузнецова, когда он был начальником Главного разведывательного управления (в котором я служил уже после встречи с Черняховским и после учебы в Высшей разведшколе ГРУ).

В подтверждение сказанного выше о первых днях совместной работы с Черняховским, несмотря на прохладное начало, Федор Федотович записал в своей «памятной тетради»:

«Черняховский нетороплив, немногословен, и вместе с тем все в нем бурлит. Все хорошее и плохое он принимает близко к сердцу, на все реагирует. Привлекает его внутренняя собранность и скромность. Другой бы на его месте мог вознестись, возомнить о себе, а он никогда своего "я" не выпячивает, с подчиненными вел себя запросто, как старший товарищ. Личные качества и деловитость командарма нравились».

Ватутин не раз побывал в 60-й армии. Он похвалил мероприятия Черняховского по усилению обороны и в то же время обратил его внимание на плохую работу штаба 195-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник М.Г. Микеладзе. Начальнику штаба майору Обушенко за неправдивые донесения сделал предупреждение.

Иван Данилович понимал: внимание Ватутина и доверие Сталина надо оправдывать делом. Но обстановка, в которой он вступил в командование 60-й армией, не позволяла сразу успешно проявить себя. Немцы превосходили в силах, были на взлете хорошо развивающейся операции, готовы все сокрушать на своем пути.

И все же Черняховский нашел возможность хотя бы на время остановить наступление врага. Тем более что и общая обстановка требовала активизации и упорства в боях.

29 июля 1942 года поступил в 60-ю армию приказ народного комиссара обороны № 227. Об этом приказе написано много правды и неправды. Особенно некоторые дилетанты упражняются в недоброжелательных комментариях. Может быть, из-за их кривотолков текст приказа № 227 полностью редко публиковался, чаще давались отрывки и рассуждения о его содержании.

Мне кажется полезным познакомить читателей с полным текстом этого приказа.

Приказ народного комиссара обороны СССР
о запрещении отхода с занимаемых позиций
без приказа и мерах по его обеспечению
№ 227 от 28 июля 1942 г.

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разоча-

ровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отсту-

пать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора закончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности. Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя

терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Выполнить этот призыв — значит, отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они

дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в Военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду:

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин.

Приказ народного комиссара обороны № 227 был размножен типографским способом и зачитан во всех штабах и подразделениях армии. Это был, по существу, не приказ, а обращение ко всем командирам, красноармейцам и политработникам, в котором была сказана суровая правда тех дней.

Этот документ произвел на всех огромное впечатление ясностью изложенных в нем перспектив и задач. Отныне для каждого железным законом стал лозунг: «Ни шагу назад!».

Груз отмеченных в приказе недостатков отмечал Черняховский и в действиях частей, которыми он командовал раньше.

Черняховский понимал, что только активными действиями можно не позволить противнику снимать войска с его участка для переброски на сталинградское направление, поэтому принял решение возобновить бои за Подклетное. К этой операции он привлек 161-ю стрелковую дивизию полковника И.П. Кочеткова и две танковые бригады 17-го танкового корпуса, которым командовал полковник П.П. Полубояров. Бои и на этот раз приняли затяжной характер. Ключевая позиция немцев на подступах к Воронежу, так же как и в июле, неоднократно переходила из рук в руки.

Воронеж и прилегающий к нему плацдарм немцы обороняли упорно и значительными силами.

К концу августа на юге враг узким клином прорвался к Волге; жестокие, кровавые бои шли уже на окраинах Сталинграда. А под Воронежем наступило затишье. Из 60-й армии убыли в резерв командующего фронтом 159-я и 161-я стрелковые дивизии и все танковые корпуса. Оставшиеся соединения продолжали совершенствовать оборону.

В сентябре Черняховский вновь попытался навязать свою волю противнику и сковать его силы. На отдельных участках армейской обороны были проведены наступательные бои, они закончились некоторым улучшением занимаемых позиций.

И соседи стремились поддержать южан. В сводке Информбюро за 30 августа сообщалось:

«Началась Ржевско-Сычевская наступательная операция войск Калининского и Западного фронтов против немецко-фашистских войск 9-й и 3-й танковой армий. Операция была предпринята с целью разгрома противостоящей группировки противника и отвлечения части его резервов с южного направления, а также облегчения условий борьбы советских войск на сталинградском и кавказском направлениях».

«Войска Сталинградского фронта продолжали вести оборонительные бои в большой излучине Дона, где 62-я и 64-я армии отбивали попытки противника пробиться к Сталинграду. Войска правого крыла Северо-Кавказского фронта соединениями 51-й армии отражали наступление корпусов 4-й танковой армии противника, повернутых с плацдарма от Цимлянской и Николаевской в сторону Сталинграда. Прорвав фронт армии, танки противника начали развивать удар вдоль железной дороги на Сталинград».

В августе произошли и другие события как на фронте, так и в личном плане. Армейский комиссар Кузнецов убывал к новому месту службы. Вместо него прибыл корпусной комиссар Александр Иванович Запорожец.

Расставаться с Федором Федотовичем было нелегко. За три месяца совместной службы командарм и член Военного совета не только сработались, но и сдружились.

Забегая вперед, нужно сказать, что такой дружбы у Ивана Даниловича с новым членом Военного совета не получилось, да и служебные их отношения оставались сугубо официальными.

В эти дни в сводках сообщалось:

«Завершилась наступательная операция 6-й армии Воронежского фронта. Войска армии успешно форсировали Дон южнее Воронежа и захватили плацдарм на его западном берегу севернее Коротояк. В результате этого немецко-фашистское командование вынуждено было израсходовать под Воронежем до пяти дивизий, предназначавшихся для наступления к Волге.

Завершился отход войск 51-й армии Сталинградского фронта. Соединения армии закрепились на линии озер

южнее Сталинграда. Навстречу наступающему противнику на р. Аксай была выдвинута оперативная группа генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова, которая позднее была включена в состав 64-й армии.

Войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов (командующий обоими фронтами по совместительству генерал-полковник А.И. Еременко) повсеместно отошли на внешний оборонительный обвод Сталинграда и остановили на этом рубеже наступление противника. Первый этап оборонительного периода битвы на Волге окончился».

Слова сводки о том, что Еременко командует Юго-Западным фронтом «по совместительству», коснулись и Черняховского. Позвонил командующий фронтом Ватутин.

— Иван Данилович, приезжайте ко мне вечерком, часикам к десяти. Дело есть, — сказал Ватутин.

— Что прикажете захватить с собой? — осведомился Черняховский.

— Ничего, жду одного вас.

Николай Федорович принял командарма по-домашнему, не в штабе, а на квартире.

— Завтра я, Иван Данилович, убываю на новый фронт, — сказал Ватутин, — а сегодня на досуге хочу вместе поужинать, поговорить.

Новость ошеломила Черняховского. По пути в штаб фронта он передумал о многом, но того, о чем услышал теперь, и в мыслях не было. Иван Данилович очень уважал Ватутина, и не только потому, что многим был ему обязан, а главным образом за его высокую оперативную зрелость, чуткость к людям, умелый подход к подчиненным, видел в нем талантливого военачальника и учился у него. Расставаться с ним было тяжело. Тронуло до глубины души и приглашение Ватутина на дружеский ужин.

— Куда же переводят вас, Николай Федорович? — спросил Черняховский, подавляя нахлынувшие чувства.

— Приказано возглавить Юго-Западный фронт, а на Воронежский Ставка назначила Филиппа Ивановича Голикова.

Надолго запомнились этот прощальный вечер и душевный разговор. Вспоминали о прошлом, заглядывали в будущее. Но ни один из них не мог предвидеть тогда тех резких перемен, которые вскоре произойдут под Сталинградом.

С этого дня Черняховский, кроме своих забот по 60-й армии, регулярно искал в сводках сообщения о Юго-Западном фронте и что происходит под Сталинградом. Но Информбюро изо дня в день повторяло одну и ту же короткую фразу: «Советские войска вели упорные оборонительные бои с противником в районе Сталинграда и на Кавказе».

В ноябре холода и вьюги «охладили» действия войск.

В 60-й армии изучали юбилейный приказ Народного комиссара обороны. Сталин торжественно провозгласил: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник».

Ждать пришлось недолго. Ненастным утром 19 ноября несмолкаемый грохот советской артиллерии в придонских и приволжских степях возвестил о начавшемся контрнаступлении советских войск. На пятый день сражения усилиями Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов в районе Сталинграда было завершено окружение 330-тысячной немецкой группировки.

После разгрома врага под Сталинградом южные фронты приступили к освобождению Донбасса. А войска Воронежского фронта все еще находились в обороне, вели разведку и небольшие бои местного значения. Все понимали, что и на Воронежском фронте бурные события не за горами, и каждый по-своему готовился к ним.

Но, наверное, никто в армии не ожидал предстоящего наступления с такой душевной тревогой, волнениями и надеждами, как сам командарм.

Прошло почти полгода его командования армией. Он уже привык к почтительному обращению к нему со словами «товарищ командующий», в которые вкладывалась и душевая теплота, и вера в своего начальника, в его мастерство, умение добиваться победы малой кровью.

А этого мастерства он как командующий пока еще не проявил. Оборона протекала без крупных столкновений. Ни большого таланта, ни особого творчества, чтобы руководить такой обороной, не требовалось. Оперативные способности, воля и характер командарма, слаженность войск, подготовленность его штаба к управлению войсками в крупных сражениях оставались пока не проверенными.

Все испытания были впереди. И как-то он справится с ними?

Десятки раз Иван Данилович всматривался в развернутую на столе оперативную карту, измерял циркулем, прикидывал, взвешивал, сопоставлял. Главная полоса вражеской обороны проходила по высокому западному берегу Дона. Особенно сильно были укреплены немцами плацдарм между реками Воронеж и Дон и город Воронеж. Летние попытки овладеть городом и отбросить противника за Дон успеха не имели.

Да и теперь такая задача была бы для армии непосильной. Войска располагались с оперативной плотностью 12—15 километров на дивизию. Резервов не было. Чтобы создать необходимую для наступления группировку, надо было или сократить в два-три раза полосу армии, или же значительно усилить ее. А наносить удары по врагу следовало своими флангами, обходя плацдарм с севера и юга.

Так мыслилось Черняховскому предстоящее наступление, и так бы он планировал армейскую операцию, если бы ему было предоставлено на это право. А права такого у него как раз и не было. Роль и задачи армии во фронтовой операции определяли фронтовое командование и Ставка.

В январе 1943 года Ставка решила провести Воронежско-Касторненскую наступательную операцию силами Брянского фронта (командующий генерал-полковник М.А. Рейтер) и Воронежского фронта (командующий генерал-полковник Ф.И. Голиков).

Замысел операции заключался в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям с севера и юга на Касторное окружить и уничтожить основные силы 2-й немецкой армии,

освободить важный в оперативном отношении район Воронеж, Касторное и железную дорогу Елец—Валуйки и создать необходимые условия для развития наступления на Курск.

Удары на Касторное должны были нанести: с юга — 40-я армия генерала К.С. Москаленко, усиленная 4-м танковым корпусом генерала А.Г. Кравченко, и ударная группировка 60-й армии; с севера — 13-я армия Брянского фронта под командованием генерала Н.П. Пухова и правый фланг 38-й армии генерала Н.Е. Чибисова.

Оперативная директива фронта 60-й армии ставила задачу: «...решительным ударом своего левого крыла с участка, принятого от 40-й армии, уничтожить противостоящего противника, выйти в район Нижней Ведуги, где соединиться с частями 38-й армии и совместно с ними завершить окружение и уничтожение воронежской группировки противника.

Одновременно войсками правого крыла и центра армии сковать обороняющегося противника на фронте Кулешевка, Воронеж, Гремячье и не дать ему возможности снять отсюда часть сил для противодействия успеху 40-й армии».

Армия усиливалась четырьмя танковыми бригадами и артиллерией. На подготовку операции отводилось четверо суток.

— Время крепко поджимает нас, — сказал Черняховский начальнику штаба. — Сами мы, Сергей Николаевич, для всех наших дел сможем располагать одной сегодняшней ночью. Утром войска должны получить приказ на перегруппировку, а в следующую ночь произвести смену и начать марш. Так и планируйте. С директивой ознакомьте начальников отделов и родов войск. Справки и предложения заслушаю через два часа. Хватит двух часов?

— Постараюсь уложиться. Где прикажете собрать офицеров?

— Соберите у себя, у вас попросторнее. Мы с членом Военного совета подойдем.

Отпустив начальника штаба, Черняховский вновь потянулся к карте. Наметки решения были и у него. По мере

успешного продвижения фланга 40-й армии его уже несколько дней притягивал к себе стык с левым соседом. Теперь не будет нужды прорывать у Воронежа долговременную оборону противника, можно было использовать готовый прорыв на фронте соседа.

Черняховский позвонил командующему фронтом по ВЧ и доложил свои соображения. Голиков оценил его находчивость:

— Очень разумно! Экономия сил, спасение тысяч солдат! Утверждаю ваше предложение. Изменим вашу разграничительную линию с 40-й армией после ее прорыва. Сейчас посмотрю по карте. Отмечайте: участок на западном берегу Дона от Костенки до Семидесятское передаю вашей армии. Вместе с участком, чтобы избежать перегруппировки, примите у 40-й армии 141-ю, 322-ю стрелковые дивизии и 253-ю стрелковую бригаду. Письменное уточнение директивы получите. Действуйте!

Начальник штаба доложил о том, что офицеры собраны. Командарм заслушал необходимые ему справки начальника разведотдела, начальника инженерной службы и объявил свое решение:

— Я решил сосредоточить: в первом эшелоне 141, 322, 232-ю стрелковые дивизии и 253-ю стрелковую бригаду, во втором — за центром боевого порядка, в районе Яблочное — 303-ю стрелковую дивизию. Главный удар нанести на север в направлении Никольское—Нижняя Ведуга, с тем чтобы на рубеже Нижней Ведуги соединиться с частями 38-й армии генерала Чибисова, наступающими с севера. На остальном 75-километровом фронте продолжать обороняться: на крайнем правом фланге сводной бригаде курсантов (курсы младших лейтенантов и учебные батальоны дивизий); против воронежского плацдарма — 121-я, 100-я стрелковые дивизии и 8-я истребительная бригада; южнее Воронежа — 104-я стрелковая бригада и учебный батальон 305-й стрелковой дивизии.

Сделал паузу и уже не приказным тоном сказал:

— У нас слишком слабое артиллерийское обеспечение операции. На всем 100-километровом фронте армия имеет 646 орудий и минометов среднего калибра; считаю необходимым 400 стволов сосредоточить на 25-километровом участке наступления, что составит лишь 16 орудий и минометов на километр фронта прорыва. К 24 января дивизиям ударной группировки выйти на свои назначенные рубежи. Их детали уточнит начальника штаба. Я с опергруппой штаба армии перейду с утра 22-го в пункт Олень—Колодезь на левом фланге.

Задавать вопросы после принятия решения не полагалось. Во время предварительной работы спрашивают сколько угодно, даже возражать можно. Но как только после всех разговоров произнесены слова «Я решил», никто ничего изменить не может. Вступает в силу железный закон войны: приказ командира — закон. И поэтому сказано (еще до строгого приказа № 227) в уставах: за невыполнение приказа командира в бою — расстрел.

И это справедливо, потому что любое отклонение от выполнения общей задачи влечет потерю человеческих жизней. Да и сам командир любого ранга, произнося это неоспоримое «Я решил!», берет на себя ответственность за выполнение задачи, поставленной ему в приказе старшего начальника. И если он ее не выполнит, тоже отвечает головой. Таков суровый закон войны, потому что от неисполнительности зависят сотни, а может быть, тысячи жизней подчиненных.

22 января в 10 часов утра на указанном командармом пункте управления были собраны командиры дивизий: 141-й стрелковой — полковник Сергей Семенович Рассадников, 322-й стрелковой — полковник Гурий Никитич Терентьев, 232-й стрелковой — полковник Иван Ильич Улитин и другие. Черняховский хотел познакомиться поближе с теми командирами, которых передал ему накануне командующий фронтом Голиков. В свободной беседе Иван Данилович напомнил:

— Нам предстоит прорвать оборону противника, опиравшуюся на густую сеть приспособленных к обороне населен-

ных пунктов, связанных между собой хорошо слаженной огневой системой. Главными опорными пунктами врага на переднем крае являются Кочетовка и Семидесятское, а в глубине — Никольское и Хохол. Очень прошу вас не брать лобовыми атаками, а обходить их с флангов, для преследования противника широко использовать отряды лыжников. Весь завтрашний день предоставляется командирам частей для постановки задач на местности и увязки взаимодействия...

Наступление должно было начаться с утра 23 января. Однако к этому времени в силу большого расстояния и плохих дорог в армию не прибыли части усиления — две танковые бригады, три артиллерийских полка и дивизион гвардейских минометов, не были подвезены и боеприпасы. Начало наступления командующий фронтом разрешил перенести на 24 января.

В последнюю ночь во всех частях зачитывалось обращение Военного совета армии. В нем угадывалась простая, теплая интонация командарма Черняховского: «Товарищи! Перед нами древний русский город Воронеж. В недавнем прошлом — город больших социалистических фабрик и заводов, город жизнерадостного советского студенчества, город благоухающих садов и парков.

На вас возложена почетная задача полностью уничтожить воронежскую группировку противника и освободить Воронеж...

Бойцы, командиры и политработники! Военный совет призывает вас наступать смело, решительно, дерзко. Громите врага без передышки, окружайте и уничтожайте его, не давайте останавливаться и укрепляться».

Утро 24 января выдалось ненастным, шел сильный снег. Оборона противника просматривалась плохо. Командарм попросил командующего фронтом перенести начало наступления на вторую половину дня. Просьба была удовлетворена.

Артиллерийская подготовка началась в 14 часов 15 минут. Однако после незначительного просветления погода совсем испортилась — разыгралась метель, передний край обороны врага заволокла плотная снежная завеса.

В 15 часов 35 минут опять пришлось просить о переносе начала наступления и прекратить артподготовку. Черняховский понимал — это очень не в его пользу, переживал, волновался, жалел израсходованные снаряды, но поделать со стихией ничего не мог, она не была подвластна ему. И вдруг спасла счастливая новость: в половине восьмого вечера командарму позвонил из штаба генерал Крылов.

— Немцы оставляют Воронеж, — доложил Сергей Николаевич.

Новость была очень неожиданной, хотелось верить в нее и не верилось.

— Откуда сведения? — переспросил командарм.

— Доложил полковник Бушин.

— Вы проверяли их?

— Пока нет. Проверяем.

Черняховский попросил срочно соединить его с командиром 121-й стрелковой дивизии.

— Слушаю вас! — донеслось издалека.

— Михаил Алексеевич! Что у вас происходит?

Бушин подтвердил:

— В городе слышны взрывы, начались пожары. На улицах оживление, подразделения противника тянутся на западную окраину, огонь на переднем крае слаб.

— Немедленно выдвигайте усиленные передовые батальоны, врывайтесь и захватывайте город, — приказал командарм. — Не забудьте о заграждениях, не напоритесь на мины, — предупредил он комдива.

Начавшийся отход немцев от Воронежа под прикрытием сильных арьергардов подтвердили также командир 100-й стрелковой дивизии генерал Ф.И. Перхорович и командир 8-й истребительной бригады полковник Н.Ф. Ментюков. Разведчики этих соединений уже проникли на городские улицы.

Чем же было вызвано поспешное оставление немцами Воронежа? Положение войск 60-й армии не изменилось, хотя интенсивная артиллерийская подготовка на ее левом

фланге и насторожила противника. Основная причина этому — успешное наступление в сторону Касторное соседней 40-й армии и приданного ей 4-го танкового корпуса. Над вражескими войсками, занимавшими Воронеж, нависла угроза окружения.

В 23 часа Черняховский передал войскам армии новый приказ:

«1. Противник, опасаясь окружения, с наступлением темноты 24.1.43 г. начал отход, оставляя город Воронеж. Свой отход противник пытается прикрыть арьергардами.

2. Правому крылу армии немедленно перейти в наступление всем фронтом, имея ближайшей задачей нанести удары в направлениях: а) Подклетное, Семилуки, ст. Латная; б) Юневка, вост. Окраина Хохол; не допустить отход воронежской группировки противника, окружить и уничтожить ее».

Командарм требовал развивать наступление энергично, решительно, широко используя лыжные отряды.

К рассвету 25 января немецкое командование отвело части 75-й и 323-й пехотных дивизий от Воронежа и прилегающего к нему плацдарма на основную полосу обороны по западному берегу Дона. Соединения 60-й армии к 7 часам утра закончили очистку города от врага и стали выдвигаться на восточный берег. Их попытки форсировать реку с ходу были отражены организованным огнем.

Радостную весть об освобождении Воронежа газеты и радио быстро разнесли по всей Советской стране.

Теперь в сводках Информбюро появляется имя Черняховского:

«24 января войска Брянского и Воронежского фронтов начали проведение Воронежско-Касторненской операции с задачей: ударами по сходящимся направлениям с севера и юга по флангам 2-й немецкой армии, окружить и уничтожить ее основные силы, освободить важный в оперативном отношении район Воронеж, Касторное и создать необходимые условия для дальнейшего наступления на Курск и Харьков.

25 января 1943 года в осуществление задач Воронежско-Касторненской наступательной операции в наступление перешла 60-я армия (командующий генерал-лейтенант И.Д. Черняховский) Воронежского фронта, нанося удар на Нижнюю Ведугу.

Соединения войск 60-й армии Воронежского фронта к рассвету полностью освободили оккупированную часть Воронежа».

Однако хорошее начало не имело такого же успешного продолжения.

В 9 часов утра началась артиллерийская подготовка на левом фланге армии, а в 10 часов пехота, поддержанная танками, перешла в атаку.

Наступление приняло ожесточенный и изнурительный характер. Оно потребовало высокого напряжения моральных и физических сил и от войск, и от командования. Немцы оборонялись упорно, стремились удержать занимаемый рубеж любой ценой. На малейшее продвижение частей армии отвечали сосредоточенным огнем и яростными контратаками.

Первый день наступления желаемого успеха не принес. Боеприпасы израсходованы, пехота и танки понесли потери, а вражеская оборона оставалась не прорванной.

Командование фронта выразило неудовлетворение результатом боя. Недоволен был и сам Черняховский. Всю следующую ночь Иван Данилович вместе с офицерами своего штаба и политработниками провел в войсках, помогая командирам дивизий и полков расставить поредевшие силы, воодушевить людей.

26 января наступление ударной группировки армии возобновилось.

Но и второй день не внес существенных изменений. Небольшой успех был достигнут лишь в полосах 232-й дивизии и 253-й стрелковой бригады.

Наступила еще одна томительная ночь, морозная, вьюжная. Темное небо над вражескими опорными пунктами по-

минутно озарялось вспышками осветительных ракет. Враг ждал наших атак.

Для наращивания удара Черняховский решил ввести в бой на своем левом фланге 303-ю стрелковую дивизию полковника Федоровского, а во втором эшелоне армии сосредоточить 100-ю стрелковую дивизию генерала Перхоровича. Был подтвержден приказ о переходе в наступление сводной бригады курсантов и 104-й стрелковой бригады полковника Гаранина.

На этот раз наступление началось без артиллерийской подготовки, за полтора часа до рассвета.

И третий день продолжались упорные бои за опорные пункты переднего края и ближайшей тактической глубины. Только к 17.30 сопротивление противника в главной полосе было сломлено, войска левого фланга армии овладели Кочетовкой, Семидесятское и другими опорными пунктами и, продвинувшись к северу на 8—10 километров, вышли на рубеж южных окраин Никольское, Хрущово.

На правом фланге курсантская бригада к рассвету форсировала Дон по льду и завязала бои на его западном берегу. В центре 104-я стрелковая бригада своим левым флангом овладела Гремячьим.

28 января танковые соединения 40-й и 38-й армий и подвижная группа 13-й армии Брянского фронта ворвались в Касторное и после упорного боя к утру следующего дня овладели городом и узлом железных дорог. Между Касторным и Воронежем оказалось в окружении около десяти вражеских дивизий.

Войска 60-й армии в этот день продолжали наступление по всему фронту, сдавливая с юга и востока кольцо вокруг противника, и захватили в плен свыше 5 тысяч солдат и офицеров.

И опять приятное сообщение Информбюро:

«28 января 1943 года. Ударные группировки войск Брянского и Воронежского фронтов в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции соединились в районе Касторное,

перерезав пути отхода 2-й немецкой армии из района Воронежа на запад. Одновременно другая группировка Воронежского фронта подходила к железной дороге Воронеж—Касторное в районе Курбатово. 10 дивизий противника оказались в окружении юго-восточнее Касторное.

29 января 1943 года войска Воронежского фронта приступили к уничтожению окруженных войск противника в районе юго-восточнее Касторное».

За пять дней наступления армия Черняховского уничтожила свыше 8 тыс. солдат и офицеров противника и 6859 взяла в плен. Были захвачены большие трофеи боевой техники и военного имущества.

Это была первая большая победа и молодой армии, и молодого командующего. За освобождение Воронежа Иван Данилович был награжден третьим орденом Красного Знамени.

Черняховский и член Военного совета Запорожец побывали в освобожденном Воронеже. Не город, а руины — запорошенные снегом развалины и пустыри — предстали перед ними. На прежнем величавом проспекте Революции торчали обгорелые коробки Дома Красной Армии, Дома книги, Областного театра. И ни одного деревца. А на площади, где до войны стояло с черной мраморной колоннадой здание обкома партии, высились три одинокие колонны — все, что осталось от этого великолепного сооружения, которым так гордились воронежцы.

2 февраля в сводке новостей было опубликовано итоговое сообщение:

«Победоносно закончилась Сталинградская битва. Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам крупное поражение. В период с 10 января по 2 февраля советские войска полностью разгромили или взяли в плен 22 окруженные дивизии и 160 отдельных частей усиления и специальных войск. На поле боя было подобрано и похоронено 147 200 убитых немецких солдат и офицеров. Советские войска взяли в плен свыше 91 тыс. солдат, офицеров и генералов во главе

с фельдмаршалом Паулюсом. В ходе контрнаступления за время с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года советские войска полностью разгромили 32 дивизии и 3 бригады противника и 16 дивизиям его нанесли серьезное поражение. Общие потери противника составили свыше 800 тыс. человек, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, до 3 тыс. боевых и транспортных самолетов и более 70 тыс. автомашин».

Черняховский, прочитав эту информацию, сказал Крылову:

— И наши силы, Сергей Николаевич, в эту победу вложены, мы не допустили к Сталинграду те самые немецкие войска, которые в критический там период могли очень и очень испортить наш успех.

Перед новой операцией, чтобы было ясно, какое место в ней предназначалось 60-й армии Черняховского, напомню общую обстановку на советско-германском фронте.

Начало 1943 года ознаменовалось победами. Советские войска прорвали блокаду Ленинграда, была завершена ликвидация армии Паулюса в Сталинграде, очищен от фашистов почти весь Северный Кавказ. Красная Армия изгнала врага с Нижнего и Среднего Дона, восточной части Донбасса и ряда районов Украины. От немецко-фашистских захватчиков была освобождена вся территория, захваченная ими на юге летом и осенью 1942 года.

Вся огромная группировка гитлеровцев, находившихся на Северном Кавказе, оказалась под угрозой окружения в результате активных действий Воронежского фронта под командованием Голикова и Юго-Западного фронта под командованием Ватутина.

Ставка хотела использовать эти успешные действия Воронежского и Юго-Западного фронтов: решила активизировать и подтолкнуть им на помощь другие фронты, дала такую директиву командующему Южным фронтом Еременко:

«Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-

Западного, Донском и Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции Закавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям Донбасской и Черноморской группировок противника».

НА ХАРЬКОВ И КУРСК

Не завершив еще полного разгрома окруженной к юго-востоку от Касторное вражеской группировки, командование Воронежского фронта приступило к проведению Харьковской наступательной операции.

60-я армия получила директиву на передислокацию на новое направление. Войска выступили из занимаемых районов в ночь на 31 января. Марш совершался форсированным порядком, круглосуточно. Для питания и отдыха частям предоставлялись большие привалы с обязательным соблюдением мер охранения и маскировки. Это был труднейший марш.

Дороги в полосе движения войск армии после прошедших обильных снегопадов стали почти непроезжими. Противник при отходе разрушал железнодорожное полотно, взрывал все мосты. Плохие дороги и значительный некомплект автотранспорта и конского состава требовали огромного напряжения в обеспечении войск боеприпасами, горючим, продовольствием, фуражом.

С целью ускорения продвижения частей командарм выбросил на расчистку дорог и прокладку колонных путей все саперные и дорожно-восстановительные части.

Помощь войскам оказывало население освобождаемых районов. Местные жители выходили на борьбу со снежными заносами целыми селами, помогали подвозить продовольствие и боеприпасы, эвакуировать больных и раненых.

Проводные средства связи не успевали за войсками, да их и не хватало. Управление шло по радио и через делегатов связи.

Начальнику штаба Сергею Николаевичу Крылову сильно нездоровилось. Часть его обязанностей командарму пришлось взять на себя. Самое сложное и ответственное Черняховский поручал начальнику оперативного отдела Петру Николаевичу Лащенко.

К исходу 2 февраля 1943 года соединения армии, совершив за трое суток 120-километровый переход, вышли на рубеж р. Тим.

Общий замысел Харьковской операции был такой: главный удар наносился из района Новый Оскол — Валуйки на Харьков в обход города с северо-запада и юга силами 40, 69 и 3-й танковой армий, вспомогательный — из района западнее Касторное на Курск войсками 60-й армии. 38-я армия должна была развивать наступление на Обоянь. Для обеспечения операции с юга 6-я армия Юго-Западного фронта, проводившего Донбасскую операцию 1943 года, наносила удар на Балаклею, Краснодар.

Операция началась 2 февраля ударами 3-й танковой и 69-й армий Воронежского и 6-й армии Юго-Западного фронтов. 3 февраля начали наступление 60-я и 40-я армии. 60-я армия, взаимодействуя с 13-й армией Брянского фронта, сломила сопротивление противника на р. Тим.

Далее приведу подробные действия 60-й армии.

Черняховский решил прорвать полосу прикрытия с ходу, овладеть на своих флангах городами Щигры и Тим и продолжать энергичное продвижение в сторону Курска.

В соответствии с решением были поставлены задачи командирам дивизий и бригад.

3 февраля перешли в наступление передовые батальоны, а после разведки боем начали действовать главные силы.

Преодолевая сопротивление и уничтожая части прикрытия, соединения армии за сутки продвинулись до 20 километров.

4 февраля 322-я стрелковая дивизия Терентьева, наступавшая севернее железной дороги Касторное — Курск, овладела населенными пунктами Крюково, Красная Поляна, частью Верхней Ольховатки и перерезала дорогу из Щигры на Косоржа.

Южнее железной дороги действовала 121-я стрелковая дивизия Бушина, она обошла Щигры с юга и развернула бои за южную окраину города. С наступлением темноты части Бушина овладели Щиграми.

141-я стрелковая дивизия Рассадникова вела бой в районе города Тим, обходя его с севера. 104-я стрелковая бригада Гаранина овладела восточной частью города и, не ввязываясь в затяжные бои, начала продвижение на Рождественское.

8-я истребительная бригада Ментюкова, обеспечивавшая стык с 38-й армией, втянулась в бои с прорвавшимися на запад вражескими колоннами. Рядом с ней, восточнее и юго-восточнее Тима, вела бои 240-я стрелковая дивизия 38-й армии.

Поздно вечером 4 февраля позвонил по ВЧ командующий фронтом Голиков. Черняховский подробно доложил об успешном продвижении армии на своем правом фланге и создавшихся затруднениях на левом. К городу Тим прорывались из окружения недобитые немецкие части. На дорогах, по которым вражеские войска отходили на запад, а советские продвигались вперед, разгорались яростные бои.

— Какие у вас намерения? — спросил Голиков.

— Перед правым флангом и центром армии противник продолжает отходить. Видимо, немцы не сумели своевременно подвести достаточных сил для обороны Курска. Нужно немедленно захватывать город.

— Такое же мнение и у нас, — сказал Голиков. — В директиве мы укажем захватить Курск не позднее седьмого февраля. Выполняйте ваше намерение.

Черняховский попросил:

— В моих боевых порядках в районе Щигры действует 132-я стрелковая дивизия Брянского фронта, ее целесообразно подчинить мне.

Голиков обещал оформить передачу 132-й дивизии.

Черняховский вместе с Крыловым и Лащенко спланировали наступательную операцию по захвату Курска. По замыслу командира 132-я и 121-я стрелковые дивизии должны были обойти город с севера и юга, а 322-я стрелковая дивизия и 248-я курсантская стрелковая бригада — нанести удары по северной окраине и центру города и совместными действиями окружить и уничтожить врага.

Одновременно, чтобы обеспечить действия ударной группировки с флангов и не допустить отхода противника из района Курска на север и юг, 280-я стрелковая дивизия Брянского фронта под командованием полковника Д.Н. Голосова должна была выдвинуться на уровень правого фланга армии, а 141-я стрелковая дивизия — перерезать шоссе Курск — Обоянь.

Во второй половине дня 5 февраля соединениям армии были поставлены задачи. Командарм требовал решительных действий и быстрого продвижения вперед, с тем чтобы к исходу 6 февраля овладеть Курском.

Однако надежды на легкий успех не оправдались. Сопротивление врага на ближних подступах к Курску резко возросло. В районе города и его окрестностей были установлены части прежних 57, 68, 340 и 377-й и вновь прибывших 82-й пехотной и 4-й танковой немецких дивизий. Противник дрался отчаянно, стремился выиграть время и отстоять город. Атаки войск армии нередко доходили до рукопашных схваток.

Напряженные бои разгорелись и на далеко отставшем левом фланге армии, в районе города Тим. Выходившие из окружения немецкие части с небывалой настойчивостью пытались очистить от наших войск дорогу Тим — Курск и прорваться к своей курской группировке.

Только к исходу 7 февраля соединения 60-й армии приблизились к своей цели.

С утра 8 февраля развернулось сражение за Курск. И, несмотря на яростное сопротивление врага, части 322-й стрелковой дивизии подполковника Перекальского и 248-й курсантской стрелковой бригады полковника Гусева ворвались в город и завязали уличные бои. К полудню войска армии овладели северо-восточной и восточной частями города, а к исходу дня Курск был освобожден полностью.

Это была вторая значительная победа войск 60-й армии под командованием И.Д. Черняховского зимой 1943 года. За пять дней непрерывных боев войска армии прошли от рубежа р. Тим до Курска 90 километров и освободили за это время от немецко-фашистской неволи 350 советских сел и деревень.

Иван Данилович Черняховский за умелое руководство этой операцией был награжден орденом Суворова I степени, и ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Успешно шло зимнее наступление и левофланговых армий Воронежского фронта на харьковском направлении. 40-я армия 7 февраля освободила город Короча, а 9 февраля овладела Белгородом. 69-я и 3-я танковая армии к исходу 10 февраля подошли к внутреннему оборонительному обводу Харькова. Сломив сопротивление врага, советские войска пробились к городу и завязали уличные бои, а 16 февраля Харьков был полностью очищен от противника.

Завершив Курскую операцию, войска 60-й армии в течение двух суток приводили себя в порядок, подтягивали артиллерию, тылы, пополнялись боеприпасами, горючим, продовольствием и готовились к дальнейшему наступлению.

Командный пункт командарма переместился в Курск. Вместо заболевшего генерала Крылова прибыл новый начальник штаба армии, полковник Георг Андреевич Тер-Гаспарян.

В дни короткой передышки особую заботу командарма вызывала низкая укомплектованность частей. Численность наиболее полнокровных дивизий не превышала трех с по-

ловиной тысяч. Полки были сведены в два батальона, а батальоны — в две роты. Активно действующих стрелков, автоматчиков и пулеметчиков, то есть тех, кто непосредственно ведет бой и атакует противника, насчитывалось в полках не свыше сотни человек.

Вопрос о восполнении потерь разбирался на расширенном заседании Военного совета, на который были приглашены командиры дивизий и бригад, их заместители по политической части и начальники штабов.

— Все вы просите у нас пополнения людьми, — сказал Черняховский, обращаясь к командирам соединений, — а просьбы ваши мы, к сожалению, удовлетворить пока не можем. Ни в январе, ни в феврале в армию не поступило ни одной маршевой роты. Не поступит, вероятно, и в марте. Фронтовое командование предложило изыскивать людские резервы на месте.

Член Военного совета Запорожец рассказал о проводимых в армии мероприятиях по мобилизации призывных возрастов в освобожденных районах Курской области.

— Мы уже пополнили армейский запасной полк, — сообщил Александр Иванович. — После необходимой проверки пополнение поступит в дивизии и бригады. Учтите особенность: эти люди пятнадцать месяцев проживали на оккупированной территории и каждый день подвергались разлагающему яду фашистской пропаганды. Среди них могут найтись и такие, которые пали духом. Надо тщательно изучить каждого. Всего мы рассчитываем в ближайшие две-три недели направить к вам тысяч десять—пятнадцать. Кроме мобилизации призывных возрастов, есть еще один источник пополнения — бывшие советские военнопленные, освобожденные нашими войсками из немецко-фашистских концлагерей. Их будет немного, но они уже есть...

* * *

Гитлеровское командование понимало опасность создания еще одного, более крупного, чем сталинградский, котла, если советские войска выйдут к побережью Азовского моря

и на Днепр. Срочно были собраны все возможные резервы и переданы группе «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. Теперь уже сама обстановка избавила его от действий по деблокировке сталинградской группировки, и он, собрав воедино мощный танковый кулак, 19 февраля нанес здесь во фланг нашим наступающим фронтам сильный контрудар.

Этот контрудар был абсолютной неожиданностью.

Как это было не раз, увлеклись наступлением и просмотрели сосредоточение войск противника. Этим контрнаступлением Манштейн, можно сказать, перечеркнул все успехи Воронежского и Юго-Западного фронтов, отбросил их назад, на исходные позиции и продвинулся даже дальше, захватив Белгород и Харьков!

Иначе развивались события на левом фланге Воронежского фронта, на второстепенном направлении, в полосе наступления армии Черняховского. Ее соединения, освободив Курск и сотни других населенных пунктов, продолжали успешно продвигаться на запад.

Рано началась весна. Но распутица не остановила наступления черняховцев. На полях Курской области ревели танковые моторы, тяжелые машины шли, оседая в рыхлую, мокрую землю, оставляя глубокие следы. На броне танков находился десант автоматчиков. При встрече с заслонами отступающего противника десантники мгновенно рассыпались в цепь и с ходу вступали в бой.

За передовыми отрядами танковых бригад по вязким полям двигались главные силы стрелковых дивизий 60-й армии. Ноги солдат вязли в густой грязи, в сапогах хлюпала вода, лямки вещевых мешков натирали плечи. Некогда было зайти в теплую хату, чтобы хоть немного просушить одежду и обогреться. Отступающего врага преследовали днем и ночью. По утрам от заморозков земля затвердевала, лужи покрывались ледком. Ноги мерзли в отсыревших сапогах. В грязи застревали автомобили, повозки, падали обессиленные люди. Только бойцы, перенося все испытания, шли вперед.

Пронизывающий мартовский ветер и сырость давали о себе знать. Командующий весь продрог, а машина, на которой он ехал, застряла в грязи. Колеса буксовали на месте. Это заметили солдаты, проходившие мимо колонны. Они быстро пришли на помощь и на руках вытащили автомобиль.

Черняховский, пропустив машину вперед, сам зашагал в колонне батальона, заговорил с солдатами. Его интересовало, как их кормят.

— А письма регулярно получаете? — спросил Иван Данилович одного из молодых солдат.

— Мы, товарищу генерал, щодо листив не скривджени, — с мягким украинским выговором ответил тот. — Сьогодни я в походи дистав три листи.

Черняховский довольно заулыбался — земляка встретил! Много и правильно говорят о чуткости и внимании Ивана Даниловича к подчиненным. Приведу здесь пример (из книги Шарипова), показывающий это наглядно. Продолжая беседу, командарм спросил:

— Что же вам пишут?

— Про одне й те саме: «Коли звильните ридни миця». А моя наречена написала: «Якщо мене кохаеш, убий ще одного фашиста, помстися за моих матир и брата, яких розстриляли недолюдки». Товарищу генерал, я ость у мого товарищу Грицуна справи погани. Вин сам соромиться, то я зе нього скажу. Йому ни вид кого чекати листив. Вин у нас зовсим самотний.

— А где Грицун?

— То ось вин.

Черняховский спросил Грицуна:

— Что, у вас нет родных? И девушки нет?

— Були, товарищу генерал. Але на моей батькивщине, под Киевом, хозяйничують фашисты, я не знаю, що з ридними, в вони не знають, де я...

— Это, брат, я тебе помогу их разыскать. — И командующий тут же поручил адъютанту, чтобы через московское радио было объявлено, на адрес какой полевой почты можно посылать письма Грицуну.

И через месяц Грицун получил больше сотни писем. Ему писали девушки, пионеры, старики. Он никогда не знал их, и они не знали его. В письмах одни называли его братом, другие лучшим другом, третьи — сыном. От родных все еще не было вестей. Однако те письма от незнакомых людей, которые получал солдат, согревали ему душу.

60-я армия, успешно завершив операцию по освобождению Курска, выполняла новую, Льговскую операцию. Но к исходу второго дня наступления войска были остановлены упорным сопротивлением противника на рубеже Ольшанка — Любимовка. Нелегко давалась победа. Перед фронтом войск Черняховского снова складывалась сложная обстановка, снова требовалось противопоставить врагу внезапный маневр. Иван Данилович провел для этого сложное перемещение сил. Сковывая льговскую группировку врага в центре и нанося сокрушительные удары с флангов, войска 60-й 3 марта освободили город Льгов.

Когда машина командарма подъезжала к центру Льгова, Иван Данилович, беспредельно уставший от боевого напряжения, задремал. Увидев, что из труб некоторых домов идет дым, Комаров, желая, чтобы командир немножко отдохнул, тихо сказал водителю:

— Заверни-ка к какому-нибудь жилому дому. Пусть генерал хоть часок в тепле поспит.

Но Иван Данилович и сквозь дремоту это услышал.

— Э, милый человек! — сказал он Комарову. — Отсыпаться рановато. Перед штурмом не поспали с тобой, и смотри, на сколько хватило заряда: пять городов освободили да деревень, поселков больше сотни. Нет, теперь не до сна. Впереди еще много городов и сел ждут нас!

* * *

Здесь я хочу сделать необычное отступление от повествования. Оно не имеет прямого отношения к событиям, о которых я пишу. Но мне показалось, что стечение обстоятельств весьма любопытно. Дело в том, что я пишу эти строки

в Льгове (август 2005 г.). Не в самом городе, а в санатории «Марьино».

Я это пишу, пораженный вышеописанными передрягами, распутицей, в которой наступали тогда наши воины. И вот я в этих же местах, в летнем блаженстве, в необыкновенной, прелестной симфонии природы, наслаждаюсь всеми этими прелестями благодаря мужеству, мукам и победам тех бойцов. Господи, спасибо, что ты помог им выстоять и одержать победу! Господи, не дай угаснуть светлой памяти о них, наставь на путь праведный иванов, не помнящих родства, предающих забвению их подвиг, покарай возводящих хулу на святых наших воинов-победителей!

Извините меня, читатели, за это отступление. Вырвалось из души! Будьте великодушны, простите — все же мне девятый десяток идет!

* * *

Взятие Льгова имело важное значение. Оно помогло войскам 60-й армии в какой-то степени удерживать в своих руках инициативу и оттягивать на себя часть сил и резервов противника с решающего, харьковского направления, обеспечивать стык между Воронежским и Брянским фронтами.

В марте линия фронта западнее Курска стабилизировалась. Образовалась Курская дуга. К этому времени войска Черняховского вышли на передний выступ дуги и перешли к обороне. 60-я армия была передана Центральному фронту.

...Командующий Центральным фронтом генерал-полковник Рокоссовский, как и полагается, познакомился с ее командованием, войсками, состоянием оборонительных сооружений.

Вот что пишет об этом Рокоссовский в своих воспоминаниях:

«Знакомясь с войсками 60-й армии, переданной нам из Воронежского фронта, я внимательно приглядывался к генералу И.Д. Черняховскому. Это был замечательный

командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас — поставить себя так, чтобы люди с радостью выполняли все твои распоряжения. Вот этого Черняховский и достиг (пожалуй, так же, как и командарм 65-й П.И. Батов).

Хочу еще раз коснуться понятия "сработанность". Мне казалось, что с Черняховским каждому легко работать. Но вот член Военного совета армий А.И. Запорожец никак не мог найти с ним общий язык. Человек это был видный — старый большевик, герой Гражданской войны. В свое время он хорошо воевал. Но переменились времена, армия стала другой, а он жил и работал по старинке. И начались у него стычки с молодым, растущим командармом. Как мы с К.Ф. Телегиным ни старались сгладить их отношения, ничего не вышло. Было видно, что это разные люди и дружной работы не получится. Пришлось доложить Верховному Главнокомандующему. Сталин выслушал, подумал немного и согласился:

— Да, их надо развести.

Через два дня Запорожец был отозван в Москву».

ОГНЕННАЯ ДУГА

В наступившей стабилизации фронта в районе Курского выступа в Ставке спокойно осмотрелись, изучили данные о противнике, детально все это обдумали, взвесили и стали размышлять о будущих операциях.

После войны, как и в случае с авторством плана Сталинградского контрнаступления, возникли разные версии: кто предложил, кто был первым, кто автор замысла Курской битвы? А дело было такое.

Сталин 11 апреля обсудил план всей летней кампании 1943 года, а потом отдельно был обсужден план операции в районе Курской дуги.

Василевский, Антонов и Жуков по указанию Сталина целый день 12 апреля проработали в Генеральном штабе, подготавливая материалы для доклада Верховному Главнокомандующему. И вечером того же дня они втроем доложили эту окончательную разработку Сталину.

Суть замысла, в конечном счете, и решения, принятого Сталиным, сводилась к тому, что операция на Курском выступе должна состоять из двух этапов: 1-й этап — преднамеренная, устойчивая оборона, выбивающая основные силы наступающего врага; 2-й этап — решительное наступление и разгром группировок противника, которые будут наступать под Курским выступом.

Оборона наших войск была не вынужденной, а преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки, имея, однако, в виду, что не следует торопиться, но и нельзя затягивать.

После завершения этой подготовительной работы Сталин приказал Василевскому и Антонову оформить все документы, то есть план этой операции, и дать директивные указания войскам.

А теперь познакомлю с планом гитлеровцев. Немецкое командование летом 1943 года в надежде переломить ход войны на Востоке разработало план под кодовым названием «Цитадель», по которому решило нанести противнику массированный удар одновременно с севера — со стороны Орла и с юга — со стороны Харькова. Помимо ликвидации Курского выступа, образованного Красной Армией, конечной целью было развернуть решающее наступление на Москву. В подписанных Гитлером оперативных приказах говорилось, что операция «Цитадель» должна привести к быстрому и решительному разгрому советских вооруженных сил на центральном участке фронта и позволить перехватить стратегическую инициативу. С немецкой стороны в опера-

ции «Цитадель» участвовало 17 танковых дивизий (70 % от общего числа имевшихся), причем оснащенных новейшими тяжелыми танками «Пантера» и «Тигр» и самоходными орудиями «Фердинанд». Для участия в операции было сосредоточено около 900 тыс. солдат, 10 тыс. орудий, 2700 танков и 2 тыс. самолетов.

Дальше мне хочется привести приказ Гитлера, который он отдал своим войскам перед операцией «Цитадель». Он длинноват, но из этого приказа читатели более наглядно увидят, какие надежды возлагал Гитлер на эту операцию и какие напряженные, судьбоносные бои предстояло вести нашим войскам.

Мои командиры!

Я отдал приказ о первой наступательной битве этого года. На вас и подчиненных вам солдат возложена задача добиться во что бы то ни стало ее успешного проведения. Значение первой наступательной операции этого года исключительно велико. Эта начинающаяся новая немецкая операция не только укрепит наш собственный народ, произведет впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержанность. Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий.

Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать немецкий изобретательный дух и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного у нас

предела. Эта и последующие операции обеспечены в достаточной степени боеприпасами и горючим. Наша авиация разгромит, сосредоточив все свои силы, воздушную мощь противника, она поможет уничтожить огневые позиции артиллерии врага и путем непрерывной активности окажет помощь бойцам пехоты, облегчив их действия.

Я поэтому обращаюсь к вам, мои командиры, накануне этой битвы. Ибо на четвертом году войны больше, чем когда бы то ни было, исход битвы зависит от вас, командиров, от вашего руководства, от исходящего от вас подъема и стремления к движению вперед, от вашей не останавливающейся ни перед чем непреклонной воли к победе и, если необходимо, также от ваших личных героических действий.

Я знаю, что вы заслужили большую признательность уже при подготовке этой битвы, и благодарю вас за это. Однако вы сами должны знать, что именно успех в этой первой великой битве 1943 года решит больше, чем какая-либо обыкновенная победа.

При этих обстоятельствах не сомневаюсь, что я, господа командиры, могу положиться на вас.

Адольф Гитлер.

Этот приказ уничтожить после оглашения в штабах дивизий.

Подготовка и организация действий наших войск на Курской дуге длились несколько месяцев. И, казалось бы, в период, когда не было активных боевых действий на фронтах, можно было немного отдохнуть после напряженных боев под Сталинградом, Ленинградом, Харьковом. Но не тут-то было! В этом затишье фронты создавали эшелонированную оборону глубиной до 200 километров, где в траншейной системе были окопаны не только орудия прямой наводки для истребления

танков, но и много танков, чтобы стрельбой с места выбивать танки противника. Артиллерия пристреляла необходимые рубежи и районы. Шла сложная перегруппировка войск. Сосредоточивались огромные силы. На двух фронтах — Центральном и Воронежском — только общевойсковых армий было шесть, две танковые армии, воздушная армия, стрелковых корпусов — 22, стрелковых дивизий — 76, отдельных стрелковых бригад — 4, отдельных танковых корпусов — 4, отдельных танковых бригад — 9, дивизия гвардейских минометов «катюш» — 1 и много специальных войск.

60-я армия Черняховского обороняла центр вершины Курского выступа. Ширина армейской полосы по переднему краю достигала 100 километров, а глубина до тыловой границы — 90—100 километров.

Войсками при помощи местного населения были оборудованы три оборонительные полосы: главная, вторая и армейская (тыловая).

Боевой состав армии оставался таким же, что и в зимних боях, видоизменилась лишь организационная структура. В армию влилось два корпусных управления, которые объединили ранее разрозненные стрелковые дивизии и отдельные бригады.

24-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Николая Ивановича Кирюхина занимал 48-километровую полосу на правом фланге армии. На главной полосе обороны располагались 112-я стрелковая дивизия, 129-я и 248-я отдельные стрелковые бригады, на второй — 42-я стрелковая бригада.

30-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор Григорий Семенович Лазько, занимал оборону левого участка армейской полосы протяженностью 52 километра. В первом эшелоне у него находились 322-я и 141-я стрелковые дивизии, во втором — 121-я стрелковая дивизия, которая одновременно составляла и армейский резерв.

Кроме стрелковой дивизии, в резерв командарма входили еще 150-я танковая и 14-я истребительная противотанковая

артиллерийская бригады. Штаб армии размещался в городе Льгов.

Правее 60-й армии занимала оборону 65-я армия под командованием генерал-лейтенанта П.И. Батова, левее — 38-я армия Воронежского фронта генерала Н.Е. Чибисова.

Свою оборонительную полосу Черняховский исколесил вдоль и поперек. Не было, пожалуй, ни одного села, ни одной деревни, где бы не побывал командарм, ни одного батальонного района обороны, где бы он не полазил вместе с комбатом по окопам, не поговорил по душам с солдатами.

Все ждали начала наступления противника... А он не наступал. Командование терялось в догадках: что же происходит? Может быть, ошиблись? Может быть, создали здесь такую плотность войск, боевой техники, а противник ударит где-нибудь на другом участке фронта? Может быть, на Москву?

Еще и еще раз проверяли информацию через разведку, и она подтверждала: нет никаких ошибок, здесь у противника сосредоточены главные ударные группировки для решительного наступления, и перечисляла в подтверждение этого номера соединений и направления их предстоящих действий. Разведка доказывала — ошибки не может быть. А гитлеровская армия все не наступала.

Сталин послал на передовую для координации действий Воронежского и Южного фронтов Василевского, а Жукову было поручено координировать действия трех фронтов: Центрального, Брянского и Западного.

Наконец разведка доложила, что противник перейдет в наступление 10—12 мая на Орловско-Курском и Белгородско-Обоянском направлениях. Немедленно Ставка проинформировала войска, и все напряглись в готовности. Но и в эти дни противник в наступление не перешел.

И опять томительное ожидание. И вновь поступает информация: противник перейдет к активным действиям не позднее 26 мая. Однако и на сей раз боевые действия не были начаты. Командующие фронтами и Сталин окончательно за-

нервничали. Ватутин предложил Верховному Главнокомандующему изменить решение и самим нанести упреждающий удар. Но Сталин колебался. Он поговорил с Василевским о том, чтобы Генеральный штаб разработал план для перехода к решительным действиям немедленно. Но при этом сказал Василевскому: «Я по этому поводу дам дополнительные указания».

И вот 2 июля разведчики доложили, что наступление гитлеровцы начнут не позднее 6-го. Нужно сказать, что наша разведка и в предыдущих случаях не ошибалась. Она точно устанавливала намечаемые даты начала наступления, исходя из тех сроков, которые намечали сами немцы. Но сами же немцы откладывали и меняли эти даты, поэтому и получалась такая вроде бы неточность в докладах разведчиков.

4 июля в 16 часов противник предпринял боевую разведку небольшими силами — всего четырьмя батальонами, с двадцатью танками. Конечно же он в оборону не вклинился, но наши захватили пленных из состава этой боевой разведки, и те показали, что на следующий день будет начато общее наступление. К тому же «языки» были взяты и разведчиками, они тоже подтвердили эти сведения.

И теперь, основываясь вроде бы на неопровержимых данных о предстоящем наступлении, наши командующие фронтами решились на проведение (заранее запланированной) артиллерийско-авиационной контрподготовки. Нетрудно представить, что произошло, когда ураганный огонь артиллерии и бомбы с самолетов посыпались на сосредоточившиеся войска противника. Во-первых, немецкие части понесли большие потери от огня! Во-вторых, в моральном отношении это противника обескуражило!

Вот что пишет Жуков о своих ощущениях в эти минуты:

«Мы слушали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникла страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом

в землю, в первую попавшуюся яму, канаву, траншею, любую щель, лишь бы укрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...»

И все же гитлеровцы в 4.30 начали свою артиллерийскую подготовку, а в 5.30 перешли в наступление по всему фронту. То, что им потребовалось всего немногим более двух часов для того, чтобы оправиться от такой мощной контрподготовки и они оказались способны начать наступление, говорит об их организованности, дисциплине и высоком боевом духе, подогретом обращением фюрера, текст которого я привел выше. А позднее выяснилось из показаний пленных и осмотра немецких позиций, которые были заняты в результате нашего наступления, что контрподготовка, несмотря на ее мощь, не достигла желаемых результатов. Ее начали рановато. Подразделения противника еще находились в окопах, в блиндажах, а танки и бронетранспортеры — в капонирах. И поэтому немецкие части не понесли тех больших потерь, которые предполагалось нанести им в результате контрподготовки. Контрподготовку надо было начинать позже часа на полтора, когда живая сила уже вышла из траншей и находилась в открытом поле, а танки были выведены из укрытий и готовы двинуться в направлении наших позиций. Но все равно противник понес большие потери и, главное, морально был обескуражен мощной предупредительной артиллерийской грозой.

Но теперь обстановка резко изменилась — мощнейший огонь артиллерии и авиации обрушился на позиции советских войск. Около часа длилась эта артиллерийско-авиационная буря, после которой двинулись гитлеровская пехота и танки. Они шли, полные решимости опрокинуть наши войска. В боевых порядках пехоты были новые «тигры» и «фердинанды». Они поддерживали действия пехоты. Среди войск противника в период подготовки велась соответствующая моральная накачка, и немцы, как и в первые дни войны, шли в атаку нагло, с засученными рукавами, готовые уничтожить всех на своем пути. Однако интенсивная военная и моральная психо-

логическая подготовка, проводившаяся в течение нескольких месяцев на нашей стороне, тоже дала результаты: несмотря на мощь и решительность атаки гитлеровцев, она была отбита. Наступавшие залегли. После этого артиллерийский налет повторился. Немцы опять кинулись вперед, и вновь атака была отбита. Так повторялось четыре раза. И только после пятой атаки и новой сильной артиллерийско-авиационной поддержки немцам удалось вклиниться в нашу оборону и оттеснить советские части на 3—6 километров, на различных участках по-разному.

Представитель Ставки маршал Жуков приказал командующему 16-й воздушной армией Руденко поднять все свободные в это время самолеты для того, чтобы ослабить и, может быть, даже остановить удар гитлеровцев на главном направлении. Руденко бросил сюда 150 бомбардировщиков, которые прикрывали 200 истребителей. Авиационный удар сыграл свою роль: наступление немцев приостановилось. Воспользовавшись этим, Жуков срочно перебросил две истребительно-противотанковые и одну минометную бригады на теперь явно определившееся направление главного удара противника. Сюда же срочно был перегруппирован и 17-й стрелковый корпус. Первый могучий удар врага приняли на себя воины 13-й армии под командованием генерала С.И. Пухова.

Не считаясь с огромными потерями, командующий группой армий «Центр» фон Клюге продолжал гнать свои части вперед, и к концу третьего дня наступления они продвинулись на 10 километров в глубину нашей обороны. Но все же не была прорвана даже тактическая глубина. Понимая это, фельдмаршал фон Клюге с утра 7 июля вновь начал артиллерийско-авиационную подготовку и продолжил наступление.

Каждое утро и поздно вечером Черняховский докладывал командующему фронтом о состоянии обороны армии и получал от него информацию о боях на соседних флангах.

Войска правого крыла Центрального фронта сдержали бурный натиск вражеских танковых и пехотных дивизий,

прикрываемых мощным огнем артиллерии и бомбовыми ударами с воздуха.

Прорваться к Курску с севера враг не смог.

К 17 июля войска фронта отбросили противника назад и вышли на ранее занимаемые позиции.

Не достиг враг своих целей и на южном фасе Курского выступа, в полосе Воронежского фронта, но продвинулся на 35—40 километров.

В боях под Прохоровкой сгорел ряд лучших германских танковых дивизий. Тщательно подготовленная операция «Цитадель» потерпела полный крах. В результате контрудара войск Воронежского и Степного фронтов к 23 июля было полностью восстановлено положение, занимаемое Воронежским фронтом до 5 июля.

А 5 августа, ровно через месяц после начала Курской битвы, войска Красной Армии освободили города Орел и Белгород. Таким образом, предназначенное гитлеровцами для 60-й армии Черняховского положение оказаться в котле не состоялось.

Нерастраченная энергия пятимесячного пребывания в обороне рвалась освобождать города и села Левобережной Украины. В какое бы соединение или часть ни прибывал Черняховский, вопросы были одни и те же: «Когда же наша очередь?» Да и самому командиру оставаться дальше в бездействии было невмоготу. И он уже не раз беспокоил командующего фронтом таким же вопросом. И каждый раз Рокоссовский сдерживал его порыв:

— Не торопись, Иван Данилович, всему свое время. Учитесь пока на опыте других.

А учиться было чему. В битве под Курском советское военное искусство обогатилось новым опытом организации в проведении обороны с преднамеренной целью и особенно подлинным массовым героизмом.

Для того чтобы читатели увидели и ощутили масштабы и накал сражения на Курской дуге, приведу цитату, ни у кого не заимствованную, она из моей книги «Генералиссимус»:

Продвинувшись за первые три дня всего на восемь километров, командующий на этом крыле Курской дуги фельдмаршал Манштейн решил окружить наши части непосредственно в тактической глубине обороны, для чего сосредоточил около 700 танков своей группы армий «Юг» и около 300 танков группы «Кемпф» — всего до 1000 танков и самоходных орудий. Когда Манштейн нанес этот удар, Василевский вместе с командующим фронтом генералом армии Ватутиным попытался остановить войска немцев своим контрударом. Вот эти две наступающие крупные группировки и столкнулись во встречном бою в районе Прохоровки 12 июля.

Сталин в этой критической ситуации выделил в распоряжение Василевского резервы Ставки: 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта Ротмистрова. Кроме того, сюда двигалась 27-я армия генерал-лейтенанта Трофименко из состава Степного фронта. Именно в этот момент Сталин приказал Жукову переместиться на это направление, где разгорелось главное танковое сражение на Курской дуге.

Я не нахожу ни слов, ни красок для того, чтобы описать танковое сражение, которое произошло под Прохоровкой. Постарайтесь представить около 2000 танков, столкнувшихся на небольшом пространстве, осыпающих друг друга градом снарядов, горящие костры уже подбитых танков, выскакивающие из этих горящих танков экипажи — немецкие и наши — и бросающиеся врукопашную... И все это длилось целый день! Ожесточенность сражения можно представить и по потерям: более 400 гитлеровских и не менее наших танков остались догорать на этом поле боя или лежали грудами искореженного металла после взрыва боекомплекта внутри машины.

Приведу короткие цитаты из воспоминаний участников этого сражения. Вот что пишет Герой Советского Союза Г. Пенежко: «На огромном поле перемещались наши и вражеские машины. Видишь крест на броне танка и стреляешь по нему. Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь

текла из ушей. Сплошной рев моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа. Танки шли на танки... Мы потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя, ни даже ударов в тесной кабине танка. Одна мысль, одно стремление — пока жив, бей врага... Наши танкисты, выбравшиеся из своих разбитых машин, искали на поле вражеские экипажи, тоже оставшиеся без техники, и били их из пистолетов, схватывались врукопашную. Каждый из нас сделал на Прохоровском поле все, что было в его человеческих силах».

Это переживания нашего воина. А вот что чувствовал ефрейтор Войтхон, взятый в плен здесь, под Прохоровкой. Он сказал, что в его роте из 100 человек уцелели всего трое. И те попали в плен. Не более 12 раненых сумели уползти в тыл. Наш майор, который допрашивал этого пленного, среди документов увидел фотокарточку и, показав ее Войтхону, спросил: «Кто это?» — «Это я». Но на фотографии был полнощекий молодой человек с густыми волосами и очень бодрым, веселым выражением лица. «По-видимому, это очень давняя ваша фотокарточка?» Пленный ответил: «Нет, это я сфотографировался в прошлом году, когда был в отпуске». Перед майором стоял не молодой человек, а морщинистый, седой, пожилой солдат. Майор достал небольшое зеркало, перед которым брился по утрам, и протянул пленному. Пленный посмотрел на себя и просто онемел: он увидел себя седым, дряхлым человеком. «Проклятая война! Я же не был седым, я же знаю это точно. Вчера, накануне этого боя, я брился и не был седым».

Прохоровское побоище было переломным моментом в битве под Курском.

Операция «Цитадель» гитлеровского командования завершилась полным провалом. Успешное оборонительное сражение, а затем и наступление наших войск на Курской дуге в смысле военного искусства для Черняховского являли собой подлинно хрестоматийный пример взаимодействия всех видов войск. Сначала классическая оборонительная

операция, затем не менее эффектное встречное сражение крупных армейских объединений и в завершение блестящая наступательная операция. Как он сам говорил — готовый и яркий образец для включения в учебники по военной истории и военному искусству!

К ДНЕПРУ

В результате сражения на Курской дуге наши войска, используя хорошо подготовленную оборону, измотали и обескровили противника.

К 17 июля были ликвидированы все вклинения немецких войск на южном и северном фасах Курской дуги. 5 августа были освобождены Орел и Белгород. За эти прекрасные победы столица салютовала войскам впервые за годы войны артиллерийскими залпами.

В приказе от 5 августа 1943 года Верховный Главнокомандующий подвел итог Курской битвы:

«Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгород. Месяц тому назад, 5 июля, немцы начали свое летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находящиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орел и Белгород...

Сегодня, 5 августа в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий...»

Долгие шесть месяцев, в течение которых готовили оборону четыре фронта на Курской дуге, а затем отражали попытки немцев окружить здесь наши войска, 60-я армия Черняховского стойко оборонялась в верхнем лобовом выступе Курской дуги.

Для меня (как автора) очень счастливо сложились обстоятельства: я пишу эти строки между Льговом и Рыльском, где были позиции 60-й армии, в санатории «Марьино». Этот великолепный дворец построил князь Барятинский в 1811—1820-х годах. В честь любимой жены князь назвал усадьбу «Марьино». Дворец настолько прекрасен, что воюющие стороны без взаимной договоренности не бомбили его и не обстреливали артиллерией.

Во время первого наступления на Москву на этом направлении рвалась к столице танковая группа Гудериана. Ему доложили о красивом дворце, и Гудериан приехал его осмотреть.

Вот в августе 2005 года я лечусь, работаю и отдыхаю в этом шедевре архитектуры. Представляю, как Гудериан ходил здесь по гулким коридорам, тукая каблуками сапог. Любуясь великолепными залами, наборными паркетными полами, скульптурами, он, наверное, самодовольно говорил сопровождающим:

— Великолепно! Прекрасно! После победы я здесь хорошо устроюсь!

Да, я уверен, именно так и говорил Гудериан, потому что Гитлер, когда ему показали фотоснимки «Марьино», подарил этот дворец Гудериану, желая прибавить ему энтузиазма в дальнейшем наступлении на Москву.

Но потом, когда немцы драпали от Москвы, Гудериан, пробегая мимо этого исторического шедевра, без жалости приказал взорвать его. Навезли взрывчатки полный подвал! Но, говорят, даже у того, кто был оставлен, чтобы нажать рычаг взрывного устройства, рука не поднялась уничтожить эту красоту!

А тут вскоре подоспели войска Черняховского. Он и командующий фронтом Рокоссовский тоже осматривали

и любовались этим чудесным дворцом. Но они не устроили здесь своих штабов, чтобы не дать повод для бомбардировок немецкой авиации. Дворец сохранился в своем первозданном великолепии по сей день. Вот уже почти половину века «Марьино» хранит и поддерживает в отличном состоянии его директор Борис Ильич Ворович. Он из местных, родился в Рыльске в 1931 году, сегодня ему семьдесят пять, и всю жизнь он посвятил «Марьино». Очень хороший хозяин, добрый, отзывчивый человек.

Борис Ильич мне рассказал:

— Летом 1936 года, было мне тогда всего четыре годика, отец посадил меня в кузов полуторки, и мы поехали в магазин, который находился в правом крыле дворца «Марьино». Дворец я воспринял как сказочное видение, оно захватило мое воображение навсегда.

Когда началась война, отец ушел в армию. Пережили мы с мамой немецкую оккупацию в Рыльске. Местных жителей сгоняли на различные работы. Более двух тысяч расстреляли. Мать простудилась и заболела. Меня отдали в детский дом. Наконец кончилась война. Вернулся отец. Маму выписали из больницы. После школы я окончил Рыльский строительный техникум. А в 1954 году мне вручили диплом Воронежского инженерного института.

В мае 1959 года директор санатория «Марьино» предложил мне должность главного инженера и начальника ремонтно-строительного участка...

С 1983 года, вот уже четверть века, Борис Ильич директор. За эти годы в санатории побывало очень много известных людей. Почти все космонавты. «Марьино» является базой реабилитации космонавтов после полетов. Здесь лечились государственные деятели, артисты, художники, ученые. В дни моего пребывания гостил в «Марьино» по приглашению Бориса Ильича князь Владимир Владимирович Барятинский с женой Иоландой. Меня познакомили с ним. Мы ездили по историческим местам в Курске, Рыльске, Мазеповке. Побывали в склепе-усыпальнице князей, которую

восстановил Борис Ильич. Князь живет во Франции. Он простой работник торговой фирмы. Скромный французский гражданин.

Борис Ильич и князь рассказывали много интересного о «Марьино». Но это не наша тема, поэтому возвращаюсь в военные годы.

Осмотрел я оборону противника в Рыльске — 6 месяцев укрепляли ее немцы. Некоторые доты и дзоты сохранились по сей день. Рубеж здесь был создан мощнейший. Глядел я с позиций 60-й армии на противоположный высокий берег и представлял, как тяжело было наступать войскам Черняховского через водную преграду с болотистыми, заросшими тростником берегами. Через все это не побежишь в атаку почти по горло в воде и тине, под смертельным огнем пулеметов и минометов. Черняховский где-то здесь на берегу с НП видел эту страшную картину и делал все, чтобы артиллерия и авиация помогали наступающим.

И его доблестные воины с первой попытки прорвали эту, казалось, непреодолимую оборону!

Однако расскажу об этом по порядку, подробнее.

* * *

Настал долгожданный день, командующий фронтом Рокоссовский вызвал Черняховского в свой штаб для постановки новой задачи. Встретил его начальник штаба фронта генерал Малинин и сказал:

— Командующий сейчас занят неотложным делом. Он примет вас, Иван Данилович, позже, а мне поручил ознакомить вас с предстоящей операцией и задачей 60-й армии в ней.

Михаил Сергеевич пригласил Черняховского с столу, на котором была расстелена карта.

— Общий замысел командующего в предстоящей операции таков: главный удар фронта в направлении Севск, Хутор Михайловский, Новгород-Северский наносит 65-я армия генерала Батова и частью сил смежные с ней 48-я и ваша

60-я армии. В полосе 65-й армии вводится в сражение 2-я танковая армия генерала Богданова. Здесь же предполагается использовать и фронтовые резервы.

Ваша 60-я армия должна создать на своем правом фланге на 15-километровом участке ударную группу, которой и перейти в наступление, обеспечивая левый фланг 65-й армии от контратак с юга и юго-запада.

На остальном 85-километровом фронте войска армии продолжают удерживать занимаемые рубежи и переходят от обороны к наступлению по мере продвижения вперед ударной группы.

Ваша армия будет усилена стрелковым корпусом, артиллерийской дивизией прорыва и зенитной артиллерийской дивизией. Части усиления прибудут дня через три-четыре, а директиву на наступление получите, видимо, завтра или послезавтра.

Официального документа мы и сами еще не получили из Ставки, — добавил Михаил Сергеевич.

— Сколько времени отводите на подготовку? — спросил Черняховский.

— Одну неделю. Готовность к двадцатому августа. К планированию операции и перегруппировкам приступайте сегодня же. С нашей директивой ознакомьте полностью члена Военного совета, начальника штаба и начальника оперативного отдела. Остальных ответственных лиц — в пределах выполняемых ими обязанностей. Работу ведите скрытно, с соблюдением всех мер маскировки, стремитесь достигнуть полной внезапности, — сказал Малинин и, позвонив по телефону, доложил: — Товарищ командующий, я свою работу с Черняховским закончил... Идем. Прошу, Иван Данилович, командующий приглашает.

Рокоссовский встретил очень радушно, улыбался, крепко пожал руку, весело сказал:

— Вот и вы, Иван Данилович, дождались настоящего дела. Как побеседовали с Михаилом Сергеевичем? Какие будут к нам пожелания? Прошу присаживаться.

— Задача, товарищ командующий, ясна, — ответил Черняховский. — А пожелание одно — скорее начать гнать врага с родной Украины. Есть и небольшая просьба: усилить армию саперами. Впереди будут разрушенные дороги и мосты, заминированные поля, реки, а своих саперов у нас маловато.

— Это верно, — согласился Рокоссовский. — Постараемся помочь. Ну что же, если все ясно, то желаю вам успеха. Вы, Михаил Сергеевич, не возражаете отпустить генерала? — обратился комфронта к Малинину.

— Пусть едет. Работы у него теперь много, скучать не будет.

И точно — скучать некогда.

Всю ночь до рассвета командарм провел с Тер-Гаспаряном и начальником оперативного отдела Лащенко за предварительными расчетами и набросками предстоящей наступательной операции. А с утра он вместе с командиром 24-го стрелкового корпуса генералом Кирюхиным, командующим артиллерией армии и корпуса выехал на рекогносцировку местности на направлении главного удара.

Завершив предварительную работу в течение двух дней, Черняховский решил провести проигрыш и практическое разъяснение операции. По его приказу 16 августа был собран командный состав. Черняховский проводил занятие по картам и с выездом на местность. Разъяснял и увязывал взаимодействие детально.

Начал с общей обстановки:

— Перед фронтом нашей 60-й армии обороняется 13-й армейский корпус 2-й немецкой армии в составе трех пехотных дивизий, поддержанных четырьмя артиллерийскими полками и 50—60 танками. На занимаемом рубеже немцы, как вы знаете, создали прочную, глубоко эшелонированную траншейную оборону, насыщенную дзотами, минами, проволочными заграждениями. Местность на стороне противника вы тоже хорошо изучили, она пересеченная, с большим количеством населенных пунктов и высот, очень выгодных для организации обороны. В глубине лесные массивы, удобные для

размещения крупных резервов. Нам приказано обеспечить активными действиями левый фланг 65-й армии, которая наносит главный удар фронта. Я решил для создания превосходства на направлении главного удара участок прорыва сократить с 15 до 10 километров, а ударную группу усилить еще одной стрелковой бригадой.

Черняховский, показывая по карте, продолжал:

— Главный удар наносит ваш, товарищ генерал Кирюхин, 24-й стрелковый корпус силами 322-й и 226-й стрелковых дивизий, 248-й курсантской стрелковой бригады, 40-го танкового полка с задачей прорвать оборону противника на участке исключительно Обжи — церковь в Романово и наступать в направлении Свесса, обеспечивая левый фланг 65-й армии от контратак противника с юга и юго-запада.

Ваш корпус поддерживают 1-я гвардейская артиллерийская дивизия и другие артиллерийско-минометные части — всего семнадцать артиллерийских и минометных полков.

Таким образом, 24-й стрелковый корпус решает главную задачу армии на прорыв вражеской обороны. На 10-километровом участке прорыва, сосредоточивая свои основные силы и средства, создается превосходство над противником в 3 раза, по артиллерии и минометам — в 9 раз. Я не сомневаюсь, что при таком соотношении сил 24-й корпус задачи выполнит, даже с опережением установленных сроков.

Генерал Кирюхин тут же подтвердил:

— Так точно, товарищ командующий, и прорвем, и вперед пойдем во всю мощь — засиделись!

— Вот и хорошо, — одобрил Черняховский и продолжал: — 30-му стрелковому корпусу генерала Лазько в составе 121-й и 141-й стрелковых дивизий приказываю прочно оборонять 60-километровую полосу с передним краем от Манина до Краснооктябрьское. Если обнаружите в ходе боя вывод противником части сил с фронта корпуса, немедленно высвободить из обороны до трех стрелковых полков со средствами усиления, форсировать реку Сейм и, развивая

наступление в направлении Дурово, Суденок, отрезать и уничтожить рыльский гарнизон противника. Всеми силами корпусу немедленно форсировать реку Сейм и организовать преследование: 121-й стрелковой дивизией генерала Ладыгина в направлении Рыльск—Крупец; 141-й стрелковой дивизией полковника Рассадникова на Высокое—Сухая—Барсуки. Дальнейшие задачи поставлю в ходе операции в зависимости от обстановки.

Вопросы и уточнения командиров Черняховский разрешал так, чтобы не было никаких неясностей.

Прибывший в армию 17-й гвардейский стрелковый корпус (6, 70 и 75-я гвардейские стрелковые дивизии) под командованием генерала Бондарева только недавно был выведен из боя в полосе 70-й армии, имел большие потери. Командарм решил оставить его во втором эшелоне для пополнения, а в дальнейшем для наращивания удара и развития успеха.

До начала наступления Черняховский пребывал в войсках: участвовал с командирами дивизий, полков и батальонов в рекогносцировках, заслушивал их решения, помогал организовывать бой, взаимодействие пехоты, артиллерии, танков.

Все шло хорошо, но 20 августа позвонил генерал Кирюхин:

— Беда, товарищ командующий, тяжело ранен командир 322-й полковник Иванов.

— Как это случилось?

— Проверял исходное положение частей, попал под сильную бомбежку. Отправили в госпиталь.

— Не вовремя! Жаль. Толковый был командир, — посочувствовал Иван Данилович. — Кто же заменит?

— В дивизии некому. Приказал вступить во временное командование начальнику штаба.

— Постараемся подыскать достойного преемника.

На должность командира дивизии командарма давно уже просил отпустить начальник оперативного отдела Петр Николаевич Лащенко. Каждый штабной офицер мечтает о назначении на командную должность, Лащенко не раз просил

перевода в войска, но Тер-Гаспарян не хотел отпускать из штаба хорошего оперативного работника.

А теперь время подпирало, в интересах общего дела нужно было отпустить, и Черняховский сказал:

— Лащенко разрабатывал план операции, пусть он и проводит его в жизнь как командир дивизии.

(Забегая вперед, скажу, что Черняховский не ошибся, выдвигая Лащенко на командную должность. Петр Николаевич отлично командовал соединениями, стал Героем Советского Союза и генералом армии.)

26 августа рано утром Черняховский выехал в направлении главного удара, на НП генерала Кирюхина. Погода была хорошая. В 9.30 после артподготовки перешла в наступление 65-я армия, и одновременно атаковали части 24-го стрелкового корпуса 60-й армии.

Продвижение 65-й армии шло очень трудно. 27 августа на ее направлении была введена 2-я танковая армия Богданова, но после овладения Севском продвижение ее и частей армии Батова было остановлено.

А наступление армии Черняховского развивалось успешно. Несмотря на отчаянное сопротивление врага, его многочисленные контратаки, главная полоса обороны была прорвана за первые два дня. Для прорыва второй полосы обороны командарм 28 августа ввел в бой 17-й гвардейский стрелковый корпус и поступивший в его распоряжение 9-й танковый корпус под командованием генерала Рудченко.

Дальнейшие события в полосе армии нарастали с непредвиденной ранее стремительностью. Прорвав вторую полосу обороны, танковые и гвардейские стрелковые соединения вырвались на оперативный простор, нанося главный удар в направлении Глухова. Для усиления темпов продвижения Черняховский посадил пехоту на собранные со всей армии автомашины.

30 августа войска 60-й армии, продвинувшись вперед на 60 километров и расширив прорыв до 100 километров, овладели городами Глухов и Рыльск и первыми вступили на территорию Советской Украины.

Дальше я приведу довольно длинную цитату из воспоминаний маршала Рокоссовского, но она стоит внимания читателей, потому что в ней освещаются не только успешные боевые действия 60-й армии, но выражены эмоционально высокие оценки действий Ивана Даниловича:

«Войскам Батова каждый шаг стоил огромного труда. Но они настойчиво двигались вперед. К вечеру 65-я армия во взаимодействии с танкистами Богданова овладела Севском. А развить успех не удавалось. Вражеские контратаки следовали одна за другой.

На второй день нашего наступления я приказал командующему 60-й армией генералу И. Д. Черняховскому нанести вспомогательный удар частями его левого фланга, собрав для этого как можно больше сил.

Черняховский сразу понял мою мысль. Очень быстро он сосредоточил в районе предполагаемого удара несколько наиболее крепких дивизий, смело идя даже на известное оголение участков своего правого фланга. И вот войска Черняховского устремились вперед. Если на главном направлении наши части в результате тяжелых боев за четыре дня наступления продвинулись всего на 20—25 километров, то умело организованный Черняховским удар сразу принес более ощутимые результаты. Не встречая сильного противодействия противника, войска 60-й армии продвинулись далеко вперед. Используя наметившийся на этом направлении успех, мы немедленно начали усиливать армию Черняховского фронтовыми резервами, придали ей авиацию.

29 августа 60-я армия освободила Глухов. Стало совершенно ясно, что мы нашли слабое место в обороне противника. Этим надо было воспользоваться, не теряя ни одного часа. Принимаю решение перенести главные усилия на левый фланг фронта. Как можно быстрее перегруппировываем туда силы и средства. 13-я армия снимается с правого фланга фронта и вводится в бой на стыке 65-й и 60-й армий. Сюда же перебрасывается и 2-я танковая армия.

А Черняховский, развивая наступление, к вечеру 31 августа продвинулся уже на 60 километров и расширил прорыв по фронту до сотни километров. Его войска приближаются к Конотопу. Мы уже на территории Украины».

Эти успехи Центрального фронта и особенно его 60-й армии были отмечены Приказом Верховного Главнокомандующего от 31 августа 1993 года:

«В боях за освобождение городов Севск, Глухов и Рыльск от немецких захватчиков отличились гвардейцы-танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Корчагина, танкисты генерал-майора танковых войск Рудченко, войска генерал-лейтенанта Черняховского, генерал-лейтенанта Батова, генерал-лейтенанта танковых войск Богданова и летчики генерал-лейтенанта авиации Руденко.

В ознаменование одержанной победы дивизиям, танковым и артиллерийским соединениям, наиболее отличившимся в боях под Глуховом, Рыльском и Севском, присвоить наименования: "Глуховских", "Рыльских", "Севских"».

В их числе были и дивизии армии Черняховского.

Столица салютовала победителям 12 залпами из 120 орудий.

1 сентября Черняховский приказал войскам армии перейти к преследованию отходящего противника на всем своем 120-километровом фронте. Главный удар командарм наносил в юго-западном направлении на Конотоп, Бахмач.

Широкомасштабная армейская операция требовала от командарма напряжения всех сил. Дни и ночи Ивана Даниловича пролетали в телеграфных и телефонных переговорах, поездках в войска, раздумьях над картой, беседах с ближайшими помощниками — членом Военного совета Олениным, начальником штаба Тер-Гаспаряном. На сон и отдых оставались считаные часы и минуты. И все же командарм всегда был бодр, энергичен и жизнерадостен.

Высокий моральный подъем царил в эти дни всюду: и в штабах, и в войсках. Армия неудержимо рвалась вперед, к Днепру.

В ночь на 2 сентября 9-й танковый корпус овладел городом Кролевец, а днем 112-я стрелковая дивизия полковника Гладкова во взаимодействии со 150-й танковой бригадой подполковника Угрюмова освободила старинный украинский город Путивль.

Успешно шло продвижение и левофлангового 30-го стрелкового корпуса генерала Лазько. Широко используя подручные средства, части 141-й стрелковой дивизии полковника Рассадникова и 121-й стрелковой генерала Ладыгина в ночь на 2 сентября форсировали р. Сейм и, совершив обходной маневр, в 6 часов 30 минут 3 сентября освободили город Белополье и станцию Ворожба.

Во втором эшелоне армии следовали ночными маршами поступившие в распоряжение командарма 18-й гвардейский корпус (2, 3, 4-я гвардейские воздушно-десантные дивизии) под командованием генерала Афонина и 77-й стрелковый корпус (132, 280 и 143-я стрелковые дивизии), которым командовал генерал Козлов.

Черняховский выдвинул в первый эшелон 77-й стрелковый корпус. Генерал Козлов форсировал р. Сейм и, сломив ожесточенное сопротивление немцев, 6 сентября в 14.30 овладел городом Конотоп. Развивая наступление, части 77-го стрелкового корпуса во взаимодействии с 17-м гвардейским корпусом после двухдневных боев 9 сентября овладели городом и крупным железнодорожным узлом Бахмач.

Командующий фронтом Рокоссовский об этих боях с удовольствием пишет:

«Войска 60-й армии, преследуя разбитого противника, сминая его части, пытавшиеся остановить наше продвижение, 6 сентября овладели Конотопом, еще через три дня — Бахмачом. Южнее этого города были окружены и после двухдневного боя разгромлены четыре вражеские пехотные дивизии. 15 сентября после короткого боя войска Черняховского освободили Нежин. Дорога на Киев была открыта».

Отмечает персонально успехи Черняховского и Сталин:

Черняховский Данила Николаевич — отец И.Д. Черняховского

Черняховская Мария Людвиговна — мать И.Д. Черняховского

И.Д. Черняховский. Начало службы

Черняховский — курсант Киевской артиллерийской школы

Майор И.Д. Черняховский — выпускник академии

Командир 241-й стрелковой (бывшей 28-й танковой) дивизии полковник Черняховский. Зима 1941 г.

Командир 28-й танковой дивизии полковник И.Д. Черняховский за разработкой плана боя

Генерал-лейтенант Н.Э. Берзарин

Генерал-лейтенант И.Д. Черняховский

Генерал-полковник И.Д. Черняховский
со своим адъютантом А.И. Комаровым

Генералы Василевский и Черняховский с пленными немецкими
офицерами под Витебском

Черняховский с женой Анастасией Григорьевной

Черняховский с женой, дочерью Неонилой и сыном Олегом

Д.Г. Павлов

Н.Ф. Ватутин

К.К. Рокоссовский

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Тов. Черняховскому
Ивану Даниловичу

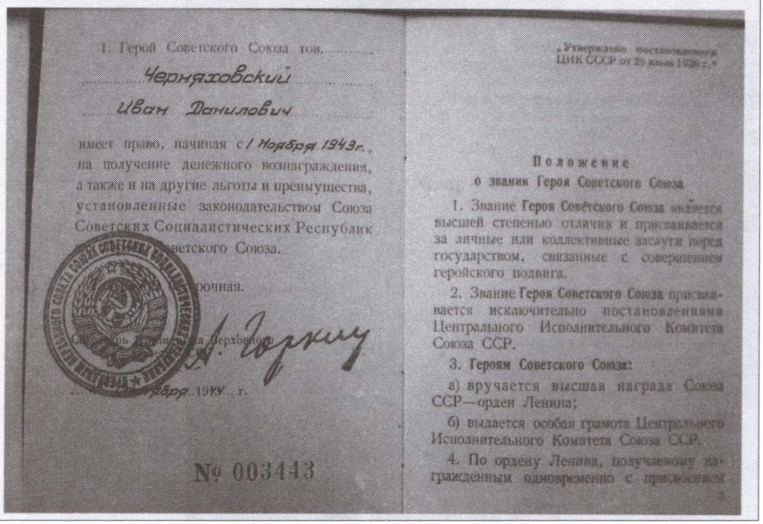
ЗА ВАШ ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГ, проявленный при форсировании реки Днепр северней Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр,

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СВОИМ УКАЗОМ от 17 октября 1943 г. ПРИСВОИЛ
ВАМ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва—Кремль, 5 Октября 1944 г.



1. Герой Советского Союза тов.
Черняховский
Иван Данилович
имеет право, начиная с 1 Ноября 1943 г.,
на получение денежного вознаграждения,
а также и на другие льготы и преимущества,
установленные законодательством Союза
Советских Социалистических Республик
Советского Союза.

срочная.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин

5 Апреля 1944 г.

№ 003443

Утверждено постановлением ЦИК СССР от 29 июля 1936 г.

Положение
о звании Героя Советского Союза

1. Звание Героя Советского Союза является высшей степенью отличия и присваивается за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением геройского подвига.

2. Звание Героя Советского Союза присваивается исключительно постановлениями Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

3. Героям Советского Союза:

а) вручается высшая награда Союза ССР—орден Ленина;

б) выдается особая грамота Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

4. По ордену Ленина, получаемому награжденным одновременно с присвоением

17 октября 1943 г. за высокие организаторские способности при форсировании Днепра и проявленный личный героизм И.Д. Черняховскому было присвоено звание Героя Советского Союза

И.Д. Черняховский — командующий 60-й армией

И.Д. Черняховский — командующий 3-м Белорусским фронтом

Члены Военного совета Макаров, Василевский и Черняховский

Торжественный момент

Смерть немецким оккупантам!

ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего
Генерал-полковнику ЧЕРНЯХОВСКОМУ

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали сильно укреплённую и развитую в глубину оборону витебского укреплённого района немцев, южнее города ВИТЕБСК, на участке протяжением 30 километров, продвинулись в глубину за два дня наступательных боёв до 25 километров и расширили прорыв до 80 километров по фронту, освободив более 300 населённых пунктов.

Одновременно, на ОРШАНСКОМ направлении войска фронта прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника, севернее реки ДНЕПР, на фронте протяжением 20 километров и продвинулись вперёд до 15 километров.

В боях при прорыве обороны немцев отличились войска генерал-лейтенанта КРЫЛОВА, генерал-лейтенанта ЛЮДНИКОВА, генерал-лейтенанта ГАЛИЦКОГО, генерал-лейтенанта ГЛАГОЛЕВА, генерал-майора ПЕРЕКРЕСТОВА, генерал-майора БЕЗУГЛОГО, генерал-майора КАЗАРЦЕВА, генерал-майора ПОПЛАВСКОГО, генерал-майора ВОРОБЬЁВА, полковника КЛЕЦ, генерал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-майора ПРОВАЛОВА, генерал-майора КВАШНИНА, генерал-майора АЛЕКСЕЕНКО, генерал-майора КАЛИНИНА, генерал-майора ГЛАДЫШЕВА, генерал-майора ЛАСКИНА, полковника БИБИКОВА, полковника КОЖАНОВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии БАРСУКОВА, генерал-лейтенанта артиллерии НИЛОВСКОГО, генерал-майора артиллерии ДЕРЕШ, генерал-майора артиллерии ФЕДОРОВА, генерал-майора артиллерии РОЖАНОВИЧА, генерал-майора артиллерии КОЖУХОВА, генерал-лейтенанта артиллерии СЕМЕНОВА, генерал-майора артиллерии СЕМИНА, полковника КОВАЛЕНКО, полковника ЛУКЬЯНОВА; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск РОДИНА, генерал-майора танковых войск МАЛАХОВА, полковника СЕМЕНЮК, полковника КОВАЛЕВА, полковника ДУХОВНОГО; лётчики генерал-полковника авиации ХРЮКИНА, генерал-лейтенанта авиации УШАКОВА, генерал-майора авиации ГОРЛАЧЕНКО, полковника ПРУТКОВА, полковника ЗИМИНА; сапёры генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, генерал-майора инженерных войск ГНЕДОВСКОГО, полковника ЛУКАШЕНКО, полковника СОЛДАТЕНКОВА, полковника НОВИКОВА и связисты генерал-майора войск связи БУРОВА, полковника ПРИХОДАЯ.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к присвоению наименования «ВИТЕБСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 24 июня, в 24 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, прорвавшим оборону немцев, — двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны противника.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

24 июня 1944 года.

Приказ Верховного главнокомандующего генерал-полковнику Черняховскому от 24 июня 1944 г.

Смерть немецким оккупантам!

ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего
Генералу армии ЧЕРНЯХОВСКОМУ

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта, развивая наступление, сегодня, 27 июня, в результате стремительного обходного маневра в сочетании с фронтальной атакой овладели городом и оперативно-важным железнодорожным узлом ОРША — мощным бастионом обороны немцев, прикрывающим Минское направление.

В боях за овладение ОРШЕЙ отличились войска генерал-лейтенанта ГАЛИЦКОГО, генерал-лейтенанта ГЛАГОЛЕВА, генерал-майора ШАФРАНОВА, генерал-майора РЫЖИКОВА, генерал-майора ПЕТЕРС, генерал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-майора ПРОВАЛОВА, генерал-майора АЛЕШЕВА, полковника КОВТУНОВА, полковника КОВАЛЕВСКОГО, полковника КЛИМАХИНА, генерал-майора БЕРЕСТОВА, полковника ПОЛЕВИК, генерал-майора СТРИЖЕНКО, полковника ДЕМИНА, генерал-майора БОРОДКИНА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии СЕМЕНОВА, генерал-майора артиллерии СЕМИНА, генерал-майора артиллерии ПОПОВА, генерал-майора артиллерии БЕЛЯКОВА, генерал-майора артиллерии САЗОНОВА, полковника ПИЛИПЕНКО, полковника ФЕДОТОВА, полковника ХАСИНА, полковника КИЙ; танкисты генерал-майора танковых войск БУРДЕЙНОГО, генерал-майора танковых войск НЕЦВЕТАЙЛО, полковника БУРЛЫГА, полковника БУКОВА, полковника ЦИНЧЕНКО, полковника ЛУШПА, полковника ДАГЕЛИСА; лётчики генерал-лейтенанта авиации БЕЛЕЦКОГО, генерал-лейтенанта авиации САВИЦКОГО, генерал-лейтенанта авиации УШАКОВА, генерал-майора авиации ГОРЛАЧЕНКО, генерал-лейтенанта авиации БЛАГОВЕЩЕНСКОГО, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, полковника ПРУТКОВА, полковника ЗИМИНА; сапёры генерал-майора инженерных войск ЗВЕРЕВА, полковника САХАРОВА, подполковника ЦЕЛИЩЕВА, майора КРАВЧЕНКО, майора СЕМЕНОВА, полковника ПРОНЕВИЧА, майора ТРОЯНОВА, майора МАСЕНЗОНА и связисты генерал-майора войск связи БУРОВА, полковника ДАВИДЕНКО, полковника БЕЛЫШЕВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение ОРШИ, представить к присвоению наименования «ОРШАНСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 27 июня, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта, овладевшим городом ОРША, — двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение ОРШИ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

27 июня 1944 года.

Приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Черняховскому от 27 июня 1944 г.

Смерть немецким оккупантам!

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

Генералу армии ЧЕРНЯХОВСКОМУ

Маршалу Советского Союза РОКОССОВСКОМУ

Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта при содействии войск 1-го БЕЛОРУССКОГО фронта, в результате глубокого обходного маневра, сегодня, 3 июля, штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом МИНСК—важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на Западном направлении.

В боях за овладение МИНСКОМ отличились танкисты генерал-майора танковых войск БУРДЕЙНОГО, генерал-лейтенанта танковых войск ОБУХОВА, Маршала бронетанковых войск РОТМИСТРОВА, генерал-лейтенанта танковых войск РОДИНА, генерал-майора танковых войск НЕЦВЕТАЙЛО, генерал-майора танковых войск ВОВЧЕНКО, генерал-майора танковых войск ФОМИНЫХ, полковника ЛОСИКА, полковника БУЛЫГИНА, полковника НЕСТЕРОВА, подполковника АНТИПИНА, полковника ГРИЦЕНКО, подполковника ЕСИПЕНКО, полковника ПОХОДЗЕЕВА, полковника ДОЛГАНОВА, подполковника МИЩЕНКО, подполковника МОЛЧАНОВА, подполковника КУРНОСОВА, полковника МОРОЗОВА, полковника ЦИНЧЕНКО, генерал-майора танковых войск БАХАРОВА, генерал-майора танковых войск ПАНОВА; кавалерийские соединения кубанских казаков генерал-лейтенанта ПЛИЕВА, генерал-майора ТУТАРИНОВА, генерал-майора ГОЛОВСКОГО, полковника ПОПРИКАЙЛО; войска генерал-лейтенанта ГЛАГОЛЕВА, генерал-полковника ГАЛИЦКОГО, генерал-полковника БАТОВА, генерал-лейтенанта ЛУЧИНСКОГО, генерал-лейтенанта КОШЕВОГО, генерал-майора ПРОВАЛОВА, генерал-майора БЕРЕСТОВА, генерал-майора СТРИЖЕНКО, полковника ПОЛЕВИКА, полковника ДУДКА, полковника КОВТУНОВА, полковника КЛИМАХИНА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии БАРСУКОВА, генерал-майора артиллерии СЕМИНА, генерал-майора артиллерии ВЛАДИМИРОВА, генерал-майора артиллерии САЗОНОВА, полковника ЛУБМАНА, полковника ФЕДОТОВА, полковника ХАСИНА, майора СТЕПАНОВА, майора ЗОТОВА, подполковника ПЫТАЛЕВА, майора МИХАЙЛОВА, подполковника МАЙОРОВА, майора СЕРЕДА, полковника БЕЛЯКОВА; лётчики генерал-полковника авиации ХРЮКИНА, генерал-полковника авиации РУДЕНКО, генерал-лейтенанта авиации УШАКОВА, генерал-лейтенанта авиации БЕЛЕЦКОГО, генерал-лейтенанта авиации САВИЦКОГО, генерал-лейтенанта авиации ЛОГИНОВА, генерал-лейтенанта авиации ГЕОРГИЕВА, генерал-лейтенанта авиации ТУПИКОВА, генерал-лейтенанта авиации НЕСТЕРЦЕВА, генерал-майора авиации ВОЛЖОВА, генерал-майора авиации СЧЕТЧИКОВА, генерал-майора авиации БУЯНСКОГО, генерал-майора авиации ЗАХАРОВА, генерал-майора авиации АНДРЕЕВА, полковника ПРУТКОВА, полковника ЗИМИНА, полковника ВАСИЛЬЕВА, полковника СКОК, подполковника РОДИНА, полковника ЮРИНА, майора МАКСИМОВА; сапёры генерал-лейтенанта инженерных войск БАРАНОВА, полковника ПРОНЕВИЧА, полковника ИСУПОВА, полковника ФЕДОРОВА и связисты полковника БЕЛЫШЕВА, полковника МИНИНА, подполковника ГЕЛЛЕРА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение МИНСКОМ, представить к присвоению наименования «МИНСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 3 июля, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, овладевшим МИНСКОМ и содействовавшим в овладении МИНСКОМ, — двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение МИНСКОМ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

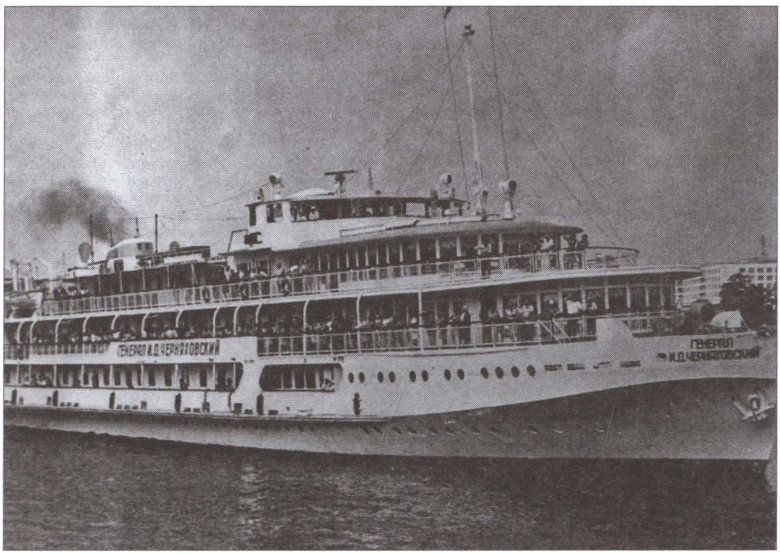
Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

3 июля 1944 года.

Приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Черняховскому, маршалу Советского Союза Рокоссовскому от 3 июля 1944 г.

Похороны Черняховского



Теплоход «Генерал И.Д. Черняховский»

Памятник Черняховскому (скульптор — Н.В. Томский), перевезенный в Воронеж из Вильнюса

Памятник Черняховскому в г. Черняховске. Открыт 9 мая 1977 года. Скульптор Б.В. Едунов

Бюст Черняховского в Музее Великой Отечественной войны в Киеве. Фото 1986 г.

В начале 1990-х гг. прах И.Д. Черняховского был перевезен из Вильнюса в Москву и перезахоронен на Новодевичьем кладбище

В.В. Карпов у памятника на могиле И.Д. Черняховского

ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
(15сентября 1943 года)
Генералу армии РОКОССОВСКОМУ

Войска Центрального фронта, продолжая стремительное наступление, форсировали реку Сейм и 6 сентября освободили от немецких захватчиков город Конотоп, а сегодня, 9 сентября, после ожесточенных двухдневных боев наши войска штурмом овладели городом Бахмач — важнейшим железнодорожным узлом, центром коммуникаций противника и решающим опорным пунктом обороны немцев на киевском направлении.

В боях за города Конотоп и Бахмач отличились войска генерал-лейтенанта Черняховского, генерал-лейтенанта Бондарева, генерал-майора Козлова П.М. ...

Далее идут фамилии и номера отличившихся частей и присвоение им почетных наименований.

И новый салют в Москве!

Маршал Рокоссовский решил лично поблагодарить Ивана Даниловича. Вот что пишет он об этом:

«Я побывал у Черняховского после того, как его войска освободили Нежин. Солдаты и офицеры переживали небывалый подъем. Они забыли про усталость и рвались вперед. Все жили одной мечтой — принять участие в освобождении столицы Украины. Такое настроение, конечно, было и у Черняховского. Все его действия пронизывало стремление быстрее выйти к Киеву. И он многого достиг. Войска 60-й армии, сметая на своем пути остатки разгромленных вражеских дивизий, двигались стремительно, они уже были на подступах к украинской столице.

Каково же было наше разочарование, когда во второй половине сентября по распоряжению Ставки разграничительная линия между Центральным и Воронежским фронтами

была отодвинута к северу и Киев отошел в полосу соседа! Нашим главным направлением теперь становилось черниговское.

Я счел своим долгом позвонить Сталину. Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее. Такой ответ никакой ясности не внес. Но уточнять не было ни времени, ни особой необходимости».

За двадцать дней наступления, опередив далеко своих соседей и глубоко врезавшись в расположение противника, войска 60-й армии продвинулись с боями около 250 километров, освободив многие города и тысячи населенных пунктов.

С падением Нежина, последнего опорного пункта врага, прикрывавшего подступы к Днепру, во вражеской обороне образовалась брешь, через которую и устремились войска армии к своей конечной цели.

22 сентября 1943 года пришла весть о награждении командования орденами. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября «за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» генерал-лейтенант Черняховский Иван Данилович был награжден орденом Суворова I степени, а генерал-майор Тер-Гаспарян Георг Андреевич — орденом Суворова II степени.

Вторым указом были награждены: орденом Красного Знамени — член Военного совета армии полковник Василий Максимович Оленин, орденом Отечественной войны I степени — начальник политотдела армии генерал-майор Константин Петрович Исаев и второй член Военного совета, полковник Василий Иванович Родионов.

Поздравить Черняховского и его боевых соратников с высокой правительственной наградой прибыл командующий фронтом К.К. Рокоссовский.

— Сердечно рад, Иван Данилович, вашим боевым успехам и заслуженной награде, — сказал Константин Константинович, дружески обнимая командарма. — От души поздравляю. Но прошу не почивать на лаврах, — полушутя-полусерьезно продолжал комфронта. — Награда получена за прошлые бои, а впереди Днепр. О непреодолимости Днепровского вала геббельсовская пропаганда трубит на весь мир. А мы, большевики, говорим — непреодолимых преград нет. У вас позади Сейм и Десна. Командование фронта надеется, что скоро позади останется и Днепр...

В Ставке понимали: после поражения в таком большом сражении, как Курская дуга, где гитлеровцы, несомненно, задействовали все свои резервы, складывается удобная ситуация для нанесения ударов на нескольких направлениях по всей ширине фронта — от Балтийского до Черного морей. Возможности для этого были, потому что многие фронты не участвовали в Курской битве и располагали достаточным количеством войск для проведения операций.

Замысел был грандиозный. Все задуманные операции были осуществлены: Смоленская и начало освобождения Белоруссии; изгнание немцев из Донбасса — важного промышленного района; освобождение Левобережной Украины; освобождение Черниговской области; Брянская операция (продвижение от Среднерусской возвышенности к бассейну Десны); Новороссийско-Таманская операция, завершающая освобождение Кавказа; Севастопольская операция (выход к Крымскому перешейку со стороны Перекопа); Керченская десантная операция (высадка в Крыму через Керченский пролив). Все эти операции планировалось начинать в разное время, они как бы перекрывали одна другую, не давая возможности противнику маневрировать резервами, которые у него еще оставались.

Генштабу, генералу Антонову Сталин указал:

— Не терять времени на сложную организацию операций по окружению и выполнению каких-то перегруппировок и маневров. Это отвлекает много сил и требует затраты вре-

мени. Нужно использовать сложившуюся сейчас благоприятную обстановку и побыстрее гнать противника к Днепру и по возможности — за Днепр.

Стратегическое значение Днепра как водной преграды было огромно. Немцы назвали этот рубеж «Восточным валом» и надеялись надолго остановить Советскую Армию и привести в порядок свои войска после тяжелых поражений.

Боевые действия и война в целом, как предсказывали даже союзники, могла затянуться на Днепре на полгода. Наше командование тоже прекрасно понимало мощь днепровского оборонительного рубежа и предпринимало все возможные меры, чтобы форсировать Днепр с ходу.

Чтобы вдохновить и заинтересовать, всколыхнуть боевой дух офицеров и генералов, Сталин издал приказ: те, кто первыми выйдут на Днепр, будут удостоены звания Героя Советского Союза. Нужно сказать, это обещание действительно возымело свое действие, очень многие командиры и рядовые с удвоенной энергией били отступающего врага и стремились выйти к Днепру, переправиться через него и заслужить эту высокую награду.

Черняховский приказал войскам своей армии форсировать Днепр с ходу, чтобы не дать врагу передышки. Развернулась огромная, напряженная работа по подготовке к преодолению мощной водной преграды, захватившая всех сверху донизу, от генерала до солдата.

В течение 23 сентября войска армии завершили выход на восточный берег Днепра, подтягивали тылы, артиллерию, вели разведку западного берега, заготавливали подручные средства для переправы.

На правом фланге армии от Старо-Глыбово до Ошитки выдвинулись к берегу соединения 77-го стрелкового корпуса генерала Козлова. Черняховский приказал ему форсировать Днепр на всем своем 15-километровом участке, имея главную переправу западнее Окуниново, и захватить плацдарм между притоками Днепра Припять и Тетерев.

На левом фланге, на 10-километровом участке, выдвигались на восточный берег соединения 30-го стрелкового корпуса генерала Лазько. Ему была поставлена задача форсировать Днепр у Тарасовичей и захватить плацдарм к востоку от Дымера.

На стык 77-го и 30-го стрелковых корпусов после переправы через Десну Черняховский выдвигал 24-й стрелковый корпус генерала Кирюхина. Его соединения развертывались на 15-километровом участке — Новоселки—Чернин—Ровжи, имея задачу захватить плацдарм на западном берегу Днепра у Толокун, Ясногородка.

Наступавшему уступом за левым флангом армии 18-му гвардейскому стрелковому корпусу генерала Афонина со 150-й танковой бригадой командарм приказал временно перейти к обороне и обеспечивать оголенный промежуток с далеко отставшей соседней 38-й армией.

7-й гвардейский механизированный корпус генерала Корчагина сосредоточивался за правым флангом армии в районе Старо-Глыбово, Окуниново.

9-й танковый корпус из состава армии убыл.

Широкая река с многочисленными островами и протоками между ними, отсутствие в воинских частях и соединениях табельных переправочных средств и яростное сопротивление врага потребовали от командиров всех степеней высокой организованности, а от войск — массового героизма, решительности, стойкости, отваги.

К 30 сентября войсками 60-й армии были захвачены три плацдарма. На правом фланге западнее Окуниново, от устья Припяти до Тетерева, шириной до 15 и глубиной до 10 километров занимали части 77-го стрелкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов.

В центре армейской полосы у Толукун—Ясногородка, протяженностью до 12 километров и глубиной от 1 до 2 километров, закрепились части 24-го стрелкового корпуса.

На левом фланге, восточнее Дымера — по фронту около 8 километров и в глубину 3—4 километра — занимали части 30-го стрелкового корпуса.

Таким образом, наибольшего успеха армия достигла на своем правом фланге. Для дальнейшего расширения правого плацдарма Черняховский 1 октября переправил туда 18-й гвардейский стрелковый корпус генерала Афонина. На захват и удержание этих плацдармов армия затратила целую неделю.

Каждый новый день прибавлял имена новых героев. Заслушивая доклады командиров соединений и офицеров своего штаба, читая боевые и политические донесения, просматривая армейскую газету, Черняховский всюду видел высокий боевой дух своих войск, восхищался стойкостью и героизмом отличившихся в боях воинов.

Командир отделения 9-го отдельного мотопонтонного батальона старший сержант Василий Альбинский в течение трех суток, не зная ни сна, ни отдыха, под непрекращающимся огнем противника переправил на своем понтоне через Днепр два стрелковых батальона и этим обеспечил захват плацдарма.

Наводчик противотанкового орудия 150-й танковой бригады ефрейтор Александр Артеменко проявил стойкость и героизм при удержании захваченного плацдарма. Мотопехота противника, поддержанная танками, перешла в контратаку. Артеменко смело выкатил свое орудие на открытую огневую позицию и первым выстрелом подбил головной вражеский танк. Затем были подбиты еще три машины. Немецкие автоматчики пытались обойти и захватить орудие. Когда орудийный расчет и орудие выбыли из строя, Артеменко с автоматом один вступил в неравный бой с большой группой немцев. В рукопашной схватке он уничтожил 13 фашистов.

Имен героев не перечесть.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1943 года звание Героя Советского Союза присвоено 306 воинам 60-й армии. Среди них проявившие личный героизм и высокие организаторские способности при форсировании Днепра командующий армией генерал-лейтенант И.Д. Черняховский, его боевые соратники: командиры корпу-

сов — генералы Н.И. Кирюхин, П.М. Козлов, И.П. Корчагин, командиры стрелковых дивизий — генералы Д.Н. Голосов, В.А. Горишный, Т.К. Шкрылев, полковник П.Н. Лашенко, командиры танковой, механизированной и артиллерийской бригад — генерал Д.М. Баринов, полковники В.К. Максимов, В.М. Жагала, командиры полков — полковник М.С. Борисов, подполковник Н.П. Бударин, командир батальона капитан А.В. Рыбалка, командир роты лейтенант Я.В. Кондаков, другие офицеры, сержанты и солдаты, в их числе и упомянутые выше В.А. Альбинский, А.Н. Артеменко.

В 75-й Бахмачской Краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии генерала Горишного, первой вступившей на западный берег Днепра, звания Героя Советского Союза удостоены 63 воина.

Тысячи солдат, сержантов, офицеров и генералов 60-й армии были награждены орденами и медалями.

Я помню, такое массовое присвоение высшей награды породило разговоры о том, что вроде бы не везде и не все были достойны золотых звезд. Уж очень много сразу появилось героев! Раньше это звание присваивалось за очень трудный подвиг, часто связанный с гибелью его совершившего. Всегда имелось в виду что-то невероятно трудное, почти невыполнимое, сверхъестественное. А тут вдруг сразу две с лишним тысячи героев. Считаю необходимым сказать: так могут рассуждать только люди, которые не представляют, что значило тогда форсировать Днепр и закрепиться на противоположном берегу. Сам по себе Днепр — очень широкая водная преграда. Выходили на его берег первыми группки разведчиков, небольшие подразделения, которые, опережая своих и противника, вырвались вперед. Их было мало. Они не ждали подкреплений, у них не было штатных переправочных средств. Переправлялись на тот берег кто на чем: снимали заборы в поселках, делали связки из бревен, досок, бочек, находили рыбачьи лодки. И вот на этих так называемых подручных средствах пытались переправиться через широчайшую реку. Я говорю «пытались», потому что очень и очень многие

противоположного берега не достигли. Гитлеровцы готовили на берегу Днепра сильный оборонительный рубеж, назвали его «Восточный вал». Они намеревались закрепиться здесь надолго, простоять многие месяцы, чтобы привести в порядок свои потрепанные части. Днепр как природный рубеж, да еще усиленный инженерными сооружениями, позволял выполнить эту большую стратегическую задачу.

А теперь представьте себе, как невероятно трудно малой горстке храбрецов удержать клочок земли на противоположном берегу в течение нескольких часов, а то и суток! Израненные, порой превращенные в кровавое месиво, они держались до последнего вздоха, понимая, как важен этот кусочек берега для тех, кто скоро подойдет к Днепру вслед за ними. Так что днепровские герои — настоящие герои: они совершили подлинный подвиг, и Золотые Звезды украшают их грудь заслуженно. Каждый из них и все они вместе совершили такое большое дело, которое сберегло жизни сотням тысяч их боевых соратников. Если бы Днепр не был форсирован с ходу и сразу, мгновенно не использованы и не расширены эти плацдармы, не отбросили бы немцев от Днепра, сколько пришлось бы потерять жизней, преодолевая такую водную преграду, как говорится, в плановом порядке, пришлось бы не один месяц готовить и осуществлять широкомасштабную стратегическую наступательную операцию по форсированию широкой водной преграды. И еще не известно, была бы она удачной — Днепр и оборона на западном берегу, пожалуй, не меньшее препятствие, чем пролив Ла-Манш, который союзники не решались форсировать несколько лет! И нашим войскам подготовка потребовалась бы тоже основательная и продолжительная.

Иван Данилович вручал награды своим славным воинам на поле брани. Не забывал он и тех, кто оказался в госпиталях. Вот один из таких эпизодов (заимствован мною из книги А. Шарипова):

«Утром в госпитальную палатку, где лежал Грицун, неожиданно вошел командующий. Пригнувшись у входа, задев

широкими плечами полы палатки, он приблизился к кровати Грицуна. Грицун открыл глаза, и слезы радости покатились по его щекам. Генерал присел у его постели, положил руку на голову и по-братски ласково сказал:

— Вот где мы опять встретились! Добре, хлопче, добре бился ты за честь батькивщины. Выздоравливай, друже, поправляйся. — Командарм прикрепил к его груди орден Красного Знамени.

Справившись с волнением, Грицун произнес:

— Товарищ генерал! Мы так поспешали швыдче очистить шлях до Киева, но что-то оказались далеко от Киева. Что же это получается, хиба наша армия не будет освобождать ридну столыцу?

— Будем освобождать Киев, а как освободим — несколько дней побудешь у родных. Быстрее поправляйся! — Иван Данилович узнал, что Грицун родом из-под Киева.

— Товарищу генерал! — заволновался Грицун. — Когда наши войска пойдут на Киев, если меня не отпустят, я втикаю!

Черняховский улыбнулся. Затем он взглянул на часы, пожал руку Грицуну и пошел к другим раненым.

Солдату казалось: все, что только произошло, ему приснилось. Мальчишкой Грицун мечтал хотя бы посмотреть на прославленных кавалеров орденов Красного Знамени, таких, как Котовский, Буденный, Ворошилов. И вот, оказывается, он, рядовой, удостоен такой высокой награды. И его еще острее охватывало нетерпение: скорее из госпиталя — к товарищам, в родную роту. Не опоздать бы — ведь скоро пойдут освобождать Киев!»

Я умышленно привел именно этот эпизод, желая подчеркнуть всеобщее стремление поскорее освободить Киев. Именно такое желание и даже нетерпение постоянно подстегивали Черняховского. И в какой-то степени даже стали причиной ошибки командующего.

Да, были у Черняховского и ошибки. Не хочу писать о нем, как о безгрешном. Что было, то было.

Именно нетерпение побыстрее прорваться к Киеву подвело. Овладев небольшим плацдармом на правом берегу, Черняховский решил немедленно нанести удар вдоль берега Днепра в сторону Киева. И нанес. Но кончилось это печально.

Вот что пишет об этом маршал Рокоссовский:

«Южнее форсировали Днепр войска 60-й армии на участке устье реки Тетерев—Дымер. К 30 сентября мы и здесь имели плацдарм глубиной 12—15 и шириной 20 километров. Черняховский получил от меня указание углубить захваченный район, наступая на запад и юго-запад в обход Киева. Но командарма, словно магнит, притягивал Киев. И он главный удар направил на юг, вдоль Днепра. Черняховский упустил из виду, что противнику легче всего было организовать отпор как раз на этом направлении, чему способствовали и особенности местности, и близость города, откуда враг бросал в бой все силы, какие там только имелись.

Стремление Черняховского продвинуться ближе к Киеву помешало армии углубить плацдарм. Несколько дней было потеряно в бесплодных атаках. Враг воспользовался этой задержкой, подтянул силы на угрожаемое направление и остановил продвижение наших частей. Не удалось расширить плацдарм и вдоль берега».

Не надо преувеличивать из-за ошибки Черняховского беду, о которой пишет командующий фронтом: «Враг воспользовался этой задержкой... и остановил наступление наших частей». Остановка наступления на западном берегу Днепра на участке Центрального фронта произошла по причинам, может быть, не известным в те дни маршалу Рокоссовскому.

Успешные действия наших войск по захвату плацдармов на Днепре не только обеспокоили, а, прямо скажем, испугали командование гитлеровской армии. В штаб группы армий «Юг» к Манштейну прилетел сам Гитлер. Он личным присутствием хотел воздействовать на войска, чтобы удержать этот, можно сказать, последний мощный оборонительный

рубеж на Восточном фронте. Собирая все силы для контрударов, Гитлер пытался сбросить в реку переправившиеся части. Но на большинстве участков в районе Киева, Черкасс, Кременчуга, Днепропетровска, Запорожья советские дивизии держались, отражая контратаки противника.

Дело, конечно, неприятное. Но, с другой стороны, такое глубокое продвижение 60-й и 13-й армий на черниговском и киевском направлениях открывало заманчивые перспективы, и наши войска могли нанести удар во фланг вражеской группировки, которая вела бои против войск правого крыла Воронежского фронта и сдерживала их продвижение. Тем самым способствовали бы продвижению соседа; возможно, совместными усилиями удалось бы овладеть Киевом.

В связи с тем, что левый фланг Центрального фронта все более растягивался, 5 октября по распоряжению Ставки 60-я армия Черняховского и 13-я армия Пухова передавались из Центрального фронта в Воронежский.

В 2 часа ночи Ивану Даниловичу позвонил начальник штаба Воронежского фронта генерал Иванов и передал приказ к 12 часам дня прибыть к командующему фронтом генералу армии Ватутину.

Наутро Черняховский, прежде чем представиться новому командованию, решил попрощаться и поблагодарить старое.

Рокоссовский принял очень любезно, пригласил к завтраку.

— Сожалею, что уходите от нас, — сказал Константин Константинович на прощание. — Но твердо знаю, уходите для большого дела. Пожелаю новых боевых подвигов, и, как говорится, ни пуха вам ни пера.

Боевые действия 60-й армии от Сейма до Днепра командование Центрального фронта оценило по достоинству, не приукрашивая их и не умаляя; дало свою оценку и командарму.

В боевой характеристике на Черняховского, подписанной Рокоссовским и членом Военного совета фронта генералом Телегиным, сказано:

«За время командования войсками 60-й армии на Центральном фронте генерал-лейтенант Черняховский показал себя высоко грамотным, энергичным и способным генералом...

В проведенных боях тов. Черняховский проявил большое умение руководить войсками при наступлении, преследовании, форсировании крупных водных преград.

Лично смелый генерал, с большой инициативой. За успешное руководство наступательными операциями армии и проявленное при этом геройство, настойчивость и умение тов. Черняховскому присвоено звание Героя Советского Союза.

Партии и социалистической Родине предан. Должности командующего войсками армии вполне соответствует».

Черняховский сохранил в своем сердце самое глубокое уважение к Константину Константиновичу Рокоссовскому, всегда вспоминал о нем как о талантливом военачальнике, у которого многому научился.

По пути в штаб Воронежского фронта мысли командарма переключились на предстоящую встречу с Ватутиным. Как-то он примет: то ли по-дружески, как в былое время под Воронежем, то ли официально, как одного из своих подчиненных.

Первым принял начальник штаба Воронежского фронта генерал Иванов.

— Рад приветствовать вас. Будем знакомы, — сказал он, пожимая командарму руку, и пригласил присутствовавших Чибисова и Пухова: — Прошу, товарищи генералы, поближе к моей карте. Приступим к делу. О своих возможностях и пожеланиях доложите потом командующему фронтом. Он зайдет к нам.

Семен Павлович сначала ознакомил командармов с общим замыслом Киевской операции и задачами армий:

— После форсирования Днепра Воронежский фронт по указанию Ставки должен сосредоточить основные усилия на киевском направлении, имея целью разгромить противника

в районе Киева, освободить столицу Украины и выходом на линию Ставище, Фастов, Белая Церковь создать стратегический плацдарм для последующего наступления в западном направлении.

Эту задачу фронтовое командование решило осуществить двумя концентрическими ударами по киевской группировке противника с букринского и лютежского плацдармов, расположенных южнее и севернее Киева.

Главный удар в обход Киева с юго-запада намечался с букринского плацдарма силами 40-й, 27-й общевойсковых и 3-й гвардейской танковой армий.

Вспомогательный удар, в обход Киева с северо-запада, должна была нанести с лютежского плацдарма 38-я армия, усиленная танковым корпусом. На 60-ю армию с кавалерийским корпусом возлагалось обеспечение боевых действий 38-й армии с северо-запада.

На перегруппировку войск и подготовку армий к наступлению командование фронта отводило трое суток.

В эту минуту вошел Ватутин, торопливой походкой, спешил, чтобы поскорее освободить командармов. Каждая минута у командующего фронтом была на учете, дорожил он и временем своих подчиненных.

— Здравствуйте, товарищи! Все старые знакомые. Давненько мы с вами не виделись. Права русская пословица — только гора с горой не сходится.

Николай Федорович поздоровался с Чибисовым и Пуховым.

— Здравствуйте, Иван Данилович. Слышал о ваших успехах. Вчера разговаривал с Рокоссовским, он сожалеет, что вы ушли от него.

Ватутин долго тряс Черняховскому руку, посматривая в его сияющие карие глаза.

— Ладно, поговорим потом, на досуге, — сказал он, присаживаясь за стол рядом с начальником штаба. — Успели ознакомить с задачей? Все понятно? — спросил Ватутин у генерала Иванова.

— Только что успели, товарищ командующий. Замечаний и пожеланий командармы еще не высказывали, — вежливо доложил начальник штаба.

— Хорошо, заслушаем. Прошу первым товарища Пухова.

У командарма 13-й замечаний по задаче не было. Армия переходила к обороне на захваченном плацдарме, но после многодневных боев войска нуждались в передышке.

В такой же передышке нуждались уставшие и сильно поредевшие войска 60-й.

(Далее пересказываю прямую речь из книги Кузнецова, несколько мною расширенной и подредактированной.)

— Сейчас на плацдарме идет напряженный бой, — доложил Черняховский. — Атаки противника поддерживаются значительным количеством танков, его авиация группами по тридцать—сорок самолетов бомбит наши боевые порядки и переправы через Днепр. Дивизии семьдесят седьмого и восемнадцатого гвардейского корпусов слишком малочисленны, а в седьмом гвардейском механизированном корпусе и в сто пятидесятой танковой бригаде танков совсем нет, танкисты дерутся, как пехота. В истребительно-противотанковых артиллерийских полках большие потери, в строю в каждом полку не более четырех—шести орудий. Вчера немцы, воспользовавшись преимуществом в танках и авиации, несколько потеснили войска армии; видимо, кое-что придется уступить врагу и сегодня. Деремся на предел.

Ватутин начал хмуриться.

— Не подумайте, товарищ генерал армии, что я против наступления, — взволнованно продолжал Черняховский. — Наоборот, я счастлив, что армия будет участвовать в освобождении Киева. Киев — не только сердце Украины, но и часть моего сердца. В этом городе прошла моя юность, там я получил военное образование, обзавелся семьей. Поэтому меня тревожит неподготовленность к выполнению такой почетной задачи. Мы не закрепили еще как следует плацдарм, надо привести войска в порядок и хотя бы частично пополниться людьми, боевой техникой, подвезти боепри-

пасы. На подготовку к операции требуется не менее десяти суток.

— Все ясно, Иван Данилович, — строго посмотрев на Черняховского, сказал Ватутин. — Понимаю и ваш душевный порыв. Времени на подготовку действительно маловато. Военный совет фронта докладывал об этом в Ставку. Но нас торопят, поэтому и мы торопим вас. О том, что уже твердо решено, говорить не стоит. Какие еще будут пожелания?

Командармы переглянулись. Все упиралось во время. И естественно, если на подготовку операции отводилось всего лишь трое суток, то многие пожелания и главное из них — накапливание необходимых для наступления сил и средств — отпадали сами собой. Во всем надо было спешить. Не имело смысла затягивать и разговор.

Командующий фронтом напомнил Черняховскому и Чибисову о надлежащем обеспечении ввода в бой и увязки взаимодействия с приданными им танковым и кавалерийским корпусами. А начальник штаба генерал Иванов попросил командармов прислать планы армейских наступательных операций не позднее утра 8 октября.

Три долгие ночи просидел Черняховский с неутомимым Тер-Гаспаряном и полковником Васиным за планированием армейской наступательной операции. Утром 8 октября план был направлен начальнику штаба фронта; в соответствии с планом всем командирам корпусов разосланы частные боевые приказы.

Многое было пережито и передумано Черняховским за эти трое напряженных, бессонных суток. Днем в бою на плацдарме, ночью за работой в штабе, и ни минуты отдыха.

На плацдарме западнее Окуниново, не переставая, шли напряженные бои. Войска армии под давлением противника вынуждены были оставить Горностайполь, Каменку, Губин. Контратаки немецкой пехоты, поддержанной танками и авиацией, окончательно были приостановлены лишь 7 октября на рубеже Опачицы, коммуна «Червонный Жовтень».

Сразу же после захвата плацдармов в районе Киева Ставка начала разработку операции по освобождению столицы Украины. Самым близким к городу был Букринский плацдарм. С него и предполагалось нанести удар силами Воронежского фронта. Ставка утвердила решение Жукова и Ватутина.

Однако Манштейн на этот раз угадал намерения нашего командования. Он сосредоточил на этом направлении резервы и отразил натиск ударной группы с Букринского плацдарма.

Представитель Ставки маршал Жуков доложил Сталину:

— Внезапность удара утрачена. Сопротивление противника, разгадавшего наш замысел, резко возросло. Местность на этом направлении крайне неудобна для действий танков — очень овражистая, сильно всхолмленная, дорог мало. Мой вывод заключался в том, что необходимо перенести центр усилий на Лютежский плацдарм.

Однако Сталин потребовал от Жукова строго руководствоваться ранее принятым решением и взять Киев.

Были предприняты еще две попытки, обе закончились неудачно, с напрасными потерями.

Жукова удивляло упорство Сталина, маршал тогда не знал, что скоро состоится встреча большой тройки — Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране, и Верховный хотел прибыть туда с таким весомым свидетельством успехов Советской Армии, как взятие Киева.

Жуков, окончательно убедившись в бесплодности атак с Букринского плацдарма, предложил новый план взятия Киева. Суть его заключалась в следующем: имитируя сосредоточение подкреплений на Букринском плацдарме, на самом деле снять с него 3-ю гвардейскую танковую армию и перегруппировать ее на Лютежский плацдарм, откуда гитлеровцы не ожидали нашего удара.

Сталин вынужден был согласиться с предложением Жукова, взятие Киева по намеченным срокам должно было произойти до открытия конференции в Тегеране.

Надо сказать, что, хотя этот замысел был и уместен, его осуществление было весьма непростым. Представьте, что такое танковая армия: это колоссальное количество людей, танков, вспомогательной техники и обеспечивающих подразделений. А передислоцироваться ей надо было на 200 километров, с одного плацдарма на другой. Причем эти 200 километров — вдоль фронта противника. Он мог заметить передислокацию, и тогда все намерения, все эти жуковские хитрости просто лопнули бы.

Но создавалась модная ударная группировка на том направлении, где противник этого удара не ожидал: целая танковая армия, отдельный танковый корпус, 38-я армия и еще артиллерийский корпус прорыва. Одних «катюш» — оружия, которого очень боялись немцы, — было здесь больше 500 единиц! Поддерживала действия наземных войск 2-я воздушная армия.

Перенос направления главного удара Ставки и Воронежского фронта можно было осуществить благодаря успешным действиям армии Черняховского, которой в эти дни удалось очистить от противника южный берег реки Тетерев и соединить три своих разрозненных плацдарма в единый, общей протяженностью до 58 и глубиной до 10—15 километров.

Имела успех и 38-я армия. Она значительно расширила Лютежский плацдарм. Однако для развития дальнейшего тактического успеха и превращения его в оперативный ни у Черняховского, ни у Чибисова сил не было.

17 октября из штаба фронта поступила новая оперативная директива:

«Командующему 60-й армией с утра 17.10.43 перейти к упорной обороне на всем фронте армии и быть готовым к отражению атак противника... К исходу 19.10.43 сосредоточить ударную группу на своем левом фланге в составе не менее пяти стрелковых дивизий, артиллерию усиления, полки РС, 59-й танковый полк и для развития успеха 1-й гвардейский кавалерийский корпус...

С утра 20.10.43 прорвать оборону противника на участке Ровы, исключительно Ясногорска, силами указанной выше

ударной группы. Пропустить в прорыв для развития успеха 1-й гвардейский кавкорпус в направлении Катюжанка, Вахрянка, Юров, разгромить противостоящего противника...»

Далее указывались по дням рубежи, на которые должны были выходить наступающие части 24-го и 30-го стрелковых и 1-го кавалерийского корпусов.

На остальном своем фронте армия должна была прочно удерживать занимаемое положение.

Этой же директивой ставились задачи и 38-й армии Чибисова. Она также после двухдневной паузы и перегруппировок продолжала наступление с прежней задачей овладеть Киевом.

По новому варианту 60-я армия свои главные усилия переносила с правого фланга на левый. Но и по новому варианту времени на перегруппировку частей и подготовку к наступлению у командарма опять не хватало. Спешка вносила сумятицу и нервозность.

На исходе каждых суток Черняховский лично докладывал Ватутину о проделанной за день работе и каждый раз просил продлить сроки подготовки. Ватутин сначала торопливал, а затем вынужден был согласиться с доводами командарма.

20 октября пришло собщение:

«Ставка Верховного Главнокомандования переименовала Калининский фронт в 1-й Прибалтийский, Прибалтийский фронт — во 2-й Прибалтийский, Центральный фронт — в Белорусский, Воронежский фронт — в 1-й Украинский, Степной фронт — во 2-й Украинский, Юго-Западный фронт — в 3-й Украинский и Южный фронт — в 4-й Украинский».

Наконец, когда на Букринском плацдарме не увенчалась и вторая попытка прорвать вражескую оборону, Ватутин сам прибыл к Черняховскому.

Весь день Иван Данилович провел на плацдарме с командирами корпусов Кирюхиным и Лазько, проверяя готовность войск к наступлению. Изрядно уставший, под вечер возвратился к себе в штаб в Выползово. И вот тут под окном его

хаты неожиданно появился вездеход командующего фронтом.

— Здравствуйте, Иван Данилович! Рады или не рады — принимайте гостя, — говорил Ватутин, с трудом вылезая из вездехода и расправляя уставшую от долгого сидения спину.

По налипшей на колесах и кузове грязи видно было, что вездеход прошел долгий путь по грунтовым, малопроезжим дорогам, а шутливый тон Ватутина показывал, что прибыл командующий фронтом не ругаться, а с добрыми вестями.

— Добро пожаловать, Николай Федорович! Подоспели как раз к обеду. А гость вы у нас самый желанный, — приветливо улыбался Черняховский.

После дружеского приветствия гость и хозяин направились в хату. Подошел и член Военного совета генерал Оленин.

Пока подготавливался обед, состоялась и короткая деловая беседа.

— Манштейна мы поколотили, но поставленной задачи все же не выполнили, — сказал Ватутин. — Надежды на Букринский плацдарм не оправдались. Да и враг оказался значительно сильнее, чем мы предполагали. Киевское направление прикрывается одной из лучших у немцев четвертой танковой армией. Всего перед нашим фронтом насчитывается тридцать дивизий, из них семь танковых и две моторизованные. Сила, как видите, внушительная. Активно действует и четвертый воздушный флот, который поддерживает группу армий «Юг». Нашу просьбу усилить фронт одной общевойсковой и одной танковой армиями Ставка не смогла удовлетворить, а вместо этого решила главные усилия перенести с Букринского плацдарма на Лютежский.

— Как же вы будете его осуществлять? — спросил Черняховский.

— Решение не сложное, сложнее перегруппировка. Третью гвардейскую танковую армию генерала Рыбалко нужно вытянуть с Букринского плацдарма и скрытно перебросить на Лютежский. Одновременно с танкистами требуется пере-

бросить еще один стрелковый и один артиллерийский корпуса.

— Да, работенка ответственная и расстояние немалое, — сказал Черняховский. — Теперь у моего левого соседа большой праздник. Завидую Чибисову. Хотел бы быть на его месте.

— Чибисову не завидуйте, — сказал Ватутин. — В командование 38-й вступает генерал-полковник Москаленко. Теперь у нас на фронте все командармы — украинцы: Черняховский, Рыбалко, Москаленко, Жмаченко, Трофименко, а заместитель командующего — Гречко. Поставлю вам задачи, а самому спать можно. Знаю, не подведете.

Ватутин рассмеялся. И казалось в эту минуту, что нет на душе у этого жизнерадостного и неутомимого человека никаких тревог и забот. Но это только казалось. Заботы и тревоги не покидали Ватутина ни днем ни ночью. Сегодня он с утра побывал на Букринском плацдарме, поговорил с Рыбалко, которому поставил задачу лично Жуков. А Ватутин провел рекогносцировку предстоящих маршрутов и районов сосредоточения, по которым пройдут танковая армия и другие части, перебрасываемые на Лютежский плацдарм.

И только теперь, в кругу близких фронтовых друзей, он стряхнул усталость.

— Изменится ли задача шестидесятой? — спросил Черняховский.

— Нет, Иван Данилович, задачи армиям будут подтверждены. Давайте сюда вашу карту. — И стал пояснять: — 38-я генерала Москаленко, усиленная 5-м гвардейским танковым корпусом, должна прорвать оборону противника на Лютежском плацдарме и обойти Киев с запада. Ваша 60-я, наступая правее 38-й, прорывает оборону в направлении Ровы и Дымер и, развивая наступление между реками Здвиж и Ирпень, должна обеспечить боевые действия ударной группировки с запада. 3-й гвардейской танковой генерала Рыбалко и 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу генерала Баранова предстоит войти в прорыв в полосе 38-й армии и развивать

наступление в юго-западном направлении с задачей выйти в район Фастов—Белая Церковь—Гребенки. 40-я армия генерала Жмаченко и 27-я генерала Трофименко перейдут в наступление с Букринского плацдарма двумя днями раньше и активными действиями оттянут на себя часть сил и внимание Манштейна, чем облегчат выполнение задач в направлении главного удара. После освобождения Киева и разгрома основных сил 4-й танковой армии противника войска фронта будут развивать наступление на запад и юго-запад, с тем чтобы выйти общевойсковыми армиями на линию Коростень—Житомир—Бердичев—Ракитное, а подвижными частями — в район Хмельники—Винница—Жмеринка.

— Когда же готовность нашей армии, товарищ командующий? — спросил генерал Оленин.

— Первого ноября. В вашем распоряжении целая неделя. Доведите как можно лучше задачу до каждого воина. На днях вас посетит новый член Военного совета фронта генерал Крайнюков... А теперь, кажется, пора и закусить, — переходя снова на шутливый тон, закончил Ватутин. — Вы-то дома, а мне засветло надо к себе добраться. А дороги нас не балуют, грязи хоть отбавляй.

За обедом беседа продолжалась, но носила уже другой характер, отвлеченный от предстоящих дел. Говорили о положении на других фронтах.

Член Военного совета фронта генерал-майор К.В. Крайнюков прибыл в армию за сутки до начала наступления и провел в ней два дня. О своих первых впечатлениях он рассказал много лет спустя на страницах «Военно-исторического журнала»:

«На окраине полуразрушенной деревушки разыскал командующего 60-й армией генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского и члена Военного совета армии генерал-майора В.М. Оленина. Об Иване Даниловиче Черняховском, как о талантливом и растущем военачальнике, я слышал раньше, а увидеть его довелось впервые. Признаюсь, я невольно залюбовался этим стройным, молодым, красивым генералом. Он был свежевыбрит, подтянут, ладно сидело на нем обмун-

дирование. Подчиненные стремились ему подражать. Всюду чувствовалась дисциплинированность, подтянутость, войсковая четкость. Генерал Черняховский протянул мне руку и поздоровался будто с давним знакомым... Иван Данилович был человеком обаятельным, и встреча с ним произвела на меня большое впечатление».

Генерал Крайнюков сообщил Черняховскому, что 1 ноября, точно по намеченному плану, началось наступление 40-й и 27-й армий с Букринского плацдарма. И на этот раз наступление принимало там затяжной характер. Ожидавший удара враг встретил атакующие части организованным огнем, одна за другой следовали его контратаки. Манштейн подтянул сюда оставшиеся резервы. А нашему командованию это и нужно было!

Утром 3 ноября перешла в наступление ударная группировка фронта с Лютежского плацдарма и к северу от него. Это было, конечно, полной неожиданностью для гитлеровцев! 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко к утру 5 ноября перерезала дорогу Киев—Житомир.

В ночь на 3 ноября Черняховский прибыл на свой наблюдательный пункт недалеко от переднего края. В восемь часов грянула наша артиллерия. В восемь часов сорок минут туман стал рассеиваться. Войска 60-й дружно атаковали врага, стремительно продвигались вперед. Несмотря на то что противник использовал заранее подготовленную оборону и оказывал нашим соединениям ожесточенное сопротивление, они выполнили ближайшую задачу. Успех наступления определился в первые же часы.

С наблюдательного пункта командарма хорошо был виден этот стремительный рывок, а затем продвинувшиеся вперед стрелковые цепи скрылись в густой пелене белесого дыма и гари.

Мощный удар ошеломил врага. Войска армии прорвали передний край обороны противника на фронте до 18 километров, заняли населенные пункты Федоровка, Глебовка, Ровы, Ростесно и ворвались на северную окраину Дымера.

Доклад Черняховского о ходе боя был встречен командующим фронтом с удовлетворением.

— Начало, Иван Данилович, хорошее, — сказал Ватутин. — Но темп наступления надо повысить. От вашего продвижения во многом зависит успех удара на Киев левого соседа.

Повысить темп наступления Черняховскому не удалось. Во второй половине дня сопротивление врага резко возросло. Противник прочно удерживал восточный берег р. Здвиж, не нарушенной оставалась его оборона и на рубеже р. Ирпень, перед правым флангом 38-й армии. Наступавшие в междуречье Здвижа и Ирпеня стрелковые части 60-й армии попадали под перекрестный огонь с обоих флангов. Пехота нуждалась в поддержке танков, а их у командарма не было. Находившийся в резерве Черняховского 7-й гвардейский механизированный корпус не был еще укомплектован ни людьми, ни боевой техникой и реальной силы не представлял.

В последующие два дня на подступах к Киеву с обеих сторон продолжалось наращивание сил. В сражение были введены вторые эшелоны и резервы 38-й и 60-й армий, а затем и подвижные войска фронта.

К утру 5 ноября подвижные части, отразив контратаки 7-й танковой и 20-й моторизованной фашистских дивизий, достигли Святошино и перерезали железную и шоссейную дороги Киев—Коростень, Киев—Житомир. Для киевской группировки противника создалась угроза полного окружения.

Наступавшие с севера стрелковые дивизии и части 38-й армии при поддержке 5-го гвардейского танкового корпуса ночным штурмом ворвались в Киев и после ожесточенных уличных боев к утру 6 ноября овладели столицей Советской Украины.

Продвижение войск левого крыла армии Черняховского, несмотря на ввод в бой корпусных и армейского резервов, развивалось медленно.

Только 6 ноября сопротивление немцев было сломлено и на этом участке. Соединения 24-го и 30-го стрелковых корпу-

сов 60-й армии овладели Катюжанкой, Фелициаловкой, Буда Бабинской и вышли на восточный берег реки Здвиж. Левее, на линию железной дороги Киев—Коростень, выдвинулся 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Контратакующие части 8-й немецкой танковой дивизии были отброшены за реку.

Теперь можно было с уверенностью сказать, что угроза нанесения противником контрудара по главной группировке фронта с северо-запада окончательно снята. 60-я армия полностью выполнила свою задачу.

Вечером 6 ноября, накануне 26-й годовщины Великой Октябрьской революции столица нашей Родины Москва салютовала воинам 1-го Украинского фронта двадцатью четырьмя залпами из трехсот двадцати орудий!

«В боях за освобождение города Киев, — говорилось в первом же абзаце приказа Верховного Главнокомандующего, — отличились войска генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Черняховского, танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко, летчики генерал-лейтенанта авиации Красовского и артиллеристы генерал-майора артиллерии Королькова».

Среди особо отличившихся соединений упоминались 121-я Рыльская стрелковая дивизия генерал-майора И.И. Ладыгина и 141-я стрелковая дивизия полковника С.С. Рассадникова, входившие в состав 60-й армии. Им присвоены почетные наименования Киевских.

Жуков, не склонный к сантиментам, в воспоминаниях написал не только о боевых действиях, но и о таких вот переживаниях:

«В 9 часов утра вместе с Военным советом фронта мы прибыли в Киев, куда уже стекались толпы измученных жителей города, прятавшихся в окрестностях от зверской расправы фашистов. Наши машины обступили со всех сторон.

Большинство людей выглядели крайне истощенными, но как светились глаза киевлян, увидевших не в мечте, а наяву своих освободителей, родных советских воинов! Многие плакали от радости, каждый хотел что-то рассказать о давно наболевшем, выстраданном...

Проезжая по хорошо знакомому мне Крещатику, когда-то красивейшему проспекту города, я ничего не мог узнать: кругом были сплошные развалины. Так выглядел наш древний Киев после ухода гитлеровцев».

Жуков вспоминал довоенные времена, когда он был командующим Киевским военным округом и штаб его находился в этом одном из красивейших городов. Здесь он не раз, отдыхая, гулял по красивому Крещатику. Читатели видели, наверное, на снимках, какие развалины остались от уникальных архитектурных сооружений этого проспекта. Я тоже видел (не на фотографиях!) эти разрушенные здания. И самое ужасное, что многие дома были разрушены не в ходе боев, а уничтожались специальными подрывными командами гитлеровцев.

Сразу же после московского салюта Черняховскому позвонил командующий фронтом. Ватутин поздравил командарма и войска армии с большой победой и наступающим праздником — 26-й годовщиной Октябрьской революции.

— А праздновать, Иван Данилович, будем позднее, когда отгоним гитлеровцев подальше от Киева. Сейчас обстановка не позволяет. Ожидаю доклада о форсировании реки Здвиж, а потом Тетерева, — добавил комфронта более официально.

Киевская наступательная операция 1-го Украинского фронта успешно завершилась, но упорная, жестокая битва за Киев и прилегающий к нему плацдарм на правом берегу Днепра длилась еще почти два месяца.

В эти месяцы еще одним проявлением военного мастерства Жукова была вот такая его находка. Он совершенно правильно решил: не обязательно форсировать Днепр в других местах уже с подошедшими переправочными средствами. Дело это трудное, влечет большие потери. Можно, используя успех частей, переправившихся на правый берег, с их плацдармов бить вдоль побережья Днепра, сматывая оборону противника, и тем самым расширять плацдарм на правом берегу.

В осуществлении этой операции особенно отличился Конев. Начинал эту операцию Конев, еще будучи командующим

Степным фронтом (он так назывался к началу операции), а завершал — уже как командующий 2-м Украинским фронтом. При подготовке этой операции тоже были использованы меры предосторожности и дезинформации, чтобы не выявить сосредоточения войск для нанесения удара с плацдарма. А перегруппировка была сложная. На плацдарме сосредоточивались 5-я и 7-я гвардейские армии, 37-я и 57-я армии. Причем 5-я гвардейская армия шла сюда из-под Кременчуга. Она переправилась там, на старом своем месте, через Днепр и после марша еще раз переправилась уже на плацдарм 37-й армии. Здесь же, на этом плацдарме, намечалось ввести, как мощную ударную силу, 5-ю гвардейскую танковую армию, но она еще находилась на доукомплектовании в районе Полтавы. Ей тоже предстояло совершить марш от 100 до 200 километров, а потом переправиться на плацдарм по мосту, специально построенному для танков. Еще надо было подготовить и хорошо замаскировать этот мост до прибытия армии, что и было сделано. В общем, организация этой операции требовала и большого умения, и большого напряжения, и траты нервов уже в процессе самой подготовки.

Но вот наконец все было готово, перегруппировка осуществлена, задачи доведены до войск. И 15 октября утром после мощной артиллерийской и авиационной подготовки этот бронированный кулак в составе четырех общевойсковых и одной танковой армии нанес совершенно неожиданный удар во фланг частям гитлеровцев на правом берегу Днепра!

А Манштейн все, что было у него под рукой в те дни, бросал для отражения неожиданного удара под Киевом. Против войск Конева фельдмаршал применял много авиации, чтобы быстро отреагировать на это наступление советских войск. Бои шли очень напряженные. В своих воспоминаниях Манштейн по этому поводу пишет: «В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого, вероятно, было наиболее энергичным, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября

он расположил здесь не менее 5 армий (в том числе 1-ю танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и механизированных корпусов, насчитывающих свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход, соответственно, на восток и запад».

Ну, прямо скажем: у страха глаза велики. Насчет количества армий Манштейн прав. Но вот насчет 7 танковых и механизированных корпусов — тут он преувеличивает. И шестидесяти одной стрелковой дивизии на этом плацдарме тоже не было. Но еще характерно то, что, перечисляя эти объединения и соединения советских войск, он ни слова не говорит о том, что он «проморгал» их сосредоточение, что удар-то этот фланговый был для него абсолютной неожиданностью. Об этом свидетельствует то, что у него на этом направлении резервов не оказалось.

В результате такой крупномасштабной операции, которую координировал Жуков, как представитель Ставки Верховного Главнокомандования (но, надо отдать должное, исполнителем и непосредственным руководителем был Иван Степанович Конев), был создан огромный плацдарм меньшими усилиями, чем если бы такое пространство освобождалось с форсированием Днепра. Переправившиеся части сминали оборону противника на широком фронте вдоль Днепра и вышли к Кировограду.

В целом наступление завершилось успешно.

ЗА ДНЕПРОМ

После захвата стратегических плацдармов на западном берегу Днепра не прекращались крупные сражения. Целью их были с нашей стороны — закрепление успеха и расширение плацдармов для подготовки исходных рубежей дальнейших наступлений, а с немецкой стороны — Гитлер еще надеялся восстановить положение на «Восточном валу» по

западному берегу Днепра. Последней надеждой гитлеровского командования и особенно самого фюрера был Корсунь-Шевченковский выступ. На этом участке гитлеровские части, 1-я танковая армия и 8-я полевая армия, еще удерживали правый берег Днепра, и довольно широкая полоса была в их руках. Попутно следует отметить, что немецкие армии не такие малочисленные по количеству дивизий, как наши. Две армии имели здесь 9 пехотных дивизий, 1 танковую и 1 моторизованную.

Для нашего командования этот выступ был, как кость в горле, он не позволял спокойно развивать наступление дальше на запад, в сторону границы, потому что с того клина гитлеровцы могли в любой момент ударить под основание наших наступающих частей. Например, наступлением с Корсунь-Шевченковского выступа и с юга (там еще находилась целая группа армий вдоль берега Черного моря) могли отсечь крупную группировку или ударом с этого плацдарма на север при взаимодействии с армией «Центр» тоже могли причинить нам большие неприятности. Для гитлеровцев это был, как говорится, выступ последней надежды. И они действительно (мы об этом поговорим подробнее позже) готовили контрудар с целью восстановления своего «Восточного вала».

Надо было ликвидировать Корсунь-Шевченковскую группировку, чтобы она не мешала дальнейшему освобождению Правобережной Украины.

Ставка дала директиву, которая предусматривала: «Нанести два встречных удара под основание Корсунь-Шевченковского выступа, соединениям войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в районе Звенигородки поручено окружение и ликвидация этой крупной группировки гитлеровцев.

Общий замысел нашего командования, утвержденный на совещании Ставки, заключался в том, чтобы освободить Правобережную Украину силами четырех фронтов и выйти к государственной границе и к Карпатам. Это огромное по пространству и по силам сражение — фактически от Полесья на севере и до Черного моря на юге, от Днепра на востоке и до

Карпат. Сначала надо было расчленить войска противника, находившиеся на этом театре боевых действий, и поочередно их уничтожить. Первую часть этого плана как раз и должно было составить уничтожение Корсунь-Шевченковского выступа силами 1-го и 2-го Украинских фронтов, действия которых координировал Жуков.

24 января началось наступление, которое вошло в историю войн как Корсунь-Шевченковская операция. Первым перешел в наступление 2-й Украинский фронт Конева, нанося главный удар в направлении Звенигородки. 1-й Украинский фронт перешел в наступление на сутки позже. Именно здесь на наблюдательном пункте Ватутина находился Жуков.

Противник предпринял яростные контратаки на флангах наступавших советских войск, пытаясь отразить вырвавшиеся вперед подвижные соединения 5-й гвардейской и 6-й танковой армий от основных сил и ликвидировать прорыв. Однако командование 1-го и 2-го Украинского фронтов, быстро подтянув к флангам артиллерийские и танковые части и соединения, при поддержке авиации отбило контратаки противника. Ударные группировки обоих фронтов продолжали наступление и 28 января соединились в районе Звенигородки, отрезав пути отхода фашистским войскам.

После того как кольцо окружения замкнулось, дальнейшее уничтожение окруженной группировки, как говорится, было «делом техники». Опытные командующие фронтами Ватутин и Конев и руководивший действиями этих фронтов Жуков уже умели это делать и одновременно создали как внешнее кольцо окружения, так и внутреннее, понимая, что противник предпримет все возможное для того, чтобы выручить окруженных ударом не только извне, но и изнутри кольца. Кстати, в окружении оказались силы немалые: 10 дивизий и одна бригада, около 80 тысяч солдат и офицеров, 1600 орудий и более 230 танков. Было, кому и командовать, и организовать прорыв: два штаба корпуса, восемь штабов дивизий да еще и целиком мощная танковая дивизия СС «Викинг».

Часть сил немцев из окружения вырвалась. По поводу этого высказывали взаимные обвинения Жуков и Конев, но это не имеет прямого отношения к Черняховскому. Поэтому я расскажу, какие полезные боевые дела по обеспечению Корсунь-Шевченковской операции совершила 60-я армия.

Как было сказано, в описанной выше операции 1-й Украинский фронт Ватутина участвовал своим правым флангом.

Вот что происходило на левом фланге фронта, где находилась 60-я армия Черняховского.

Хотя Киевская наступательная операция и завершилась успешно, битва за столицу Украины продолжалась. Гитлеровское командование, стремясь поправить пошатнувшееся положение своих войск, в частности, на киевском направлении, спешно перебросило туда новые соединения, и в первую очередь танковые дивизии: 25-ю — из Франции, 16-ю — из Италии и 1-ю — из Греции. Враг был еще в состоянии на отдельных направлениях задержать наступление наших войск, перейти в контрнаступление и нанести чувствительные удары. Противник, сосредоточив крупные силы, вновь угрожал Киеву.

В этой обстановке Ставка приказала приостановить продвижение на запад войск центра 1-го Украинского фронта, усилить 38-ю армию, не допустить прорыва противника к Киеву.

Генерал армии Ватутин, исполняя директиву Ставки, приказал центру и левому крылу фронта с 13 ноября перейти к обороне. Правое крыло, на котором действовали 13-я и 60-я армии, продолжало наступать. 17 ноября войска Черняховского овладели городом Коростень — большим железнодорожным узлом, имевшим важное стратегическое значение в системе обороны врага.

Противник, не сумев прорваться к Киеву с юга, стал искать слабые участки в нашей обороне на других направлениях.

Обстановка на фронте меняется порой удивительно быстро... Едва успел Иван Данилович вернуться в штаб армии, как позвонил генерал Людников:

— Товарищ командарм, противник прорвал позиции обороны дивизии генерала Мищенко и вышел на рубеж огневых позиций артиллерии.

— Но ведь дивизия Мищенко у нас во втором эшелоне! — удивился Черняховский. — Почему же вы не докладывали, когда противник прорывал наш передний край, первую позицию, наконец, вторую позицию? Немедленно уточните и доложите, что делается на участках дивизий первого эшелона! — и положил трубку.

Донесение командира корпуса не только запоздало, оно казалось неправдоподобным, и командарм имел основание вспылить. Но Черняховский сдержался. Выдержка и спокойствие помогли ему.

Снова зазвонил телефон. Командарм взял трубку и услышал голос Людникова:

— Товарищ двадцать первый! Дивизии первого эшелона прочно удерживают занимаемую ими оборону...

Черняховский прервал его:

— Каким же образом противник вышел на ваши тылы?

— Противник вклинился в полосу обороны моего корпуса через позиции тридцатого корпуса и зашел к нам с тыла.

Разрезав боевой порядок корпуса Лазько надвое и выйдя в тыл соединениям Людникова, противник поставил шестидесятую армию в крайне тяжелое положение, нависла реальная угроза ее окружения. Противник на этом участке превосходил в несколько раз войска Черняховского в танках и артиллерии.

Когда войска 1-го Украинского фронта пошли в наступление и очень активно продвигались вперед, Манштейн, верный своей тактике, решил прогуляться по тылам наступавшей группировки, как это у него очень хорошо получалось в битве на Крымском полуострове. Он сосредоточил 48-й танковый корпус в районе Бердичев—Казатин и нанес сильный удар во фланг наступавшим войскам 1-го Украинского фронта. Но здесь уже была не та ситуация, что в Крыму. Если в Крыму руководили тремя армиями пассив-

ные, бездарные, растерявшиеся военачальники, то здесь был опытный командующий фронтом Ватутин, не менее опытные командующие армиями.

В этих сложных условиях Черняховский не растерялся, быстро сориентировался в обстановке. Спросил и начальника штаба:

— Что вы думаете об этой обстановке, Георгий Андреевич?

— Одно ясно: противник, сосредоточив крупные силы в районе Житомира, ударом в направлении Малина вклинился в боевые порядки 30-го стрелкового корпуса и дезорганизовал оборону 15-го. Фельдмаршал Манштейн собрал сильные резервы. Угроза серьезная, противник пытается взять реванш. Если генерала Людникова постигнет та же участь, что и Лазько, мы, по-видимому, не сумеем удержать врага.

— Должны удержать. Отступать некуда. За нами — Киев, — сказал Черняховский. — От нас требуются решительные действия. Изматывать противника! Свой КНП я переношу к Людникову, на направление главного удара немцев. Вы оставайтесь здесь. Добивайтесь в штабе фронта, чтобы нам дали подкрепление. Прибывающие артиллерийские части расставляйте на танкоопасных направлениях. Там же готовьте окопы для пехоты, как можно больше увеличивая глубину обороны. Вводите в бой подвижные отряды заграждения да проследите, чтоб у них было достаточно противотанковых мин.

Закончив разговор с начальником штаба, Черняховский сосредоточился над оперативной картой.

Зазвонил телефон. Ватутин сказал:

— Стоять насмерть! Через двадцать минут позвоню, доложите решение.

Двадцать минут промелькнули как миг. Черняховский успел взвесить многое. Решение уже созрело. Но вдруг позвонил Людников:

— Противник наступает на моем участке крупными силами, в несколько раз превосходит в танках. Разрешите отво-

дить дивизии на более выгодные рубежи и выровнять линию фронта...

И вдруг связь оборвалась. Черняховский уже не мог дослушать до конца доклад Людникова. А уже пришло время докладывать Ватутину.

...Иван Данилович взял трубку.

— Товарищ командующий! Я решил огнем артиллерии, танков и авиации остановить ударную группировку противника на рубежах, которые армия занимает, одновременно готовиться к нанесению контрудара.

— Одобряю ваше решение, — сразу же ответил Ватутин. — Действуйте, желаю успеха. — Он почему-то промолчал о резервах, которые он направил 60-й армии.

Вездеход командарма помчался по направлению к Радомышлю, на новый командно-наблюдательный пункт, ближе к передовой.

Не доезжая до Радомышля, связавшись по радио с 30-м стрелковым корпусом, Черняховский запросил обстановку. Сведения были нерадостные:

— Около девяноста танков отрезали две дивизии первого эшелона и вышли на тыловую позицию, на северный берег реки Ирша, — докладывал генерал Лазько.

Затем последовала телефонограмма командира 15-го стрелкового корпуса:

«Веду тяжелые бои перевернутым фронтом в районе юго-восточнее города Малин. На моем участке наступает дивизия "Адольф Гитлер", имея в первом эшелоне около семидесяти танков, и до восьмидесяти танков врага обходят левый фланг корпуса. Соседи мои отходят на восток. Все резервы использованы. Жду помощи. Генерал Людников».

Завязалась ожесточенная схватка. Гитлеровское командование контрнаступлением из района Житомира в направлении на Радомышль намеревалось вновь овладеть Киевом. Главный удар врага приняли на себя соединения 60-й армии. Шли жаркие бои, во многом напоминающие сражение под Курском. Противник бросал в атаку одновременно сотни

танков, поддерживая их крупными силами пехоты, артиллерии, авиации. Войска шестидесятой армии под ударом превосходящих сил врага оставляли один рубеж за другим. В этих тяжелых боях особенно ярко проявились черты характера и полководческие качества Черняховского — выдержка, умение управлять соединениями при отходе под сильным нажимом крупных сил врага.

Не считаясь с потерями, гитлеровцы рвались к Киеву. Шел тяжелый бой. Вражеские снаряды рвались совсем рядом с командно-наблюдательным пунктом Черняховского. Немецкие танки были всего в семистах метрах от него. Артиллерийский противотанковый резерв армии сдерживал врага на этом рубеже, но сорока тяжелым танкам дивизии «Адольф Гитлер» противостояло здесь только восемнадцать противотанковых пушек. Казалось, немецкие танки вот-вот прорвутся к блиндажу командарма...

Черняховскому подсказывал адъютант:

— Товарищ генерал! Пора сменить КНП.

— Если мы сейчас перенесем командный пункт назад, то подорвем веру наших солдат в победу.

Иван Данилович знал, как крепок дух его воинов, и верил в их стойкость. Он знал, что они удержат свои рубежи. Рассчитывал на то, что одна наша пушка сможет противостоять двум-трем вражеским, один танк — трем танкам противника. Черняховцы не раз одерживали победы над численно превосходящим врагом.

Германское командование считало 60-ю армию уже разгромленной. Командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Раус вновь и вновь требовал быстрейшей ликвидации «остатков» соединений генерала Черняховского в районе Радомышля. В этом гитлеровцы возлагали особую надежду на свою 7-ю танковую дивизию, усиленную батальоном танков «тигр», и на танковую дивизию «Адольф Гитлер». Около двухсот танков этих дивизий прорвались в тыл соединений 60-й армии. Возникла угроза ее окружения. 7-й танковой дивизией командовал фашистский генерал Хас-

се фон Мантейфель. Его войскам удалось ценой огромных потерь потеснить корпус генерала Людникова, но замкнуть кольцо окружения он не смог.

Противотанковый резерв 60-й армии во взаимодействии с частями первого эшелона продолжал удерживать свой рубеж.

Командир немецкого 48-го танкового корпуса генерал Бальк, чтобы покончить с корпусом Людникова, приказал ввести в бой вторые эшелоны дивизий. Однако, встретив непреодолимое сопротивление частей полковника Лащенко, успеха не добился.

Черняховский к этому времени успел ввести в бой на стыке между корпусами Людникова и Лазько противотанковую бригаду и танковый полк, прибывшие из резерва фронта.

Положение наших войск на житомирском направлении стало чрезвычайно трудным. Гитлеровское командование бросало и бросало свежие резервы, все еще пытаясь взять реванш. 8 декабря Совинформбюро сообщило: «В течение 7 декабря наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 96 немецких танков, из них 84 в районе Черняхова» (направление действий 60-й армии).

В этих боях особенно отличились армейский противотанковый резерв, дивизии генерала Людникова и части полковника Лащенко. Командование армии, маневрируя этими силами, остановило наступление врага. Благодаря умению Черняховского использовать выгодные рубежи, изматывать крупные силы противника, соединения шестидесятой армии не только не были разгромлены, но и обескровили ударную группировку врага.

В ночь на 7 декабря в тылу группировки генерала Балька прогремели взрывы. Это наши истребители танков, посланные из состава саперного батальона 60-й, взрывали вражеские танки. Глубокий рейд инженерных подразделений в тыл противника был своего рода новым тактическим приемом, требовавшим от тех, кто выполнял его, особой отваги и умения.

Черняховский, успешно отразив контрудары врага, одновременно готовился к наступательным действиям. В конце декабря, когда немцы готовились праздновать Рождество, приказал генералу Людникову:

— Вам совместно с танковым корпусом генерала Полубоярова с утра нанести удар по противостоящему противнику и развивать наступление в направлении Шепетовки.

Однако командир корпуса на этот счет имел свое мнение:

— Товарищ командующий, разрешите время наступления перенести на канун Нового года. Немцы будут праздновать, а мы и шарахнем!

Ивану Даниловичу понравилось это предложение.

— Согласен! Готовьте немцам новогодний подарочек!

Расчет на внезапность полностью оправдался. Противник не предполагал, что советские войска начнут наступление во второй половине дня. У немцев в честь праздника Рождества был устроен торжественный обед, и это ослабило их боеготовность.

В пятнадцать часов танки Полубоярова и пехота Людникова после короткой огневой подготовки начали штурмовать оборону противника и быстро продвинулись вперед. В траншеях первой линии, за исключением наблюдателей, противника не оказалось. Не было его и в траншеях второй линии. Лишь подойдя к третьей линии траншей, черняховцы почувствовали сопротивление врага. Наши войска продолжали стремительно продвигаться. С ходу захватив Черняхов, они вышли на десять километров северо-западнее Житомира, перерезали дорогу на Новгород-Волынский. На следующий день в прорыв вошли главные силы армии.

Успех советских войск в Малинско-Радомышльской операции определялся не столько количеством живой силы и боевой техники, сколько искусным руководством войсками и высоким их боевым духом.

В этой операции особенно отличились соединения Людникова и Полубоярова. Важную роль в отражении атак вра-

жеских танков сыграли артиллерийские части и соединения. На ряде участков фронта артиллерия выдерживала основную тяжесть атак вражеских танков.

Успех операций свидетельствовал об умении Черняховского искусно маневрировать соединениями армии и в тесном взаимодействии с другими родами войск противопоставлять их врагу на различных этапах боя. Так, в момент вражеского удара мощными танковыми силами командарм широко применял артиллерию, а когда стало известно, что в составе немецкой танковой группировки мало пехоты, он немедленно использовал превосходство в стрелковых войсках.

В отражении ударов вражеских войск, рвавшихся к Киеву, Черняховский командовал уже двумя танковыми и одним кавалерийским корпусами и двенадцатью стрелковыми дивизиями. По составу войск это, пожалуй, походило скорее на фронтовое объединение.

Войска Черняховского перешли в решительное наступление и полностью освободили территорию, захваченную врагом в период его контрнаступления.

В начале января войска 60-й армии продолжали успешно наступать на юго-западном направлении, чтобы отрезать противнику пути отхода в районе железной дороги Бердичев—Шепетовка. 7 января противник подтянул сюда крупные резервы. Черняховский, своевременно приняв меры, правым флангом перешел к обороне, а соединениями генералов Лазько и Людникова продолжал наступление.

Во второй половине дня 15 января противник вновь нанес контрудар по 15-му и 30-му стрелковым корпусам. С новой силой разгорелись кровопролитные бои. Враг глубоко вклинился в наши боевые порядки. На командном пункте в районе колхоза имени Шевченко Черняховскому предлагали — начальник штаба и командующие родами войск — остановить наши наступающие части и огнем с места отражать контрудар врага. Казалось, они были по-своему правы. Но Черняховский решил действовать более активно и силами соединений генералов Людникова в Полубоярова нанести

удар по вклинившемуся противнику. Момент и направление удара командарм избрал правильно. Враг был остановлен на всем фронте армии.

Теперь требовалось лишить противника возможности перегруппировать силы и возобновить наступление. Но к этому времени и черняховцы в длительных и напряженных боях понесли ощутимые потери. Так, в 4-м гвардейском танковом корпусе оставалось лишь около пятидесяти танков и самоходно-артиллерийских установок. И все-таки Черняховский решил активными действиями закрепить достигнутые успехи. 27 января по его приказу после перегруппировки соединений армии 18-й гвардейский стрелковый корпус вновь перешел в наступление, чтобы освободить Шепетовку. После тяжелых боев Шепетовка была взята.

Немецкое командование срочно приняло все меры, чтобы выправить положение. Ночью противник перешел в контратаку, имея перевес в силах. Наши части, занимавшие Шепетовку, вынуждены были оставить ее.

Черняховский проанализировал причины этой неудачи и ответил командиру 18-го гвардейского стрелкового корпуса:

— Не использовали ночь для закрепления успехов. Противник воспользовался тем, что в боевых порядках частей на танкоопасных направлениях мало противотанковых пушек, отсутствовали минные поля. Разведчики своевременно не установили, что противник готовит контратаку.

Разбор ошибок и меры, по указанию командарма принятые штабом армии для их устранения, имели большое значение для последующих действий. В первой половине февраля 18-й и 23-й стрелковые корпуса и 4-й гвардейский танковый корпус перешли в решительное наступление и, сломив сопротивление врага, 11 февраля вновь овладели Шепетовкой. На этот раз войска Черняховского прочно закрепили достигнутый успех. Враг делал отчаянные попытки вернуть Шепетовку, но его усилия были тщетными.

Войска Ватутина, как я рассказал в начале этой главы, имели успех не только на правом, но и на левом крыле

фронта. Ударные группировки 1-го и 2-го Украинских фронтов к этому времени закончили окружение под Корсунь-Шевченковским крупных сил противника. Десять дивизий и одна бригада гитлеровцев оказались в котле. Тридцать пять тысяч фашистских солдат и офицеров были убиты и ранены, более восемнадцати тысяч попали в плен. В результате этого положение советских войск на Правобережной Украине значительно улучшилось.

После удачной Корсунь-Шевченковской операции и отражения контрударов противника на Киев Ставка разработала новую стратегическую операцию по дальнейшему освобождению Правобережной Украины. Замысел был грандиозный: рассекающим ударом в сторону Карпат выйти к этому горному хребту и рассечь таким образом южный участок фронта на востоке пополам, потому что через горный хребет связь и взаимодействие двух изолированных частей фронта будут очень затруднены да, пожалуй, и невозможны.

Таким образом, здесь ситуация складывалась похожая на ту, которая была задумана гитлеровцами при наступлении на Сталинград. Только с выходом к Карпатам у гитлеровцев складывалась, на мой взгляд, более тяжелая ситуация, потому что мы и за Волгой могли продолжать связь с нашими группировками, хотя и в очень трудных условиях. А здесь с выходом к горному хребту изоляция уже наступала реальная и прочная.

Верховный приказал Жукову координировать в этой операции действия 1-го и 2-го Украинских фронтов. Маршал советовался с Ватутиным, когда лучше начинать наступление.

Уже начиналась весна. Наступила распутица, и у многих командиров было сомнение: стоит ли начинать крупные операции в таких условиях, потому что трудно будет продвигаться и танкам, и артиллерии, да и вообще всей технике. Не подождать ли немножко? Однако Жуков решил, что, если начинать операцию именно в таких неблагоприятных условиях, это будет неожиданностью для противника, надо

использовать этот фактор. Да и части противника, потрепанные в предыдущих боях, не будут еще в состоянии полной боевой готовности для отражения нового наступления наших войск.

Фельдмаршал Манштейн действительно считал, что наступление советских войск в такой распутице невозможно. Позволю себе, как участник войны, сделать насчет распутицы небольшое отступление.

Оба полководца, и Жуков, и Манштейн, говорят о распутице и грязище, наблюдая ее в бинокли или преодолевая в легковых машинах. Мне, будучи еще рядовым, пришлось на фронте хлебнуть этого лиха! Солдаты не только преодолевали грязь, они шли вперед под огнем пулеметов, разрывами снарядов и бомбежкой самолетов. Они при близких разрывах падали в эту жижу и вжимались в нее, давимые инстинктом сохранения жизни. Они вставали и не только шли дальше, а тянули на лямках и веревках за собой противотанковые пушки, зная, что без них танки врага опрокинут их при первой же контратаке. Что такое тянуть орудие по грязи выше колен, знает только тот, кто сам это испытал. Напрягаешься до того, что кажется, вот-вот лопнут жилы внутри твоего тела. От напряжения не пушка тянется за тобой, а сначала ты сам, ногами своими погрузишься в жижу. И только когда почувствуешь твердую землю, упрешься в нее, да не один, а все вместе — расчет орудия и те, кто ему помогают, упрутся, да с криком, с матом поволокут, только тогда орудие поддастся, поползет вперед. Если лихо потянут, оно проскользит несколько десятков метров. А потом опять упираешься и рвешь до искр из глаз... Вот так и волокли себя и пушки. Да еще и танки откапывали. Бывало, он, могучий, горячий, забуксует, зароется гусеницами до самых подкрылков, вот матушка пехота быстренько подсобит ему, подкопает спереди или сзади, он, сердешный, и выберется из колдобины. Танк бросить нельзя. Впереди пулеметы, они нас всех выстригут, если танки их не подавят. Танк — наш спаситель, у него гусеницы — расплющат, у него пушка — сшибет пулемет, как

только тот застрекочет, у него свой пулемет — срежет пехоту, если она поднимается в контратаку.

Так что танк — лучший друг пехотинца. Он только бы нас до рукопашной довел, а там мы себя покажем. Сколько злости в нас накапливается, пока по этой грязюке ныряем. Вроде бы уже и сил нет, все оставили, преодолевая жидкое, вязкое месиво, но как только замелькали вблизи каски и зеленые мундиры гитлеровцев, внутри будто какие-то дополнительные клапаны раскрываются, тут уж рвутся из груди само собой «Ура!» и «За Родину!», и мать, и Бога — всех вспомнят! Тут уж нас не остановят ни пули, ни гранаты, что летят нам навстречу из немецкой траншеи. Если русская пехота добралась до бруствера вражеского окопа, ее никто не остановит, против нас ни одна армия не устоит. Страшен и беспощаден российский солдат в рукопашной, бьет он врага ловко, умело, самозабвенно...

И только потом, закуривая самокрутку, весь в поту, еще не отдышавшись после схватки, оглядится вокруг и с ухмылкой сам же удивится и скажет: «Надо же — чего натворили!»

Вот этого запредельного, нечеловеческого умения одолеть распутицу, выкарабкаться из грязищи, хоть она была по самые ноздри, вот этой способности у немецкого солдата не было. Поэтому мы и брали верх. И Жуков знал о таких качествах бойцов, верил в них и поэтому даже внезапность и стратегический успех целого весеннего наступления обосновывал надеждой, что наш брат-солдат все выдюжит и не подведет.

В общем, решение было принято, приказ отдан, и его надо выполнять.

В нескольких предыдущих операциях 60-я армия начинала их, действуя на вспомогательных направлениях, но благодаря умелому, инициативному руководству Черняховского эти направления превращались в главные, сюда командующие фронтами направляли свои резервы.

В предстоящей операции 60-я армия должна была сразу наступать на главном направлении. Поэтому командующий

фронтом Ватутин решил именно с нее начать отработку взаимодействия и поэтапный разбор наступления.

После полудня Ватутин позвонил Черняховскому.

— Часика через два, Иван Данилович, будем у вас. Никуда не отлучайтесь, — предупредил он.

Но вот прошло два, а потом и три часа, а комфронта все еще не было. Обеспокоенный, командарм позвонил в Ровно. Генерал Пухов сообщил, что Ватутин и Крайнюков давно уже выехали.

Надвигались сумерки. Беспокойство Черняховского нарастало. Он еще и еще звонил в штаб фронта и к генералу Пухову. И наконец печальная весть: на полпути из Ровно в Славуту, при въезде на окраину села Милятин машины командования фронта и охраны подверглись нападению из засады бандитов-бандеровцев. Ватутин залег вместе с солдатами охраны, отражал нападающих. Бандеровцы, рассыпавшись по заснеженному полю, несколько раз поднимались в атаку и каждый раз под огнем автоматов и пулемета прижимались к земле. В этом бою Николай Федорович был ранен. В сгустившихся сумерках его вынесли на Ровенское шоссе, а затем доставили в Ровно, где ему тотчас же сделали операцию. Ранение оказалось тяжелым — в правое бедро с повреждением кости. Ватутин был переправлен для дальнейшего лечения в Киев.

Тяжелое ранение любимого военачальника и близкого друга Черняховский воспринял с болью в сердце. После нескольких операций Ватутин скончался 15 апреля 1944 года.

1 марта 1944 года в командование войсками 1-го Украинского фронта вступил маршал Жуков. Он, как и Ватутин, решил начать организацию взаимодействия с главного направления и поэтому первым вызвал в свой штаб Черняховского.

С большим волнением ехал к нему Иван Данилович. Прежние комфронта относились к нему очень по-доброму, а как сложатся отношения с новым командующим? Жуков был известен своей крутостью и требовательностью. Он

встретил Черняховского официально, строго, без лишних слов, коротко бросил:

— Докладывайте ваше решение.

Черняховский, стараясь быть спокойным и зная нетерпимость Жукова к многословию, коротко и четко изложил свое решение. И так же коротко маршал сказал:

— Ваше решение утверждаю.

И все же при всей суровости простые человеческие переживания были и у Жукова. Он так же коротко, вроде бы и не по делу, сдерживая свой командирский голос, молвил:

— Жаль Николая Федоровича. Я как предчувствовал беду, не советовал ему к вам ехать, послать кого-нибудь из заместителей. Но он настоял на своем...

С первых же дней под командованием Жукова удача сопутствовала Черняховскому. 4 марта в 8 часов утра ударная группировка фронта после артиллерийской подготовки перешла в наступление. 60-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом на направлении главного удара прорвала вражескую оборону в районе Ямполь, Корница и стала развивать наступление в общем направлении на Тернополь. Жуков немедленно в ее полосе ввел в сражение главные силы 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, и они вбили клин между 1-й и 4-й армиями немцев.

Поздним вечером 5 марта радио Москвы сообщило:

ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
Маршалу Советского Союза Жукову

Войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, заменившего генерала армии Ватутина, вследствие болезни последнего, 4 марта, перейдя в наступление, прорвали сильную оборону немцев на фронте протяжением до 180 километров и за два дня наступательных боев продвинулись вперед от 25 до 50 километров.

В ходе наступательных боев наши войска разбили четыре танковых и восемь пехотных дивизий немцев и овладели

городом и крупной железнодорожной станцией Изяславль, городами Шумск, Ямполь и Острополь, заняли свыше 500 других населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Кантрынбург, Выжгрудек, Теофиполь, Базалия, Купель, Ляховцы, Белогородка, Антонины, Великие Мацевичи, Городище, и ведут бой на подступах к железнодорожной станции Волочиск.

(И первым среди всех!)

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Черняховского!..

Так фамилия Ивана Даниловича впервые прозвучала рядом с прославленным маршалом Жуковым. Да и сам маршал высоко оценил молодого растущего полководца, через два дня после этого приказа Сталина — 7 марта — в Москву полетела телеграмма:

Тов. Сталину.

По своим знаниям и умению управлять войсками командующий 60-й армией генерал-лейтенант Черняховский вполне заслуживает звания генерал-полковника.

В сравнении с Москаленко, Гречко и Рыбалко Черняховский стоит гораздо выше.

Просим присвоить т. Черняховскому звание генерал-полковника.

Маршал Советского Союза Жуков

Генерал-лейтенант Крайнюков.

Сталин настолько уважал Жукова и так хорошо знал Черняховского, что в этот же день подписал постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присвоении Ивану Даниловичу Черняховскому звания «генерал-полковник».

Однако на фронте после первых удач обстановка складывалась очень напряженная.

Манштейн собирал все возможные резервы, снимал части с других направлений для того, чтобы ликвидировать этот клин и не допустить рассечения своего фронта. Ему удалось создать ударный кулак силой в девять танковых и шесть пехотных дивизий. И, надо сказать, они сделали свое дело. Несмотря на то что в распоряжении Жукова на главном направлении были мощные ударные танковые армии, Манштейну удалось не только остановить наши наступающие части, но и отбросить их на линию севернее Тернополя и Проскурова.

Как это ни прискорбно, Жукову пришлось приостановить наступление своей главной группировки и отдать приказ о переходе к обороне. Эти тяжелые оборонительные бои продолжались больше недели.

Нетрудно представить, какого невероятного напряжения сил и воли потребовали эти тяжелые бои от Черняховского и его войск. Отразив все атаки, 60-я армия вновь перешла в наступление.

Жуков, понимая трудности Черняховского, позвонил и сказал:

— Даю вам из моего резерва 135-ю стрелковую дивизию. Встречайте ее.

Вскоре командир этой дивизии полковник Ромашин доложил по телефону:

— Товарищ генерал, до места сосредоточения дивизии мне нужен один переход.

Это очень огорчило Черняховского.

— Выходит, ваши полки еще сутки будут находиться в пути. За это время оперативные резервы противника смогут подойти.

— Я не виноват, товарищ командующий! — Ромашин стал взволнованно объяснять: — Распутица... Не хотел двигаться без боеприпасов. По дороге вышла из строя часть транспорта. Пришлось нагрузить на каждого солдата по полтора боекомплекта. Тяжело нести. Темп движения значительно замедлился...

Решение комдива прибыть с боеприпасами Черняховскому понравилось.

— Понимаю вас, — сказал он Ромашину сочувственно.

Иван Данилович думал, как бы побыстрее ввести в бой эту дивизию, и сказал:

— Вас встретит мой адъютант. Возьмите с собой командиров полков и вместе с ними поезжайте к командиру корпуса. Он вам поставит боевую задачу. Пока ваша дивизия будет следовать к месту назначения, вы успеете изучить задачу, а командиры полков потом встретят свои части и выведут их на исходные позиции.

В ночь на 23 марта части дивизии Ромашина заняли исходное положение для наступления на самом важном участке внешнего кольца окружения и утром успешно атаковали противника. 24 марта 497-й полк этой дивизии под командованием полковника Иванова умелым маневром перерезал шоссе Бережаны—Тернополь, соединился со 148-й стрелковой дивизией и этим замкнул внешнее кольцо окружения тернопольской группировки противника.

Черняховский получал данные армейской и воздушной разведок, что на выручку осажденным в Тернополе войскам подтягиваются крупные резервы противника. Командарм принимал меры к созданию второго, внешнего кольца окружения, чтобы задержать войска, спешившие на выручку осажденным. 11 апреля эти резервы перешли в наступление и нанесли удар на участке обороны 497-го полка полковника Иванова. На его 3-й батальон наступало восемнадцать «тигров» и пятнадцать бронетранспортеров. Враг, пользуясь своим превосходством в технике, смял опорный пункт 8-й роты и стал продвигаться к селу Городище и к р. Высушка. Полковые саперы успели взорвать мост через эту речку. Наступление врага приостановили.

Утром 13 апреля противник силами около семидесяти танков смял сопротивление левофлангового батальона 497-го полка и стал продвигаться в глубь нашей обороны, чтобы выручить свою окруженную в Тернополе группировку.

Для закрытия образовавшейся бреши Черняховский из своего резерва перебросил на это направление истребительный противотанковый артиллерийский полк. Артиллеристы успели занять огневые позиции для стрельбы прямой наводкой и, взаимодействуя со стрелковыми подразделениями, отразили сильную атаку противника. За день боя они уничтожили четырнадцать танков, девять бронетранспортеров, семь самоходных орудий.

Противник вынужден был на этом направлении прекратить атаки. Однако 14 апреля он снова попытался наступать, на этот раз на участке обороны 396-го полка 135-й стрелковой дивизии. Против этого полка немцы бросили в бой танковую дивизию, поддержанную авиацией. Врагу удалось прорвать нашу оборону и овладеть населенным пунктом Ходачка Великая. Создалась явная опасность, что немцы прорвут внешнее кольцо нашей обороны и высвободят свои дивизии, окруженные в Тернополе.

Во второй половине дня оперативно-тактическая обстановка еще более усложнилась: противник наносил удары по участкам обороны трех дивизий 60-й армии. Наиболее угрожающее положение создалось на участке 135-й стрелковой дивизии, которая сдерживала натиск противника на внешнем фронте кольца окружения.

В разгар боевых действий командарм по телефону предупредил полковника Ромашина:

— Рассчитывайте на свои силы, на подход армейских резервов не надейтесь, рубеж обороны отстоять во что бы то ни стало!

Почему Черняховский в такой трудный момент вместо того, чтобы поддержать Ромашина резервом, приказывает ему, по сути дела, стоять насмерть? Не буду детально объяснять такие действия командарма, они легко и просто будут понятны из решения Черняховского, которое он доложил Жукову.

Именно в минуты, когда Черняховский ставил задачу Ромашину, позвонил комфронта:

— У вас, Иван Данилович, очень горячо. Что намерены предпринять?

— Я решил все силы бросить на уничтожение окруженного противника в Тернополе.

— Не понимаю, — буркнул Жуков, — у вас главная опасность с фронта, оттуда бьют немцы на выручку окруженным.

— Так точно, товарищ маршал. Вот я и решил как можно скорее уничтожить окруженных, тогда наступающим с фронта некого будет выручать.

Жуков некоторое время молчал, а потом явно с похвалой сказал:

— Одобряю! Но риск большой.

— Без риска на войне не бывает, — бодро ответил Черняховский, уверенный, что принял правильное решение.

— Ну, что же, дерзай! Но крепи оборону и с фронта.

Черняховский лично руководил частями внутреннего кольца окружения. Он объяснил командирам, почему надо в короткий срок ликвидировать окруженных. И, понимая замысел любимого командарма, черняховцы ворвались в город. Они очищали от врага квартал за кварталом. Противник оборонялся упорно, цепляясь за каждое здание. Расстояние между нашими и немцами часто не превышало пятидесяти метров, местами оно измерялось лишь толщиной капитальной стены или потолочного перекрытия. Особенно яростные схватки происходили в центре города, где засели эсэсовцы, отстреливавшиеся до последнего патрона. Остатки одной пехотной дивизии, нескольких артиллерийских полков, специальных частей и офицерского штрафного батальона заняли оборону в крепких старинных зданиях, которых много в центре Тернополя.

...Когда в центре Тернополя еще шли напряженные бои, на командно-наблюдательном пункте Черняховского зазвонил телефон ВЧ.

— Иван Данилович! — прозвучал внушительный голос командующего фронтом Жукова. — Армию сдайте генерал-полковнику Курочкину, а сами завтра, тринадцатого, должны быть в Москве. Самолет для вас приготовлен.

Черняховский не терялся в самых трудных моментах боя, а тут оторопел от столь неожиданного распоряжения.

— Георгий Константинович, чем это вызвано? — овладев собой, спросил Черняховский.

— Вас вызывает Верховный Главнокомандующий.

— Товарищ Сталин? По какому вопросу? — взволнованно спросил Черняховский.

— По всей вероятности, это связано для вас с чем-то приятным. Там узнаете.

Черняховский передал 60-ю армию генерал-полковнику Курочкину, который командовал Северо-Западным фронтом в июне 1941 года, когда Иван Данилович был еще полковником и командиром 28-й танковой дивизии.

Вот так стремительно летит время на войне — за три года Черняховский получил три высоких звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник. И не менее высокие повышения: командир корпуса, командующий армией. В боях он приобрел широкий опыт руководства соединениями. По поводу этого опыта мне кажется уместным привести слова генерала армии Лащенко:

«Личная оперативная подготовка генерала Черняховского к моменту его назначения командующим 60-й армией была весьма посредственной. Но так как он имел хорошее общее образование и был человеком весьма одаренным от природы, он быстро рос в оперативных вопросах как армейского, так и фронтового масштаба, правильно усваивал передовые взгляды того времени на характер и способы ведения боевых действий. Он постоянно и много работал над собой: много читал, внимательно прислушивался к мнению подчиненных генералов и офицеров, особенно к мнению начальника штаба генерала Крылова, имевшего хорошую оперативную подготовку. Теоретическая самоподготовка сочеталась у него с опытом боевых действий.

После каждой операции Иван Данилович стремился обобщить боевые действия, глубоко проанализировать их. Он был ярым противником всякого шаблона и схематизма.

Черняховский очень умело руководил своим штабом. Между ним и штабом существовало полное взаимопонимание. Мы всегда знали его замыслы и отдаваемые лично им распоряжения. Он ценил офицеров штаба, внимательно выслушивал их доклады и предложения, а те, в свою очередь, относились к нему с глубоким уважением.

Иван Данилович пользовался заслуженным авторитетом и у высших начальников. Те хорошо знали его способности, высокие личные качества и относились к нему с большим уважением. В армию к нам часто приезжали Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, другие представители Ставки. Все они признавали одаренность командарма и никаких претензий к нему не предъявляли.

Это уважение к командующему накладывало определенный отпечаток и на работу штаба армии: нам, офицерам штаба, работалось относительно легко, спокойно.

— Мне довелось, — говорит в заключение П.Н. Лащенко, — прослужить на фронте вместе с Иваном Даниловичем около двух лет: сначала начальником оперативного отдела, затем заместителем начальника штаба армии и командиром дивизии. Когда он уезжал из армии, то сказал мне: "За два года я вас ни разу не застал спящим". То же самое и я за это время никогда не видел, чтобы он отдыхал».

И вот что-то предстоит впереди? Одолевали даже сомнения — в Москву вызывают не только выдвигать, но и «задвигать».

На аэродроме в столице Черняховского встретил офицер из Генштаба. Он сказал:

— Вас ждет генерал Антонов.

Машина мчалась по серым малолюдным улицам, только разноцветные светофоры мелькали — зеленый, желтый, красный.

Генерал армии Антонов встретил приветливо. Последовали обычные в таких случаях: «Как здоровье?», «Как долетели?». Черняховский автоматически отвечал, улыбался, но все же ждал: зачем вызвали? Наконец начальник Генштаба сказал:

— Жуков и Василевский рекомендовали вас на должность командующего фронтом. Генеральный штаб (не сказал — я) поддерживает. С вами хочет побеседовать товарищ Сталин.

Теплая волна крови прилила к щекам и распространилась по всему телу. И опять автоматически, еще не осознав значительности перемены в своей службе, Иван Данилович сказал:

— Благодарю за доверие.

Алексей Иванович понимал взволнованность генерал-полковника и необходимость осмыслить и пережить происходящее, поэтому решил тут же его отпустить:

— До десяти вечера вы свободны. Поезжайте домой. Семью, наверное, еще не видели. За вами на квартиру придет машина.

Черняховский пожал руку Антонову, искренно поблагодарил:

— Спасибо вам, товарищ генерал армии, за все! — И, чтобы Антонов понял, что имеет в виду новое назначение, шутливо добавил: — И за машину.

Антонов оценил остроумие Черняховского, про себя отметил: «Во всех отношениях прекрасный человек».

Дома шквал объятий и поцелуев. Анастасия Григорьевна, Нилуся и Алик буквально повисли на нем. Два года не видел детей — выросли, похорошели.

Остаток счастливого дня в быстрых, суматошных разговорах.

— Я, папка, твой наказ выполняю, учусь на отлично, — довольно говорит Нила.

— А я пойду осенью в первый класс! — перебивает сестру Алик.

Такой же суматошный обед, дети бегают из комнаты в кухню, накрывают на стол, а жена оттуда выкрикивает мужу разные новости о родных и знакомых. А у Ивана Даниловича и в этой суете постукивает одна мысль: «Как примет Сталин? Что он предложит?»

И вот уже просигналил во дворе шофер, и Черняховский мчится в Кремль.

Секретарь Сталина Поскребышев немедленно доложил о прибытии Черняховского и, возвратясь, не закрывая двери в кабинет, пригласил:

— Заходите.

Кабинет был просторный, справа в углу у окна письменный стол, слева длинный стол, покрытый зеленым сукном, два ряда стульев вдоль стола. Вся комната окаймлена высокими дубовыми панелями. На стенах портреты Маркса, Ленина, Суворова, Кутузова. От письменного стола к двери — красная ковровая дорожка, и по ней, как продолжение галереи портретов на стене, шел навстречу Сталин. Он, пожимая руку Черняховского, пристально посмотрел на него и сказал:

— Вот вы какой! Проходите. Садитесь, поговорим. — Сам сел не за письменный стол, а в торец стола для совещаний. Продолжил: — Мне много хорошего докладывали о вас Рокоссовский, Жуков, Василевский. Да я и сам знаю о ваших успешных действиях под Воронежем и на Украине. Пора вам руководить в более крупных масштабах. Мы на Политбюро посоветовались и решили предложить вам должность командующего фронтом. Как вы к этому относитесь?

Иван Данилович, сдерживая волнение, ответил:

— Великая честь для меня. Сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.

— Вот и хорошо. Мы намерены послать вас на белорусское направление, там будет разделен Западный фронт на три Белорусских. Первым Белорусским будет командовать Рокоссовский, Вторым — Петров, Третий предлагается вам. После украинских степей белорусский театр военных действий иной — лесисто-болотистый.

— До войны я служил в Белоруссии, те условия мне знакомы.

— Тем более. Как вы оцениваете обстановку на этом направлении?

— Войска этих фронтов нависли над флангом центральной группы армий противника, и немцы, испытывая «котлобоязнь», непременно будут укреплять этот участок.

— Следовательно, вы считаете — германское командование ожидает, что летом мы предпримем активные действия в Белоруссии, а не на южном и юго-западном участках советско-германского фронта?

— Да. И немцы не случайно стянули силы на правое крыло 1-го Украинского фронта. Если создать впечатление, что мы готовим большое наступление на юге, то они станут наращивать силы туда.

— Противника на мякине не проведешь, — заметил на это Сталин. — Немцы внимательно следят за передвижением наших танковых армий и полагают, что, где мы их сосредоточиваем, там и нанесем главный удар. Вот мы и решили пока оставить две танковые армии на Украине. Пусть немцы туда стягивают резервы.

Помолчав, Сталин продолжал:

— В предстоящей летней кампании мы нанесем несколько последовательных ударов на различных направлениях, так чтобы противник не смог заподозрить нашу подготовку в Белоруссии. А во второй половине июня развернем сражение за полное освобождение Белоруссии. Таков общий замысел.

— На всех направлениях трудно иметь превосходство над противником в танках и артиллерии.

— Секрет успеха в том и заключается, что мы не сосредоточиваем силы на всех направлениях одновременно... — Сталин пояснил: — В каждой из танковых армий, которые действуют на Украине, танков не больше, чем в полнокровном танковом корпусе. Основную массу танков из резерва Ставки используем не для пополнения этих армий, а для соединений на направлении главного удара в Белоруссии. Успех здесь будет во многом зависеть от действий вашего фронта.

— Я приложу все силы на выполнение этого замысла.

— Может быть, у вас есть какие-то вопросы?

— Хотелось бы уточнить насчет руководящих кадров штаба фронта.

— Это — на ваше усмотрение. Можем сформировать штаб фронта заново, а старый состав штаба передать 2-му Белорусскому — генералу Петрову.

— У товарища Петрова опыта побольше, поэтому лучше бы старый состав штаба Западного фронта передать мне — 3-му Белорусскому. Только вместо члена Военного совета товарища Мехлиса просил бы назначить другого.

— Вопрос назначения члена Военного совета фронта решает Государственный Комитет Обороны. — Сталин нахмурился. — К тому же он член ЦК. Какие у вас к нему претензии?

Черняховский хорошо помнил, как Мехлис расправился с Павловым и другими генералами в самом начале войны. Да и сам едва не попал под его безжалостную секиру. Говорить об этом Сталину посчитал сейчас не к месту, но все же отступать от своей просьбы не стал:

— Мне не нравится стиль работы товарища Мехлиса, он часто прибегает к крайностям. Может снять с поста любого командира без особых на то причин.

— Напрасно полагаете, что Мехлис остался таким же, каким был на Крымфронте. — Голос Сталина стал мягче. — Вероятно, вам известно, что за попытку свалить вину на других он был снят с должности заместителя наркома обороны и понижен в воинском звании. После этого вряд ли он станет вести себя по-старому. — Сталин помедлил. — Ну, хорошо. Раз вы просите, мы его направим к товарищу Петрову. А пока — приступайте. По оперативным вопросам подробнее введет вас в обстановку товарищ Антонов. Во избежание раздора между вами и Петровым при разделении Западного фронта и чтобы все происходящее правильно воспринял товарищ Соколовский, с вами поедет генерал Штеменко.

Сталин помолчал и добавил:

— На период наступления представителем Ставки у вас будет товарищ Василевский. Это не означает дублирования.

Василевский имеет круг своих вопросов, его дело — координация усилий нескольких фронтов для решения единой задачи. Кстати, у него есть, чему поучиться, и с ним можно посоветоваться. — Сталин встал, дав понять — беседа закончена.

— Все ясно, товарищ Сталин. Для меня, начинающего командующего фронтом, очень важно будет во время операции получить полезные советы и необходимую поддержку от столь авторитетного военачальника, как Александр Михайлович Василевский.

— Как вам известно, командующий фронтом подчиняется непосредственно Верховному Главнокомандующему, так что звоните мне по ВЧ в любое время. Если еще есть какие вопросы, слушаю.

— Вопросов нет.

— На Политбюро вашу кандидатуру утвердили, поздравляю и желаю успеха. Вам сегодня же необходимо выехать в штаб фронта. — Сталин подал Черняховскому руку, именно подал, а не пожал, это была его обычная манера.

И вот Иван Данилович в тихой, ухоженной красоте Кремля: древние зубчатые стены, храмы и колокольни — сама история здесь ощущается во всем. И Черняховский ощутил себя отныне частицей, участником этой истории не только потому, что он теперь большая величина — командующий фронтом, а главное, что он встретился, говорил, получил благословение Сталина. Все, что связано со Сталиным, это история. Он подлинно историческая личность. Черняховский искренно уважал его и был счастлив от состоявшейся встречи.

Иван Данилович после беседы в Генштабе с Антоновым заехал домой, буквально на бегу попрощался с женой и детьми, вылетел на фронт вместе с генерал-полковником Штеменко.

За те дни, что он был в Москве, принимал дела 3-го Белорусского фронта, прозвучало несколько приказов фронту Жукова, который освободил Староконстантинов, Дубно,

Кременец, Винницу. В этих приказах были имена соратников по 60-й армии, но фамилии Черняховского уже не было. Это царапнуло по самолюбию. Но в как бы итоговом приказе Верховного от 24 марта было сказано:

«Войска 1-го Украинского фронта, отбив все контратаки противника на участке Тернополь, Проскуров и измотав в этих боях контратакующие здесь танковые и пехотные дивизии немцев, на днях внезапно для врага сами перешли в наступление и прорвали его фронт.

За четыре дня наступательных боев войска 1-го Украинского фронта продвинулись вперед от 60 до 100 километров, овладели городом и оперативно важным железнодорожным узлом Чертков, городом Гусятин, городом и железнодорожным узлом Залещики на реке Днестр и освободили более 400 других населенных пунктов.

В боях при осуществлении прорыва и за овладение городами Чертков, Гусятин и Залещики отличились войска генерал-полковника Черняховского, генерал-полковника Гречко, генерал-лейтенанта Журавлева, генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Людникова...»

Далее перечислялись другие отличившиеся.

И Москва салютовала им 20 залпами из 220 орудий!

«Не забыли!» — с благодарностью подумал Иван Данилович.

Его не забыли не только в приказе Верховного, Указом Президиума Верховного Совета Черняховский был награжден орденом Кутузова I степени.

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

В нашей литературе, не только в художественной, а даже военной и особенно в газетных публикациях, встречаются такие выражения, как «стратегический пункт», «оперативный объект». Очень часто авторы, употребляя эти термины, совершенно не представляют их смысла и содержания.

Можно было прочитать такие сообщения, например, о боях в Афганистане или в Чечне: подразделение или такой-то отряд захватили стратегически важную высоту или стратегически важный мост. Стратегический — это значит такое крупномасштабное мероприятие, операция или объект, которые имеют влияние на какой-то определенный этап войны или исход войны в целом. Стратегия манипулирует только такими категориями. Ну, для примера, стратегические масштабы имела операция гитлеровцев «Тайфун», когда они пытались захватить Москву путем окружения. Вот здесь — стратегический масштаб, потому что это влияло в какой-то степени в случае удачи на исход войны. Стратегический масштаб имела Сталинградская операция, которая, как уже говорилось, вырвала стратегическую инициативу у немецкой армии. К стратегическим относится битва на Курской дуге — не только по количеству участвовавших войск, но и по результатам. Это была последняя попытка гитлеровского командования восстановить инициативу на Восточном фронте и взять реванш за сталинградское поражение. Когда мы говорим о стратегическом плацдарме при форсировании Днепра, то должны помнить, что не все захваченные плацдармы имели основание называться стратегическими. Вот операция, которую осуществил Конев, где пять армий взламывали оборону немцев на правом берегу Днепра и захватили уже огромную территорию, на которой в дальнейшем могли развернуться несколько фронтов, вот это — масштаб действительно стратегический. Гитлеровцы теряли свой «Восточный вал» на Днепре, который в случае удержания позволял им вести длительную стратегическую оборону. А для нашей армии этот плацдарм открывал широкий простор для последующих операций стратегической масштабности.

Оперативные масштабы — это менее крупные по сравнению со стратегическими, по результатам и по задачам влияющие на успех действия оперативных соединений — армий, корпусов и обеспечивающие эффективный результат, достижение победы на каком-то оперативном направлении,

где действует соответствующее объединение. Оперативные мероприятия обычно являются частью, звеном стратегических.

Вот такими широкомасштабными боевыми действиями предстояло теперь руководить генерал-полковнику Черняховскому.

Четверть века назад генерал Лащенко подарил мне свою книгу «Искусство военачальника» с автографом:

«Тов. Карпову Владимиру Васильевичу.

В знак глубокого уважения и с наилучшими пожеланиями от автора.

Генерал армии

18.7.86 г. П. Лащенко»

Читатели, наверное, помнят, что Лащенко, еще полковником, был заместителем начальника отдела штаба 60-й армии под Воронежем, позднее, уже под Курском, Черняховский выдвинул его на должность командира дивизии. Пройдя всю войну, заслужив все высшие звания, до генерала армии, Петр Николаевич написал вышеназванную книгу. В ней он обобщил опыт искусства руководства войсками многих известных военачальников и с особенным вниманием относится к Черняховскому.

Приведу несколько цитат, которые относятся, на мой взгляд, именно к тому времени, когда Иван Данилович стал командующим фронтом.

Думается, здесь будет уместно сказать о том, кого принято относить к военачальникам и кого — к полководцам. Военачальник, говорится в Советской военной энциклопедии, — это обычно высший войсковой начальник, занимающий командную или штабную должность в вооруженных силах государства. В Советских Вооруженных силах военачальниками считаются командующие войсками фронтов и округов, командующие флотами, армиями и флотилиями, члены военных советов, начальники штабов и родов войск

этих оперативных объединений и т.д. Понятие «военачальник» является обобщающим, сюда включаются и полководцы, и флотоводцы. Полководцем же может быть лишь тот военный деятель или военачальник, который умело руководит вооруженными силами государства или крупными воинскими формированиями (как правило, оперативно-стратегическими объединениями) во время войны, владеющий искусством подготовки и ведения военных действий. К полководцам обычно относят военных руководителей, наделенных талантом, творческим мышлением, прозорливостью и интуицией, сильным характером и богатым боевым опытом, высокими организаторскими способностями и другими качествами, позволяющими с наибольшей эффективностью использовать все имеющиеся силы и средства для достижения победы.

Исходя из этого определения, Черняховский теперь вступал в сферу полководческой деятельности, как говорится, по официальному научному определению. Но и до этого полководческий талант у него проявлялся в полную силу, о чем свидетельствует обобщающее суждение Лащенко:

«В течение двух лет войска 60-й армии Черняховского успешно осуществили около десяти армейских наступательных операций и продвинулись от Воронежа до Тернополя. Нередко наши войска наносили поражения противнику, не имея численного превосходства в силах и средствах. Во всем этом была большая личная заслуга командарма.

Генерал Черняховский умело управлял войсками, одинаково хорошо знал тактику и оперативное искусство. Обладая сильной волей, отлично развитыми организаторскими способностями, Черняховский всесторонне и искусно готовил каждый бой, операцию. Любую сложную и трудную оперативно-тактическую обстановку он анализировал быстро и делал из нее правильные выводы».

А теперь я познакомлю читателей с обстановкой, которая создалась на фронте ко дню вступления его в командование 3-м Белорусским фронтом.

В апреле 1944 года линия советско-германского фронта выглядела так. На юге соединения Красной Армии вышли на границу с Румынией и уже нацеливали свои удары на Бухарест. Их соседи справа отбросили гитлеровцев от Днепра и подступили к предгорьям Карпат, разрезав немецкий Восточный фронт на две части. На севере, полностью освободив Ленинград от блокады, наши войска вышли к Чудскому озеру, Пскову и Новоржеву. Таким образом, между этими флангами, продвинувшимися далеко на запад, оставался огромный выступ в сторону Москвы. Его называли «Белорусский балкон». Передняя часть этой дуги проходила по линии городов Витебск — Рогачев — Жлобин и находилась не так уж далеко от Москвы.

Гитлеровские части в этом выступе (это была группа армий «Центр», в которую входило более шестидесяти дивизий) преграждали советским войскам путь на запад. Кроме того, фашистское командование, располагая там хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог, могло быстро маневрировать и бить во фланги наших войск, наступавших южнее и севернее этого выступа. С него же авиация противника наносила бомбовые удары по советским группировкам на севере и на юге. Не исключена была и возможность налетов на Москву.

В это же время немецкие войска в этом выступе и сами благодаря такому положению находились под угрозой наших фланговых ударов с юга и с севера и, следовательно, под угрозой окружения. Но для того чтобы осуществить окружение такого масштаба, нужны были огромные силы. Советским войскам для этого надо было разгромить в Прибалтике группу армий «Север», на Украине — группу армий «Северная Украина», и только после этого можно было охватить с двух сторон группу армий «Центр».

Еще в конце апреля 1944 года Сталин в присутствии генерала Антонова посоветовался с Жуковым о плане на летнюю кампанию. Георгий Константинович тогда сказал:

— Особое внимание следует обратить на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устой-

чивость обороны противника на всем его Западном стратегическом направлении.

Сталин согласился и добавил:

— Надо начинать с юга, с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с центрального направления.

Антонов заметил:

— Лучше начать с севера, затем продолжить на юге, в таком случае противник не сможет осуществлять маневрирование между соседними фронтами. А после этого провести операцию против группы армий «Центр», чтобы освободить Белоруссию.

— Я посоветуюсь еще с Василевским, — сказал Сталин. — Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действиях фронтов в ближайшее время. А вы, товарищ Жуков, займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Когда будете готовы, обсудим еще раз.

Через три дня Сталин снова вызвал Жукова и Антонова. План, подготовленный ими, был рассмотрен более детально. Как непосредственную подготовку к операции в Белоруссии решили провести наступление на Карельском фронте.

Жуков с Василевским, опираясь на опыт совместной работы, занялись разработкой Белорусской операции.

Работа происходила в обстановке строгой секретности. Боевые действия не прекращались, и даже, наоборот, велись с еще большей активностью, чтобы противник не заметил изменений, происходивших в нашем тылу.

Вот что говорит по этому поводу С.М. Штеменко:

«В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались

обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими...»

«Во второй половине апреля, — пишет Штеменко, — в Генеральном штабе свели воедино все соображения по поводу летней кампании. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве, от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь почти одновременно не менее 5—6 фронтов».

Той части летней кампании, которая охватывала освобождение Белоруссии, было дано — по предложению Сталина — название «Багратион». Согласно этому плану, намечалось глубокими ударами четырех фронтов разгромить основные силы группы армий «Центр», освободить Белоруссию и создать предпосылки для последующего наступления в западных областях Украины, в Прибалтике, в Восточной Пруссии и в Польше. Замысел этот предстояло осуществить таким образом: одновременными прорывами обороны противника на шести участках расчленить его войска и уничтожить их по частям. При этом мощные группировки 3-го и 1-го Белорусских фронтов, стремительно наступая на флангах, должны сойтись в районе Минска, окружить и ликвидировать войска противника, отброшенные сюда нашими фронтальными ударами.

Так выглядел в общих чертах изначальный замысел операции «Багратион».

20 мая Сталин, Жуков, Василевский и Антонов рассмотрели окончательно подготовленный план летней кампании. После этого совещания Сталин приказал вызвать командующих фронтами, которым предстояло осуществлять операцию «Багратион», — Баграмяна, Рокоссовского, Черняховского. Черняховский приболел, поэтому приехал позднее, 25 мая.

На этом заседании произошел случай, о котором много говорили и писали различные военачальники и литераторы.

При обсуждении плана действий фронта Рокоссовского он предложил нанести два главных удара на правом фланге. Сталину то ли не понравилось это предложение, то ли он

хотел подчеркнуть свою власть над маршалами, но он вдруг приказал:

— Товарищ Рокоссовский, выйдите в соседнюю комнату и хорошенько подумайте над своим предложением.

Присутствующие были смущены, но не подавали вида и продолжали обсуждать план.

После возвращения в кабинет Сталина Рокоссовский доложил:

— Мы все тщательно просчитали еще в штабе фронта, и я считаю необходимым наносить два главных удара.

Сталин спокойно сказал:

— Идите и еще раз хорошенько подумайте.

Рокоссовский вышел, недоумевая, почему так поступает Верховный.

Возвратясь, он упорно повторил свое ранее принятое решение.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал Сталин, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Напряжение, создавшееся на совещании, было снято. Сталин еще раз показал свою рассудительность и... власть.

Предстояла сложная перегруппировка: для проведения операции «Багратион» надо было перевести в новые районы войска пяти общевойсковых, двух танковых и одной воздушной армий. Кроме того, Ставка передавала фронтам дополнительно 4 общевойсковые, 2 танковые армии, 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, 6 отдельных танковых и механизированных корпусов, 33 авиационные дивизии, 2849 орудий и минометов и 210 тыс. человек маршевого пополнения.

Все это надо было переправить скрытно, чтобы противник не заметил и не разгадал намеченного плана наступления.

Была проведена и дезинформация противника: создавалось впечатление, будто удар готовится на юге, на 1-м Украинском фронте.

В период подготовки операции произошло событие, которое, несомненно, имело огромное значение для поднятия

боевого духа воинов Советской Армии; союзники — наконец-то! — начали форсирование Ла-Манша и открыли второй фронт!

6 июня 1944 года англо-американские экспедиционные силы высадились на французской земле. Произошло это за семнадцать дней до начала операции «Багратион».

Я стремился к объективности при описании действий наших врагов, тем более считаю необходимым придерживаться такой же позиции, говоря о наших союзниках. То что англо-американское руководство оттягивало открытие второго фронта, оставляя нас в самые трудные дни войны один на один с мощной гитлеровской армией, было, как говорится, на их совести. Но люди погибали ради достижения победы над общим врагом, тут надо помянуть добрым словом 122 тысячи погибших в операции «Оверлорд» солдат и офицеров, из которых 73 тысячи были американцами и 49 тысяч — англичанами и канадцами.

Нормандская десантная операция под командованием генерала Д. Эйзенхауэра является самой крупной десантной операцией Второй мировой войны, в ней участвовали 2 млн 876 тыс. человек, около 7 тыс. кораблей и судов, около 11 тыс. боевых самолетов. Вся эта армада двигалась через пролив Ла-Манш шириной от 32 до 180 километров. Читатели даже по этим цифрам могут представить масштаб морского, сухопутного и воздушного сражений при высадке во Франции.

Подготовку наступления 3-го Белорусского фронта, и особенно осуществление первого этапа по окружению витебской группировки немцев, я опишу с использованием воспоминаний генерала Макарова (особенно прямую речь Черняховского). На мой взгляд, воспоминания наиболее достоверны, генерал Макаров в эти дни постоянно находился рядом с Иваном Даниловичем.

Иван Данилович собрался обсудить замысел предстоящей операции с командующими родами войск, заслушать их доклады и предложения. Но он неожиданно заболел. И тут же его и члена Военного совета фронта генерала Макарова

вызвали в Москву. Врачи запротестовали — температура, острый бронхит, кашель, может быть осложнение.

— Делайте что угодно, но я должен поехать, — заявил Черняховский.

— Дайте нам хотя бы сутки. Иначе вы капитально слягжете.

Черняховский согласился на одну ночь. Последовали банки, уколы, разные народные средства. Утром вылетели.

И вот — Москва. Генеральный штаб. Черняховский с Макаровым приехали 23 мая, но еще 22 мая в Ставке под руководством Верховного Главнокомандующего с участием Жукова, Василевского, Рокоссовского, Баграмяна началось обсуждение плана операции «Багратион».

— Начальство не опаздывает, а задерживается? — поздоровавшись, сказал Антонов.

— Приболел немного.

— Ну что же, к делу, возьмите с собой проект плана операции, и прошу в Кремль. Вас ждут.

Продолговатый зал заседаний. За длинным столом — члены Государственного Комитета Обороны и правительства. Многих из этих людей Черняховский знал раньше только по портретам.

Поскольку Черняховский опоздал на сутки, он не слышал разговора Сталина с Рокоссовским днем ранее. Когда ему предоставили слово, он старался говорить спокойно. Твердый, уверенный тон и красивая внешность располагали к нему присутствующих.

Но когда Черняховский стал докладывать о необходимости нанесения двух главных ударов, Сталин встал и удивленно спросил:

— Вы что, сговорились с Рокоссовским? Опять два удара!

Верховный подошел к карте 3-го Белорусского фронта.

— Что же вы нам докладываете о двух ударах, когда у вас на карте обозначен один удар?

— В плане операции расчет приведен, исходя из реальных возможностей. Я надеюсь, фронт получит дополнительные

силы и средства усиления, сделаем перерасчет для второго направления. Обстановка этого требует.

Сталин возразил:

— Если операция проводится по единому замыслу, следовательно, четырех ударов вполне достаточно, то есть каждый фронт наносит один сокрушительный удар. А вот товарищ Рокоссовский просит разрешить 1-му Белорусскому фронту нанести два удара, значит, у него получается два главных направления. Мы считаем это излишним распылением сил. Вашему фронту тоже предлагаем основные силы сосредоточить на одном участке прорыва. Как вы на это смотрите?

— Мне трудно сказать, чем вызвана необходимость двух ударов на участке 1-го Белорусского фронта, — сказал Черняховский. — Но успех наступательной операции 3-го Белорусского фронта на первоначальном этапе зависит от одновременного уничтожения вражеских группировок в городах Витебск и Орша. Не предусмотрев этого, невозможно воспретить противнику маневрировать силами вдоль фронта.

— Но в таком случае вы будете наносить два ослабленных удара и результата не достигнете ни на одном из направлений, — настаивал Сталин.

— Мы должны создать мощные группировки. Для этого фронт необходимо усилить еще танковой армией и артиллерийской дивизией прорыва Резерва Верховного Главнокомандования.

— Товарищ Черняховский, разгромить противника, имея превосходство в силах, — это не полководческое искусство. Вы поставьте его на колени при равных силах.

— При таком грандиозном размахе операции, при наличии сильного противника с заранее подготовленной обороной внутренних резервов фронта недостаточно. Чтобы нанести врагу сокрушительный удар и воспрепятствовать его маневру за счет снятия танковых дивизий с других участков, 3-му Белорусскому фронту в составе подвижной группы фронта необходимо вместо одного планируемого ввести в наступление три танковых корпуса. Только при этом условии

удар достигнет цели и будет развит стратегический успех. Немцы еще не успеют перебросить свои резервы, как мы овладеем Минском и станем стремительно продвигаться на запад.

Сталин улыбнулся.

— Вот как! Даже Минск обещаете взять с ходу! — И, обращаясь к членам ГКО, добавил: — Товарищ Черняховский умеет не только просить, но и аргументировать. Я думаю, что члены Государственного Комитета Обороны учтут пожелания командующего 3-м Белорусским фронтом.

Ставка решила оперативно подчинить 3-му Белорусскому фронту 5-ю гвардейскую танковую армию маршала П.А. Ротмистрова и артиллерийскую дивизию прорыва из Резерва Верховного Главнокомандования.

Но Сталин все же настоял на своем:

— Минск будет брать 1-й Белорусский фронт товарища Рокоссовского.

Полковник Мернов, начальник направления оперативного управления Генерального штаба по 3-му Белорусскому фронту, с нетерпением ждал окончания заседания в Ставке. Он был однокашник Ивана Даниловича по Киевской артиллерийской школе и Военной академии бронетанковых войск.

После заседания Черняховский встретился с Мерновым.

— Ну как, все в порядке? — спросил тот. — Помогли тебе мои советы?

— Спасибо тебе за них. Я их сразу вспомнил, когда товарищ Сталин стал настаивать на том, чтобы Минском овладевал 1-й Белорусский фронт. Пришлось промолчать. Не стал я и оспаривать время начала наступления 1-го Белорусского фронта. Ему спланировали начать наступать на день позже. Рокоссовский при этом ставится в более выгодные условия. Мои войска, начав наступать на день раньше, примут на себя контрудары тех резервов врага, которые стоят в полосе наступления войск Рокоссовского.

Черняховский, Мернов и Макаров сразу же приступили к переработке ранее принятого решения с учетом новых средств усиления, выделенных Ставкой.

Когда все было готово, Черняховский, Макаров и Штеменко приехали на дальнюю дачу Сталина на Дмитровском шоссе. Верховный не стал их слушать, пригласил позавтракать вместе с ним. После завтрака радушно сказал:

— Ну, что натворили за ночь? Докладывайте.

Мернов развернул карту. Черняховский начал доклад:

— Решение доработали, согласно вашим указаниям, товарищ Сталин, с учетом дополнительно приданных нам 5-й гвардейской танковой армии и артиллерийской дивизии прорыва.

— Товарищ Штеменко, вы смотрели? Они все-таки не хотят пройти мимо Минска, — присматриваясь к карте, заметил Сталин. — Что ж, не возражаю, это, пожалуй, даже лучше. Еще неизвестно, кто из них, Рокоссовский или Черняховский, первым выйдет к Минску...

Замысел Черняховского на Витебско-Оршанскую операцию Верховный утвердил без замечаний.

Иван Данилович и Макаров в тот же день прилетели на свой командный пункт, размещенный в лесу, километрах в четырех от города Красное.

Генералы и офицеры штаба и управлений фронта с нетерпением ожидали возвращения командующего из Москвы.

Но они приехали и сразу, что называется, наглухо закрылись вместе с начальником штаба генерал-лейтенантом Покровским. Двое суток они никого не принимали, да и в последующие дни — только по исключительно срочным вопросам. К генералу Покровскому тоже было трудно пробиться: либо он был у командующего, либо сидел у себя вместе с только что прибывшим новым начальником оперативного управления генералом Иголкиным и разрабатывал документы по принятому командующим решению.

Работали напряженно — днем и ночью, спали накоротке, соблюдали строжайшую тайну: писали от руки и написан-

ное хранили в своих походных сейфах, никаких телефонных разговоров, только личное общение. Свои планы и расчеты докладывали непосредственно командующему фронтом в присутствии генералов Покровского и Макарова. И всегда доклады сопровождались детальным разбором. Командующий ставил докладчика в самые сложные ситуации. И с его уст не раз срывалось: «А если гитлеровцы прорвут здесь?», «А если вот здесь?», «А если там мы не пройдем?», «А что, если подвижные средства вводить тут?»

И снова раздумье, решение за противника, подсчет его сил и средств. Потом такой же пристальный взгляд на Минскую автомагистраль и опять раздумья, подсчеты, выводы. На третий день комфронта сказал:

— На сегодня довольно! — Собрал все черновые наброски, записки и протянул их начальнику оперативного управления. — Поручим все это спланировать генералу Иголкину. Он оператор, ему и карты в руки! — И командующий вручил генералу Иголкину карту со своим решением. — Ну все, товарищи, завтра продолжим.

Макаров, выпроводив генералов, предложил Черняховскому отдохнуть.

— Что вы, Василий Емельянович, сейчас как раз время подумать: никто над душой не стоит, телефоны не звонят и никаких тебе бумаг.

Он снял китель, повесил его на спинку стула и крепко сжал лоб.

— Комаров! — крикнул Черняховский в приемную. — Распорядись-ка чайку, да покрепче! — И, не отходя от двери, по-дружески сказал: — Тяжеловато мне, Василий Емельянович, и даже очень... Труда я не боюсь. Дебют этот для меня — тяжелый и по сложности, и по масштабу операции. — Он перешел к столу, опустил пониже лампу и склонился над картой, испещренной красными и синими стрелами. — Раньше, когда я командовал армией, мне было гораздо легче. Как бы сложно ни решал операцию фронт, мне оставалось совершить прорыв и наступать в одном направлении. Ну и

частично помогать соседу. А сейчас не один удар, а четыре! Четыре направления! — Он развернул лист карты небольшого формата — «Решение Ставки» — и положил рядом со своим решением. — Видите, как здесь решается. Двумя армиями правого крыла фронта из района Лиозно наносится удар на Богушевск, Сенно и частью сил этого крыла ведется наступление в северо-западном направлении на Гнездиловичи. Там, во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом, окружается витебская группировка и освобождается Витебск. Но это, Василий Емельянович, только просто пишется, а делается?.. Здесь легко с витебской группировкой не разделаешься. — И Черняховский красным карандашом еще сильнее подкрасил стрелку на Гнездиловичи и две — на Витебск. — Так что, видите, получается совершенно два самостоятельных удара и два самостоятельных направления. Поэтому я решил на окружение и уничтожение витебской группировки и освобождение Витебска назначить не часть сил, а целиком армию Людникова. А армия Крылова, усиленная конно-механизированной группой, будет прорывать фронт в направлении Богушевска, Сенно и обеспечивать ввод в прорыв этой конно-механизированной группы.

Подполковник Комаров распахнул дверь и внес на подносе два стакана крепкого чая. Черняховский, отпив глоток, продолжал:

— Теперь, Василий Емельянович, мне не дает покоя вопрос: где вводить танковую армию маршала Ротмистрова и танковый корпус генерала Бурдейного? Ставка решила — вдоль Минской автомагистрали. А получится ли? Сможем ли мы здесь надежно прорвать фронт и создать им условия для выхода на оперативный простор?.. Вы не подумайте, что я излишне перестраховываюсь. Если бы я был на месте командующего 4-й немецкой армией, то я здесь черт знает что нагородил бы. — И карандаш Черняховского забегал по Минскому шоссе, чертя невидимые линии, круги и квадраты. — И противотанковые районы, и дзоты кинжального действия, и капониры, и минировал бы все мосты и дефиле. Думаю, что

там не дураки, наверное, все это сделали, да еще для встречи нас кое-что и про запас припрятали. Надо бы сосредоточить основное усилие не вдоль Минской автомагистрали, а в полосе армии Крылова.

— Но здесь же сплошные леса и болота, — напомнил Покровский.

— Зато здесь нас враг не ждет, — объяснил Черняховский.

Было уже светло, когда генерал Макаров ушел в свой домик.

Когда утром генерал-полковник Барсуков — командующий артиллерией фронта — вошел в рабочую комнату генерала Черняховского, чтобы доложить ему план артиллерийского наступления, тот еще не ложился отдыхать и встретил его такими словами:

— Здравствуйте, Михаил Михайлович, как раз кстати. Вот сижу и размышляю, как бы обмануть Гольвитцера и всех вышестоящих его военачальников. Меня всю ночь мучила эта мысль. Ведь на Витебском плацдарме шесть вражеских дивизий — не фунт изюму! Так вот я до чего додумался. 22 июня мы начнем бой передовыми батальонами по всему фронту, а вместе с нами и 2-й Белорусский фронт, а на витебском направлении — на участке армии Людникова — тишина! Эта тишина, безусловно, удивит Фридриха Гольвитцера, «надежно» сидящего в Витебске, и даже самого главного — фон Буша, и заставит их задуматься: «В чем дело?» Зато 23 июня мы неожиданно начнем артиллерийскую подготовку под Витебском, на участке армии Людникова, на час раньше, а левее, на всем громадном пространстве нашего и соседнего фронта, — тишина! Это еще больше удивит Гольвитцера. Они будут гадать, что это значит — наступление или провокация? И, конечно, начнут рассуждать: «Если через час-полтора начнется артиллерийская подготовка по всему фронту, значит, здесь, под Витебском, провокационная демонстрация...» И вдруг им, как сон в руку, через час на нашем фронте — от Языково до Днепра и южнее — мощно заговорят артиллерия и авиа-

ция. «Ага! Все ясно», — скажут Гольвитцер, Рейнгардт и фон Буш, и все свое внимание они обратят на армию Крылова и Галицкого... И вот в этот-то момент мы корпусом Безуглова трахнем под правое ребро витебскую группировку прославленного генерала Гольвитцера.

— Заманчиво, — согласился генерал Барсуков.

— А вы садитесь вот здесь, — указал на большой стол у окна. — И вместе подумаем.

Солнце уже заиграло в окне. Черняховский по-прежнему был бодр. В это время пришел Макаров. Он помрачнел и с укором сказал:

— Не ложились, Иван Данилович. Нехорошо. Надо эти ночные бдения прекратить. Впереди самое трудное, а вы измотаетесь.

— Учту, — с улыбкой сказал Черняховский. — Спасибо!

С этим Лиозно у меня связаны личные воспоминания. Я со своими разведчиками выполнял не одно задание по освещению этого района. Льщу себя надеждой, что и наши данные ложились в общую копилку сведений о противнике при выработке решения.

Побывал я в Лиозно, когда там еще были немцы. И не только побывал, но и едва не сложил там свою «буйну голову».

В Лиозно я едва не убил капитана Клипеля. Или, наоборот, он мог убить меня. Володя Клипель был командиром разведроты нашей 134-й дивизии, я — командиром взвода пешей разведки 629-го полка этой дивизии. Я с группой разведчиков из 6 человек выполнял задание, находясь в тылу немцев. Мы искали штаб, чтобы взять «языка», хорошо осведомленного. После ночных неудачных поисков мы отдыхали в хате на окраине Лиозно. Утром один из разведчиков, вышедший «по нужде», бегом вернулся и тихо воскликнул: «Немцы!» Мы схватили оружие, вышмыгнули из избы и залегли в грядках огорода. Немцы, как и мы, в масккостюмах, шли к нашему дому. Их было восемь. Я тихо сказал разведчикам:

— Стрелять будем в упор. Я первый. Цельтесь хорошо.

Рассчитывал: нас шестеро, в упор свалим шестерых, двоих или добьем, или возьмем живыми. Но немцы вдруг залегли, не доходя метров пятьдесят, когда я уже готов был нажать на спуск, прицелясь в самого рослого.

Они что-то заметили или заподозрили. Тянулись напряженные минуты. Не стреляли ни они, ни мы. Но длинного, теперь он лежал и смотрел в бинокль, я держал на мушке.

Вдруг он закричал по-русски:

— Эй ты, усатый. Я тебя узнал! Отзовись, Карпов!

Пораженный до крайности, я крикнул:

— А ты кто?

— Я Клипель. Вставайте, обнюхаемся.

Мы поднялись. Сошлись. Стали смеяться после пережитого напряжения.

— Я, как только увидел тебя в бинокль, здесь же близко, сразу узнал по твоим усишкам.

Я тогда (впрочем, как и сейчас) отпускал небольшие усы.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— То же, что и вы, «языка» ищем.

— Володя, я же мог тебя срезать! Держал на прицеле, как самого длинного.

Его тоже звали Володя. Мы не раз встречались в штабе дивизии на разных собраниях, сборах по обмену опытом, после которых и в неофициальной обстановке «принимали на грудь», далеко превышая наркомовскую норму в сто грамм. В общем, хорошо знали друг друга. И вот мои усишки, не закрытые маскхалатом, Клипель разглядел!

После войны мы оба стали писателями. Дарили друг другу книги, я бывал у него в Хабаровске, он у меня в Москве.

До выхода наших войск к Лиозно, на этом же направлении, освещая его, я участвовал в нескольких поисках и вылазках в тыл противника. Каждое задание связано со смертельным риском для разведчика. Но однажды здесь, на подступах к Лиозно, я едва не погиб от руки своих «руководящих

товарищей». Случилось это под Духовщиной. 19 сентября 1943 года в газетах было опубликовано сообщение:

«Войска Калининского фронта закончили Духовщинскую наступательную операцию (нач. 13.8.1943). В ходе успешных наступательных действий войска фронта овладели важным опорным пунктом обороны противника — г. Духовщина. В ходе наступления оборона противника была прорвана, и войска фронта вышли на рубеж Чепли, Скугрево, Холм, Гришино...» (И далее к Витебску.)

Я водил группу, восемь разведчиков, в Духовщинский район при подготовке этой операции. Нам было приказано взять «языка» пограмотнее из немецкого штаба, который засекла наша авиаразведка. Мы благополучно перебрались через передний край и скрытно по перелескам, овражкам продвигались к намеченному объекту, обходя Духовщину стороной. Неожиданно мы услыхали крики, плач женщин, детей и гортанные команды немцев. Все это доносилось из небольшого хутора, мимо которого мы проходили. Я решил посмотреть, что там происходит. Свернули. По кустам подкрались к хатам. И вот вижу такую картину. Немцы, их было немного, до десятка, пьяные, пришли на этот хутор развлечься. Они насиловали женщин, орали, смеялись. Женщины вырывались, пытались убежать. Кричали, плакали дети.

Я видел все это и не знал, как поступить. Мне был дан конкретный приказ — взять «языка» в определенном штабе. Ввязаться в схватку с этими немцами — значит обнаружить группу.

Я сдерживался сам и останавливал разведчиков, готовых кинуться на помощь женщинам. Продолжалось это недолго. Я увидел, как один гитлеровец волоком за платье и волосы вытянул из хаты молодую женщину и потащил ее к сараю. Ему в доме, видно, мешал сынишка этой несчастной. Мальчик лет шести-семи и во дворе хватал фрица за ноги, кричал, пытался защитить маму. Немец отбивался от мальчишки ногами, а руками тащил женщину. И вот мальчишка ему на-

доел, немец выпустил женщину, схватил мальчонку за ноги и со всего маху ударил его головой об угол дома...

При виде этого я потерял самообладание, забыл все и закричал разведчикам:

— Бейте их, ребята!

Сам выскочил из-за ограды и первой же очередью свалил насильника. Мы расправились и с другими. Но несколько фрицев убежали в лес.

Потом мы успокаивали женщин. Несчастная мать прижимала к груди погибшего сынишку.

Мы посоветовали женщинам уходить в лес или в Духовщину: немцы вернутся, будут мстить за своих убитых, сожгут хутор.

Как же мне оставалось поступить дальше? Группа обнаружена. Начнется погоня. Задание выполнить невозможно. Я решил уходить в расположение наших войск. Не в ближайшую ночь — нас везде искали и ждали на переднем крае. Мы отлежались в небольшом кустарнике посередине открытого поля, который со стороны никак не подходил для укрытия группы. Только на следующую ночь мы сняли пулеметчика в первой траншее и уползли к своим.

Я доложил о случившемся начальнику разведки. Он, в свою очередь, командованию. Меня отругали — вернулся без «языка». Я думал, дело кончится этим надиром. Но вмешались смершевцы и политработники: не выполнил приказа!

Смершевец, щуря пытливо глаз, ехидно скрипел:

— Может быть, вы вообще все это выдумали? Струсили и вернулись.

Начальник разведки пытался защитить:

— Не могут они струсить, много раз в тыл ходили.

— Вы не выгораживайте. Главное, не выполнен приказ, а за это, сами знаете, расстрел!

Наш начальник не сдавался:

— Ну, сразу расстрел! Уж если по закону — то должен трибунал определить.

Смершевец согласился:

— Вот и оформим, пусть трибунал определяет.

Следствие проводили как положено. Допрашивали меня и разведчиков группы. Я главный обвиняемый: я командир, я принимал решение, я не выполнил приказа. Вот так я едва не угодил под высшую меру.

Но командование полка и дивизии меня все же поддерживало. Послали запрос через партизан: был ли такой случай под Духовщиной? Они подтвердили — был. Да и мы с разведчиками времени зря не тратили: сходили в тыл к немцам, именно к тому штабу, откуда пленный был нужен.

Штаб располагался в длинной лощине. Блиндажи врыты в скаты. Видно его нам хорошо. Мы в кустах у спуска в эту лощину замаскировались — целый день в бинокль наблюдали за режимом работы штаба. Особенно за охраной. Наметили блиндаж, в котором будут два-три офицера. Обстановка была спокойная. Дали мы немцам хорошо заснуть и в три часа ночи поползли к намеченному объекту. Подобрались к двери, четверо остались прикрывать. Двое, Рогатин и я, подготовили оружие, рванули дверь, влетели в блиндаж и тут же захлопнули за собой дверь. За столиком сидели два офицера, они ужинали или просто разговаривали. На столике светила парафиновая плошка. По нашей команде «Хенде хох!» ближний ко мне, по чину гауптман (капитан), поднял руки вверх, глаза у него лезли из орбит от удивления. Второй, который сидел по ту сторону стола, кинулся к кобуре, висевшей с ремнем за его стулом. Пришлось стрелять. Офицер рухнул, а тот, который стоял с поднятыми руками, прислушался — не услышат ли выстрел в соседнем блиндаже? Все спали, часовых поблизости не было, штаб охранял патруль, наверное, в это время он не был поблизости. Обошлось, выстрела в закрытом блиндаже никто не услышал. Мы быстренько упаковали гауптмана: заткнули кляп, связали руки — это дело техники, нам не впервой. Вытащили «языка» из расположения штаба волоком и сами ползком. А потом заставили его идти своим ходом. Много чести — на руках его тащить! Сначала он упирался, пришлось применить мне, бывшему боксеру, пару приемов. Разумеется, с воспитательной целью.

В общем, «языка» мы доставили. Гауптман дал очень ценные сведения.

Судить нас не стали. Обошлось.

Но рассказал я это читателям, чтобы показать, как добывались непросто разведывательные сведения для описанных в этой главе операций.

Как это ни странно, были после этого случая и приятные для меня последствия.

После войны в своей книге «Взять живым» я описал это происшествие. Книга издавалась не раз, но под другим названием — «Судьба разведчика». Прочитали ее и в Духовщине. Школьники, разыскивая участников боев в их районе, знали о беде, постигшей тот хутор, — его немцы сожгли и расстреляли несколько человек. Через издательство школьники нашли меня, автора этих книг. Выяснили, что я имею к боям на их земле самое прямое отношение и даже спасал их земляков.

Чтобы завершить это затянувшееся отступление, приведу ксерокопию присланного мне документа — он вложен в красивую красную папку с золотым тиснением:

«Почетному гражданину города Духовщина».

ОДИН ДЕНЬ КОМАНДУЮЩЕГО

Во многих воспоминаниях и юбилейных статьях о Черняховском, которые опубликованы в газетах и журналах, присутствует одна фраза о том, что Иван Данилович всегда стремился поближе к войскам, к переднему краю, общался с окопными солдатами и офицерами.

Обычно такими похвальными утверждениями и кончается желание рассказчиков показать смелость, общительность Черняховского. Однако, что происходило, какие вел беседы, какие вопросы для себя, как командующего, прояснял Черняховский, об этом не говорится. В большинстве случаев объяснялось это необходимостью рекогносцировки и уточнением задач.

Изучая материалы к этой книге, я обнаружил в воспоминаниях генерала Алексеева описание конкретной работы Черняховского, сначала в течение одного дня, а потом и одних суток. Мне (да и читателям), считаю, очень повезло в том, что Алексеев описывает выезд Черняховского на направление, где действовали 134-я стрелковая дивизия и 629-й ее полк, в котором я тогда служил. Все, с кем встречался комфронта, места, где это происходило, мне хорошо знакомы. При чтении и дальнейшем моем изложении этого выезда Ивана Даниловича меня охватила теплая ностальгия, потому что все это мне очень близко и дорого. Заранее прошу читателей извинить мне эту старческую, ветеранскую слабость.

Привожу воспоминания Алексеева с сокращениями, небольшой моей редактурой и с моими личными переживаниями. (Поэтому не ставлю текст Алексеева в кавычки — трудно отделить его и мои слова, получится непонятное скопление этих кавычек. Но, чтобы не было нареканий или, не дай Бог, неприличных подозрений, сразу заявляю о том, что я заимствую эти эпизоды из опубликованных воспоминаний генерала Алексеева.)

Вот и сегодня потянуло командующего туда, где будет решаться судьба Витебска, — на правый фланг фронта. Умывшись до пояса после утренней зарядки, вытираясь полотенцем докрасна, он взглянул на часы и ахнул: стрелки показывали девять утра.

— Комаров! Как же так, дорогой? — бросил он укоризненный взгляд на адъютанта.

— Если будете до зари работать, то скоро и ног не потащите, — оправдывался Комаров.

Командующий позвонил генералу Макарову.

— Доброе утро, Василий Емельянович! Завтракали? Поедем на левый фланг хозяйства Людникова. А на обратном пути заглянем к Вольхину. Форма одежды, — полушутя-полусерьезно продолжал, глядя на ползущую тучу, — кожаное пальто.

У этих двух людей с первых дней их совместной службы сложились прекрасные товарищеские отношения, впослед-

ствии переросшие в настоящую боевую дружбу. И теперь во всех поездках в войска они были вместе. Это было очень хорошо, так как там, на месте, они сразу же решали все вопросы компетенции Военного совета.

Командир дивизии встретил их на Витебском шоссе, там, где за деревней Хмелево дорога уходит влево в лес, и провел прямо к себе на КП, куда были вызваны начштабдив и начальник разведки. Познакомившись с обстановкой и состоянием дивизии, Черняховский углубился в карту и, что называется, загонял разведчика, расспрашивая о поведении противника, о системе его обороны, о характере занимаемой им местности на всю тактическую глубину.

В подтверждение, что Черняховский приехал в штаб нашей 134-й дивизии, сообщаю: блиндаж, в котором я жил со своими полковыми разведчиками, находился под насыпью упомянутого Витебского шоссе, только гораздо ближе к передовой, чем штаб дивизии.

Алексеев не запомнил и не указал фамилии офицеров, я их дополняю: командир дивизии полковник С.Я. Яковенко, начальник штаба полковник М.И. Симиновский, начальник разведки майор Василий Рубанский.

— Что собой представляет Суходровка? — Черняховский остановил карандаш на излучине реки.

— Суходровка сейчас разлилась... А так она неширокая... — докладывал майор Рубанский.

— А берега топкие? — Командующий хотел знать, пройдут ли танки.

— Сейчас трудно сказать — все залито водой. Берега низкие. Полагаю, топкие.

— Надо твердо знать, — промолвил генерал и повел карандаш дальше, через железную дорогу, шоссе. — А Лучеса?

— Берега Лучесы на нашем направлении обрывистые... — Комдив поспешил выручить своего разведчика.

— Это достоверно? — Черняховский испытующе смотрел не на комдива, а на майора.

— Железнодорожники на разъезде это подтверждают, — доложил Рубанский.

— Это направление, — командующий провел карандашом по дуге через Березучи, Островно к Западной Двине, — должно нас, генерал, интересовать. Вы находитесь на левом заходящем фланге армии, и, видимо, вам придется бить на Кузьменцы, Замосточье. Здесь, — стучал карандашом по восточной излучине Лучесы, — форсировать реку, охватом с юга окружать витебскую группировку генерала Гольвитцера. А после ее разгрома развернуть дивизию на запад и стремительно преследовать врага.

— Понимаю, товарищ командующий, — привстал комдив, довольный такой сложной и в то же время благородной задачей.

Черняховский перевел карандаш к деревне Языково.

— Откровенно говоря, я беспокоюсь за ваш левый фланг. Здесь можно ожидать от противника любой гадости. Гитлеровцы, наверное, давно разведали, что это стык армий.

— Вероятно, так, товарищ командующий.

— На вас и на вашего соседа, командира 72-го корпуса, — продолжал Черняховский, — возлагаю персональную ответственность за этот стык...

Наконец командующий встал.

— Пока все! В шестнадцать ноль-ноль, — обратился он к комдиву, — соберите командиров полков, их заместителей и начальников штабов. Место — по-вашему усмотрению. А сейчас вот сюда, — показал он на карте левый фланг левофлангового полка.

— Туда? — удивился комдив. — Не рекомендую. Туда никакая машина не пройдет. Распутица все дороги размочалила.

— Докуда можно, поедем, а там — пешком. Как, Василий Емельянович? — Генерал Черняховский подзадоривающе смотрел на генерала Макарова: мол, нам это не впервой!

Не проехали и полкилометра, как у разлившегося в лесу ручья их остановил одетый еще по-зимнему командир пол-

ка. Пришлось машины оставить, ручей перейти по скользкой бревенчатой кладке и, задрав полы, шагать по месиву грязи.

На КП полка командующий задерживаться не стал и предложил командиру вести его в левофланговый батальон. Долго они петляли по лесным топким тропам и наконец, измазанные, по колено в грязи, подошли к ходу сообщения, где их встретил человек, мало чем отличавшийся от бойцов, в таком же, как и они, полушубке и ушанке.

— Не жарко, майор, в полушубке-то? — приняв рапорт, протянул руку Черняховский.

— Жарковато, товарищ генерал, — ответил майор. — Но в этой грязи все же лучше, чем в шинели. — И, скользя по жердяному настилу, тонувшему в бурой жиже, повел начальство ходом сообщения. Вдруг сзади сухим треском грохнул разрыв мины, за ним второй, третий. Осколки со свистом пронеслись над головой. — В укрытие! — сдавленно скомандовал майор и сильно толкнул командующего в землянку, а затем генерала Макарова.

Обстрел затих. Командующий прошел на НП комбата, поднял бинокль, стал рассматривать передний край. Там по-весеннему широко разлилась и вплотную подобралась к окопам и заграждениям врага р. Суходровка.

Командующего сейчас интересовало все, что было доступно взору. Комбат был на высоте, кому еще доведется такое счастье — докладывать командующему фронтом на своем НП, — и он обстоятельно рассказывал об обороне противника, как будто только что сам вернулся из стана врага.

— А кто против нас?

— Позавчера ночью, вон там, за обрубленными елями, захватили рядового 197-го фузелярного батальона. А до этого оборонялся 347-й пехотный полк. («Языка» этого брал я со своими пятью разведчиками.)

Командующему нравился этот боевой комбат, и он, передавая бинокль генералу Макарову, шепнул ему:

— Присмотритесь к нему, подходящий кандидат на полк. — Потом он обернулся к комбату. — Говорите, фузелярный? — и сам же ответил: — М-да! Это что-то значит, майор?..

— Так точно. — Комбат с удивлением посмотрел на генерала Черняховского: такого простого в обращении и в то же время пытливого командующего он видел впервые.

Покинув НП, комдив повел ходом сообщения Черняховского и Макарова направо. А вперед неведомыми путями уже понесся «солдатский вестник»: «У нас на передовой большое начальство». Черняховский остановился у землянки, возле которой солдат, сидя на лавочке, старательно чистил снайперскую винтовку. Увидев начальство, солдат выпрямился, одним взмахом одернул гимнастерку и пятерней прошелся по рыжей голове.

— Здравствуйте, снайпер! Как жизнь? — с добродушной улыбкой поздоровался командующий.

— Здравствуйте! — выпалил солдат и замялся, не зная, как титуловать этого, в кожаном пальто, без погон человека. И застенчиво сказал: — Не знаю, как вас величать по званию...

— Генерал, — приветливо улыбнулся командующий.

— Жизнь-то, товарищ генерал, ничего... — начал было солдат и остановился, бросив растерянный взгляд на своих начальников.

Генерал Черняховский понял, что солдат чего-то не договорил, и, предполагая, что могло его волновать, спросил:

— Как с табачком?

Солдат обвел взглядом своих начальников и начал витиевато:

— Видите, как развезло — в окопе тонем. А уж там, — кивнул он в сторону, — ни проехать, ни пройти. Все боеприпасы и харч на своем хребте на передовую тащим...

— А с табачком все же как? — прервал Черняховский.

— С табачком-то? До табачка очередь не дошла... — Почувствовав, что подвел начальство, он поправился: — К вечеру обещали.

— Табак, товарищ командующий, будет, — поспешил ответить командир полка на суровый взгляд Черняховского. А стоявший за углом хода сообщения расторопный адъютант комдива со всех ног помчался к землянке комбата.

— Много гитлеровцев на счету?

— Немного, всего четверо, — виновато пожал плечами солдат. — Я здесь недавно, с... запамятовал, товарищ генерал. — Он торопливо вынул из кармана обложечку со справками о ранении и в одной из них вычитал: — С 14 марта.

— Давно воюете? — Черняховский взял у солдата эту, уже основательно потрепанную обложечку. Его удивило: снайпер — и ни одной медали.

— Как вам сказать, товарищ генерал. Мы ведь пехота, в бою живем недолго, больше по госпиталям. — Солдат с волнением смотрел, как генерал в кожанке листает дорогие ему бумажки. — Лежал три раза по легкому ранению, два — по тяжелому.

— Вижу, дорогой Иван Васильевич, вижу. — Черняховский возвратил солдату справки. Ему хотелось сейчас наградить этого солдата орденом. Но это значило бы ударить по авторитету его начальников. И он, отойдя от солдата ходом сообщения, повел разговор с комбатом.

— Вот что значит пехота, товарищ майор. Пришел солдат на передовую, не успел еще как следует осмотреться, познакомиться с товарищами, как тревога, а там — атака. Ура! Вот первая, вторая, а может быть, и третья позиции взяты. А тут раз — пуля, и в госпиталь. Кажется, солдат ничем не отличился, и награждать будто бы не за что. А в действительности он проявил в боях и волю, и доблесть, и отвагу, и мужество. Да не только проявил, а и кровь пролил! И такой солдат... — Генерал Черняховский смотрел с упреком на комдива.

— Снайпер Грачев — прекрасный солдат, достоин награды, — доложил комдив. — Я с его справками знаком и представил его к ордену Красной Звезды.

— Прекрасно, — промолвил Черняховский и направился в первую траншею. Начальники ушли, а порученец коман-

дующего записал все необходимые данные для оформления награды.

Командующий и член Военного совета обошли вторую и первую траншеи. Не преминули заглянуть и в землянки. Не заметили, как прошло время. Черняховский попробовал в землянке обед из солдатского котелка. Он с удовольствием ел борщ и гречневую рассыпчатую кашу, заправленную салом и луком.

— Хорошо! Вкусно! — сказал Черняховский, возвращая ложку. — Всегда вас так кормят?

Лица начальников насторожились, но затем расплылись в довольной улыбке, когда дружно со всех сторон прогремело:

— Всегда, товарищ командующий!

Из этой дивизии выбрались в седьмом часу вечера и прямиком проскочили часика на два в хозяйство Вольхина, находящееся в резерве армии в лесу восточное деревни Маклаки. Там задержались допоздна. Возвращались к себе на КП около полуночи. Первой по Витебскому шоссе неслась машина командующего, за ней — генерала Макарова и последней — «виллис» с охраной. Все сильно устали. Сзади послышалось резкое тарахтение, похожее на звук нашего По-2. Так все и решили, что это возвращается наш самолет с ночного задания. И вдруг впереди со страшным треском краснопламенные вспышки взрывов разорвали темноту и разбросали машины, засыпая их осколками; машину командующего отбросило вправо, в кювет, и повалило набок; машину члена Военного совета — влево, сунув радиатором в ствол дерева, «виллис», крутнувшись и сделав несколько витков, стал нормально по своему ходу. Генерал Макаров с силой рванул дверцу и помог командующему выйти.

— Ну как, цел?

— Цел, но вот глаз... что-то режет.

— Беспалый! Свет! — прокричал Макаров. Действительно, в правом глазу, ближе к виску, что-то чернело.

Ничего не говоря, генерал Макаров взял командующего под руку и посадил его в свою машину.

— Поехали! — скомандовал он шоферу.

— Куда? — спросил Черняховский.

— В медсанбат. Здесь недалеко, за лесом.

— Василий Емельянович, нужно домой, там нас люди ждут.

— Нет, — твердо ответил Макаров и сказал шоферу: — На перекрестке поворот направо.

В медсанбате все спали. Услышав, что приехал командующий фронтом, командир медсанбата растерялся.

— Как же так?.. — бубнил он. — Я не глазник... Я только хирург... Надо в Гусино, в госпиталь, там есть специалист...

— Доктор! Возьмите себя в руки, — строго сказал генерал Макаров.

— Конечно, конечно, — сдался командир медсанбата и приказал дежурному врачу: — Запустите движок и сюда, вместе с сестрой.

Дальше все шло с необыкновенной быстротой. Через минуту гулко захлопал движок, мгновенно появился свет, в операционной уже стояли в чистых халатах и шапочках дежурный врач и медицинская сестра.

— Товарищ командующий... — начал было рапортовать командир батальона, уже облачившийся в халат.

— Я сейчас больной, — прервал его командующий, а заботливая медсестра подхватила Черняховского под руку, посадила его в кресло под большой колпак лампы. Врач с ловкостью опытного хирурга-глазника извлек из глаза тоненький черный квадратик и положил его на стеклянную крышечку.

— Вы, товарищ командующий, под счастливой звездой родились... — И доктор квадратиком срезал кусочек бумажки. — Если бы он шел вот так, ребром, то было бы плохо. — Доктор завернул этот кусочек металла в бумажку, протянул командующему на память и предложил переночевать. Черняховский отказался.

— Спасибо. Некогда. Надо спешить.

— А вы боялись... — Генерал Макаров пожимал руку командиру медсанбата.

— Забоишься, товарищ генерал. Ведь командующий!

Осколок, острый как бритва, ударил в глаз плашмя, а если бы чиркнул, как лезвие? Добавлю, что могло быть на НП нашей дивизии, по рассказу члена Военного совета 39-й армии генерала В.Р. Бойко. Это произошло спустя несколько дней после визита Ивана Даниловича в нашу дивизию. А могло быть и в день его приезда. Я это хорошо знаю потому, что сам едва не стал «участником» этой беды.

А случилось следующее.

Мне приказали доставить очередного «языка» на НП командира 134-й дивизии полковника Яковленко. Я прибыл с пленным к НП, но там было не до меня, с комдивом беседовал член Военного совета генерал Бойко. Я сидел в сторонке, ждал вызова. Вот что пишет в своих воспоминаниях В.Р. Бойко:

«На НП дивизии я встретил командира 84-го стрелкового корпуса генерал-майора Е.В. Добровольского, до С.Я. Яковленко командовавшего 134-й дивизией. Ерофей Владимирович был озабочен, но, видно, мало чем мог помочь своей бывшей дивизии в отражении натиска противника: никаких резервов, я знал, у него не было. Яковленко стал все нервознее обращаться к командующему артиллерией дивизии полковнику Зурову, требуя усиления "огонька", тот доложил, что снаряды полностью израсходованы. Я позвонил командарму и попросил его срочно дополнительно выделить дивизии снаряды и мины, а пока поддержать ее огнем армейской артиллерии.

Вскоре мы с Добровольским вышли из блиндажа. Сразу же после моего отъезда тяжелый вражеский снаряд угодил в НП 134-й дивизии. Был убит Зуров, тяжело ранен Яковленко, ранение получил и Малышев. Только случайность спасла от беды командира корпуса Добровольского, вышедшего вместе со мной и не успевшего возвратиться в блиндаж. Через два часа Яковленко, не приходя в сознание, скончался».

От себя добавлю, в этом блиндаже погиб и начальник разведки дивизии майор Рубанский. Он очень хорошо ко мне относился. Именно он приказал мне в тот день доставить

пленного на НП дивизии. Вот и могли меня позвать в блиндаж с пленным, если бы потребовались в тот момент свежие данные о противнике. И погибли бы от того злополучного снаряда и генерал Бойко да и я вместе с командованием дивизии.

Но, как говорится, Бог оберег командующего и меня грешного.

В тот день солнце уже зашло за горизонт, а Черняховский по-прежнему был бодр, в то время как Макаров от усталости помрачнел.

— Что вы такой грустный? Нездоровится? — не без тревоги спросил Черняховский.

— Сегодня словно обухом по голове огрел меня Добряков (начтыла)... — Макаров потряс бумагой, свернутой в трубочку. — Все вагоны да исковерканные пути в голову лезут. Даже и сейчас очухаться не могу.

— А что такое?

— А то, что не хватает пропускной способности по железной дороге. Для перевозки только одних боеприпасов нужно свыше пятнадцати тысяч вагонов! Это примерно около четырехсот поездов. А ведь еще нужны многие тысячи вагонов для перевозки людей, продовольствия, боевой техники, горючего!

— А вы, Василий Емельянович, не отчаивайтесь. — Черняховский взял у генерала Макарова «страшную» таблицу. — М-да! Загвоздка! — произнес он. — Ее так просто, за один присест не решить. Надо подумать и с карандашом в руках рассчитать, что везти по железной дороге, что автотранспортом, а что просто положить на грунт...

— Обо всем этом я, Иван Данилович, думал основательно и пришел к выводу, что надо не вообще везти «всем сестрам по серьгам» — пять боекомплектов, а определить какой-то минимум — кому три, а кому и полтора... где главное.

— Ну что ж, давайте.

Черняховский взял карандаш, занялся расчетом. Они сидели еще часа два, никого не принимая.

Решив эту сложную задачу, Черняховский поехал с Макаровым, Покровским и группой офицеров штаба к генералу Крылову, командующему 5-й армией. Прибыли они на КП армии как раз к началу занятий. Вокруг громадного ящика с песком, устроенного на площадке под тенью сосен, разместились командарм, его штаб, начальники родов войск. Здесь были и командиры корпусов со своими начальниками штабов и командиры дивизий.

На песке в ящике, как на ладони, простиралась лесисто-болотистая часть Витебщины. Город Богушевск входил в полосу 5-й армии.

От края до края этого ящика синими и красными линиями, специальными значками была обозначена оборона армии генерала Крылова и войск противника.

Оперативное построение войск резко делило фронт армии на две далеко не равные части: на левом фланге, на пятнадцатикилометровом фронте от Юлькова до Рублева, была растянута одна стрелковая дивизия, на одиннадцатикилометровом участке правого фланга в первом эшелоне находились четыре дивизии, усиленные 252 танками, самоходками, большим количеством артиллерии и «катюш», и еще им в затылок стояли две дивизии.

Это генералу Черняховскому нравилось, так как в таком построении он видел выполнение своего замысла: мощный удар на Богушевск, стремительный выход на Сенно, в результате разобщение и разгром 3-й танковой и 4-й полевой армий противника!

— Молодец Николай Иванович, — шептал Черняховский на ухо Макарову, восхищаясь умелым руководством генерала Крылова.

Желая, чтобы командиры корпусов, их штабы да и штаб армии основательно отработали все сложные вопросы проведения операции, Черняховский в течение всего проигрыша создавал сложную обстановку: то вдруг части армии нарывались на промежуточную или отсеченную позицию, то на скрытую

противотанковую артиллерию, то вдруг их контратаковали с фланга или тыла.

В заключение «на четвертый день боя», когда правофланговый корпус генерала Казарцева продвинулся далеко на Сенно, в его тылу «появилась десятитысячная группировка немцев», «вырвавшаяся» из окружения в районе Островно.

Возвратясь к себе, Черняховский принял генерал-полковника Т.Т. Хрюкина — командующего воздушной армией. Рассказав ему о движении войск, о местах сосредоточения прибывающих армий и корпусов, он просил надежно прикрыть их авиацией. Прикинули, как поддерживать войска в ходе операции, особенно на главном направлении.

Расставшись с командармом, Иван Данилович вызвал по телефону начинжа фронта генерал-лейтенанта Баранова. Долго командующий сидел с ним, внимательно слушая соображения по инженерному обеспечению.

— Большое спасибо, Николай Парфентьевич! — Черняховский с признательностью посмотрел на Баранова. — Вы укрепили во мне веру в реальность нашего плана наступления на Богушевск.

Густая сеть траншей и заграждений, противотанковых районов и артиллерийских позиций представилась ему по обе стороны Минской автомагистрали, по ту сторону фронта.

«А сколько еще не раскрыто?» — подумал он.

Вот так проработал одни сутки командующий 3-м Белорусским фронтом. Напряженная и умелая работа Черняховского в этот день и в те сутки не только интересна для читателей, она служит образцом для использования его опыта и в сегодняшние дни. Как сказано выше, мне подарил свою книгу генерал армии Лащенко — «Искусство военачальника», приведу из нее еще одну цитату, в которой читатели легко обнаружат обобщенное отражение работы Черняховского, которая описана выше.

«У нас установилась единая и хорошо отлаженная методика выработки решения на проведение операции. И тем не

менее многие военачальники зачастую вносили в нее что-то свое. Одни, например, предварительно заслушивали доклады большого круга лиц, включая начальника штаба, командующих родами войск, некоторых офицеров штаба объединения, а затем уже принимали решение. Другие заслушивали предложения по решению только начальника штаба, а потом вносили в них поправки и изменения. Некоторые военачальники только уточняли некоторые интересующие их вопросы, особенно о противнике, а затем принимали решение по своей рабочей карте. Так поступал генерал И.Д. Черняховский, решения которого всегда были аргументированными по сути, четкими по изложению и ясными для исполнителей. Поскольку последний метод позволяет принимать решение в предельно ограниченное время, он наиболее приемлем, на мой взгляд, и сейчас.

После принятия решения важнейшим в работе является своевременная постановка боевых задач подчиненным командирам и начальникам с указанием наиболее эффективных способов их выполнения. Задачи могут ставиться лично командующим или по его поручению начальником штаба при выездах в войска, по техническим средствам связи, а также посредством боевых документов, которые передаются через офицеров связи.

Однако дело не столько в способе постановки задач, сколько в том, как поймут их подчиненные, как будут выполнять эти задачи.

Генерал И.Д. Черняховский всегда предпочитал ставить боевые задачи командирам соединений на местности, каждому на его наблюдательном пункте или двум командирам, если их дивизии тесно взаимодействовали. Всегда на местности он ставил задачу артиллерии. Часто тут же давал достаточно подробные указания по взаимодействию, особенно при атаке, вводе в бой вторых эшелонов дивизий, армий, подвижных групп. Такого метода постановки боевых задач придерживались и многие другие военачальники».

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

И вот отгремела победная битва за Днепр. А затем очистилась от оккупантов и вся Правобережная Украина. На очереди стояло освобождение Белоруссии.

А. Шарипов в своей книге пишет: «Готовя войска к решительной операции по освобождению Белоруссии, Черняховский уделял особое внимание изучению противостоящей группировки противника. По его заданию начальник разведки фронта генерал-майор Алешин в полосе 39-й армии подготовил важную разведывательную вылазку в тыл противника. Непосредственным исполнителем ее он назначил старшего лейтенанта Карпова».

А вот что пишет начальник разведки 39-й армии, в которой я служил, генерал Волошин в своей книге «Разведчики всегда впереди»:

«Я позволю употребить название "Медвежий вал", подразумевая под ним часть Восточного вала, примыкавшего к Витебску. В дни боев это название было в обиходе...

Боевая работа разведчиков стала значительно сложней. Но и мастерство их неизмеримо возросло. Не буду вдаваться в подробности, но скажу только, что им стали под силу не только рейды в глубокий вражеский тыл, но и действия непосредственно в Витебске, оккупированном врагом. Там, в частности, побывал Владимир Карпов, о котором я уже неоднократно упоминал ранее. Переодевшись в немецкую форму, он пробрался в город, связался с подпольщиками, получил у них копии важных документов и возвратился назад.

Я не рассказываю об этом подробно потому, что к этому времени Карпов действовал уже по заданиям начальника разведотдела фронта. Это он позвонил мне однажды и попросил подобрать опытного офицера-разведчика для выполнения ответственной задачи. Я, не задумываясь, назвал Карпова».

Ну, поскольку я исполнял это задание и, слава Богу, жив по сей день, расскажу все подробности, о которых не знало мое начальство.

Я был тогда «окопным» офицером, командовал взводом пешей разведки 629-го стрелкового полка. Но вдруг меня вызвали в штаб 3-го Белорусского фронта.

Вызов был срочным. Настолько срочным, что даже машину прислали. Больше того, за старшим лейтенантом приехал в качестве нарочного майор. Вопросов в подобных случаях задавать не полагается, но я все-таки спросил:

— Что случилось?

— Там все узнаете, — ответил неразговорчивый майор.

По календарю начиналось лето, а холодный ветер протягивал через открытый «виллис» седой туман. Пока доехали до штаба фронта, я промерз до костей.

Майор сразу повел к начальнику разведуправления генералу Алешину. Я не впервые слышал эту фамилию, однако видеть Алешина еще не приходилось. И почему-то этот генерал представлялся мне высоким, с величественной осанкой, таким же молчаливым, как его майор, и, конечно, очень строгим. В действительности же Алешин оказался низеньким, толстеньким, глаза добрые, как у детского врача, голос мягкий.

В общем, главный разведчик фронта выглядел человеком совершенно бесхитростным.

— Вы, товарищ старший лейтенант, пойдете в Витебск, — объявил генерал. — Там наши люди добыли схемы оборонительных полос противника. Принесете их сюда.

Он сказал это так спокойно, как будто чертежи надо было доставить из соседнего дома, а не из города, лежащего по ту сторону фронта.

Я понимал, начальник разведки избрал этот тон для того, чтобы не испугать меня, не заронить с первой минуты сомнения. И действительно, спокойная уверенность Алешина передалась и мне. «Пойду и принесу. Дело обычное».

Я выслушал, как представляется генералу выполнение этого задания. Встрепенулся лишь под конец, когда начальник разведки сообщил:

— Командующий фронтом будет лично говорить с вами.

Мое спокойствие вмиг нарушилось. Я смотрел на Алешина и думал: «Нет, товарищ генерал, дело тут не обычное. Вы хороший психолог, умеете держаться. Однако и я стреляный воробей, отдаю себе отчет, что значит, если командующий фронтом собирается лично инструктировать исполнителя! Вы, наверное, долго перебирали разведчиков, прежде чем остановить свой выбор на мне. И сейчас все еще размышляете: справится ли этот парень, не подведет ли?..»

А генерал уже звонил по телефону, докладывал, что прибыл офицер, которого хотел видеть командующий. Положив трубку, поднялся из-за стола.

— Пойдемте, командующий ждет... И не тушуйтесь. О ваших боевых делах он наслышан, ценит ваш опыт, верит в вашу удачливость. Так что все будет гут!..

Генерал неожиданно перешел на немецкий. Сказал, что Черняховский любит разведчиков. Спросил, как относится к разведке командир нашей дивизии Добровольский. Пока шли глубоким оврагом, завел разговор на совсем отвлеченные темы. Я понимал — успокаивает. Отвечал короткими фразами. Справа и слева в скатах оврага виднелись двери и окошечки — там размещались отделы штаба. Поднялись к одной из дверей по лестнице из свежих досок. В приемной встретил адъютант с золотыми погонами. Я золотых еще не видывал. На передовой мы носили погоны из зеленой ткани.

Адъютант ушел за дверь, обитую темной кожей, и тут же вернулся.

— Пройдите.

Мы очутились в теплом, хорошо освещенном кабинете. За столом сидел Черняховский — плотный, крепкий, лицо мужественное, темные волнистые волосы, ясные карие глаза.

Он вышел навстречу, пожал мне руку, кивнул на диван.

— Садитесь.

И сам сел рядом, начал говорить о задании:

— До Витебска километров двадцать. По глубине это тактическая зона, поэтому всюду здесь войска: первые и вторые эшелоны пехоты, артиллерия, штабы, склады и прочее. Вы-

броситься в этой зоне на парашюте слишком рискованно. Да если б высадка и удалась, возвращаться все равно нужно по земле. Самолет забрать не сможет. Понимаете?

— Понимаю, товарищ командующий. — Я по привычке встал.

— Вы сидите, сидите, — потянул меня за локоть Черняховский и продолжал: — Мне рекомендовали вас как удачливого и грамотного разведчика, на которого вполне можно положиться.

— Я сделаю все, товарищ командующий, чтобы выполнить ваш приказ.

— Ну и добро. Выходите сегодня же, возвращайтесь как можно скорее. — Взглянул на Алешина. — Подготовили документы?

— Так точно, товарищ командующий. Осталось сфотографировать его в немецкой форме, и удостоверение через час будет готово.

— Группой пробраться труднее, — пояснил Черняховский. — Пойдете один, в их форме, но избегайте встреч. Как у вас с немецким языком?

— В объеме десятилетки и курсов при военном училище, товарищ командующий... И то на тройку, — признался я, с опаской подумав: «Не будет ли это принято за попытку уклониться от задания?»

Черняховский понял правильно, однако переглянулся с Алешиным.

— Скромничает, — сказал уверенно Алешин. — Не знаю, как там в десятилетке было, а сейчас понимает немецкий хорошо. Я говорил с ним. Только произношение сразу его выдаст.

— Акцент порой опаснее молчания, — заключил командующий. — Значит, без крайней необходимости ни в какие разговоры с немцами вступать нельзя... У нас есть люди, владеющие немецким безупречно, но это глубинные разведчики, они не умеют действовать в полевых условиях. А для вас зона, насыщенная войсками, — родная стихия. Что ж, давай

руку, разведчик, — перешел на «ты». — Нелегкое тебе предстоит дело, береги себя. — Командующий посмотрел мне в глаза и как-то по-свойски добавил: — Мне очень нужны эти схемы, разведчик...

Я чувствовал, что нравлюсь ему и он понимает, на какое опасное дело посылает меня. Может быть, поэтому, прощаясь, задержал мою руку и похлопал по ней.

Возвращались мы с Алешиным тем же оврагом. На душе у меня было необыкновенно легко и просторно. Меня всецело захватило стремление скорее выполнить то, о чем просил командующий. Да не только приказывал, но и просил!

В управлении разведки я переоделся в форму немецкого ефрейтора, меня сфотографировали, я усвоил данные о явке — место, адрес, пароль, отзыв — и погрузился в изучение плана города. Прежде в Витебске я не бывал, а нужно заранее сориентироваться, с какой стороны войду туда и куда двинусь, ни у кого не спрашивая дороги. Подсчитал: необходимо пересечь двенадцать-тринадцать улиц, пролегающих с севера на юг, и тогда окажусь в районе нужной «штрассе». Странно, в белорусском городе — и вдруг «штрассе»!..

Потом так же тщательно изучал карту местности и обстановку на пути в Витебск. Я прикидывал, где необходимо проявить особую осторожность, какие объекты и с какой стороны лучше обойти.

Минут через сорок принесли служебную книжку с моей фотографией. По книжке я значился Паулем Шуттером, ефрейтором 186-го пехотного полка. Все это удостоверялось цветными печатями с орлами и свастикой. Книжка была настоящая, видимо, одного из пленных. В ней только сменили фотографию.

Переброска через линию фронта была поручена тому же молчаливому майору. Опять сели с ним в «виллис» X и поехали к передовой. В какой-то деревушке встретил капитан — начальник разведки оборонявшейся здесь дивизии.

Далее пошли пешком. По пути капитан подробно рассказал о системе оборонительных сооружений немцев на

глубину до пяти километров, о поведении противника в этом районе.

На передовой нас поджидали пять полковых разведчиков и три сапера. На всех маскировочные костюмы.

Я тоже натянул маскировочный костюм. Последний раз молча покурил, попрощался с офицерами и выскочил из траншеи, сопровождаемый незнакомыми бойцами.

Шли, пригнувшись, от куста к кусту по лощинам.

Проводники хорошо знали здешнюю нейтральную зону, вели уверенно.

Пулеметные очереди потрескивали совсем близко. Не потому, что фашисты обнаружили разведчиков, а таков у них порядок: короткими очередями прочесывают местность. Я хорошо знал язык немецких пулеметов. Они своими очередями сообщают друг другу: «У меня все в порядке». Или: «Здесь готовится нападение». Сейчас пулеметы выбивали дробь: та-та-тра-та-та. Это означало: они спокойны.

Изредка в небо взлетала ракета. Пока ее яркий покачивающийся свет заливал местность, мы лежали, опустив лица к земле. Но как только ракета гасла, мои сопровождающие моментально устремлялись вперед. Я отметил: «Зубры!» Неопытные подождали бы, пока привыкнут глаза, а эти знают, что в наступившей после ракеты темноте вражеский наблюдатель несколько секунд совсем ничего не видит. А когда раздается пулеметная очередь, не очень-то заботятся о звуковой маскировке. Это еще раз подтверждает, что они «зубры». Новичок в таком случае обязательно заляжет, а опытные знают: пулеметчик во время стрельбы ничего не слышит, кроме своего пулемета. Свист пуль страшноват, однако обстрелянный боец понимает: свистит та, что мимо, а ту, что в тебя, не услышишь.

Впереди поле пересечено серой полосой. Это проволочное заграждение. Добравшись до кола, один сапер ложится на спину и берет руками проволоку, другой перекусывает ее ножницами.

Очередная ракета метнулась в небо, шипя, как змея. С легким хлопком она раскрылась, залила все вокруг пре-

дательским светом и упала почти к нашим ногам. Ракетчик где-то рядом. Я отчетливо слышал, как щелкнула ракетница, когда он ее заряжал. В темноте саперы продолжали свое дело и вот уже дают знать: «Проход готов».

Посмотрел на часы — второй час ночи. Стараясь не зацепиться за колючки, прополз под проволокой. Впереди чернела траншея. Как всегда, нелегки эти минуты! Очень трудно заставить себя приблизиться к темной щели. Нужно обязательно попасть в промежуток между двумя часовыми. А где они? Разве увидишь в темноте, да еще лежа, когда глаза над самой поверхностью земли?

Борьба с самим собой длится несколько секунд.

Я достал гранату на случай, если меня обнаружат, ее взрыв поможет мне оторваться. Пополз к траншее с остановками, прислушиваясь: может, затопает промерзший гитлеровец или заговорит с соседом. Но было тихо.

Кончилась гладкая поверхность, перед глазами комья и бугорки — это бруствер. До траншеи не более двух метров.

Осторожно приподнялся на руках, посмотрел вправо и влево: не торчит ли поблизости каска? Нет. Прополз последние метры до траншеи и заглянул вниз. Граната наготове.

Траншея до ближайших поворотов пуста. Не поднимаясь высоко, перескочил через нее и быстро уполз к темнеющим кустам.

Ракеты вспыхивают позади. Пулеметы выстукивают прежнюю спокойную дробь.

Вторую траншею преодолеть легче. Здесь наблюдатели реже и службу они несут менее бдительно. Слышно, как неподалеку кто-то колет дрова. Несколько человек спокойно разговаривают у своего блиндажа.

Вспышки ракет все дальше и дальше. Уже нет необходимости двигаться ползком. Я поднялся около деревьев. Осмотрелся. Наметил место следующей остановки, запомнил все, что должно встретиться на пути, и, пригнувшись, перебежал туда. Так же действовал и в дальнейшем. Разведчики называют этот способ «идти скачками».

Вскоре попалась наезженная дорога. Просмотрел ее в обе стороны и, никого не обнаружив, пошел по ней вправо. Помнил, справа должно быть шоссе на Витебск.

Пройдя с километр, увидел: движется навстречу что-то большое, темное. Свернул и затаился в придорожных кустах. Через несколько минут мимо проскрипела повозка. Из ноздрей лошадей выпархивали белые облачка пара. Ездовой, немец, шел рядом. В другое время он непременно стал бы «языком», но сейчас трогать его нельзя.

Так, уступая дорогу всем встречным, я достиг шоссе. Вдоль шоссе чернела деревня.

Идти напрямик, не зная, что делается в деревне, опасно. Обходить — потеряешь немало времени. Как быть?

Что говорил об этой деревне начальник разведки дивизии? Ничего определенного вспомнить не удалось. Темный ряд домишек выглядел загадочно.

Молодым разведчикам обычно внушают: в любой неясной обстановке есть незначительные на первый взгляд признаки, по которым можно разгадать ее. А вот я, хоть и опытен в разведке, никак не могу обнаружить здесь ни одного такого признака.

Подошел ближе. Если в деревне штаб, то должны к домишкам тянуться телефонные провода. Но, как ни напрягал зрение, в темноте проводов не увидел. Однако заметил: в некоторых окнах сквозь маскировку пробивались узенькие полоски света. Вот и признак! Этого достаточно. Местные жители не будут сидеть со светом в глухую ночь. В прифронтовой полосе они вообще не зажигают света с наступлением темноты.

Обогнув деревню, опять выбрался на шоссе. Чем ближе к Витебску, тем чаще попадаются машины, повозки, группы людей. Прячась от них, поглядывал на часы: «Медленно продвигаюсь! Так до рассвета не добраться. Надо что-то придумать».

Снял свой маскировочный костюм, закопал у приметного дерева — пригодится на обратном пути. Вернулся к дороге и стал высматривать повозку с гражданскими седоками. Вскоре такая показалась. Возница дремал, лошадь шла шагом.

Я окликнул закутавшегося в тулуп дядьку и стал объясняться с ним на смешанном русско-немецком языке:

— Нах Витебск?

— Да, на Витебск, господин офицер. — Возница принял меня за офицера.

— Их бин каине офицер, их бин ефрейтор, — поправил я и забрался в телегу.

Чтобы не мерзнуть и замаскироваться, зарылся в пахучее сено, которое лежало в телеге. Вознице приказал:

— Нах Витебск! Их бин шлафен. Спать, спать. Понимаешь?

— Понимаю, чего же не понять... Спи, коли хочется, — ответил тот.

Я лежал в сене и следил за дорогой. Да и за возницей надо было присматривать. Кто знает, что у него на уме. Одинокий дремлющий немец — заманчивая штука. Тюкнет чем-нибудь по голове и свалит в овражек.

На рассвете достигли пригорода. В том месте, где шоссе превращалось в улицу, я увидел шлагбаум и танцующую около него фигуру постового. Там могут проверить документы, спросить о чем-нибудь. Это мне ни к чему.

— Хальт! — скомандовал вознице и, выбравшись из повозки, махнул рукой: езжай, мол, дальше. Дядька послушно продолжал свой путь. Я ушел с шоссе и тихими переулками углубился в город.

Витебск еще спал.

Где-то здесь, в этом скопище развалин и уцелевших домов, нужная квартира. Там меня ждут. Туда сообщили по радио, что я вышел.

Шел, считал улицы — нужна тринадцатая. Чем глубже в город, тем крупнее дома и чаще развалины. Черные проемы окон, лишенные стекол и рам, смотрят угрюмо.

Пересек десятый перекресток и вдруг прочитал на угловом доме название нужной «штрассе». Значит, в пригороде обсчитался на три улицы. Не беда!

Отыскал дом номер 27. Вошел в чистый освещенный подъезд. Моя квартира на первом этаже. На всякий случай положил руку в карман, на пистолет. Может, пока шел, здешних разведчиков раскрыли и сейчас за дверью засада?

Негромко, чтобы не разбудить соседей, постучал в дверь. Через минуту женский голос спросил:

— Кто там?

Стараясь подделаться под немца, сказал пароль:

— Я пришел от гауптман Беккер; он имеет для вас срочная работа.

Дверь отворяется, и женщина говорит отзыв:

— Во время войны всякая работа срочная.

Впустив меня и заперев дверь, хозяйка подала руку, шепотом сказала:

— Проходите в комнату, товарищ. — А куда-то в сторону бросила: — Коля, это он.

Только теперь я заметил в конце коридора мужчину лет сорока. Мужчина подошел, представился:

— Николай Маркович.

Вошли в комнату. Сели к столу. Я рассматривал этих скромных смелых людей. Сколько сил прилагает, наверное, гестапо, чтобы отыскать их! А они живут, работают, встречаясь с гестаповцами каждый день. Крепкие нужны нервы, чтобы вот так ходить день за днем по краю пропасти.

Николай Маркович, в свою очередь, присматривался ко мне. Сказал одобрительно:

— Быстро добрались. Я думал, придете завтра.

— Спешил. Переждать до следующей ночи негде — обнаружат, да и холодновато.

— Надюша, — спохватился хозяин, — организуй-ка чаю и другого-прочего, промерз человек.

Хозяйка ушла на кухню, а мы сидели и не знали, о чем говорить. Разговор наладился лишь за завтраком. Меня расспрашивали о жизни на Большой земле. Я охотно отвечал на эти расспросы. Но, едва ослабло напряжение, начала ска-

зываться усталость. От хозяев квартиры это не ускользнуло. Николай Маркович поднялся, мягко сказал:

— Нам пора на службу. А вы укладывайтесь спать. Набирайтесь сил. Вечером в обратный путь...

Они ушли, я лег в постель. Слышал, как под окнами иногда топают немцы, доносится их резкий говор.

Проснулся, когда уже стало смеркаться. Надо собираться «домой», нет причин задерживаться здесь. Фотопленку с отснятыми чертежами Надежда Васильевна зашила в воротник. А подлинники лежат где-то в сейфах, под охраной часовых.

Чтобы попасть сюда, подсчитывал я, мне понадобилось около семи часов. Если на возвращение уйдет столько же, то к двум часам ночи могу быть у своих. Однако спешить нельзя. Переходить линию фронта лучше попозже — часа в три ночи, когда часовые умаются и никто другой не будет слоняться по обороне. Сложнее теперь перебраться через колючую проволоку: нет ни саперов, ни ножниц для проделывания прохода, а старого я, конечно, не найду. Придется подкопаться снизу или перелезать по колу. Оборвешься — порежешь руки, но лишь бы выбраться.

Договорились, что Николай Маркович и Надежда Васильевна будут сопровождать по противоположной стороне улицы и проследят, как я выйду из города. Николай Маркович предупредил:

— Если с вами что-нибудь стрясется, мы ничем не сможем помочь. Вы понимаете, мы не имеем права...

Он говорил смущенно, боясь, чтобы я не принял это за трусость.

На прощание выпили по стопке за удачу. Эта стопка самогона неожиданно сыграла очень важную роль.

Улицы были безлюдны. Редкие прохожие боязливо уступали мне, немцу, дорогу. Шел я не торопясь, пистолет в кармане брюк, готовый к действию в любой момент. На противоположной стороне — Николай Маркович и его жена будто прогуливались.

Дошли до оживленной улицы. Поток людей несколько озадачил: не пересекал я такой людной, когда шел утром. Но тут же сообразил, что ранним утром все улицы одинаково пустынны, а сейчас вечер — время прогулок.

По тротуарам прохаживались немецкие офицеры, в одиночку и с женщинами.

Выждав, когда на перекрестке станет поменьше военных, двинулся вперед. Миновал тротуар, проезжую часть. Еще миг — и скрылся бы в желанном сумраке боковой улицы. Но тут как раз из-за угла этой улицы прямо на меня вывернул парный патруль. На рукавах белые повязки с черной свастикой.

Патрульные остановили меня. По телу, от головы до ног, прокатилась горячая волна, а обратно, от ног к голове, хлынула волна холодная.

Боясь выдать себя произношением, я молча достал удостоверение. Что еще могут спрашивать, конечно, документы!

Худой, с твердыми желваками на скулах патрульный внимательно изучил служебную книжку, спросил придирчиво:

— Почему ты здесь? Твой полк на передовой, а ты в тылах ошиваешься?..

Вопрос резонный. Ни отпускной, ни командировочной бумаги у меня не было. Но я не спешил вступать в разговор с немцами. В такой момент я и по-русски-то, наверное, говорил бы, заикаясь, где уж там объясняться по-немецки!

Задержанный молчал, а патрульный все настойчивее домогался, почему я улизнул с передовой. Вокруг образовалось небольшое кольцо зевак, среди них были и военные. Бежать невозможно.

Украдкой осмотрел я окружающих. Искал, кто покрупнее чином. Пока не обыскали и пистолет при мне, хотел подороже взять за свою жизнь.

Вдруг патрульный засмеялся. Он наклонился ко мне, принюхался и весело объявил:

— Да он, скотина, пьян! Свинья пьяная!

Я поразился: какое чутье у этого волкодава! Всего ведь по стопке выпили с Николаем Марковичем за удачу.

Трудно было определить, удача это или нет, но обстановка на какое-то время все-таки разрядилась. Коли пьян, разговор короткий. Бесцеремонно повернули лицом в нужную сторону, сказали «Ком!» и повели в комендатуру.

Хорошо, что не обыскали! Пистолет, будто напоминая о себе, постукивал по ноге. Я шел, покачиваясь слегка, как и полагается пьяному. Посматривал по сторонам. Патрульные, посмеиваясь, разговаривали между собой, подталкивали в спину, когда я шагал слишком медленно.

— Ком! Ком! Шнель!

Я был внешне вроде бы безразличен к тому, что происходит, а в голове одна мысль: «Надо действовать! Надо что-то предпринимать! Если заведут в помещение, все пропало, оттуда не уйдешь. А где эта комендатура? Может, вон там, где освещен подъезд?»

Шли мимо двухэтажного дома, разрушенного бомбежкой. Внутри черно. Лучшего места не будет!

Я выхватил пистолет, в упор выстрелил в патрульных и, вскочив на подоконник, прыгнул внутрь дома. Сзади послышались отчаянные крики. Поразило — кричала женщина по-русски: «Он убил патрулей! Сюда заскочил! Сюда!»

Я делал все автоматически. Совсем не думая о том, что когда-то изучал приемы «отрезания хвоста», остановился у стены за одним из поворотов и, как только выбежал первый преследователь, выстрелил ему прямо в лицо. Другие залегли, спрятались за угол стены. Теперь они будут искать обходы. А я сразу после выстрела выпрыгнул из окна во двор, перемахнул через забор, перебежал садик. Выглянул из ворот на улицу, быстро перешел ее и опять скрылся во дворе.

Так и бежал по дворам, перелезая через изгороди. В одном из дворов женщина снимала с веревки белье. Я молча прошел мимо к воротам. Она с изумлением посмотрела на странного немца, который почему-то лезет через забор.

Ближе к окраине не стало дворов общего пользования. Калитки заперты.

Пошел я тихой улицей. По ней мало ходили и совсем не ездили.

Погони пока не слышно. Но служебная книжка на имя Шуттера осталась у патруля, и я не сомневался, что из немецкой комендатуры позвонили в 186-й пехотный полк. Теперь, конечно, установлено, что никакого Шуттера там нет. Значит, его начнут искать всюду — и в городе, и на дорогах.

На ходу я оценивал обстановку. «Восемь часов. Быстро я проскочил город — заборы не помешали! Впереди еще целая ночь. Этого вполне достаточно, чтобы пробраться к своим».

Подошел к развилке дороги. Столб с указателями подробно информировал, в какой стороне какие деревни и сколько до каждой из них километров. Одним ответвлением дорога уходила к лесу. Я выбрал это направление: в лесу легче маскироваться. Однако вскоре я понял, что ошибся: лес был полон звуков. Гудели моторы танков — их, видимо, прогревали. Перекликались немецкие солдаты, трещали сломанные ветки.

Свернул я с дороги к обширной поляне, к поваленному дереву в конце поляны. Но, подойдя ближе, вдруг разглядел, что это не дерево, а ствол зенитной пушки. Поспешил в обход.

Обойдя батарею, опять двинулся на восток. Лес кончился, впереди у самого горизонта вспыхивали и гасли осветительные ракеты. «Значит, выхожу к траншейной системе». Но здесь войска стоят плотнее. Нужен маскировочный костюм, а его нет. Дерево, у которого зарыл свой костюм, где-то совсем в другом месте.

Ползком, «скачками», то обливаясь потом, то надолго замирая без движения, я достиг наконец желанной цели. Между мной и нейтральной зоной остались одна траншея и проволочное заграждение. К этому моменту я настолько устал, что едва мог двигаться. Тело было как деревянное. Хотелось одного: поскорее выбраться за проволоку! Она совсем рядом, но по траншее ходит гитлеровец.

Я заметил его каску издали. Каска проплывала вправо шагов на двадцать, влево — на десять. Я пересчитал эти шаги не раз. Когда часовой шел вправо, делал пятнадцатый шаг и должен был сделать еще пять, находясь ко мне спиной, я подползал ближе к траншее. Когда часовой возвращался, я лежал неподвижно. В кино показывают, как разведчики подползают к часовому. Чепуха! Услышит, на то он и часовой! Надо подползать к тому месту, куда он сам придет. Так я и делал, он идет от меня, а я на несколько метров вперед.

И вот наконец достаточно протянуть руку, и можно дотронуться до каски часового, когда он подойдет сюда.

Самое правильное — без шума снять его, и в нейтральную зону. Но я чувствовал: сейчас это не под силу. Я настолько изнемог, что гитлеровец легко отразит мое нападение.

Убить из пистолета — услышат соседние часовые, прибегут на помощь. Что же делать? Перепрыгнуть через траншею, когда фашист будет ко мне спиной? Но я не успею отползти. Это сейчас он меня не видит, потому что я сзади, а он смотрит в сторону наших позиций. На противоположной же стороне траншеи я окажусь прямо перед его носом... Но и так лежать дальше нельзя. Единственный выход — собрать все силы и ударить фашиста пистолетом по голове, когда будет проходить мимо, оглушить!

И вот, когда немец вновь поравнялся со мной, я ударил его пистолетом по каске. Плохо! Удар получился вскользь. Гитлеровец с перепугу заорал, бросился бежать. Пришлось в него выстрелить и мигом выпрыгнуть из траншеи к проволочному заграждению. Ухватившись за кол, полез по нему, опираясь ногами о проволоку. Сзади уже кричали, стреляли.

О колючки проволоки разодрал одежду и тело. Перебрался уже и через второй ряд, и тут что-то тяжелое ударило в голову. Я потерял сознание.

Когда очнулся, в первую минуту ничего не мог понять. В глазах плыли оранжевые и лиловые круги. Чувствовал сильную боль, но где именно болит, сразу не разобрался. Пытался восстановить в памяти, что произошло. И вот смутно, будто

очень давно это было, припомнил: «Лез через проволоку, потерял сознание от удара. Ранен... Но куда? И где я сейчас?»

Вокруг ночная темень. Рядом разговаривали немцы. «Почему меня не поднимают, не допрашивают?» Позади кто-то работал лопатой. «Может, приняли за убитого и хотят закопать?» Вслушался: опять звон лопаты о проволоку, натужливое пыхтение. Догадался: «Да, фашисты считают меня убитым. Они по ту сторону проволочного заграждения. Я — по эту. Подкапываются под проволоку, чтобы втащить меня к себе...

Вскочить бы сейчас и бежать! Но если у меня перебиты ноги? Недалеко от себя увидел свой пистолет. Я его выронил, когда упал. Постарался вспомнить, сколько раз из него выстрелил: в Витебске в патрульных раз пять, здесь в часового, есть ли в обойме хоть один патрон? «Живым не дамся. Все равно замучают».

Пока размышлял, к ногам уже подкопались. Пробовали тащить — не получилось. Я лежал вдоль проволоки и, когда потянули за ноги, зацепился одеждой за колючки. Гитлеровцы просунули лопату с длинным черенком и, толкая в спину, пытались отцепить от колючек и повернуть так, чтобы тело свободно прошло в подкоп.

Ждать дальше нельзя. Надо бежать. Но целы ли ноги? Вскочил! Ноги держат! Кинулся бежать.

У немцев — минутное замешательство: мертвец побежал! Потом они опомнились, открыли торопливую пальбу. А я бежал, падал, кидался из стороны в сторону. Надо мной взвивались ракеты. Полосовали темень трассирующие пули.

Добежал до кустов. Пополз параллельно линии фронта. Неприятельский огонь по-прежнему перемещался в направлении наших позиций. Значит, потеряли из вида, считают, что я бегу к своим напрямую.

С нашей стороны ударила артиллерия — это было очень кстати. Только непонятно, почему она откликнулась так быстро на всю эту кутерьму. Случайное стечение обстоятельств?..

На пути небольшая речушка. У меня еще хватило сил выползти на другой берег, но тут я опять потерял сознание. Кроме предельной усталости, сказывалась и потеря крови.

Очнулся от толчка. Меня перевернули на спину и, видимо, рассматривали. Кто-то сказал с досадой:

— Фриц, зараза!

Неласковые эти слова прозвучали для меня сладчайшей музыкой. Смог только выдохнуть:

— Не фриц я, братцы!

— Ты смотри, по-русски разговаривает! — удивился человек, назвавший меня фрицем. — Ну-ка, хлопцы, бери его!

Вскоре я оказался в блиндаже усатого командира полка, совершенно незнакомого. Едва перебинтовали голову, я оторвал от куртки воротник и попросил срочно доставить этот лоскут в штаб фронта — в разведывательное управление.

А там, как узнал позже, все были в тревожном ожидании. Николай Маркович успел сообщить по радио о столкновении с немецким патрулем и удачном бегстве от преследователей. Командующий фронтом приказал в полках первого эшелона на этом направлении держать наготове разведчиков и артиллерию, чтобы в том месте, где гитлеровцы проявят сильное беспокойство, наша артиллерия немедленно произвела бы огневой налет по их передовым позициям, а группа разведчиков вышла в нейтральную зону. Одна из таких групп и подобрала меня.

Теперь я сидел в теплом блиндаже, смотрел и не мог насмотреться на дорогие русские лица. Казалось, не видел их целую вечность.

— Какая у меня рана? — спросил фельдшера, бинтовавшего голову.

Фельдшер замялся, но, видно, посчитал неприличным врать.

— Надо поскорее вас в госпиталь. Ранение в голову всегда опасно.

Усатый командир полка заторопился, приказал немедленно везти. Накинул на меня шинель, распорядился, чтобы фельдшер лично сопровождал до полевого госпиталя.

Прощаясь, подполковник дал флягу, шепнул:

— Ты крови много потерял, подбодрись, принимай помаленьку.

Повозка катила легко и плавно. И так же легко было на душе. «Все же выбрался. И поручение командующего выполнил». Отвинтил крышку фляги и хлебнул на радостях несколько глотков. «Мама в эту ночь, наверное, спокойно спала. Она даже не подозревала, как близко я был от гибели и каким чудом спасся». Выпил еще несколько глотков — за нее.

В расположении своих войск все было прекрасно, даже холодный ветер казался ласковым. Вспомнил предупреждение усатого командира полка не раз приложился к фляге и прислушался к самому себе. Нет, силы не уходят. Наоборот, будоражило веселое возбуждение. «К немцам в плен не попал. Избежал пыток и смерти. Очень повезло!» Хотелось петь, и я запел песенку, которую услышал в новом кинофильме:

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил...

В госпитале хирург, уже поджидавший раненого разведчика, сказал обнадеживающе:

— Ну, раз поет, все будет хорошо.

Мне очень хотелось поговорить и с хирургом, и с сестричками, которые почему-то хихикали в свои марлевые маски.

— Лежите спокойно, потом поговорим, — обещала одна из них.

— Ну и веселый раненый! — сказала другая. — У нас таких еще не было.

— Это точно, — согласился я. — А вы знаете, почему я в немецкой форме? Вы не думайте, я не фриц.

— Все мы знаем, лежите, пожалуйста, спокойно, а то свяжем вас, — пригрозил хирург.

Я засмеялся. Мне казалось очень смешным, что будут связывать свои, да к тому же такие хорошенькие девушки.

— Связывайте! — великодушно разрешил я, и в тот же миг нестерпимая боль обожгла голову. Я застонал. — Ммм, ну, это ни к чему, доктор! Все шло так хорошо...

— Терпи, дорогой, и радуйся: кажется, мозги тебе не задело. Твердолобый ты, пуля срикошетила.

— Значит, еще поживем?

Я закрыл глаза и, будто покачиваясь в теплой детской люльке, стал засыпать...

После операции меня поместили в отдельную маленькую брезентовую палатку. Она была обтянута изнутри слоем белой ткани, обогревалась железной печуркой.

Я понимал, что такое внимание не случайно. Наверное, об этом позаботился сам командующий фронтом. Только вот никто не навестил, не поздравил с удачным возвращением. Из-за этого появилась обида. Она точила, как червь, причиняя боль, гораздо большую, чем рана в голове. Стал утешать себя: ведь знаю только я о том, как проник в город, занятый противником, убил патрулей и ушел от преследования, раздевался догола на ледяном ветру, снимал часового, как, раненый, чуть не попал к фашистам. Официально это выглядит по-другому: разведчик получил приказ доставить ценные сведения, задачу выполнил, в ходе выполнения ранен. Вот и все. Перед наступлением у командования работы много, некогда вести душеспасительные беседы с раненым. Лежишь в отдельной палате, лечат, кормят, чего тебе еще надо?

И когда я совсем уже успокоился, когда в душе все встало на свои места, вдруг поднялся край палатки. Заглянул ладный солдат в отлично сшитой шинели, в комсоставских начищенных сапогах, в фуражке с лакированным козырьком. Солдат и не солдат, будто сошел с картинки. На фронте таких не было.

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, — сказал, улыбаясь, красивый солдат. — Мы артисты из фронтового ансамбля песни и пляски. — Он показал рукой на вход в палатку, и я только сейчас услышал там, за брезентовым пологом, сдержанный говор многих людей. Я не мог понять, что

все это значит и какое имею отношение к ансамблю. Солдат пояснил: — Нас прислал командующий фронтом. Сказал, что здесь, в госпитале, находится раненый разведчик, который выполнил очень важное задание, и его, то есть вас, надо повеселить. Вот мы и прибыли.

Приятная волна благодарности прихлынула к сердцу. «Не забыл. При всей своей невероятной занятости. Спасибо вам, товарищ командующий!»

— Как же вы будете это делать? В палатке больше трех-пяти человек не поместится, — растерянно спросил я и тут же предложил: — Вы дайте концерт для госпиталя где-нибудь в общей столовой и доложите командующему, что приказ выполнен.

— Мы так не можем. Приказано поднять настроение лично вам. Для госпиталя будет особое выступление, — настаивал солдат. — Приказ есть приказ! Мы все организуем здесь... Меня зовут Игорь, фамилия Чешихин. Друзья шутки ради пустили слух, что это псевдоним, который происходит от главного моего занятия: чесать языком. Я ведь конферансье. По-военному — ведущий ансамбля...

Появился дежурный врач, пришли сестры, укрыли меня еще одним одеялом, подняли полы палатки, и я увидел группу хорошо одетых солдат, похожих, как братья, на Игоря Чешихина.

Профессионально улыбаясь, Игорь представил их единственному зрителю и слушателю. Звонко, как с эстрады, объявил:

— «Землянка», слова Алексея Суркова, музыка Константина Листова, исполняет солист ансамбля Родион Губанов.

Происходящее было похоже на приятный сон — красивые люди, музыка, пение. И очнуться не хотелось: сон это или бред, пусть так и будет. Важно, что слова песни вполне отражают явь. «Бьется в тесной печурке огонь...» Вот она, печурка, и прыгает в ней красный огонь. «На поленьях смола, как слеза, и поет мне в землянке гармонь...» Ну не в землянке, так в палатке. Только вот глаза передо мной другие — мамины глаза. Мама, мама, нет никого роднее и ближе тебя! «Ты теперь

далеко, далеко... а до смерти четыре шага». Сейчас, пожалуй, побольше четырех. А было меньше шага: когда вели патрули по Витебску, стволом автомата в спину подталкивали. И немец, которого не смог оглушить, чуть не выстрелил в упор. Как уцелел? Непонятно. Из нескольких автоматов били, пока лез через проволоку, а зацепила всего одна пуля!

— Вы не спите, товарищ старший лейтенант? — озабоченно спросил Игорь Чешихин.

— Нет, нет, я все слышу и вижу отлично. Только не повредит ли вашим товарищам пение на открытом воздухе? У них ведь голоса.

— Мы привычные. Всю зиму на морозе пели. Концертных залов на передовой нет. Теряли и голоса, и певцов. Война!..

После пения — пляска. Танцорам было тесно на узкой дорожке перед палаткой, но они со свистом отплясывали.

— Специально для вас приготовлен отрывок из поэмы Твардовского «Василий Теркин», — сообщил Игорь.

Я любил стихи Твардовского, в особенности про этого удалого парня Теркина!

Игорь читал отрывок совсем новый, я еще не читал этих строк:

Подзаправился на славу
И, хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет,
Все ж у главного порога
В генеральском блиндаже —
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

«Ну, точно про меня! — думал я с восторгом. — Будто подсмотрел Твардовский, когда я шел к командующему».

И на этой половине —
У передних наших линий,

На войне — не кто, как он,
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Я вспомнил генералов, с которыми довелось встречаться. Комдив Добровольский — строгий, властный, но бывает и добр, таким он запомнился, когда вручал первую медаль «За боевые заслуги». Член Военного совета Бойко — ну, этот действительно и «ЦК, и Калинин», огромной масштабности человек... Вспомнился Черняховский — красивый, крепкий, молодой, глаза мудрые.

— «Вот что, Теркин, на неделю можешь с орденом — домой...» — не декламировал, а как-то запросто говорил Игорь. Чтец превращался то в Теркина, то в генерала, то в Твардовского. А то вдруг я узнавал в нем и себя. И было все это опять как во сне.

Радостное ощущение не покидало и после их выступления. Ну, пусть не полный ансамбль, пусть несколько человек, но ведь для меня одного прислал Черняховский!..

Словно продолжение этого сказочного сна, вечером в мою палатку грузно ввалился член Военного совета Василий Романович Бойко.

— Лежишь? Правильно делаешь! Много сделал, отдохни!

Генерал расстегнул шинель, снял фуражку, сел на табуретку так, что она хрустнула. Поглядел улыбчиво и добро.

— Сейчас отдышусь...

«Больной человек, — подумал я, глядя на отеки под глазами генерала, — а по передовой мотается и днем и ночью».

Бойко поднялся, застегнул шинель на все пуговицы, надел фуражку, проверил, ровно ли она сидит. «Куда же он? — удивился я. — Ничего не сказал... Неужто за тем только и заходил, чтобы отдышаться?»

Но Бойко не ушел. Он встал против меня по стойке «смирно» и негромким, но торжественным голосом произнес:

— По поручению командующего фронтом генерала армии Черняховского вручаю вам, старший лейтенант Кар-

пов, за выполнение особого задания орден Красного Знамени. — Генерал подал картонную коробочку, в ней я увидел красно-золотой орден и бело-красную ленту, натянутую на колодке. — От себя поздравляю, дорогой мой, и желаю тебе быстрее поправиться, совершить еще много геройских дел на благо Отечества!

Бойко погладил меня по голове и уже буднично спросил:

— Куда же тебе орден прикрепить? — Секунду подумал и решил: — А почему нельзя на белую нательную рубашку? У тебя сейчас такая форма одежды — госпитальная!

Он прикрепил орден, прихлопнул пухлой ладонью.

— Носи на здоровье! Командующий просил передать, что сам бы с удовольствием навестил тебя, да не может: дел много. И меня за торопливость тоже извини. К большому мероприятию готовимся. Будь здоров!

Бойко пожал руку и ушел к поджидавшему его за палаткой автомобилю. Заурчал мотор, хрустнули ветки, и машина стала удаляться.

Я жалобно посмотрел на сестру, попросил:

— Сестричка, уколи меня чем-нибудь.

— Вам плохо? Я сейчас дежурного врача вызову.

— Да нет же, так хорошо! Словно во сне все происходило! Сам Черняховский меня не забыл!

И это еще не все. Приходили меня навещать штабные офицеры, рассказывали:

— Черняховский после твоего возвращения звонил в Москву, с кем говорил, не знаем, но говорил на басах. Он имел в виду, что тебя дважды представляли к званию Героя. Другим это звание давали за 25—30 «языков», а у тебя на личном счету уже больше семидесяти! Так вот, Черняховский, понимая, что мешает твоя бывшая судимость по 58-й, политической статье, говорил своему московскому собеседнику: «Сколько можно отказывать? Он уже старший лейтенант, член партии, а вы его за преступника считаете. Найдите наши два представления на Героя и дайте ход».

Меня вскоре отправили из полевого госпиталя долечиваться в Москву. А потом там же в столице зачислили в Высшую разведшколу Генштаба.

Пока я лечился, была проведена одна из блестящих операций Советской Армии, «Багратион», в которой участвовал 3-й Белорусский фронт под командованием Черняховского. Выполняя его задание, я не знал, что доставил из Витебска чертежи немецкого «Медвежьего вала». Они любили давать громкие названия, на Днепре создали «Восточный вал», который, как известно, наши войска успешно преодолели. И вот на пути к Витебску и Минску построили «Медвежий вал».

Оказывается, информация о «Медвежьем вале» была передана и 1-му Прибалтийскому, и 2-му Белорусскому фронтам. Напомню, что вспоминает об этом маршал Баграмян:

«Я, будучи командующим 1-м Прибалтийским фронтом, встречал в разведывательных сводках фамилию старшего лейтенанта Карпова. И вот он, тот же самый лихой, смелый разведчик, теперь — известный писатель... во всех описанных заданиях принимал участие сам автор. Владимир Карпов сражался не только на фронте, которым я командовал, он вел активные боевые действия и на соседнем, 3-м Белорусском, и, как мне известно, пользовался уважением командующего фронтом Ивана Даниловича Черняховского».

«БАГРАТИОН»

В ночь на 20 июня командующий, член Военного совета и командующие родами войск фронта с оперативной группой, возглавляемой генералом Иголкиным, прибыли на передовой командный пункт. Он размещался в блиндажах на малозаметной высотке 208,5 немного севернее Минского шоссе, примерно в двух с половиной километрах от переднего края. Здесь же был построен блиндаж для представителя Ставки — маршала Василевского. На основном КП, в лесу южнее Гусино, остался штаб во главе с генерал-лейтенантом

Покровским, на плечи которого легли немалые заботы по осуществлению решений командующего и боевому обеспечению операции.

В эту же ночь перебрались на свои передовые КП и командармы. Теперь управление войсками фронта шло с этой, ничем не примечательной высотки.

Командующий потребовал от войск строгого соблюдения маскировки, полного молчания радиостанций. Завершены все перегруппировки, и войска армий заняли на фронте свой предбоевой порядок согласно первому варианту, утвержденному Ставкой. Подвижные войска развития прорыва сосредоточились и притаились в своих районах.

Иван Данилович смотрел в стереотрубу на позиции, прикрывавшие Минское шоссе, а сам мысленно был под Витебском, на НП генерала Людникова, армия которого по плану Черняховского и должна была начать операцию.

В пять сорок зашипел телефон ВЧ, звонил Людников. Командующий взял трубку. Разговор был коротким. Пожелав ему успеха, Черняховский обвел всех значительным взглядом.

— Ну, друзья, Людников начал... — И, немного помолчав, обратился к генералу Иголкину и находившимся здесь направленцам: — А теперь, товарищи, по местам и все внимание боевой готовности армий.

Огневой вал ударил огнем на передний край врага. Но вскоре позвонил генерал Людников.

— Людников? Что случилось?

— Случилось, товарищ командующий, чего не мог предвидеть и сам Всевышний. Пехота самостоятельно поднялась в атаку и вся 39-я армия перешла в наступление.

— Как же это так? За час до конца артподготовки? — удивился Черняховский.

— Не выдержали нервы комбата 61-го полка. Ему показалось, что противник отходит, и, чтобы его не упустить, он, не дождавшись конца артподготовки, поднял батальон и повел его в атаку. Смотря на него, ринулись вперед соседние

батальоны, а за ними поднялись и полки. Так что мне ничего не оставалось, как отдать приказ на общее наступление...

— Но ничего. Будем делать все, чтобы шло как надо. — И тут же прозвонил командующим ВВС и артиллерии и поставил их в известность о случившемся, чтоб внесли коррективы.

Ровно в девять двинулись другие армии и соседние фронты. Началась грандиозная битва за Белоруссию. В это утро на 600-километровом пространстве, от озера Нещедра до Мозыря, поднялась могучая армада четырех фронтов и стремительно двинулась освобождать многострадальную Белоруссию. Вместе с ними поднялась более чем 370-тысячная партизанская армия Белоруссии.

В направлении Витебска события развивались особенно успешно: войска генерал-лейтенанта Людникова за первые сутки наступления форсировали Лучесу и продвинулись на 10—15 километров.

Но по обе стороны Минского шоссе, насколько могла охватить стереотруба, Черняховский видел упорное и кровопролитное сражение. Впереди все тонуло в крутящемся дыму разрывов и пожарищ. Земля, а вместе с ней и НП командующего, вздрагивая, тряслись, как в лихорадке. И казалось, что войска сражаются все на том же месте. Но командующий надеялся и верил, что танковый корпус генерала Бурдейного прорвется и на Минском шоссе.

Черняховский вошел в блиндаж оперативной группы.

— Что нового, товарищ Иголкин?

— Есть новое, товарищ командующий. — Иголкин раскрыл карту полосы армии генерала Галицкого. — Первое — генерал Галицкий просит помочь корпусу и ударить авиацией по Белобородью.

— Поможем, — сказал Черняховский и сразу же связался с командующим воздушной армией.

— Второе, — продолжал генерал Иголкин, — генерал Алешин только что докладывал, что сегодня ночью в районе Бурдюки на Минской автостраде подобран тяжелораненый солдат

25-й зенитной артиллерийской дивизии. Он показал, что их дивизии, кроме противовоздушной обороны, поставлена задача борьбы с танками на Минской автостраде. Раненый говорит, что они ждут здесь, вдоль шоссе, танкового наступления.

— Ждут танкового наступления? — повторил командующий. — Выходит, немцы не дураки, правильно определили и припрятали зенитную артдивизию. Это серьезный сюрприз... Все ясно. — Подумав, командующий неторопливо сказал: — Это еще раз нас убеждает, товарищ Иголкин, что здесь вводить танковую армию нельзя.

— Так точно, товарищ командующий, нельзя.

— Раз «так точно», то готовьте директиву маршалу Ротмистрову: к утру 25 июня передислоцировать танковую армию в район Мсов и быть в готовности ввести ее в прорыв в районе Толочина, чтобы выйти на Минскую автостраду и развить успех на Борисов.

Утром 25 июня Иголкин, развернув карту, доложил:

— Бурдейный прорвался и набирает темп. Его передовой отряд уже вышел на Витебское шоссе и овладел Клюковкой. На Минской автомагистрали немцы начали отводить свои войска и ведут сдерживающие бои. 26-я и 84-я гвардейские стрелковые дивизии наконец овладели рубежом Шалашино и успешно продвигаются вдоль Минского шоссе к рубежу Юрцево — Бурдаки.

— Спасибо за радостную весть. — Черняховскому хотелось как можно скорее ввести в прорыв главные силы танковой армии. Ее передовые отряды уже двинулись с исходного положения в полосу армии генерала Крылова. Армия генерала Людникова во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта к этому времени с восточной и южной сторон обложила Витебск.

Черняховский и генерал Макаров под охраной бронетранспортера направились на автомашинах по уже очищенной части Минской автомагистрали туда, где вели бой дивизии 36-го гвардейского стрелкового корпуса. НП комкора был расположен на опушке соснового леса. Наблюдая бой, здесь Черняховский

ощутил то, что так радостно волнует душу полководца. Пусть враг еще бешено сопротивляется, пусть танковая армия еще только-только входит в полосу прорыва, но командующий уже видел, что еще один удар артиллерии и авиации, еще один натиск танков и пехоты — и враг побежит. Черняховский щедро дал из своего резерва все, что просил комкор генерал П.Г. Шафранов: и один вылет дивизии штурмовиков, и два дивизиона «катюш», и лишний боекомплект, и даже людей на пополнение основательно поредевших дивизий.

— Теперь, дорогой генерал, решимость, мужество, быстрота и натиск! — произнес он, прощаясь с комкором.

Утром следующего дня 158-я стрелковая дивизия полковника Гончарова 39-й армии генерала Людникова ворвалась в Витебск.

А во второй половине дня войска генерала Людникова, взаимодействуя с армией Белобородова, вошли в Витебск и концу дня освободили его; передовые дивизии 5-й армии Крылова захватили железную дорогу Орша—Лепель, конно-механизированная группа продвинулась еще дальше — вышла на реку Улла и с помощью партизан форсировала ее; войска генерала Галицкого за эти сутки прошли далеко за шоссе Витебск—Орша и вышли на рубеж Зубов—Смоляны. Танковый корпус, как решал генерал Черняховский, пересек железную дорогу Орша—Минск, его передовой отряд повернул прямиком на Березину. Гвардейская танковая армия маршала Ротмистрова наконец-то вырвалась на Минскую автомагистраль и при поддержке авиации развивает успех вдоль Минского шоссе.

— Ну, товарищ Иголкин, кажется, все! Теперь перед нами прямая дорога на Минск! Пишите донесение в Ставку о взятии Витебска.

24 июня 1944 года Сталин подписал, и был опубликован первый персональный приказ Черняховскому. Раньше, в прошлых приказах его имя упоминалось среди особо отличившихся, а на этот раз это выглядело так. (Смотрите ксерокопию приказа Верховного Главнокомандующего.)

25 июня на командном пункте Черняховский с другими работниками штаба слушал радиопередачу «В последний час». Командующий и операторы отмечали на картах населенные пункты, освобожденные соседними фронтами.

Вдруг распахнулась дверь и вошел сияющий майор — секретарь Военного совета. Он подошел к командующему и хрипловатым от волнения голосом доложил:

— Товарищ генерал армии!..

Услышав эти слова, командующий сделал большие глаза. Майор продолжал:

— Имею честь вручить телеграмму Верховного Главнокомандующего. Товарищ Сталин поздравляет вас с присвоением вам звания генерала армии!

— Спасибо, товарищ Бабаев, — сказал Черняховский в некоторой оторопи и протянул ему руку. Кинулись поздравлять Макаров и Комаров.

Иван Данилович пришел в себя, твердо и весело сказал:

— Ну, за это надо отплатить хорошими боевыми успехами. Прошу всех к карте! Завтра прикончить «котел» под Витебском! Освободить Оршу и на Минском шоссе захватить мосты через Бобр раньше, чем это успеют сделать танки врага!

И Черняховский сделал все, чтобы это сбылось как можно скорее.

27 июня опять был радостный день: в полдень сообщил Людников, что «котел» под Витебском ликвидирован, капитулировал генерал Гольвитцер. Вечером доложили генералы Глаголев и Галицкий, что их войска совместно с 26-й танковой бригадой освободили Оршу. Армия маршала Ротмистрова форсировала Бобр, а армия генерала Крылова вместе с гвардейскими корпусами — конным и механизированным — к исходу дня вышли на линию озер Лукомльское—Селява. Дальше всех продвинулся танковый корпус генерала Бурдейного. Он с помощью партизан форсировал южнее Минского шоссе р. Можа и ходко продвигался к Березине.

28 июня, тоже светлый день, Ивану Даниловичу исполнилось тридцать восемь лет. Утром первым поздравил его

самый близкий человек, с которым шел с первых дней войны, бывший адъютант, а теперь порученец подполковник Алексей Комаров. Он поздравил Черняховского и подарил ему погоны генерала армии. Пригласили генерала Макарова, по случаю дня рождения выпили по рюмке водки, хотя Иван Данилович не пил спиртного.

В эти дни прозвучали по радио и в печати еще два приказа Верховного. Один совместный — генералу армии Баграмяну и генералу армии Черняховскому:

«Войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в результате глубокого обходного маневра с флангов окружили витебскую группировку немцев в составе пяти пехотных дивизий. Сжимая кольцо окружения, наши войска сегодня, 26 июня, штурмом овладели крупным областным центром Белоруссии городом Витебск — важным стратегическим узлом обороны немцев на западном направлении...»

И следующий приказ опять персонально генералу армии Черняховскому, в котором Верховный благодарит, а Москва салютует за освобождение важного железнодорожного узла и города Орша.

В радостный победный день член Военного совета Макаров наконец решился сообщить Черняховскому печальную весть о гибели его брата Александра. Макаров получил это известие еще 24 июня, но была очень напряженная боевая ситуация, и он, взяв грех на душу, решил немного повременить. И вот командующий фронтом в добром здравии, окрылен победами, легче перенесет горе.

Командующий закончил разговор по телефону и что-то хотел сказать стоявшему рядом Комарову, но Макаров тихо молвил:

— Печальная весть, Иван Данилович, — помедлил, — брат Александр...

— Что, ранен? — не дав договорить Макарову, быстро спросил Черняховский.

— Нет. Погиб.

Черняховский медленно поднялся и нервно зашагал по блиндажу. Охватившее волнение мигом перенесло его в родное село Вербово. Вспомнились смерть родителей, горькое сиротское детство. Саша остался самым маленьким, ему было тогда два года. Еле-еле выходили, с большим трудом поставили на ноги, учили, помогали. Старший брат, Михаил погиб на службе в войсках кавдивизии имени Котовского, когда ему было 24 года. А в 26 лет не стало вот и Александра.

— Эх, Саша, Саша! — Иван Данилович тяжело вздохнул. — Когда?

— Двадцать четвертого. Его уже похоронили.

— И ты до сих пор молчал?

— Извини, Иван Данилович, молчал. Считал, так будет лучше. Может быть, проедем на могилку?

Черняховский походил еще с минуту, потом остановился и твердо сказал:

— Не сейчас, позже. Сначала съездит Алексей... — Иван Данилович посмотрел на Комарова. — Разузнает поподробнее, что и как, а уж потом съездим мы.

Вот так напряженно живет командующий фронтом, не может отвлечься даже на семейную беду — он только что получил личное указание-директиву Сталина:

Лично. Командующему 3-м Белорусским фронтом тов. Черняховскому. Члену Военного совета фронта тов. Макарову.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 3-го Белорусского фронта с ходу форсировать Березину и развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом на Молодечно.

2. Не позже 7—8 июля 1944 г. овладеть во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта городом Минском и правым крылом занять Молодечно.

Ставка требует от 5-й гвардейской танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке.

3. Потребовать от пехоты необходимого напряжения сил в том, чтобы она по возможности не отставала от действующих впереди танковых и кавалерийских соединений.

4. О данных распоряжениях донести.

Сталин, Антонов.

Командующий занялся вместе с генералом Иголкиным разработкой мероприятий и организацией боевого обеспечения с целью овладения Минском. Он думал, как бы взять Минск не 7—8 июля, а 3 июля... На Минск он назначил целиком армию генерала Глаголева, гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного и часть сил гвардейской танковой армии маршала Ротмистрова, которая после взятия Борисова должна была наступать на Логойск. Наряду с этим он возложил на генералов Глаголева и Бурдейного прикрытие левого фланга фронта, особенно со стороны Волмы, где совместно с войсками 2-го и 1-го Белорусских фронтов окружалась большая группа немецких войск.

Войска 3-го Белорусского фронта стремительно продвинулись вперед и вышли к Березине.

Василевский, Черняховский, Ротмистров и Макаров с восхищением смотрели, как бойцы стремительно выбегали из леса, таща за собой надувные или складные лодки, бесстрашно бросались на них в кипящую огнем реку и, стреляя по врагу, плыли туда, где сплошь дымил берег, трещали пулеметы и автоматы. Не меньшее восхищение вызвали у командования и саперы, которые в этом аду строили переправы для танков 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова. Березина кипела от артиллерийского огня и взрывов авиабомб.

Сюда, на берег, Черняховскому со всех участков фронта шли приятные сообщения: севернее, на фронте Бегомль — озеро Палик, с помощью партизанских бригад «Железняк», «Дядя

Коля» и «Имени Пономаренко» конно-механизированная группа и передовые отряды 72-го и 65-го стрелковых корпусов уже форсировали Березину, а южнее гвардейских танковый корпус генерала Бурдейного, тоже при активном содействии партизан, полным ходом шел к Березине в направлении Чернявки.

И вот на рассвете 3 июля раздался долгожданный звонок командарма Глаголева:

— В три ноль-ноль передовой отряд 4-й гвардейской танковой дивизии корпуса Бурдейного ворвался в Минск со стороны обсерватории. Войска продвинулись на Свислочь. Вижу на Доме правительства красный флаг!

— Сердечно благодарю, Василий Васильевич! От имени Военного совета фронта поздравляю вас и ваши войска с победой!.. Но смотрите, не столкнитесь с танкистами маршала Ротмистрова и частями 1-го Белорусского фронта, — предупредил генерал Черняховский.

— Я уже связался с теми и другими. Танкисты маршала Ротмистрова дерутся за северную и северо-западную окраины города, а на южной, в Красном Урочище, ведут бои передовые части Рокоссовского — танковый корпус генерала Панова. Завтра окончательно очистим Минск от фашистской нечисти. Приглашаю вас, товарищ командующий, к себе на новый НП — на самом верху Дома правительства.

— Большое спасибо, Василий Васильевич. Пожалуй, не смогу. Войска фронта продвинулись далеко на запад. Так что мне надо спешить вперед. А здесь я всецело полагаюсь на вас. Желаю завтра успешно завершить эту историческую операцию.

Командующий, весело посматривая то на генерала Макарова, то на генерала Покровского, по карте измерил, насколько корпус за сутки продвинулся вперед и как это далеко от Минска. Выходило, уже за Минском свыше восьмидесяти километров.

— Прекрасно, товарищи! Теперь только вперед! — восторженно произнес Иван Данилович. — Теперь, Александр

Петрович, нам здесь делать нечего. Сворачивайте КП и переносите его в Логойск. А мы, — посмотрел он на генерала Макарова, — едем к Крылову.

Но не успел он закончить, как вошел шифровальщик и вручил командующему телеграмму. Он прочитал. Лицо его помрачнело.

— Ну вот, директива Ставки на новую, Вильнюсскую операцию. Так что, Василий Емельянович, наша поездка на сегодня отменяется.

Если до этого времени Черняховский не сомневался (и ему хотелось!) повести фронт на Варшаву, а там — на Берлин, то теперь, с переносом наступления несколько правее, фронт нацеливался на Восточную Пруссию. Это очень огорчало Ивана Даниловича.

— Приказ есть приказ! Так вот, друзья, садитесь — и за дело!

3 июля был опубликован приказ Верховного о том, что войска 3-го Белорусского фронта под командованием Черняховского освободили столицу Белоруссии — Минск. Приказ был адресован и Рокоссовскому, в котором сказано: «...при содействии 1-го Белорусского фронта». Наверное, Ивану Даниловичу в глубине души было приятно, что он взял Минск, а Рокоссовский только «содействовал». (Но это мое, может быть, неуместное предположение.)

Операция «Багратион» была осуществлена четырьмя фронтами с 23 июня по 2 августа 1944 года. Блестящий вклад 3-го Белорусского фронта я описал.

Также успешными были боевые действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, ими руководил маршал Жуков. На первом этапе были стремительно проведены две крупные операции войск этих фронтов — Могилевская и Бобруйская, в результате которых командующие фронтов Рокоссовский и Захаров загнали противника в окружение под Бобруйском.

Обычно операции на окружение совершались путем охвата группировки противника, противостоящей нашим войскам, которая имела прямое соприкосновение с нами на

общей линии фронта. Клещи окружающих войск как бы отсекали из противостоящей обороны огромный массив территории с находящимися на ней войсками. Именно по такой схеме было осуществлено окружение на первом этапе Белорусской операции, о котором сказано выше.

Но маршал Жуков применил совершенно новый, никем ранее не осуществленный вид окружения крупной группировки врага в глубине его обороны.

Высочайшее полководческое мастерство Жукова проявилось в этой операции в полную силу!

Как только состоялось окружение частей 3-й танковой армии противника под Витебском и 9-й армии под Бобруйском, Жуков тут же использовал образовавшиеся бреши, стремительно бросил войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов в преследование в глубь обороны противника и на глубине 200—250 километров захлопнул огромную ловушку, окружив под Минском отступавшие войска и резервы фельдмаршала Моделя! (Вот они-то и маршировали позднее по улицам Москвы под конвоем.)

Такого гигантского «котла» окружения в глубине обороны, в ходе преследования, до Жукова еще никто не осуществлял. Вторая Золотая Звезда заблестела на груди полководца за грандиозную Белорусскую операцию вполне заслуженно!

«Багратион» является одной из блестящих операций в смысле военного искусства. В ней показали свое высокое мастерство Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, его заместитель Г.К. Жуков, талантливые военачальники А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.Д. Черняховский, И.Х Баграмян, Г.Ф. Захаров, командующий 1-й армией Войска Польского С.Г. Поплавский, многие генералы, офицеры, сотни тысяч сержантов и солдат. В результате операции «Багратион» была освобождена Белоруссия, не вставшая за долгие три года на колени перед фашистами. Наши войска, продвинувшись на 500—600 километров, вышли на территорию Польши и к границе с Восточной Пруссией. В ходе операции было окружено несколько группировок противника, и ни одна из них не вырвалась. 17 дивизий и 3 бригады

врага были полностью уничтожены, а 50 дивизий потеряли больше половины своего состава. Германское командование перебросило сюда 46 дивизий с других участков и с Западного фронта, что облегчило англо-американским войскам ведение боевых действий во Франции.

* * *

И опять я вынужден просить извинения у читателей за еще одно «ностальгическое» отступление. Точнее сказать, оно от темы не отступает, имеет прямое отношение к этой главе. Потому что за событиями, которые в ней описаны, я следил по газетным и радиосообщениям. Особенно там, где писали о моей родной 39-й армии и о командующем 3-м Белорусским фронтом Черняховском.

Голова моя была еще в бинтах, и получалось — вроде бы я один из первых, кто пролил кровь в продолжающемся сражении «Багратион».

А Информбюро сообщало сначала об окружении 39-й армией витебской группировки, а затем об уничтожении ее. Приятным для меня (и по сей день) было сообщение о том, что генерал Гольвитцер попал в плен.

В 1977 году, спустя четверть века после тех событий, подарил мне свою книгу «Разведчики всегда впереди» (Воениздат) генерал Волошин Максим Афанасьевич, начальник разведки 39-й армии, который, как сказано выше, рекомендовал меня для выполнения задания разведотдела фронта. В этой книге есть такие строки:

«...мне сообщили, что разведчики 134-й стрелковой дивизии захватили в плен командира 53-го армейского корпуса генерала от инфантерии Гольвитцера и его начальника штаба полковника Шмидта. Я немедленно выехал на КП армии.

Столь важных пленных допрашивал сам командарм Людников. Генерал Гольвитцер оказался довольно разговорчивым. Ответив на заданные ему вопросы, он добавил:

— Вы распознали наши слабые позиции. Русские войска переломили обе ноги, на которых стоял наш корпус. Я не по-

нимаю, откуда у вас могли быть такие подробные сведения о наших частях...

Иван Ильич Людников показал Гольвитцеру карту, составленную нашим разведотделом в период подготовки к операции. На карте была нанесена группировка частей 53-го армейского корпуса и его соседей, система обороны, расположение огневых точек.

Гольвитцер долго и внимательно рассматривал карту. Потом задумчиво проговорил:

— Если бы надписи здесь были на немецком языке, я считал бы, что это рабочая карта, которой я пользовался до начала боев. Впрочем, система огня здесь отражена полнее и точнее».

Вот эти слова и порождают приятные воспоминания, потому что, как мне кажется, имеют и ко мне прямое отношение. Гольвитцер говорит, что пользовался этой картой «до начала боев». А я принес из Витебска фотоснимки, сделанные агентурщиками именно с той карты, которой пользовался «до начала» нашего наступления. И надписи на немецком языке на ней были. При распечатке и размножении этой карты немецкие надписи заменили нашими, русскими.

Так что Гольвитцер узнал свою карту!

Здесь я должен обязательно подчеркнуть свою скромную роль в добыче этих ценнейших данных. Блестяще сработали наши разведчики, которые смогли найти доступ к подлинной карте Гольвитцера и сфотографировать ее. Не знаю, удалось это именно тем разведчикам, с которыми я встречался, или они, как резидентура, имели своих агентов в немецком штабе. Эти детали мне неизвестны. Повторяю, главные герои-исполнители этого очень удачного проникновения к секретам немцев были агентурные разведчики. Я был лишь связной. Официально, если это отражено где-то в документах, выглядит, наверное, так: Карпов получил задание доставить разведданные из Витебска. Задание выполнил. При возвращении ранен.

А все, что вы прочитали в главе «Особое задание», это мои ощущения и переживания. Лирика! Для меня при выполнении

этого задания была, конечно, успешная, опасная работа, но главное, что еще больше запомнилось, это встреча с Черняховским. По тылам немцев я и раньше немало полазил. А вот поговорить с прославленным командующим фронтом — это в памяти на всю жизнь! Тогда, во время беседы с Иваном Даниловичем, я о мелочах не думал, не до того было, шел серьезный разговор о сложном и опасном поручении. Но позднее (да и сейчас) я припоминаю все детали той встречи. Черняховский поздоровался со мной за руку. «Здравствуй, разведчик». Он не вернулся за письменный стол, а сел на диван и показал мне, чтобы я садился рядом. Иван Данилович откровенно меня разглядывал во время разговора. Я был молоденький старший лейтенант, шел мне двадцать второй год. Подтянутый, стройный, с темными усишками под носом. Смею самонадеянно предположить, что я ему понравился. Сужу так смело об этом не только по его доброжелательному тону, но и по его жестам во время разговора: он несколько раз положил свою большую теплую руку на мою, которая лежала на моем колене. Не похлопал, не погладил, а именно мягко положил, подержал, потом убрал и опять положил, ненадолго.

Он понимал, на какое опасное дело посылает этого, по сути дела, еще юношу. После окончания разговора не просто встал, пожал руку, а, не отпуская ее, сделал несколько шагов вместе со мной к двери. И я видел в его добрых глазах самое искренне пожелание успеха.

А отпустив мою руку, сказал:

— Ну, возвращайся благополучно. И помни: мне очень нужны эти сведения!

Приведу завершающие слова из цитаты, взятой в книге Волошина:

«Генерал Людников приказал мне лично доставить пленных в штаб фронта. Сборы были недолгими, и мы тронулись в путь. Впереди — наша открытая машина, следом — машина с охраной».

Добавлю от себя: значит, и Черняховский мог допрашивать Гольвитцера, но, может быть, и не нашел для него

времени — в те дни его 3-й Белорусский фронт взял в плен несколько десятков генералов.

«Все это происходило во второй половине дня 26 июня. А менее чем через сутки части и соединения 39-й и 43-й армий завершили ликвидацию окруженных гитлеровцев.

За четыре дня боев гитлеровцы потеряли убитыми свыше 18 тысяч солдат и офицеров. Свыше 19 тысяч сдались в плен. Только разведчики нашей армии захватили четырех генералов и около шестидесяти старших офицеров. Витебская группировка, в состав которой входило пять вражеских дивизий, перестала существовать».

ОПЕРАЦИИ В ПРИБАЛТИКЕ

Новая директива Ставки войскам 3-го Белорусского фронта приказывала без какой-либо паузы, с ходу разгромить вильнюсскую группировку врага и освободить столицу Советской Литвы Вильнюс. Это была нелегкая задача, требовавшая от уставших и ослабленных длительными боями войск огромного напряжения.

А медлить никак нельзя, враг может превратить город в сильную крепость. Поэтому командующий и штаб фронта, не теряя времени, приступили к планированию Вильнюсской операции.

Главный удар на Вильнюс генерал Черняховский решил нанести: с востока — силами правофланговой армии Крылова, с юго-востока — 3-м гвардейским механизированным корпусом Обухова и 5-й гвардейской танковой армией Ротмистрова.

В центре оперативного построения фронта 11-я гвардейская армия Галицкого должна с рубежа Молодечно, Городок перейти к преследованию противника в направлении наОраны, с последующим выходом к Неману.

Левофланговая армия Глаголева из района Раков и 3-й гвардейский кавалерийский корпус Осликовского, из района Молодечно, наносят удар на Лиду.

Для доведения новых задач до войск и контроля за их выполнением во все армии были направлены офицеры штаба фронта, политического управления и штабов командующих родами войск.

В механизированный и кавалерийский корпуса Обухова и Осликовского Черняховский и Макаров утром 5 июля выехали сами. Подвижным соединениям и на этот раз предстояло быть во главе войск фронта.

Наступал чудесный летний день, теплый, солнечный. Освобожденные от фашистского гнета белорусские города и села наливались новой жизнью. Всюду радостные встречи воинов-освободителей, короткие митинги, пламенные речи, ласковые улыбки, крепкие рукопожатия. Ликовали люди, ликовала природа. Радостно было на душе и у командующего фронтом, и у члена Военного совета.

По всем дорогам на запад широким потоком двигались пешие колонны, тянулись обозы, пылили «студебеккеры» с прицепленными к ним орудиями, неслись затянутые в чехлы «катюши», шныряли юркие штабные «виллисы». Войска шли днем, шли ночью.

На перекрестке дорог Черняховский и Макаров, выйдя из машин, стали пропускать мимо себя колонну одной из частей 11-й гвардейской армии. Завидев генералов, солдаты одергивали гимнастерки, прихорашивались, чеканили шаг.

— Как жизнь, гвардия? — спрашивал Иван Данилович, с любовью посматривая в лица бойцов.

— Хороша, товарищ генерал. Давно такой ожидали, — весело, с улыбками отвечали из строя.

И не было видно на лицах людей ни отпечатка бессонных ночей, ни следов изнурительных походов. Они светились радостью.

— Преклоняюсь перед нашим солдатом, — сказал Черняховский Макарову, направляясь к машинам. — Преклоняюсь перед его мужеством, его упорством в преодолении трудностей, его несгибаемой волей к победе. Три года он шагает вот так: и днем и ночью, в зной и стужу, шагает со своей нераз-

лучной винтовкой или автоматом. Недосыпает, недоедает, но всегда подтянут, бодр и весел, всегда с веселой песней, шутками-прибаутками.

— Да, золотые у нас люди, — подтвердил Макаров. — Разъясни любому, что от него требуется, позаботься о нем по-человечески, и он готов гору свернуть...

Около 10 часов утра Черняховский и Макаров прибыли в штаб 3-го гвардейского механизированного корпуса. Командир корпуса Виктор Тимофеевич Обухов доложил:

— В течение вчерашнего дня и сегодня ночью восстановлено свыше сорока танков и самоходно-артиллерийских установок. Теперь в строю сто сорок пять танков, сто орудий и минометов, более четырнадцати тысяч личного состава. Гвардейский механизированный корпус к выполнению задачи готов.

Черняховский крепко пожал руку энергичному и неутомимому генералу, поблагодарил за отлично выполняемые задачи.

Удар на Вильнюс командир корпуса решил нанести по двум направлениям. Справа, прикрываясь рекой Вилия, должна была действовать 8-я гвардейская механизированная бригада генерала Д.С. Кремера. Слева — по кратчайшему пути — наступали главные силы корпуса.

В частях и подразделениях с большим подъемом прошли партийные и комсомольские собрания, проведены митинги. Вся партийно-политическая работа проходила под лозунгами «Освободим Вильнюс!», «Вильнюс снова будет советским!».

Наступление началось 5 июля в 14.00. Продвинувшись на запад около 60 километров, 3-й гвардейский механизированный корпус вступил на территорию Литовской ССР. На следующий день он вышел на подступы к Вильнюсу и завязал бои на внешнем оборонительном обводе.

Командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Николай Сергеевич Осликовский доложил Черняховскому о ходе боев за Молодечно и попросил предоставить ему на подготовку к выполнению новой задачи хотя бы одни сутки.

— Раньше не успею, — сказал он. — Надо привести части в порядок, а потом мы свое наверстаем.

Время на подготовку Осликовскому было предоставлено. Начав наступление, 3-й гвардейский кавалерийский корпус совершил блестящий марш-маневр к левому крылу фронта. За двое с небольшим суток он преодолел свыше 120 километров и внезапной атакой 9 июля овладел городом и крупным железнодорожным узлом Лида.

Верховный Главнокомандующий в приказе на имя Черняховского объявил кавалеристам генерала Осликовского особую благодарность, а Москва произвела в их честь артиллерийский салют.

В период с 7 по 13 июля внимание Черняховского и штаба фронта было приковано к наиболее важному очагу — району Вильнюса, крупному политическому центру, узлу дорог и баз снабжения, овладение которым позволяло упрочить положение всего правого крыла наступавших на запад Белорусских фронтов.

Гитлеровское командование также придавало большое значение Вильнюсу как важному узлу обороны, превратило город в крепость, сосредоточило в нем свыше 15 тысяч солдат и офицеров, до 300 орудий и 50—60 танков. Из Берлина на самолете прибыл генерал-лейтенант Штагель, который возглавил оборону города. Сюда же подтягивались по железной дороге и воздуху дополнительные резервы.

Напряженные бои за город затянулись на целую неделю. В течение 8 и 9 июля 5-я армия генерала Крылова при содействии 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии продолжала вести уличные бои и в то же время стремилась возможно скорее замкнуть кольцо вокруг вильнюсского гарнизона противника и не допустить подхода к нему резервов.

Немецкое командование, стремясь деблокировать окруженную группировку, сосредоточило в районах Майшёголы, Евье полк мотопехоты и до 150 танков и штурмовых орудий. Днем 9 июля вражеская группировка перешла в контратаку.

О создавшейся угрозе командарм Крылов доложил по телефону Черняховскому.

— Помогите авиацией, — попросил он командующего фронтом.

— Помогу, Николай Иванович, но и сами вы принимайте меры, — сказал комфронта. — Прорваться к городу враг не должен.

Минут через пятнадцать—двадцать уже штурмовали и бомбили около сотни самолетов 1-й воздушной армии. Маршалу Ротмистрову было приказано нанести удар с юга по флангу контратакующей группировки, а командарму 11-й гвардейской Галицкому — ускорить выдвижение своего фланга к Неману.

Прорваться к городу врагу не удалось. Его колонны были скованы ударами нашей авиации и подошедшими частями 72-го стрелкового корпуса.

Вражеский гарнизон Вильнюса, сжимаемый плотным кольцом со всех сторон, был расчленен на части и 13 июля капитулировал. За время боев за город было уничтожено свыше 7 тысяч немецких солдат и офицеров, а 5200 человек захвачены в плен.

«Освобождать столицу Литвы, — вспоминает Маршал Советского Союза Н.И. Крылов, — советским воинам помогали и местные жители. Они указывали замаскированные огневые точки врага, подносили боеприпасы, перевязывали раненых. Когда наши войска вступили в город, одновременно с ними в Вильнюс вошли несколько партизанских отрядов, действиями которых руководил Литовский штаб партизанского движения, возглавляемый А.Ю. Снечкусом.

Еще в городе раздавались выстрелы, а на легендарной башне Гедимина вместе с первыми солнечными лучами взвился красный флаг. Всюду происходили волнующие и радостные встречи советских воинов с трудящимися Вильнюса. Женщины в праздничных платьях со слезами радости обнимали наших солдат и офицеров, преподносили им цветы».

Я прошу читателей обратить особое внимание на описание Крыловым радости и дружелюбия литовцев при встрече Советской Армии. На то, как они ждали ее, как помогали изгнанию фашистов. И сравните это с сегодняшними оскорбительно-безобразными поступками по отношению к армии-освободительнице и ее воинам, проживающим в Литве, Латвии и Эстонии. Воинов, отдавших жизни за освобождение этих республик, нынешние политиканы называют «оккупантами».

Родина высоко оценила мужество и героизм советских воинов, участвовавших в освобождении Вильнюса. Советская столица салютовала им 24 залпами из 324 орудий. Отличившимся соединениям и частям присвоены наименования Виленский.

Разгромив вильнюсскую группировку врага, 5-я армия Крылова к 15 июля своим правым флангом вышла на подступы к Каунасу, а левым выдвинулась к Неману и приступила к его форсированию.

11-я гвардейская армия Галицкого и 31-я Глаголева также выдвинулись своими передовыми соединениями к Неману и начали форсировать реку с ходу под огнем противника. К исходу 15 июля фронт форсирования в районе Алитуса и к югу от него составил 70 километров, а глубина захваченных плацдармов доходила до 7—10 километров.

На стык 5-й и 11-й гвардейской армий Черняховский выдвигал к Неману освободившуюся из-под Минска 33-ю армию, в командование которой вступил генерал-лейтенант С.И. Морозов.

Дальнейшие бои на западном берегу Немана за расширение плацдармов приняли затяжной характер. Немцы перебросили значительные резервы, восстановили сплошной фронт и наладили управление войсками. Враг предпринимал непрерывные контратаки, пытаясь сбросить наши части с занимаемых плацдармов.

...16 июля, оторвавшись от боевых дел, Черняховский и Макаров поехали в Минск на парад партизан.

Парад проходил за разрушенным городом. Находясь на трибуне у большого луга, простиравшегося на берегу Свислочи, генерал Черняховский с волнением смотрел на нескончаемое движение партизан, тех, кто, рискуя жизнью, сообщал фронту ценные сведения о противнике, тех, кто громил фашистские гарнизоны, подрывал пути и пускал вражеские эшелоны под откос, тех, кто встречал и провожал части дивизии фронта по дорогам лесов и болот, захватывал мосты и вместе с саперами строил для наступающих войск переправы.

28 июля поступила новая директива Ставки. 3-му Белорусскому фронту было приказано развивать наступление силами 39-й и 5-й армий и не позднее 1—2 августа ударом с севера и юга овладеть городом Каунас. Всеми силами наступать к границе Восточной Пруссии, выйти к ней не позже 10 августа и прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении Гумбиннен—Инстербург—Прейс-Эйлау.

Полоса наступления 3-го Белорусского фронта расширилась. В его состав Ставка вновь включила 39-ю армию И.И. Людникова, которая располагалась теперь на правом крыле, а на стыке 5-й и 11-й гвардейской армий Черняховский ввел в первую линию 33-ю армию. Но с большим сожалением передал Иван Данилович сроднившиеся с войсками фронта высокоманевренные соединения — 3-й гвардейский кавалерийский корпус 2-му Белорусскому фронту, а 3-й гвардейский механизированный — 1-му Прибалтийскому; тепло распрощался с их прославленными боевыми командирами, Николаем Сергеевичем Осликовским и Виктором Тимофеевичем Обуховым.

Боевые действия войск 3-го Белорусского фронта развернулись на каунасском, гумбинненском и сувалковском операционных направлениях.

Первые два дня наступательных боев желаемых результатов не принесли. Ни на одном из участков фронта нашим войскам не удалось вырваться на оперативный простор.

Общевойсковые армии вышли к Неману значительно обессиленными, с растянувшимися до предела тылами, с

уставшими от длительных боев и походов людьми. Численный состав стрелковых дивизий сократился до 3—4 тысяч человек. Резко снизилась боеспособность и танковой армии. Боевых машин в строю оставалось мало.

В то же время вражеская оборона с каждым днем крепла. Боевые порядки немецких войск уплотнялись подходившими из глубины резервами, возрастала активность вражеской авиации.

Все это Иван Данилович учитывал и, не переставая, вместе со своим штабом продолжал отыскивать у врага наиболее уязвимое место. Такое место было найдено к югу от Каунаса. Предназначенный ранее для развития успеха в полосе 11-й гвардейской армии 2-й гвардейский танковый корпус Бурдейного был срочно, за одну ночь, переброшен в полосу 33-й армии, которая до этого наносила вспомогательный удар.

Утром 30 июля танковый корпус при поддержке артиллерии и пехоты 33-й армии стремительным ударом прорвал немецкую оборону. Продвинувшись за день с боями на 35—40 километров, гвардейцы-танкисты вышли в район Козлова Руда, Пильвишки, отрезали пути отхода на запад каунасской группировке противника и создали для нее угрозу окружения.

Смелый, решительный маневр 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса на коммуникации каунасской группировки создал перелом в ходе боев. 5-я армия Крылова подошла вплотную к городу и крепости Каунас, а 33-я армия Морозова, используя успех танкистов, продвинулась вперед до 25—30 километров.

В 12 часов дня Черняховского вызвала Москва.

— С вами будет говорить товарищ Сталин, — предупредил голос в трубке.

Уже много раз в ходе операции Иван Данилович докладывал Верховному Главнокомандующему и каждый раз испытывал душевную тревогу. Казалось, вот-вот Верховный упрекнет его в чем-то недоделанном, в каком-то промахе. Взволнованно взял трубку и на этот раз.

Но вместо ожидаемого «Как дела под Каунасом?» услышал другое:

— Советское правительство наградило вас второй медалью «Золотая Звезда». Поздравляю. Желаю новых успехов, — как всегда, коротко и по делу сказал Сталин.

От неожиданной вести и поздравления самого «хозяина» долго не мог унять набежавших радостных чувств. Хотел было поделиться новостью с Макаровым, Покровским, Иголкиным, но решил с присущей ему скромностью иначе: «Пусть лучше узнают из газет».

Центральные газеты с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1944 года были доставлены на командный пункт под вечер. В Указе говорилось: «За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленную при этом отвагу и геройство наградить второй медалью "Золотая Звезда" Героя Советского Союза Черняховского Ивана Даниловича, соорудить бронзовый бюст и установить его на постаменте на родине награжденного».

О большой заслуженной награде своего молодого талантливого командующего узнали все войска 3-го Белорусского фронта.

Наступление разрасталось, набирало темпы. 31 июля 33-я армия Морозова овладела Мариамполем, а 5-я армия Крылова завязала уличные бои в Каунасе.

Вечером советское Верховное Главнокомандование объявило по радио приказ генералу армии Черняховскому.

«Войска 3-го Белорусского фронта, — говорилось в приказе, — перейдя в наступление, форсировали реку Неман, прорвали сильно укрепленную оборону противника на западном берегу Немана и за три дня наступательных боев продвинулись в глубину до 50 километров, расширив прорыв до 230 километров».

А на другой день, 1 августа, последовал второй приказ, в котором сообщалось, что войска фронта, сломив сопротивление противника, штурмом овладели городом и крепостью

Каунас — важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев, прикрывавшим подступы к Восточной Пруссии.

И опять салют! И почетные звания. Черняховский искренно поздравлял своих соратников, и казалось, что он их наградам радуется больше, чем своей.

Почетное наименование «Неманского» было присвоено и Добровольческому французскому отдельному истребительному авиационному полку «Нормандия», входившему в состав 1-й воздушной армии. В связи с этим Черняховский тепло поздравил командира полка майора Дельфино и весь личный состав полка и пожелал французским воинам новых боевых успехов.

За первую неделю августа войска правого крыла 3-го Белорусского фронта, преодолев упорное сопротивление противника на рубежах рек Невяжисы и Дубисы, продвинулись до 80 километров и овладели городом Расейняй. Войска центра, наступавшие на гумбинненском направлении, продвинулись на 60—70 километров и заняли важный узел дорог Вилькавишкис. Войска левого крыла вышли на подступы к Сувалкам. До выхода на границу с Восточной Пруссией оставалось каких-нибудь два десятка километров.

Но именно здесь, на ближних подступах к фашистскому логову, снова разгорелась жестокая борьба, потребовавшая от командования и войск больших усилий.

Сильными контрударами танковых дивизий и пехоты на Вилькавишкис и Расейняй немцы овладели этими городами.

Командующему фронтом пришлось произвести частичную перегруппировку, усилить угрожаемые направления артиллерией и перебазировать авиацию.

15 августа войска 39, 5, 33-й и 11-й гвардейских армий возобновили наступление, отбросили неприятеля на 10—15 километров и вновь овладели Вилькавишкисом.

Два дня спустя соединения 5-й армии Крылова вышли на государственную границу с Восточной Пруссией у литовского города Наумиестис, на фронте протяжением 10 ки-

лометров. Первой водрузила знамя на советской границе 184-я стрелковая дивизия генерала Б.Б. Городовикова.

17 августа из состава 3-го Белорусского фронта в 1-й Прибалтийский убыла 5-я гвардейская танковая армия, а 20 августа войска фронта, выйдя на рубеж Расейняй—Наумиестис—Сувалки, перешли к обороне.

Одновременно переходили к обороне и основные силы 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов. Крупнейшая стратегическая операция 1944 года — Белорусская операция — успешно завершилась. В ходе длительного сражения была разгромлена немецкая группа армий «Центр», освобождена Белоруссия, большая часть Литвы, часть Латвии и значительная часть польских земель к востоку от Вислы. Советские войска подошли к границам Восточной Пруссии.

Войска 3-го Белорусского фронта под командованием Черняховского за 58 дней наступления (с 23 июня по 20 августа) продвинулись с боями по прямой свыше 500 километров и во взаимодействии с 1-м Прибалтийским и 2-м Белорусским фронтами полностью освободили от фашистских захватчиков Витебскую, Минскую и в значительной степени Вилейскую и Барановичскую области.

Освобождены столицы союзных республик — Минск и Вильнюс; областные центры — Витебск, Вилейка; города, районные центры и крупные железнодорожные узлы — Орша, Толочин, Лепель, Богушевск, Борисов, Сморгонь, Ошмяны, Лида, Гродно, Алитус, Мариамполь, Каунас, Вилькавишкис и около 12 тысяч других населенных пунктов.

Двенадцать раз за время операции войскам фронта объявлялась благодарность Верховного Главнокомандования.

Многим отличившимся соединениям и частям присвоены наименования освобожденных ими городов, 104 тыс. воинов фронта награждены орденами и медалями.

Таковы краткие итоги боевых действий 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И.Д. Черняховского в Белорусской операции летом 1944 года.

О полководческой деятельности командующего войсками фронта Ивана Даниловича Черняховского, его стиле руководства, росте его боевого мастерства в ходе операции вспоминает ближайший соратник, бывший начальник штаба фронта генерал-полковник Александр Петрович Покровский:

«В решении оперативных вопросов в деятельности И.Д. Черняховского, — пишет он, — обращало на себя внимание умение быстро оценить обстановку и увидеть в ней главное, наиболее существенное. Решения, принимаемые им, отличались оригинальностью и большой смелостью, основанной на высоком знании и тщательных расчетах.

Высокое полководческое искусство И.Д. Черняховского особенно проявилось в период командования им войсками 3-го Белорусского фронта. Смелое вторжение ударной группировки фронта в глубину обороны противника, быстрое ее взламывание, стремительный выход к Березине и далее на оперативный простор являются высоким образцом военного искусства...

В Белорусской операции и в последующем в Восточной Пруссии И.Д. Черняховский проявил себя великолепным мастером проведения крупных наступательных операций. Он как бы повторял образцы своего творчества, показанные на примере 60-й армии, но в большем масштабе. На опыте весьма поучительной Белорусской операции видно было, как раскрывался и мужал талант молодого полководца... И.Д. Черняховский был полководцем-новатором...»

Хочется и мне от себя сказать несколько слов об искусстве полководца. И не только Черняховского, но и вообще о военном искусстве. В книгах о Жукове и Сталине я уже касался этой темы. Здесь повторюсь и продолжу ее с проекцией на искусство Черняховского.

Каждый вид искусства — живопись, скульптура, театр — по-своему вызывает у зрителя положительные эмоции: восхищение мастерством, удовольствие от соприкосновения с талантом, удивление, что может быть достигнуто такое совершенство, и, наконец, нравственное и даже идеологическое воздействие на того, кто видит творение мастерства.

Как же быть с военным искусством? Если оно действительно искусство, то должно оказывать такое же воздействие и вызывать подобный прилив положительных эмоций. На первый взгляд военное искусство таких высоких чувств и взволнованности не вызывает В чем оно проявилось? В беспощадной, грубой схватке людей и техники, обоюдно уничтожающих друг друга. Казалось бы, о каком искусстве может идти разговор, когда льется кровь и гибнут люди? Но, повторяю, это лишь первое, поверхностное, дилетантское, некомпетентное мнение.

Военное искусство имеет все вышеперечисленные привлекательные стороны других видов искусства и даже кое-что сверх того.

Вот доказательства. Возьмем для примера одну из победных операций, ну, хотя бы Минскую наступательную операцию, проведенную Черняховским. Сравним со зрительным впечатлением человека, рассматривающего (тоже беру первый, широко известный пример) картину художника Шишкина «Утро в сосновом бору». Что может про себя отметить простой зритель: красиво, очень похоже, медведи — как живые и деревья — как настоящие. Более искушенный отметит игру солнечного света и восхитится мастерством художника, который сумел масляные краски превратить в свет. Что еще? Многие другие тонкости доступны профессиональным критикам или коллегам-художникам: композиция, содержательность, сюжет, перспектива и т.д.

То же можно повторить в отношении скульптуры, актерского мастерства и... военного искусства.

У военных мастеров своего дела тоже свой индивидуальный стиль, свой почерк, свои особенности в творчестве. И в целом военное искусство и каждое его отдельное произведение вызывают определенные эмоции, как и в других видах искусства — положительные или отрицательные (нравится — не нравится, успешно — неуспешно). Все это присутствует и при оценке творческих результатов полководцев — той же Минской операции.

Но и есть еще кое-что, порождаемое только военным искусством: это радость победы над врагом, приближающая конец войны, гордость за нашего полководца, взявшего верх, одолевшего проклятых фашистов, которые принесли так много горя и страданий советским людям, это, наконец, горькое и сладкое чувство отмщения за погибших родных и близких.

И все эти эмоции в крупных общенародных масштабах. Картина, скульптура, актер на сцене порождают чувство восхищения у сотен, пусть тысяч людей, но только у тех, кто воочию воспринимает искусство этих мастеров.

Военное искусство, как видим, имеет широчайшее воздействие на всех соотечественников, порождает их благодарность, чувство гордости, воспитывает патриотизм, укрепляет веру и прибавляет силы для дальнейшей борьбы с врагом. Вспомните, как всколыхнула нас наступательная операция под Москвой! (После того, как 5 армий попали в окружение, которые предназначались для обороны столицы, а Жуков, по сути дела, на голом месте восстановил фронт.) Опять-таки благодаря своему искусству остановил врага малыми силами, а потом опрокинул и погнал гитлеровцев вспять. Это ли не мастерство полководца, достойное восхищения!

А как расправился Черняховский с «Медвежьим валом»! Не только прорвал его, но и окружил и уничтожил всю витебскую группировку во главе с ее командующим Гольвитцером! Разве это не вызывает восхищения соратников и соотечественников?

Это — операция военачальника с могучим талантом, ясным, смелым мышлением и огромным опытом, творчество его можно вполне приравнять к творчеству гениальных мастеров Брюллова, Репина, Врубеля, Айвазовского, Шаляпина, Вучетича, Игоря Ильинского, Жарова в годы их полного расцвета.

Могут возразить — у каждого из названных мастеров искусства свой стиль, свой почерк, своя индивидуальность.

Согласен! И это присутствует и в искусстве Черняховского. Эту операцию сумел провести только так и только

он. Другой полководец сокрушил бы «Медвежий вал» уже по-своему. И это было бы его индивидуальное творчество.

Военное искусство стоит, как равное, среди других видов искусств. И генерал армии Черняховский Иван Данилович владел им в совершенстве.

Все, от командующего фронтом до рядового бойца, понимали, что использовать оборону и отдых надо с большой для себя пользой.

Перед войсками 3-го Белорусского фронта простиралась Восточная Пруссия. Отсюда фашисты вторглись на советскую землю, здесь в районе Растенбурга находилось «Волчье логово» — ставка Гитлера.

Из состава войск фронта убыла 33-я армия. Взамен ее прибыла 28-я армия, которую возглавляли командарм генерал-лейтенант А.А. Лучинский, член Военного совета генерал-майор А.Н. Мельников, начальник штаба генерал-майор С.М. Рогачевский.

В армиях первого эшелона командованием фронта были произведены перегруппировки: в обороне оставлено крайне необходимое количество соединений, остальные выведены в резерв для отдыха, пополнения, боевой подготовки.

Черняховский с утра до вечера проводил в войсках — вручал соединениям и частям правительственные награды, выступал на совещаниях командного и политического состава, проверял ход оборонительных работ и боевой подготовки.

Во всех частях Ивана Даниловича встречали с большой любовью. Авторитет его среди войск был огромен. А держал он себя, как всегда, скромно и совершенно не терпел славословий по поводу своих личных заслуг. Макаров вспоминает такие эпизоды.

При посещении одной из танковых частей Черняховский увидел свой портрет. Он тут же приказал убрать его, а члена Военного совета попросил, чтобы это не повторилось в другом месте.

А однажды командующему представили на просмотр текст подготовленной для фронтового ансамбля песни. В ней

о Черняховском упоминалось как о смелом полководце и бесстрашном герое. Иван Данилович решительно воспротивился исполнению этой песни.

По ночам кипела работа в штабе. Командующий фронтом вместе с генералами Покровским, Иголкиным, командующими родами войск тщательно изучал новый театр военных действий — Восточную Пруссию, прикидывал возможные варианты будущей операции. Он предвидел — эти соображения скоро от него потребует Генеральный штаб. Так оно и вышло.

В середине сентября Черняховского вызвали в Москву. Подготовленный штабом фронта план наступательной операции Черняховский докладывал Сталину.

Об этом вспоминает уже знакомый читателям однокурсник Ивана Даниловича по артиллерийскому училищу и академии генерал-лейтенант Мернов.

Во время доклада Черняховский намеревался подробно изложить обдуманные и расчетами проверенные варианты действий войск, при этом много внимания уделил укреплениям Восточной Пруссии и группировке противника.

Сталину не понравилось такое начало доклада. Он резко оборвал Черняховского:

— Вы практик хороший, но теоретик плохой. Зачем вы сами себя и нас пугаете укреплениями в Восточной Пруссии? Укрепления любые мы сокрушали не раз! Надо из этого исходить! А не запугивать.

Черняховский сократил доклад. А Сталин успокоился и его решение все же утвердил.

15 сентября Михаил Иванович Калинин вручил Черняховскому Грамоту Президиума Верховного Совета СССР и вторую медаль «Золотая Звезда». Остаток дня Иван Данилович провел у себя на московской квартире вместе с семьей.

Возвратившись в штаб фронта, с головой погрузился в подготовку новой операции по вторжению в Восточную Пруссию.

Сосед справа, 1-й Прибалтийский фронт, перегруппировав свои войска с рижского направления в район Шяуляя,

в начале октября перешел в наступление в направлении на Мемель с задачей выйти на побережье Балтийского моря на участке Паланга—Мемель—устье реки Неман и отрезать путь отхода прибалтийской группировке противника в Восточную Пруссию.

По директиве Ставки «3-й Белорусский фронт с целью содействия 1-му Прибалтийскому фронту должен был правофланговой 39-й армией нанести удар из района Расейняя на Таураге, а южнее Немана подготовить и осуществить удар на гумбинненском направлении, чтобы не дать противнику возможности перебросить отсюда часть сил на мемельское направление».

Накануне наступления Черняховский вместе с генералами Макаровым, Иголкиным, Барсуковым и Хрюкиным побывал у командарма Людникова, чтобы еще раз проверить готовность армии. Знакомые места невольно перенесли командующего фронтом к первым дням войны.

— Здесь, к юго-западу от Шяуляя, я начинал войну и вот снова возвратился сюда, — сказал Иван Данилович своим близким друзьям и соратникам. — Возвратился спустя три с лишним года. Двадцать восьмая танковая дивизия, которой я командовал, и другие наши соединения не смогли тогда отбросить назад вероломно вторгшегося к нам врага. Слишком неравны были силы. Не выполненный ранее долг и до сих пор считаю за собой. Прошу вас, Иван Ильич, — обратился Черняховский к Людникову, — снимите с моих плеч старый долг, сделайте то, чего не удалось раньше сделать ни мне, ни всем нам вместе.

— Будет сделано, товарищ командующий! Тридцать девятая армия не подводила вас, не подведет и теперь, — заверил командарм.

Утром 6 октября армия Людникова перешла в наступление, прорвала оборону гитлеровцев и углубилась за день на 14 километров. В дальнейшем, преодолевая сопротивление врага, соединения армии 10 октября овладели городами Таураге и Юрбаркас, а на следующий день, перейдя государственную границу, первыми из советских войск вклинились

в пределы Восточной Пруссии. Поставленная армии задача была успешно завершена.

К этому времени главная группировка войск 1-го Прибалтийского фронта завершила освобождение территории Литовской ССР к северу от Немана и вышла на морское побережье севернее Паланги, отрезав тем самым основные силы группы вражеских армий «Север» от Восточной Пруссии.

Войска 3-го Прибалтийского фронта во взаимодействии с частями 2-го Прибалтийского фронта 13 октября освободили столицу Латвии Ригу.

А 3-му Белорусскому фронту предстояло нанести главный удар из района Вилкавишкиса на Инстербург с задачей выйти на рубеж Гумбиннен—Гольдап. Этот удар отвлекал силы восточно-прусской группировки противника и способствовал наступлению Прибалтийских фронтов в Курляндии.

Черняховский решил прорвать вражескую оборону мощной группировкой войск в составе 16 стрелковых дивизий 6-й и 11-й гвардейской армий на 20-километровом участке фронта. Затем вводом в сражение подвижной группы и сильных вторых эшелонов пехоты развить успех в общем направлении на Гумбиннен, Инстербург.

В соответствии с этим решением частными оперативными директивами штаба были поставлены задачи армиям. С точки зрения оперативного искусства командованием и штабом фронта при планировании и подготовке операции было сделано все возможное, и в то же время Черняховского ни на минуту не покидало чувство высокой ответственности за выполнение поставленной Ставкой задачи. Войска фронта должны были первыми перенести боевые действия на вражескую территорию. Не выходил у него из головы и последний разговор со Сталиным об укреплениях.

Наступление главных сил фронта началось 16 октября, после двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки.

К исходу первого дня войска 6-й и 11-й армий, сломив сопротивление 1-й восточно-прусской, 549-й и 561-й немецких пехотных дивизий, с тяжелыми боями продвинулись

до 11 километров. Был взят сильно укрепленный опорный пункт Наумиестис, развернулись бои за пограничный немецкий город Ширвиндт.

На следующий день перешли в наступление войска 39-й и 31-й армий.

Черняховский внимательно следил за ходом сражения, помогал командующим армиями деловыми советами, воздействовал на оборону врага сосредоточенными ударами авиации. А когда требовалось личное общение, выезжал к командармам на их командно-наблюдательные пункты.

Бои принимали все более ожесточенный характер. Войска 39-й и 5-й армий отбивали непрерывные контратаки пехоты и танков противника. Вступивший первым в бой в Шталлупененском укрепленном районе 3-й гвардейский корпус 28-й армии под командованием генерала Ф.И. Перхоровича был скован огнем и контратаками и почти не имел продвижения.

Только 11-я гвардейская армия со 2-м гвардейским танковым корпусом Бурдейного продолжали развивать прорыв в обход Шталлупенена и Гумбиннена с юга. Танковый корпус вышел к юго-восточной окраине Гумбиннена, а 31-я гвардейская стрелковая дивизия выдвинулась к р. Ангерапп.

Прорыв пограничного укрепленного района и выход подвижных частей фронта в район Гумбиннена, а пехоты к реке Ангерапп создали для немецкой обороны серьезную угрозу. Гитлеровское командование вынуждено было срочно перебросить в Восточную Пруссию танковые дивизии «Герман Геринг» и «Великая Германия», а также 20-ю и 5-ю танковые дивизии.

Войска главной группировки фронта были скованы контратаками до 500 немецких танков и штурмовых орудий и до двух пехотных дивизий.

О ходе боевых действий в Восточной Пруссии генерал Черняховский ежедневно докладывал в Ставку и с душевным волнением выслушивал замечания Сталина. Очень не везло Черняховскому в последнее время в боях на новом направлении. По радио и в печати приказы с его фамилией давно не появлялись.

Последний раз фронт Черняховского Сталин отметил 1 августа за взятие города и крепости Каунас, а о других фронтах приказы следовали почти ежедневно:

5 августа маршалу Коневу за взятие города Стрый в предгорьях Карпат 1-м Украинским фронтом.

14 августа генералу армии Захарову за овладение городом и крепостью Осовец, прикрывающим подступы к границам Восточной Пруссии.

18 августа маршалу Коневу за взятие Сандомира на левом берегу Вислы.

И многим другим. Дальше привожу только фронты — соседей 3-го Белорусского.

25 августа генералу армии Масленникову за овладение городом и узлом дорог Тарту 3-м Прибалтийским фронтом.

6 сентября генералу-армии Захарову за взятие города-крепости Остроленка на реке Нарев 2-м Прибалтийским фронтом.

3 сентября опять генералу армии Захарову за взятие крепости Ломжа на реке Нарев.

14 сентября Маршалу Советского Союза Рокоссовскому за овладение крепостью Прага — предместья Варшавы на восточном берегу Вислы 1-м Белорусским фронтом.

19 сентября генералу армии Масленникову за овладение городом и крупным железнодорожным узлом Валга 3-м Прибалтийским фронтом.

19 сентября генералу армии Баграмяну за прорыв сильной, глубокоэшелонированной обороны юго-восточнее города Рига 1-м Прибалтийским фронтом.

23 сентября Маршалу Советского Союза Говорову за взятие города Пярну, важного пункта в Рижском заливе Ленинградским фронтом.

8 октября генералу армии Баграмяну — из района Шяуляй прорвали сильно укрепленную оборону и за четыре дня продвинулись вперед до 100 километров, расширив прорыв до 280 километров. (Правда, указано: «...при содействии 3-го Белорусского фронта».)

13 октября генералу армии Масленникову, генералу армии Еременко за овладение столицей Советской Латвии городом Рига 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами.

И наконец-то! 23 октября генералу армии Черняховскому:

«Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали долговременную, глубокоэшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту».

27 октября Черняховский с разрешения Ставки отдал приказ о переходе к обороне на достигнутом рубеже Сударги—Шилленен—Пилькаллен—Вальтеркемен—Голдап—Филлипув—Августов.

Инстербургская наступательная операция 3-го Белорусского фронта с вторжением в пределы Восточной Пруссии завершилась с весьма ограниченными успехами, но обошлась она войскам фронта дорого.

Сталин убедился в том, что для победоносного проведения Восточно-Прусской операции необходимы усилия не одного, а нескольких фронтов и длительная, всесторонняя подготовка. Может быть, он даже подумал, что Черняховский был прав, когда говорил о трудностях преодоления здешних укреплений.

Самое достоверное представление о минувших событиях дают участники или очевидцы этих событий. Поэтому дальнейшее повествование о боях в Восточной Пруссии я поведу с использованием мемуаров генерал-лейтенанта Бойко Василия Романовича. Он мне подарил свою книгу «С думой о Родине», которая издана Воениздатом в 1982 году. В ней автограф:

«Глубокоуважаемому Владимиру Васильевичу, ветерану-однополчанину, на добрую память о годах войны, о добрых наших дружеских отношениях.

С уважением, В. Бойко.

18 октября 1982 г.

Москва».

Бойко обнаружил меня еще на Калининском фронте при посещении нашего 629-го полка. Был он тогда членом Военного совета 39-й армии. Командир полка Кортунов или комиссар Арбузов, наверное, рассказали ему о бывшем штрафнике, который умело охотится за «языками».

Бойко захотел познакомиться со мной поближе. Послали за мной связиста.

Я прибежал в блиндаж командира полка, полковника Кортунова, стал ему докладывать о прибытии, а он мне глазами в сторону показывает. Гляжу, а там сидит генерал, да еще с Золотой Звездой на груди (Бойко был удостоен звания Героя еще в войне с Финляндией). Сначала я оторопел, потом опомнился, начал ему докладывать. Он махнул рукой, брось, мол, формальности, и попросту сказал:

— Здравствуй. Говорят, ранило тебя, а ты в госпиталь не пошел.

— Было дело. Но ранение легкое, не захотел в госпиталь уходить. Оттуда в запасной полк пошлют после лечения. А я не хочу в другой полк. Хочу со своими ребятами остаться.

— Правильно сделал!

Затем он расспросил меня о прежней моей службе и весьма непростой биографии (еще до войны судили меня как «врага народа» за «разговорчики», а на фронт я прибыл в штрафной роте). Нелегко мне и неприятно об этом было вспоминать. А генерал будто все эти мои грехи мимо ушей пропустил и заявляет:

— Мне кажется, Владимир Васильевич, тебе пора подавать заявление о приеме в партию. (Именно по имени-отчеству назвал!)

Я в полной растерянности промямлил:

— Так я же, товарищ генерал, бывший преступник, не примут меня! Судимость хоть и снята, но...

Генерал сердито сдвинул брови.

— А ты не вспоминай про судимость. Коли она снята — значит, ее не было. Какой ты теперь враг — ты друг народа,

вон сколько у тебя наград. Ты для народа и Родины жизни не жалеешь!

— А рекомендации кто даст? Побоятся, наверное, моего прошлого.

— Не сомневайся, боевые друзья знают тебя только с хорошей стороны, дадут рекомендации!

Не один день пребывал я под впечатлением от беседы и поступка генерала Бойко. Кто я для него — один из многих тысяч. Но почему-то он не побоялся ни моего прошлого, ни последствий, которые могли возникнуть в связи с таким его поступком. А они могли возникнуть: поручиться за человека с таким прошлым — это не слова, а именно поступок.

Генерал Бойко письменной рекомендации, указаний на мой счет не дал, но я чувствовал, как дальнейшие перемены в моей жизни пошли под его добрым влиянием. Дали мне рекомендации однополчане.

Мы встречались с Бойко на фронте и особенно часто после войны в Москве, когда оба отслужили в армии, стали пенсионерами. Василий Романович жил на Плющихе, я часто навещал его, и мы, как полагается ветеранам, вспоминали «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Вот воспоминаниями из книги такого близкого мне сослуживца я воспользуюсь (редактируя, сокращая или расширяя, поэтому не ставлю кавычки в тексте), пересказываю, чтобы показать читателям, какие тяжелейшие бои вели войска Черняховского в Восточной Пруссии.

Итак, говорит генерал-лейтенант Василий Романович Бойко, член Военного совета 39-й армии:

«13 января 1945 года в 9 часов утра мощным ударом артиллерии началось наступление войск 3-го Белорусского фронта. В условленное время стрелковые и танковые соединения двинулись в атаку и захватили первые вражеские траншеи. В течение дня они овладели первой позицией, но, встретив упорное сопротивление, не смогли прорвать тактическую зону обороны противника и развить прорыв в глубину. Завязались ожесточенные бои, что внесло существенные

коррективы в планы операции не только в полосе 39-й армии, но и всего фронта. Неудачное начало Восточно-Прусской операции в полосе нашего фронта в некоторых публикациях объяснялось по-разному. Мне, как участнику событий, не все суждения по этому вопросу кажутся убедительными, в связи с чем хочу напомнить некоторые конкретные факты, относящиеся к действиям 39-й армии, усиленной к этому времени 94-м стрелковым корпусом.

Мы с генералом Людниковым утром 13 января заранее прибыли на НП армии. Из докладов командиров следовало, что войска готовы к наступлению. Артиллерийская подготовка началась по плану. Температура воздуха была подходящей — около 8 градусов мороза, снег прекратился. Однако серьезное беспокойство вызывало то, что из-за надвигавшегося плотной стеной со стороны моря тумана видимость снизилась до 50—60 метров, что исключало применение авиации в ведении прицельного артиллерийского огня. Людников доложил об этом обстоятельстве, затруднявшем взламывание обороны противника, командующему фронтом. Генерал Черняховский тоже был этим обеспокоен, но свое решение подтвердил: наступать! Да и сделать что-либо другое было уже невозможно.

После переноса артиллерийского огня наши части сравнительно быстро ворвались в первую траншею, а затем, преодолев упорное сопротивление противника, в острых схватках, доходивших до рукопашного боя, целиком овладели его первой позицией.

Прорвав передний край, подразделения 781-го и 406-го стрелковых полков 124-й дивизии ворвались в крупный узел сопротивления гитлеровцев — город Пилькаллен, овладели его центром, вокзалом, кирпичным заводом.

Высокое искусство боя показали воины 3-го батальона 781-го полка. Захватывая дом за домом, улицу за улицей, они уничтожали мелкие вражеские подразделения, засевшие в подвалах домов. В течение двух часов наши бойцы израсходовали все свои гранаты, пришлось пользоваться трофейными

гранатами, в изобилии попадавшимися на улицах. Батальон успешно продолжал уличный бой.

Во второй половине дня все соединения армии отражали многочисленные контратаки противника и дальнейшего продвижения не имели.

Ночью противник подтянул свои резервы в район Пилькаллена, где у нас наметился успех, и утром 14 января, упредив наши войска, нанес удар двумя полками, усиленными танками, в стык 19-й гвардейской и 124-й дивизий, потеснив их части на 200 метров. Однако, понеся большие потери в живой силе в танках, гитлеровцы выдохлись. Их контратаки были массированными, но недостаточно организованными. Это объяснялось тем, что среди немецко-фашистских солдат, судя по составу взятых в плен, оказалось много стариков и безусых юнцов — фольксштурмовцев. Они упорно сопротивлялись в траншеях, но не умели действовать в контратаках. Тем не менее гитлеровцам, не считавшимся с потерями, удалось затормозить наше продвижение.

Три дня не совсем удачных наступательных боев были для Военного совета, командиров и политорганов большим уроком. Стало ясно, что хотя в боевом и моральном отношении противник надломлен, чтобы его разгромить, нужен еще более сильный удар. Следовало лучше увязать действия стрелковых частей первой линии с артиллерией, огонь которой с улучшением погодных условий стал более эффективным.

16 января я был в частях первого эшелона 17-й и 19-й гвардейских дивизий и видел, как смело и бесстрашно гвардейцы атаковали вражеские позиции. Части 124-й дивизии во взаимодействии с 19-й гвардейской полностью овладели Пилькалленом. Это был первый большой восточно-прусский город, над которым воины нашей армии водрузили победный красный флаг. Здесь, завершив прорыв главной полосы обороны противника, они вклинились во вторую полосу фашистских «неприступных» укреплений.

Взяв Пилькаллен, войска 39-й армии вбили клин в оборону врага. Чтобы расширить эту брешь, генерал Людников

принял решение ввести в прорыв 28-ю танковую бригаду и танковые полки и этими силами под руководством командующего бронетанковыми и механизированными войсками армии полковника А.В. Цинченко нанести удар в общем направлении на Хенснишкенен и развить его в оперативную глубину. К этому времени погода улучшилась, и фронтовая авиация наносила бомбовые удары, эффективно помогая нашим частям.

Под угрозой окружения фашистское командование срочно начало отводить противостоявшие нам соединения 9-го армейского корпуса на правый берег реки Инстер. Наша разведка сразу заметила этот отход, и в ночь на 17 января командарм Людников приказал всем войскам армии, в том числе 152-му укрепленному району, перейти в решительное наступление.

Командующий фронтом генерал Черняховский решил немедленно использовать успех 39-й армии. В ее полосу был выдвинут и западнее Пилькаллена в стыке 5-го гвардейского и 94-го стрелковых корпусов, 18 января введен в прорыв 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова. Командующий фронтом поставил ему задачу наступать в общем направлении на Хенснишкенен и во взаимодействии с соединениями 113-го стрелкового корпуса и войсками 43-й армии овладеть городом Тильзитом.

Танкисты сразу взяли высокие темпы. Успешно действовали по всему фронту и другие соединения армии.

Противник, используя промежуточные рубежи и бесчисленные отсечные позиции, систему развитых каналов, крупных населенных пунктов и фольварков, по-прежнему оказывал упорное сопротивление. Погода ухудшилась, пошел снег, началась метель, наступать снова приходилось без авиационной поддержки. Но никакие помехи не смогли остановить наших воинов. Вечером 18 января в полосу армии вошел 2-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта А.С. Бурдейного. Это придало наступлению еще большую силу и размах. К исходу дня соединения 5-го гвар-

дейского и 94-го стрелковых корпусов вышли к инстербургскому рубежу обороны противника.

Мы делали все возможное, нажимали, как говорят, на все педали, чтобы войска действовали без задержки и с ходу овладели этим рубежом.

За годы войны я много раз близко, из расположения полков, наблюдал момент перехода в атаку. Как часто раньше приходилось видеть, что пехотинцам не хватало артиллерийской поддержки. Теперь на нашей стороне было все, что надо, — высокая точность и четкость артиллерийского огня, возросшая поражающая сила, а главное — достаточное количество снарядов, чтобы подавить любое сопротивление противника.

Форсировав реку Инстер, воины полка, прикрываемые густой пеленой снега, двигались безостановочно, как говорят, в поте лица, а нам казалось, что шли они слишком медленно. Хотелось даже крикнуть: «Родные, дорогие наши воины! Прибавьте, еще прибавьте шагу!» Но часы показывали, что времени прошло еще мало, значит, темп движения был и без того высоким.

Разгорелся бой в траншеях первой позиции обороны противника. Гитлеровцы предприняли в ряде мест отчаянные контратаки. Но под ударами нашей наступающей пехоты и от огня артиллерии они откатывались назад с большими потерями.

В результате героических усилий наших воинов инстербургский рубеж был взят и надежно закреплен. Это была замечательная победа.

Часы наступления, которые я провел в боевых порядках частей, были полны тревог, напряжения, радости. В течение дня я дважды побывал на правом берегу реки, не один раз добрым словом старался поддержать боевой настрой воинов, ободрить командиров. А вечером, возвращаясь на КП дивизии, я так устал, что уже не мог двигаться по глубокому снегу. Обессилев, был вынужден сесть на попутные санитарные сани и вместе с ранеными добираться до КП.

Здесь я узнал только что поступившую весть: приказом от 19 января 1945 года Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам 3-го Белорусского фронта, прорвавшим оборону гитлеровцев в Восточной Пруссии, в том числе войскам и нашей армии. Москва в тот вечер салютовала доблестным воинам, одержавшим эту победу.

Усталости моей как не бывало.

Иван Ильич сообщил, что по решению генерала Черняховского в полосе армии вводится второй эшелон фронта — 11-я гвардейская армия генерала К.Н. Галицкого. Ее соединения уже начали выдвижение в полосы 94-го и 5-го гвардейского стрелковых корпусов и вскоре вступят в сражение. Командующий фронтом, узнав, что мы с заместителем командарма находимся в войсках, приказал помочь корпусам в обеспечении ввода соединений 11-й гвардейской армии.

Задача была чрезвычайно важная. Связавшись с командиром 94-го корпуса генералом Поповым, мы безотлагательно приступили к ее выполнению. Скажу, что той ночью все прошло благополучно. Теперь на этом направлении создавались еще более благоприятные условия для развития наступления в глубину обороны противника на укрепленный рубеж на р. Дайме, а затем и на Кёнигсберг.

Утром 20 января командир одного из корпусов 11-й армии, находившийся на НП нашего 94-го корпуса, доложил, что его соединения перешли в наступление, и он благодарит генерала Попова и командование 39-й армии за оказанное содействие при вводе в бой. Я позвонил Ивану Ильичу и информировал его об обстановке в полосе корпуса. Через 15—20 минут он сам позвонил мне и сказал, что Черняховский доволен развитием событий на инстербургском рубеже и выразил большое удовлетворение действиями наших войск и обеспечением ввода в бой 11-й гвардейской армии.

— Теперь выезжай, и как можно скорее, — сказал командарм в заключение. — Есть вопросы, которые нужно срочно решать.

Дело было в том, что местное население, эвакуировавшееся по приказу гитлеровского командования в большой спешке, бросало свой скот. Коровы были привязаны в стойлах, их никто не кормил и не поил более трех суток. При подходе к населенным пунктам воины слышали душераздирающий рев. Было дано указание за счет вторых эшелонов и тыловых подразделений создать команды по три—пять человек, которые займутся брошенным скотом. Мы договорились, что к этому вопросу должен срочно подключиться начальник тыла полковник Зорин.

20 января войска армии во взаимодействии с 1-м танковым корпусом овладели городами Гросс-Скайсгиррен, Ауловенен, Каукемен — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами противника на кёнигсбергском направлении. Верховный Главнокомандующий в своем приказе вновь благодарил за отличные боевые действия соединения и части нашей армии, участвовавшие в овладении этими городами.

После овладения инстербургским оборонительным рубежом войска армии вышли на оперативный простор и продолжали успешное наступление. Боевые действия наших частей и соединений отличались большой динамичностью, умелым маневрированием на обход и охват опорных пунктов обороны противника, эффективным использованием артиллерии, танков и авиации. Этот этап операции был характерен также проведением ночных боев.

Серьезного внимания требовала организация встреч и эвакуации освобожденных из фашистской неволи советских людей, которых становилось все больше.

При взятии населенных пунктов на инстербургском рубеже были освобождены около 200 советских граждан. Даже их внешний вид говорил о том, сколько мук и лишений, особенно женщинам, принесла фашистская каторга.

Одна из волнующих встреч произошла в боевых порядках 52-го гвардейского полка. Воины с ходу ворвались в населенный пункт Зеехунд. Навстречу им выбежали две

женщины, измученные, исстрадавшиеся в фашистской неволе. Они были из Гомельской области. Чтобы понять всю тяжесть их горя и страданий, достаточно сказать, что обе они до войны имели детей: Лихматова Нина — одного ребенка, Круторенко Ульяна — четырех. Лишь большими усилиями, теплым и сердечным отношением удалось вывести этих женщин из страшного состояния слез и рыданий. Они рассказали, что в числе многих жен военнослужащих их в сентябре 1941 года вывезли в Польшу, а в январе 1943 года продали помещикам в Восточную Пруссию, по 150—200 марок за каждую. Всего было продано 2500 женщин. Эту операцию проводил «начальник пункта формирования рабочей силы» некий Арбийсан Шмидт. До продажи эсэсовцы в лагерях морили женщин голодом, избивали. Потом началась каторга у помещиков. Рабочий день длился от темна до темна. За малейшее ослушание били плетьми. И вот теперь конец неволи! Теперь скорее узнать, что сталось с детьми!

Гвардейцы накормили и одели женщин, оказали медицинскую помощь, организовали их отправку на родину. Такая же забота проявлялась и во всех других случаях.

Состоялись встречи и совсем другого порядка — встречи с немецким населением. Часть жителей не успела эвакуироваться, другие держались за свое хозяйство и не могли его оставить, а некоторые сознательно оставались на территории, занимаемой Красной Армией. Во всем этом приходилось разбираться, оказывать содействие оставшимся людям в налаживании жизни в новых условиях. Я не помню случая, чтобы наши воины давали волю чувству мести в отношении этих безоружных жителей.

Военный совет с большим удовлетворением отмечал, что воины армии, несмотря на всю ненависть к гитлеровцам и их государству, правильно понимают политику Коммунистической партии в отношении немецкого народа...

Вот такие воспоминания, впечатления и суждения генерала Бойко, участника первых боев на территории Германии.

Дальше начинались бои на подступах и за сам Кёнигсберг.

До столицы Восточной Пруссии оставались теперь считанные десятки километров. Но фронтовые дороги измеряются не только километрами. Каждый шаг на пути к Кёнигсбергу будет даваться с боем. Предстояло прежде всего преодолеть особенно сильно укрепленный рубеж гитлеровцев на реке Дайме.

Скоротечный, но очень напряженный бой разгорелся еще на подступах к Дайме — за город Жиллен, важный узел шоссейных и железных дорог. Соединения 5-го гвардейского и 94-го стрелковых корпусов обошли город с севера и юга, перерезали железную дорогу, создав реальную угрозу окружения оборонявшихся здесь гитлеровских частей. Противник предпринял яростные контратаки, правда, небольшими силами, а когда они были отбиты, поспешно отступил. 662-й полк 124-й дивизии овладел городом.

К исходу 21 января войска 39-й армии, продвинувшись за двое суток в глубину до 40 километров, на широком фронте вышли к Дайме. Что же это за река Дайме, под защиту которой отступила армия гитлеровцев? Эта маленькая речка протяженностью всего 40 километров и шириной 30—40 метров вытекает из реки Прегель и впадает в Куршский залив (Куришес—Хафф). Ее словно нарочно тут поместили, чтобы прикрыть с востока подступы к Кёнигсбергу. Дно у нее очень илистое. Когда мы, захватив ее западный берег, построили мост, то при прохождении по нему первого же танка сваи стали оседать, хотя забивались они на глубину шести метров. Поэтому переправлять танки и всю тяжелую технику пришлось на паромах и по наплавному мосту. Свайный же мост пригодился только для автотранспорта и легкой артиллерии. Главным препятствием для наших войск являлся укрепленный район на западном берегу Дайме, который рассматривался гитлеровцами как внешний рубеж обороны Кёнигсберга. Он был плотно насыщен дотами постройки еще 1914 года, значительно усиленными позднее опорными пун-

ктами с круговой обороной и довольно развитой системой траншей и ходов сообщения.

В ночь на 22 января части, достигшие восточного берега реки, отдельными подразделениями форсировали ее, вышли на западный берег и закрепились там. Большую помощь в этом им оказали воины армейской 32-й инженерно-саперной бригады, всех саперных подразделений. Их боевой деятельностью по проделыванию проходов во вражеских минных полях на берегах Дайме и организации переправ непосредственно руководили начальник инженерных войск армии полковник В.Ф. Тимошенко и командир бригады И.Т. Пархомчук. Перед командирами соединений Черняховский поставил задачу: в течение ночи подтянуть артиллерию, в том числе тяжелую, выдвинуть орудия на прямую наводку, как можно больше подвезти боеприпасов. Это было сделано.

22 января сражение за рубеж развернулось с полной силой.

Артиллеристы находились в боевых порядках стрелковых частей, сами видели, где в первую очередь нужна их помощь, и быстро направляли туда огонь — точный, если надо, массированный. Наступающих поддерживали огнем и танки — как те, что были еще на восточном берегу, так и успевшие переправиться.

Но самое большое впечатление у командующего фронтом оставляли пехотинцы. В едином наступательном порыве они двигались вперед — короткими перебежками по земле, длинными — по льду, ползком перед огневыми точками противника, метр за метром отвоевывая противоположный берег с его мощными сооружениями. Он видел, как с ходу форсировали Дайме и завязали бой на западном берегу отдельные подразделения 19-й гвардейской дивизии. А потом, вклинившись в оборону противника, фланговыми ударами начали захватывать один дот за другим.

После преодоления Дайменского рубежа Черняховский занялся планированием одной из труднейших операций — взятие Кёнигсберга.

На карте решение выглядело просто: 39-я армия Людникова обходит Кёнигсберг с севера и северо-запада, 11-я гвардейская армия Галицкого обходит с юга и юго-запада. Соединившись, эти армии осуществляют окружение Кёнигсберга, а затем штурмом овладевают им.

5-я армия и 5-я гвардейская танковая армия совместным ударом отрезают противника от моря и лишают его поддержки извне.

Штаб оформил решение, разослал директиву армиям. Началась обычная подготовительная работа.

26 января Черняховский прибыл на командный пункт Людникова.

— Я думал искать вас в районе Кёнигсберга, — сказал Иван Данилович, — а вы до сего времени сидите под Гольдбахом.

— В Кёнигсберг противник не пускает, — ответил в том же духе Людников.

— Ну вот и доложите, как же это он так не пускает вас в город.

Все данные о противнике Черняховский выслушал очень внимательно, сверяя их со своей картой и уточняя ее. Затем он провел такую же работу с командующим 11-й армией Галицким.

Иван Данилович вернулся в штаб фронта, чтобы отдать необходимые распоряжения. На КП вот уже второй день ждала его возвращения с переднего края жена, приехавшая к нему погостить.

Анастасия Григорьевна в домике для командующего успела создать такой уют, какой был возможен во фронтовых условиях. После длительного пребывания в поле в февральскую пронизывающую стужу Ивану Даниловичу было приятно войти в теплый дом и радостно встретиться с супругой.

17 февраля вместе порадовались очередному приказу Верховного, который благодарил командующего фронтом Черняховского и начальника штаба Покровского:

«Войска 3-го Белорусского фронта, продолжая сжимать кольцо окружения восточно-прусской группировки противника, штурмом овладели городами Вормдитт и Мельзак — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев».

Вечером, когда по радио транслировали московский салют, Анастасия Григорьевна сказала:

— Наверное, Нилочка и Алик любуются фейерверком и говорят друзьям: это нашему папе салютуют!

Но время пролетело быстро, снова надо было отправляться на передовую.

— Ваня, погода очень плохая, хватит тебе мерзнуть в шинели, надень, пожалуйста, бекешу и теплый свитер, — забеспокоилась Анастасия Григорьевна.

— Надену, Тасенька. А за меня не волнуйся, все будет в порядке. Завтра вернусь, постарайся, чтобы баню изготовили, с веничком.

— Я буду очень ждать...

Утром 18 февраля он снова выехал в боевые порядки дивизий 5-й армии, чтобы все увидеть самому на местности.

Настало время возвращаться.

— Товарищ командующий, по плану мы должны теперь ехать на КП фронта, — напомнил сопровождающий его, как всегда, Комаров.

— Нет, надо еще проверить соединения армии генерала Горбатова, — сказал Иван Данилович. — Так что домой приедем только к вечеру. Позвоните командиру корпуса, пусть вышлет навстречу офицера связи.

Через несколько минут Комаров доложил об исполнении.

— Теперь едем!

Автомобиль командующего тронулся по шоссе в ту сторону, где находился командно-наблюдательный пункт командира корпуса. На перекрестке дорог увидели высланного им сопровождающего. Он на своей машине поехал впереди. Не успели проехать и двух километров, как в десяти—пятнадцати

метрах сзади машины Черняховского разорвался тяжелый снаряд. Дым взрыва быстро рассеялся, наступила тишина. Грохнул один-единственный снаряд.

— Алеша, я ранен! — позвал Черняховский.

— Сверни с дороги! — крикнул водителю Комаров и выскочил из машины. Приоткрыв дверцу, бросился к Ивану Даниловичу. — Товарищ командующий! Сейчас все сделаем.

Через минуту он бережно бинтовал Черняховского.

Комаров сразу же понял: Иван Данилович ранен очень тяжело. Скрипя зубами от боли, чуть приоткрыв глаза, командующий смотрел в хмурое зимнее небо. Он тихо сказал:

— Душа Алеша, я умираю...

Рана была большой. Комаров наложил несколько бинтов, чтобы скорее остановить кровотечение, но оно продолжалось.

Подъехал командующий 3-й армией генерал Горбатов. Он и Комаров привезли Черняховского в ближайший медсанбат. Врачи очистили рану, сделали перевязку, переливание крови и уколы.

Иван Данилович был в сознании. Густые брови его сдвинуты к переносице. Голос прерывался. На лбу выступил холодный пот.

— Товарищ командующий, врачи говорят — все будет в порядке! — попытался Комаров ободрить раненого. Тот обессиленно закрыл глаза.

Черняховского положили в санитарную машину. Вместе с ним в госпиталь поехали сопровождающий врач и Комаров.

Позднее Алексей Иванович Комаров вспоминал: «Я не верил, что смерть может так быстро оборвать жизнь Черняховского. Сколько раз на моих глазах она проходила мимо Ивана Даниловича. Неужели сейчас, на пороге окончательной победы, это может случиться?

Но рана оказалась смертельной. "Не хочу умереть в постели, предпочитаю погибнуть стоя в жарком бою", — высказал как-то Черняховский желание. Он умер именно так, как хотел.

На пути в госпиталь Черняховский скончался. Я видел, как закрылись глаза командующего. Глядя в ставшее таким спокойным лицо генерала, я, не сдерживая слез, думал: "Почему он назвал меня "душа Алеша"»? И вдруг вспомнил, что Багратион своего адъютанта называл "душа Алеша". Да, Багратион умер на руках у Алеши Алферова. А Иван Данилович — на моих руках. И надо же было такому случиться!..»

Прощание боевых друзей с Черняховским проходило на командном пункте фронта.

...В зал вносят боевые знамена стрелковых, танковых, артиллерийских и авиационных частей, среди них алые полотнища с гвардейскими лентами. К гробу в почетный караул встают Макаров, Покровский, Иголкин, Хрюкин, Барсуков... командующие армиями генералы Крылов, Людников, Галицкий... командиры дивизий, полков, кому обстановка на передовой позволила отлучиться для прощания с любимым командующим. Прошли мимо гроба представители от соединений и частей. Их лица суровы.

Три часа длилось скорбное прощание. После траурного митинга воины пошли в бой, чтобы с еще большей яростью штурмовать вражеские укрепления и отомстить за своего командующего.

В командование 3-м Белорусским фронтом по приказу Верховного вступил маршал Василевский. Он поставил войскам задачу — основательно подготовиться к решающему штурму Кёнигсберга. И войска, отлично подготовленные Черняховским, эту задачу выполнили!

ГЛАВА СКОРБИ
(написана с использованием публикаций в газетах)

19 февраля 1945 года на первой полосе «Правды» — большой портрет Ивана Даниловича Черняховского в траурной рамке и правительственное сообщение:

Совет Народных Комиссаров СССР, Народный Комиссариат Обороны СССР и Центральный Комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают, что 18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии.

В лице тов. Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны.

Похороны генерала армии Черняховского И.Д. состоятся в городе Вильнюсе — столице Литовской Советской Социалистической республики, освобожденной от немецких захватчиков войсками генерала армии Черняховского. Похороны принять за счет государства. Память генерала армии Черняховского И.Д. увековечивается сооружением ему памятника в городе Вильнюсе».

На следующий день опубликован Приказ Верховного Главнокомандующего:

«Сегодня, 20 февраля, в 17 часов в столице Советской Литвы городе ВИЛЬНЮС (Вильно) состоятся похороны генерала армии ЧЕРНЯХОВСКОГО И.Д., командовавшего войсками 3-го Белорусского фронта.

Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом ЧЕРНЯХОВСКОГО и отдают честь одному из лучших полководцев Красной Армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

В час погребения генерала армии ЧЕРНЯХОВСКОГО отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют

в 24 артиллерийских залпа из ста двадцати четырех орудий.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН
20 февраля 1945 года.

Некролог, подписанный крупнейшими советскими военачальниками, читайте в прилагаемой ксерокопии.

20 февраля в 10.00 траурный поезд подошел к перрону Вильнюсского вокзала. Протяжные паровозные гудки возвестили о прибытии в столицу Советской Литвы останков выдающегося полководца, командующего 3-м Белорусским фронтом, дважды Героя Советского Союза генерала армии Ивана Даниловича Черняховского.

Древний литовский город, освобожденный от немецких захватчиков войсками генерала Черняховского, оделся в траур. На зданиях — траурные флаги, повсюду вывешены экстренные выпуски газет. Освобожденные из фашистской неволи, трудящиеся столицы Советской Литвы вместе со всеми народами Советского Союза скорбят о тяжелой утрате.

Для встречи праха генерала армии Черняховского на вокзал прибыли руководители правительственных и партийных организаций, командиры воинских частей, представители промышленных предприятий.

Боевые товарищи покойного выносят гроб из вагона и устанавливают на автомобиль. Траурная процессия по запруженным народом улицам медленно движется к центру города — зданию Совнаркома Литовской ССР.

Через главный зал Совнаркома, где был установлен гроб, сплошным потоком шли рабочие, служащие, офицеры и солдаты, женщины, дети, старики, молодежь. Прощание с героем и освободителем длилось несколько часов. Всего прошли более восьмидесяти тысяч жителей Вильнюса.

Каждые пять минут менялся почетный караул. В последнюю смену встали М.А. Суслов, Ю.И. Палецкис, М.А. Гед-

вилас, представитель Ставки генерал-полковник Ф.Ф. Кузнецов, генералы Макаров, Казбинцев.

В 15 часов доступ в зал прекратился. У гроба остались семья покойного, близкие фронтовые друзья Ивана Даниловича, руководители партии и правительства Советской Литвы.

...Траурная процессия направляется по запруженным народом улицам. Множество венков. Впереди — от Центрального Комитета Коммунистической партии, от Совнаркома СССР, Генерального штаба Советской Армии. Вслед за венками генералы 3-го Белорусского фронта несут на шелковых подушечках две Золотые Звезды Героя Советского Союза, орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени и орден Богдана Хмельницкого I степени, многочисленные медали — боевые награды полководца.

Похороны состоялись на площади Ожешкенес, где покоились вечным сном герои боев за освобождение Вильнюса. У свежевырытой могилы в центре площади гроб устанавливается на постамент.

Траурный митинг открыл председатель Совнаркома Литовской ССР Гедвилас. Слово предоставляется члену ЦК ВКП(б) М.А. Суслову.

— С глубоким прискорбием и большой болью, — говорит он, — мы прощаемся сегодня с верным сыном большевистской партии, пламенным патриотом великой Родины, доблестным полководцем Красной Армии генералом армии Иваном Даниловичем Черняховским, погибшим на поле боя с немецко-фашистскими захватчиками...

(Я сокращаю речь Суслова и, надеюсь, по понятным читателям причинам привожу полностью выступление товарища Палецкиса.)

Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю.И. Палецкис сказал:

— Имя дважды Героя Советского Союза генерала армии Черняховского связано с освобождением Советской Литвы

и ее древней столицы от немецко-фашистских захватчиков. Велика любовь и благодарность литовского народа прославленным воинам Третьего Белорусского фронта и его ныне покойному командующему генералу армии Черняховскому.

Как скорбно, что в канун долгожданной окончательной победы мы стоим перед могилой этого выдающегося полководца. Он погиб на поле брани, отдал жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Но не умрет его слава, не померкнет память о нем. Над этой могилой литовский народ дает торжественную клятву: довести до конца великое и справедливое дело, за которое боролся и погиб генерал армии Черняховский, быть верными патриотами своей Родины, отдать все силы ради счастья ее и процветания.

На траурном митинге выступили руководители партии и правительства Литовской ССР, генералы, представители трудящихся Вильнюса. Все они дали торжественную клятву навечно сохранить память о Черняховском и довести до конца великое и справедливое дело, за которое он боролся и погиб, клялись отдать все силы для счастья и процветания нашей Родины.

Митинг закрыт. На огромной площади, полной народа, воцаряется тишина. Гроб медленно опускается в могилу. Раздается ружейный залп, и, как эхо, радио разносит по площади гром прощального артиллерийского салюта.

Тридцать два раза салютовала Москва войскам 60-й армии и 3-го Белорусского фронта, которыми командовал Иван Данилович Черняховский. Тридцать третий салют Родина произвела, прощаясь с прославленным и любимым полководцем.

В Вильнюсе был воздвигнут памятник работы скульптора Н.В. Томского — на башне танка в полный рост стоит величественный Иван Данилович. Простоял этот памятник несколько десятилетий. Жители Вильнюса приносили к нему цветы в памятные даты, а то и в будни.

Но вот пришли смутные времена, разрушители Великой Советской Державы привели к власти фашистских недобит-

ков. Теперь по улицам прибалтийских республик маршируют с эсэсовскими знаменами гитлеровские прислужники.

Советские воины объявлены не освободителями, а оккупантами. Ветеранов войны и советских граждан, живущих на территории Прибалтики, бывших советских республик, всячески оскорбляют, преследуют, изгоняют. Могилы погибших воинов оскверняют. Памятник Черняховскому стал в Вильнюсе неуместен. Решением Российского правительства он перенесен в Воронеж, который так же, как Вильнюс, освобождал генерал Черняховский.

Но память об Иване Даниловиче от этого не поблекла: живет и процветает переименованный в его честь город Черняховск в Калининградской области (бывший Инстербург, который он освобождал с тяжелыми боями).

Именем полководца названы улицы в больших и малых городах, в том числе в Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Киеве, Одессе, Калининграде и других, совхозы и колхозы (среди них колхоз в его родном селе Оксанине), школы, детские учреждения и организации. Четыре российских корабля с именем легендарного полководца на борту — три теплохода и рыболовецкий супертраулер — бороздят моря и океаны. Приказом министра обороны Союза ССР от 4 мая 1954 года И.Д. Черняховский навечно зачислен в списки первой батареи Киевского ордена Ленина Краснознаменного артиллерийского училища имени С.М. Кирова.

Не случайно я назвал эту главу скорбной. Мы, особенно однополчане Черняховского, и вообще все фронтовики скорбим не только по поводу безвременной утраты великого полководца, но и подлейшего искажения истории и надругательства прибалтийских эсэсовцев и их покровителей над прахом освободителя Вильнюса и всей Литвы.

Пришлось перезахоронить генерала армии Черняховского!

19 ноября 1991 года в Москве на Новодевичьем кладбище состоялась траурная церемония перезахоронения праха

дважды Героя Советского Союза генерала армии Ивана Даниловича Черняховского.

«Не смогли, не сумели сберечь...» Эти слова стучат и стучат в висках.

Новые правители изгнали из Литвы Ивана Черняховского, поделив не только заводы, границы, порты, но и могилы.

«Прости нас... Прости нас, Иван Данилович!» — шептали литовские седые ветераны и молодые люди, пришедшие 16 ноября 1991 года в Вильнюсский Дом офицеров в последний раз поклониться генералу армии.

«Прости нас, Иван Данилович! Вечная тебе память и земной поклон от всех честных литовцев, кто не потерял совесть и память», — писали в своем соболезновании, опубликованном в «Известиях», литовские ветераны-патриоты.

Прах воина с благоговением приняла Россия.

Состоялся траурный митинг и церемония перезахоронения. Печально играл оркестр. Звучали речи. Плыл над кладбищем малиновый благовест церковных колоколов. Гремел прощальный воинский салют. Последний поклон отдали полководцу фронтовики-ветераны, армия, ее солдаты, офицеры и генералы, жители Москвы, России.

Нашел наконец Иван Данилович вечное успокоение в родной земле, рядом со своими боевыми соратниками, погребенными здесь же на Новодевичьем: самые близкие ему на 3-м Белорусском фронте — начальник штаба генерал-полковник Покровский Александр Петрович (умер в 1975 г.), члены Военного совета, генерал-лейтенант Макаров Василий Емельянович (умер в 1975 г.), генерал-полковник Крайнюков Константин Васильевич (умер в 1975 г.); командующие армиями, которые после гибели Черняховского выросли в крупных военачальников: дважды Герой Советского Союза генерал армии Батов Павел Иванович, дважды Герой Советского Союза генерал армии Москаленко Кирилл Семенович (умер в 1985 г.), Герой Советского Союза генерал армии Галицкий Кузьма Никитович (умер в 1974 г.), Герой Советского

Союза генерал армии Горбатов Александр Васильевич (умер в 1973 г.), Герой Советского Союза генерал армии Лащенко Петр Николаевич (умер в 1992 г.), генерал армии Лучинский Александр Александрович (умер в 1990 г.).

Здесь же покоятся командующие фронтами, под руководством которых служил и рос как военачальник Иван Данилович: Маршал Советского Союза Голиков Филипп Иванович (умер в 1980 г.), Маршал Советского Союза Курочкин Павел Алексеевич (умер в 1989 г.). (Маршал Рокоссовский К.К. и генерал армии Н.Ф. Ватутин погребены в Кремлевской стене.)

Не буду перечислять других соратников — танкистов, летчиков, артиллеристов, их много, они отмечались вместе с Черняховским в благодарственных приказах Верховного Главнокомандующего.

И вот теперь, свершив свои великие дела на благо Родины, опять сошлись ровными рядами в последнем траурном строю на Новодевичьем кладбище.

Вечная им память!

Бываю здесь я после дня моего рождения, на следующее утро, 29 июля. В день, когда я отмечаю свои именины, приходят ко мне родственники и друзья. Кроме традиционных подарков, приносят цветы. Особенно много цветов в круглые даты — 70, 75, 80 лет.

После застолья на следующий день я укладываю цветы в машину, еду на Новодевичье кладбище и раскладываю эти цветы к памятникам близких мне людей: родственников и тех, кто в моей службе и жизни поддерживал меня добрым делом или словом. И остался навсегда в моем сердце и памяти.

Одной из таких судьбоносных для меня личностей стал Иван Данилович Черняховский. Почему? Сказано в Посвящении этой книги.

Я не видел его мертвым. Он навсегда стоит в моих глазах — красивый, стройный, подтянутый, с волнистой шевелюрой и доброжелательным взором. И тепло его руки я ощущаю. И слышу благословляющие на задание слова:

— Ну, удачи тебе! Возвращайся благополучно...

Я кладу цветы на черный мрамор его надгробия. Мысленно произношу то, что ответил тогда, в сорок четвертом:

«Спасибо Вам, товарищ командующий. Я сделаю все возможное... и невозможное».

А ответил так потому, что у нас в разведке закон: разведчик делает все возможное немедленно, а невозможное немного погодя. И я счастлив, что выполнил его задание, с простреленной головой, но все же доставил нужные ему немецкие чертежи.

P.S.

Поскребышев вошел в кабинет Верховного, как обычно, он нес какие-то бумаги на подпись.

— Товарищ Сталин, по вашему указанию подготовлено постановление о присвоении Черняховскому звания Маршала Советского Союза.

Сталин взял бумагу, положил ее на письменный стол перед собой. Долго смотрел на нее, не читая, и тихо сказал:

— Опоздали... Черняховский погиб 18 февраля. А мы хотели опубликовать это постановление 19 февраля. Вот здесь напечатана именно эта дата... Если бы он прожил хотя бы один день, постановление было бы опубликовано. И он стал бы маршалом. Заслуженно. Он настоящий, подлинный маршал.

Сталин помолчал. Поскребышев слушал, стоя перед ним, тоже молча.

— Опоздали, — повторил Сталин с явным сожалением. — Теперь это публиковать нельзя. Звание маршала еще никому посмертно не присваивали. Это уже стало традицией, товарищ Поскребышев. И мы традицию нарушать не имеем права. Положите этот документ в мой личный архив...

Но все же Верховный Главнокомандующий, под руководством которого Черняховский прошел всю войну и которому, как говорится, он знал цену, назвал его — настоящий, подлинный маршал!

БЕСЕДА С НЕОНИЛОЙ И ОЛЕГОМ ЧЕРНЯХОВСКИМИ

Мой рассказ об Иване Даниловиче посвящен его службе в армии и полководческой деятельности. Чтобы расширить восприятие его образа, хотелось мне добавить бытовые, семейные, домашние детали и эпизоды из его жизни. В этом могли помочь его дети, Неонила и Олег. Они живут в Москве. Анастасия Григорьевна умерла в 1992 году.

Неонила окончила исторический факультет МГУ, защитила диссертацию, получив степень кандидата экономических наук, всю жизнь работала в системе АН СССР. В ее семье все архитекторы: муж был заслуженным архитектором СССР, руководителем авторских коллективов по созданию туристических комплексов в Суздале (за что получил Государственную премию) и Дагомысе (г. Сочи), дочь Анастасия и внучка Неонила — архитекторы, успешно работают в своей области, внук Вадим оканчивает школу, тоже, видимо, станет архитектором.

Олег Иванович Черняховский, генерал-майор, закончил с отличием Военно-воздушную академию им. Жуковского, работал в НИИ по космосу, потом с отличаем закончил Академию Советской Армии и Академию Генерального штаба. Работал в Генеральном штабе. После выхода в отставку работал в администрации президента. Его сын Иван с золотой медалью окончил школу, затем с отличием Институт международных отношений. В настоящее время работает в иностранной фирме. Внук Олег учится в школе.

Сегодня они уже немолоды. Неониле Ивановне 74, Олегу Ивановичу 68. Встретиться с ними мне не удалось, то я, то они прихварывали.

И вдруг (мне повезло) в дни, когда я завершал работу над этой книгой, 18 февраля 2005 года в «Российской газете» была опубликована беседа Ариадны Рокоссовской с Неонилой и Олегом Черняховскими. В ней поставлены вопросы и получены ответы, даже шире и более умело, чем это сделал бы я. Предлагаю и читателям получить удовольствие от беседы Ариадны Рокоссовской с Неонилой и Олегом.

Неонила Черняховская: К 23 февраля ему должны были присвоить звание маршала. Его адъютант рассказывал, что они с отцом приезжали в Москву, и после этой поездки он заготовил маршальские погоны. Адъютант даже пришил эти погоны на отцовский китель. А ведь заранее этого делать нельзя — плохая примета. Но ведь они точно знали, что 23 февраля отцу дадут маршала. Всего несколько дней...

Олег Черняховский: А мне рассказывали, что для отца уже начали делать орден Победы.

— Каким вы запомнили отца? Какие самые яркие воспоминания?

Неонила Черняховская: У меня все воспоминания об отце яркие. Он редко бывал с нами, не мог уделять нам внимание. У него было мало времени. Поэтому каждый раз, когда в воскресенье отец нас куда-нибудь вел — в кино ли, в театр или брал с собой в полк, где они с мамой играли в волейбол, — это был настоящий праздник. Последний такой праздник случился уже перед войной в Риге. Это был мой день рождения. Папа приехал на праздничный обед, а потом взял меня с собой — мы жили в самом центре Риги — и повел по магазинам, пообещав купить то, что я захочу. Мне было тогда 12 лет. Честно говоря, я ничего не хотела, для меня было счастьем идти, держась за его руку. Папа был блестящим офицером, очень красивым, подтянутым. Все обращали на него внимание, и я страшно гордилась, что иду с ним.

Он купил мне конфет, какие-то коробки, но для меня не это было важно.

Папа был довольно строгим, но он очень нас любил. Этой любовью, заботой проникнуты его письма с фронта. Бывало, конечно, что он на нас сердился. Маленький Олег был очень самостоятельным мальчиком. Когда мы жили в Риге, ему было три года, но он постоянно куда-то уходил. Даже в тот день, когда объявили войну, я его еле нашла — он заигрался с мальчишками в соседнем подъезде. А иногда и я не слушалась маму. Тогда она говорила отцу: «Обрати внимание на своих детей». Я помню, в такие дни он шел в штаб, а я возвращалась домой из школы, и он строго говорил мне: «Я с тобой вечером поговорю». Ни разу такой разговор не состоялся, но этих слов было вполне достаточно. Я уже казнила себя, клялась мысленно, что буду слушаться маму, не буду больше шалить. Вечерами папа приходил поздно, спрашивал, как дела, как уроки. А если мы уже спали, то он заглядывал к нам в комнату пожелать спокойной ночи.

Олег Черняховский: Я помню единственный эпизод, когда отец меня наказал. Мне было три или четыре года, отец за что-то на меня рассердился и поставил в угол. И я — маленький мальчик — честно стоял там очень долго, мне в голову не приходило выйти из угла, если отец сказал там стоять. В конце концов пришла мама и сказала: «Ну, иди, папа тебя уже, наверное, простил». Мы всегда должны были хорошо учиться, чтобы не подвести папу. Учиться плохо было нельзя. И он все время напоминал нам об этом. Даже с фронта он писал Неониле: «Становись в ряды отличников. Это принцип твоего отца». Он считал, что каждый должен выполнять свой долг. Наш долг был — учиться. Но он и сам всегда учился, а его авторитет был настолько высок, что уже это нас воспитывало. Школу мы окончили с золотыми медалями.

Папа был очень красивым мужчиной и форму носил ладно, как старые российские офицеры. Она всегда была

отглажена, ни пылинки, ни пятнышка. Одно из самых ярких воспоминаний — в 1943 году, когда мы уже жили в Москве, он приезжал получать орден в Кремле. В тот день он, мама и я пошли в военторг, который был на Воздвиженке. Я шел с папой за руку, у него на груди была звезда Героя Советского Союза. На него оборачивались все — и мужчины и женщины.

— Каким он был человеком?

Неонила Черняховская: Отец был очень музыкальным. Шофер отца, прошедший с ним всю войну, говорил мне: «Вот, пишут о Черняховском — все о воинских талантах, а ведь, кроме всего прочего, была душа, был человек. Если бы вы слышали, как он пел с солистом Большого театра Михайловым. Артисты, которых было среди нас не меньше 20 человек, превратились в гостей и слушали».

Когда мы переезжали, с собой брали чемоданы и всегда гитару. Он играл на ней, пел. У папы был очень красивый баритон. Он любил украинские песни, а для мамы у него была «Скажите, девушки, подружке вашей». Он всегда говорил ей: «Ну, Тасенок, слушай — твоя песня».

Первое имущество, которое родители приобрели в совместной жизни, — мебель. Они купили ее в Риге перед войной. Там она и осталась. Когда мы уезжали в эвакуацию, с собой взяли только самые необходимые вещи, и даже эту гитару оставили в Риге. Я, правда, тайком прихватила с собой папины любимые пластинки.

Во время войны, когда он командовал фронтом, у него стояло пианино. Мы приезжали к нему в гости, и он играл нам все то, что раньше играл на гитаре. Он сам подбирал все эти и другие песни на пианино. Я была так поражена! Все время заставляла его играть мне «Амурские волны». А меня, когда я была на фронте, заставлял учиться играть на аккордеоне, который он подарил. Он вообще старался привить мне любовь к музыке. Когда отец еще до войны командовал полком в Гомеле, мы вопреки обыкновению задержались там на целых два года. И папа сразу определил меня в музыкаль-

ную школу. Я с подружкой даже выступала у него в полку на концертах. А иногда папа приезжал вместо обеда посмотреть, как я занимаюсь.

— Как познакомились ваши родители?

Олег Черняховский: Они познакомились в Киеве, когда папа был слушателем артиллерийского училища. Мама, Анастасия Григорьевна, родилась под Киевом. Она выучилась на бухгалтера, работала. Друзья привели отца на какой-то вечер, где была мама. В 1928 году они поженились, а спустя год родилась Неонила. В Киеве родился и я, но только в 1937 году. Бабушка поначалу была недовольна маминым выбором — военный, да еще и не офицер.

Неонила Черняховская: Отец очень маму ревновал. Она была девушка заводная, веселая, любила петь, танцевать. А папа при том, что был очень красив, и все женщины смотрели только на него, не мог отвести от нее глаз. Когда мама овдовела, ей было 37 лет, но замуж она больше так и не вышла. Замены отцу быть не могло.

— Как он любил проводить свободное время?

Неонила Черняховская: Когда папа был свободен, он катался с нами на велосипеде, играл, танцевал. Как он танцевал!

Они с мамой всегда что-нибудь придумывали, чтобы доставить нам радость. У них было мало времени, мы все время переезжали с места на место, не успевали где-нибудь осесть, как отца снова куда-нибудь переводили. Но если выдавалось свободное время, он всегда проводил его с семьей. Он любил театр, занимался спортом.

— А как для вас началась война?

Неонила Черняховская: 15 июня 1941 года мы собирались уехать из Риги к бабушке в Киев. Но папа нам не разрешил, велел подождать с отъездом. 17 июня он и его дивизия ушли к границе — на маневры. Жены и дети офицеров остались одни. К нам тогда переселилась жена его адъютанта, которая была беременна. 22 июня мы были дома. Мама читала нам вслух какой-то роман, поэтому мы

не слушали радио. И вдруг пришла дворничиха-латышка и довольно грубо сказала: «Наберите воды, ее не будет». Мы удивились, спросили, почему. Она ответила: «Вам лучше знать. Война началась». Тогда мы спохватились, побежали к зданию штаба. Был полдень. Рядом со штабом стояли грузовики, в них женщины и дети. Некоторые женщины были в ночных сорочках, на которые сверху были накинуты солдатские шинели. Никто не плакал, не кричал. Все были потрясены. И вдруг завыла первая воздушная тревога. Интересно, что в это время в Риге были гастроли Любови Орловой. Мы с подружкой побежали к гостинице «Рома», в которой она остановилась, посмотреть, что кинозвезда делает в первый день войны, но «тревоги» звучали одна за другой и пришлось вернуться домой.

После начала войны от отца не было никаких известий. Мы не знали, что нам делать, куда ехать. Нам помог случай: бывший командир дивизии прислал солдат за своей мебелью. К этому времени ни о какой мебели не могло быть и речи, зато они забрали с собой нас. Мы попали в единственный пассажирский вагон последнего эшелона. Он уходил из Риги 25 июня, а 27 числа в городе уже были немцы. Ни мы, ни отец долгое время ничего друг о друге не знали. Только 17 июля мы получили от него письмо, в котором он писал: «Наконец мои беспокойства разрядились. Я передумал все, зная обстановку, в которой вы находились в последние дни. Знаю, что вам с переездом досталось немало. Но очень хорошо, что наконец вы хоть как-нибудь устроились». А в августе приехал его адъютант, привез все необходимые документы. Мы уже были в эвакуации в городе Семенов. Там нам, конечно, были не очень рады. Два огромных эшелона людей, которых нужно где-то разместить. Поначалу мы спали вповалку на полу, потом нашли угол. Зато когда отец стал известным военачальником, эти люди стали писать нам письма, полные любви, с приглашениями в гости. Жизнь в эвакуации была трудной. Мы на санях возили по деревням свои вещи, обменивали их на картошку, капусту. Когда в город стали завозить ране-

ных, мама пошла работать в госпиталь. А в декабре 42-го мы переехали в Москву.

— А когда вы в первый раз после такой долгой разлуки увиделись с отцом?

Олег Черняховский: Мама увиделась с ним уже летом 1942 года под Воронежем. Папа тогда командовал армией. Мама начала к нему ездить и практически постоянно была с ним. А мы увидели его, когда он приехал в Москву. Помню, что у нас все утро билась посуда. Мамина сестра сказала, что будут гости. И вот приехал папа. Я был маленьким, спал днем. Когда он вошел, бросился на отца прямо с постели. Это была невероятная радость... Потом его вызвал Сталин. Ночью папа поехал к Верховному Главнокомандующему на дачу. А мы не спали, ждали его возвращения. От Сталина отец вернулся окрыленный. Папа даже рассказывал, что Сталин подошел к нему и застегнул ему пуговицу на кителе. Чтобы у папы была расстегнута на кителе пуговица? Такого быть не могло! Но такой знак внимания Верховного Главнокомандующего отца обрадовал. В Москве папа пробыл всего несколько дней и вскоре уехал на фронт.

Неонила Черняховская: Да, он был дома очень недолго. Получил орден Суворова. Этих орденов тогда еще никто не видел. Мы ходили с папой в Художественный театр, все оборачивались, улыбались, смотрели на ордена, на отца. А потом мы заказали билеты в Малый театр, но папа не успел туда сходить, — ему нужно было срочно уезжать. Поэтому я пошла на спектакль с подружкой. В антракте нас вызвали к директору, строго спросили, почему мы сидим на этих местах. Мне пришлось объяснять, что я дочь Черняховского, что папа приехать не смог.

После этого мы летали к папе на фронт. Последний раз виделись с ним зимой — вместе встречали новый, 1945 год. Я помню, как мы ехали на машине. В Смоленске к нам присоединились сопровождающие бэтээры — охраняли нас. Тот Новый год остался в памяти, как в тумане. Это было в Восточной Пруссии. Зима была слякотная, настроение не

новогоднее. Мы сидели дома, почти не гуляли. Да и отец был не таким веселым, как в наш первый приезд. Тогда он был в приподнятом настроении после удачной Белорусской операции, освобождения Литвы. Он много уделял нам внимания, даже возил на концерт, ведь на 3-м Белорусском был замечательный ансамбль песни и пляски. Он славился на всех фронтах.

А в последний приезд мы скромно отпраздновали наступление Нового года, все выпили по бокалу шампанского, даже папа, хотя вообще он не пил, даже вина себе не позволял. Он был больше занят, сосредоточен. Сразу было видно, что он очень напряжен. Мы приехали на две недели, и вот наши школьные каникулы закончились, пришлось возвращаться домой. Мама осталась с отцом. Она домой приезжала на неделю раз в два месяца, а мы жили с Марией Парамоновной — женщиной, которая помогала по хозяйству и фактически стала членом нашей семьи.

Спустя полтора месяца отец был смертельно ранен. Он поехал на передовую, дорога обстреливалась. Осколок снаряда пробил машину, сиденье и вошел ему прямо в сердце. Он умер на пути в госпиталь. Мама была тогда с отцом. Когда мы увидели ее на похоронах, то не сразу узнали — за одну ночь она поседела.

— Как вы узнали о гибели отца?

Олег Черняховский: У нас дома стояла огромная хрустальная ваза на толстой ножке. И вдруг она треснула, развалилась на две части, как будто ее разрезали. Мария Парамоновна сказала: «Будет большое несчастье».

Неонила Черняховская: В шесть утра Мария Парамоновна вошла ко мне в комнату и выключила радио. Я сразу проснулась, увидела, что она плачет, поняла, что что-то случилось. Я стала допытываться, но она только успокаивала меня. Моей первой мыслью было, что несчастье произошло с мамой. Мы как раз ждали ее, она должна была приехать с фронта. Я испугалась: она же должна была лететь на самолете. Когда мы летали к отцу, нас до

определенного места провожали истребители, потому что мы могли попасть под обстрел. И сначала я подумала, что что-то случилось с самолетом, в котором летела мама. Я стала допытываться, но Мария Парамоновна сказала: «Нет-нет, все в порядке, спи». Что что-то произошло с папой, даже не приходило мне в голову. Он бывал в таких переделках — пулей пробивало плащи, шинель, фуражку, но ни разу не был даже ранен.

Позже я вышла из комнаты и увидела, что у нас сидит представитель Главного политического управления. Он сказал: «Собирайтесь. В такое-то время вас будет ждать самолет. Вы полетите в Вильнюс». Как? Почему? Потом стало ясно, что отец погиб, что Сталин приказал похоронить его в Литве. По прилете мы остановились в номере у Суслова, который был тогда председателем бюро ЦК по Литовской ССР. Ночью я не могла заснуть. Суслов приходил, успокаивал меня. На следующий день мы поехали на вокзал, куда прибыл поезд с гробом. Я помню, что на прощании был чуть ли не весь Вильнюс. Солдаты в почетном карауле плакали.

Олег Черняховский: Когда войска отца брали Вильнюс, он приказал не использовать тяжелое вооружение, никаких авиабомб и прочего. Вильнюс был почти не разрушен — войска взяли его с минимальными потерями для города, чтобы сберечь столицу Литвы. Видимо, поэтому Сталин решил, что отец должен остаться с братским литовским народом.

Неонила Черняховская: Но место для захоронения было неподходящее. Самый центр города — рестораны, универмаги, место гуляния молодежи. С самого начала было понятно, что могила — это не памятник, она должна быть хотя бы на воинском кладбище. Мама в конце 40-х обратилась в литовское правительство с просьбой, чтобы папин прах разрешили перевезти в Москву. Они отказали наотрез. Сделали огромный склеп, массивный памятник. Такой, чтобы даже и речи о том, чтобы его разрушить, не было. Мама хотела

писать Сталину, но все было бесполезно. Только в 1991 году появилась возможность забрать прах отца в Россию. Его перезахоронили на Новодевичьем кладбище. Памятник делали второпях, теперь он начал разрушаться, покосился. Захоронение взято под охрану Комитетом по охране памятников. Мы писали туда, что могила разрушается, но сначала нам даже не ответили. Потом я написала в Министерство обороны. Ответили, что мое письмо переслали в Правительство Москвы. Правительство Москвы ответило, что они послали это письмо все в тот же Комитет по охране памятников. И наконец-то я получила ответ из этого комитета. В нем говорится, что в начале второго квартала 2005 года они начнут принимать меры. Представьте: погибший в бою полководец Великой Отечественной, командующий фронтом, и в День Победы люди придут к покосившемуся памятнику.

Письма родным с фронта

17 июля 1941 г.

Здравствуй, Тасенок, милая Нилуся и Алюся!

Наконец мои беспокойства разрядились, я передумал все, зная обстановку, в которой вы находились в последние дни в Риге. Знаю, что вам с переездом досталось немало, но очень хорошо, что наконец вы хоть как-нибудь устроились. Мне рассказал шофер Требушного, что Алюся все такой же герой, а Нилуся немного скучная. Нилусенька, веселись, живи надеждой на скорую встречу, ведь фашистские собаки затеяли войну не с горсточкой какого-нибудь войска, а с могучей Красной Армией, с великим советским двухсотмиллионным народом, и нет сомнения, что на нашей родной земле они найдут себе могилу. Тасенок! Не распускай свои нервы, живи полной надеждой на благополучный исход, воспитывай у детей ненависть, презрение к фашизму, пусть растут смелыми и цветут, как вся наша

страна. О себе писать не буду. Комаров расскажет все, скажу только, что дрались честно, крепко, как подобает советским танкистам. В дивизии есть герои: одного из них ты знаешь, это Николай Литвиненко, 25 июля в Литве он героически погиб. Знаешь, Тасенок, в боях он был герой, вне боя жизнерадостный, весельчак, бойцы и командиры поклялись отомстить за этого славного патриота, за любимого моего командира.

Мой экипаж на подбор. Водитель танка Петя — бесстрашный виртуоз, неутомимый механик, который выдерживает напряжение за рычагами по 3 суток, не смыкая глаз ни на минуту. Второй член экипажа — радист, молодой лейтенант Краснов, вечно дремлющий и пробуждается в бою, причем становится не похожим на медлительного человека с наушниками, а на поворотливого, смелого и довольно азартного с горящими глазами стрелкача. Второй экипаж, который провел со мной все боевые дни и бои и нигде дальше 10 метров не отставал от моего танка, — такой же.

Вообще наши танкисты — замечательные люди. В настоящее время приводим себя в порядок, но многие томятся и рвутся в бой. Когда выпадет нам это счастье, не знаю точно.

27 августа 1941 г.

Только что закончился бой, получил сразу 2 письма. Зажег свечку и решил ответить. Перерыв — начался ночной бой, иду к телефону.

Тасик! Если бы ты увидела меня сейчас, не узнала бы. Похудел на 17 кг, ни один пояс не подходит, все велики, даже браслет от часов слезает с рук, стал велик. Мечтаю побриться и за 14 дней помыться, борода — 60-летнего деда, даже уже свыкся с нею. Но это не мешает мне командовать с такой же страстью, как всегда.

Тасик! Больше писать не буду, часто отрывают меня, да и обстановка не располагает, все кругом сыплется от снарядов и пуль.

...«Семья» моя состоит из сплошных Героев. Много Героев Советского Союза, сотни уже награжденных орденами — какой замечательный народ наши танкисты, как я сроднился с ними, сколько любви и отцовской заботы отдаю каждому. И они заслуживают — дерутся храбро, бесстрашно, и в уме ни у кого нет идти назад. Много десятков лет будут помнить проклятые фашисты последние уроки, которые они получили от моих славных орлов. На всю жизнь (если останусь жив) останутся в моей памяти славные страницы боев августа 1941 года...

9 сентября 1941 г.

Здравствуйте, дорогие! Вот сегодня поднялся, могу сам ходить. Заболел воспалением легких. Лечился в блиндажах, а затем перешел в домик... А самое неприятное — это то, что дивизия дерется, а я не могу сейчас руководить по-настоящему моими славными боевыми орлами. Проклятые фашисты всю жизнь будут помнить, на что способны советские танкисты. И вот сейчас переживаю, что не могу еще встать, чтобы до конца отдать все силы в боях, быть вместе с теми, кого так полюбил всем сердцем.

11 октября 1941 г. Землянка.

Тасенок! Ты знаешь, как боевые будни роднят людей.

Я уже как-то тебе писал о своих героях-танкистах, но этого мало, о них нужно написать целую книгу, как о патриотах, как о людях с железной волей и стальными характерами. Ты знаешь, я с ними во всех боях, маленьких и больших. Вижу собственными глазами их героизм. Вот на днях у нас было наступление, и когда я подполз, то на одном из флангов видел санинструктора Надю Головину, молодую девушку, настоящую патриотку. Под градом пуль она ползала и перевязывала раненых, а когда началась атака, она первая вскочила и с гранатой в руках, с криком «Ура» повела в атаку своих бойцов. Я ее представил к ордену Красного Знамени. Это частный эпизод, но сколько у советских людей мужества и геройства.

Все это захватывает, заставляет быть с ними впереди, с людьми, которые решают судьбу нашей славной Родины...

9 декабря 1942 г.

Дорогие мои ребятки, Нилуся, Алик и мамуся!

Получил сегодня вашу фотографию, как это все приятно. Целый день хвастаюсь своим танкистам сыном и умницей Нилусей. Хорошо вышли, только Алик очень уж серьезный, ему еще рано так выглядеть. Больше нужно играть, а он уже серьезничает. Как хочется видеть вас наяву, хоть раз взглянуть и еще крепче воевать. Нилуся, какая ты уже большая, прямо не верится, что у меня такая дочь. Ты опять москвичка, учишься в московской школе. Опиши, детка, не отстала ли ты, если отстала, работай, дорогая, напряженно и становись в ряды отличниц. Это принцип твоего папы, который ты должна с честью продолжать.

Я живу по-старому, все та же обстановка — фронтовая. Чувствую себя хорошо, малярия перестала трепать, но другая беда — начал толстеть, хотя ем, как кролик. Видимо, сердце плоховато работает.

Целую вас крепко. Ваш папа.

14 марта 1944 г.

Нилуся, милая моя девочка!

Получил письмо твое — спасибо. Не верится, что ты уже такая взрослая, даже с комсомольским билетом. Поздравляю тебя и крепко обнимаю и целую. Смотри, лучший подарок комсомолу — это отличная учеба в школе. Я, как видишь, сдерживаю свое слово, выполняю свои обязательства — бьем немцев, как следует. Забрались уже довольно далеко, посмотри на карту и промерь, сколько километров от Москвы, — многовато. Живу обычной напряженной фронтовой жизнью. Работаю, как всегда, много. Результаты работы тебе известны. Нилуся, дорогая моя лентяйка, — почему ты так мало мне пишешь? Увеличить нужно количество писем хотя бы в два раза. Скоро наш Олег будет именинник — 7 лет. Замечатель-

но. Целуй его за меня крепко и, как ты пишешь, — прекрепко, много и премного раз. Летом, думаю, ты, Алик и мама ко мне обязательно приедете. Как хочется вас видеть!

Из газет «Комсомольская правда», 1986, 5 июля и «Российские вести», 2002, 20 февраля.

Хроника жизни и боевого пути

1906, 29 июня — Родился в селе Оксанине Уманского уезда Киевской губернии.

1913 — Принят в Вапнярскую железнодорожную школу.

1919 — Работал пастухом в селе Вербове.

1920—1922 — Рабочий депо станции Вапнярка.

1922 — Вступает в комсомол и вскоре становится комсомольским вожаком села Вербова.

1924 — Переезд в г. Новороссийск. Работает бондарем новороссийского цементного завода «Пролетарий», избирается членом бюро заводского комитета комсомола.

1924—1925 — Курсант Одесского пехотного училища, секретарь комсомольской ячейки.

1925 — Курсант Киевской артиллерийской школы, член комсомольского бюро школы.

1927 — Женитьба на Анастасии Григорьевне.

1928 — Принят в члены ВКП(б).

1928 — Окончил Киевскую артиллерийскую школу по первому разряду.

1928—1929 — Командир взвода 17-го корпусного артиллерийского полка Украинского военного округа, член партийного бюро полка.

1929 — Родилась дочь Неонила.

1930 — Успешно окончил вечернюю среднюю школу.

1930—1931 — Командир батареи 17-го корпусного артиллерийского полка.

1931—1932 — Слушатель Военно-технической академии в Ленинграде.

1932 — Слушатель Военной академии механизации и моторизации Красной Армии.

1936 — Старший лейтенант Черняховский окончил Военную академию с дипломом первой степени.

1937 — Капитан Черняховский выдвинут на должность командира 1-го танкового батальона 8-й механизированной бригады.

1937 — Родился сын Олег.

1938 — Майор Черняховский назначен командиром 9-го отдельного легкого танкового полка Белорусского Особого военного округа.

1939 — Танковый полк И.Д. Черняховского на инспекторской проверке занял первое место в округе. Командиру полка досрочно присвоено воинское звание подполковника.

1940 — Подполковник Черняховский — командир танковой бригады Белорусского Особого военного округа.

1940 — Заместитель командира 28-й танковой дивизии. Прибалтийского Особого военного округа.

1941 — Во внеочередном порядке комдиву Черняховскому присвоено воинское звание полковника.

1941 — Полковник Черняховский — командир 28-й танковой дивизии Прибалтийского Особого военного округа. Командир 241-й стрелковой дивизии.

1941, июнь — В первых боях 28-я танковая дивизия нанесла чувствительные удары по танковой дивизии гитлеровцев, уничтожив четырнадцать танков, до двух рот пехоты, до роты мотоциклистов и десять орудий.

1941, июль—август — 28-я танковая дивизия ведет оборонительные бои у Новгорода.

1942, 16 января — И.Д. Черняховский награжден первым орденом Красного Знамени.

3 мая — Награжден вторым орденом Красного Знамени.

5 мая — Присвоено воинское звание генерал-майор.

Июль — Назначен командиром 18-го танкового корпуса.

25 июля — Принимает командование 60-й армией.

1943, 25 января — Войска Черняховского освободили Воронеж.

4 февраля — Награжден третьим орденом Красного Знамени.

8 февраля — Войска 60-й армии под командованием Черняховского освободили Курск. Награжден орденом Суворова I степени.

14 февраля — Присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

11 сентября — За умелое руководство войсками в операциях по освобождению городов Глухова, Конотопа, Бахмача и Нежина награжден вторым орденом Суворова I степени.

17 сентября — За высокие организаторские способности при форсировании Днепра и личный героизм присвоено звание Героя Советского Союза.

1944, 10 января — За операции по освобождению Украины награжден орденом Богдана Хмельницкого I степени.

5 марта — Присвоено воинское звание генерал-полковник.

14 апреля — Вступает в командование войсками 3-го Белорусского фронта.

29 мая — Награжден орденом Кутузова I степени.

26 июня — Войска Черняховского освободили Витебск, а на следующий день — Оршу.

28 июня — Присвоено воинское звание генерала армии.

3 июля — Войска Черняховского во взаимодействии с соединениями Рокоссовского освободили столицу Белоруссии — город Минск.

13 июля — Войска Черняховского освободили столицу Литвы — город Вильнюс.

29 июля — Награжден второй медалью «Золотая Звезда».

3 ноября — Награжден четвертым орденом Красного Знамени.

1945, 13 января — Войска 3-го Белорусского фронта развернули наступление в направлении Кёнигсберга.

18 февраля — Войска Черняховского окружили город и крепость Кёнигсберг. В бою на окраине Мельзака генерал армии Черняховский был тяжело ранен и в тот же день скончался.

1945, 20 февраля — Черняховский похоронен в городе Вильнюсе.

1991 — Перезахоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ 3
БИОГРАФИЯ 7
МОЛНИЕНОСНЫЙ УДАР 16
ЕЩЕ ОДИН «МОЛНИЕНОСНЫЙ» УДАР 41
БОИ ЗА НОВГОРОД 64
ПЕРИОД БИТВЫ ЗА МОСКВУ 75
НАКОНЕЦ-ТО НАСТУПЛЕНИЕ 113
ВОРОНЕЖСКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ И РАДОСТИ 122
КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ 132
НА ХАРЬКОВ И КУРСК 159
ОГНЕННАЯ ДУГА 169
К ДНЕПРУ 181
ЗА ДНЕПРОМ 219
КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ 248
ОДИН ДЕНЬ КОМАНДУЮЩЕГО 269
ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ 283
«БАГРАТИОН» 306
ОПЕРАЦИИ В ПРИБАЛТИКЕ 321
ГЛАВА СКОРБИ(написана с использованием публикаций в газетах) 356
БЕСЕДА С НЕОНИЛОЙ И ОЛЕГОМ ЧЕРНЯХОВСКИМИ 365

Научно-популярное издание

Путь русского офицера

Карпов Владимир Васильевич

ГЕНЕРАЛ АРМИИ ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *С.В. Цыганова*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 13.12.2013. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «PT Petersburg Cyrillic». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 12. Тираж 3000 экз. Заказ № 2031.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Мы храним тебя, Россия!

Газета выходит
с 1 января 1924 года

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Центральный орган Министерства обороны Российской Федерации

90 лет в строю

Обществу – об армии, армии – об обществе

WWW.REDSTAR.RU

123007, город Москва, Хорошевское шоссе, д. 38
телефон: +7 (495) 941-21-58 факс: +7 (495) 941-40-57
e-mail:mail@redstar.ru www.redstar.ru красная звезда.рф

Путь русского офицера

Книга известного военного писателя Героя Советского Союза Владимира Карпова рассказывает об одном из самых ярких и талантливых полководцев Великой Отечественной войны генерале армии И.Д. Черняховском. Герой Курской битвы и участник других крупных операций был заслуженно любим и уважаем солдатами и офицерами. Выдающаяся роль генерала в разгроме немецких войск увековечена в названии одной из московских улиц.

реклама
365
12+
www.365days.ru
Не только читайте, но и смотрите!
РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»
ВСЕ О РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ
Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

ISBN 978-5-4444-1727-0
9 785444 417270
Вече